Кадыржан Абуев

Абылай хан

СОВРЕМЕННИКИ И НАСЛЕДНИКИ

Кадыржан Абуев

АБЫЛАЙ ХАН
Современники и наследники

Кокшетау - 2013

УДК 94 (574)
ББК 63.3 (5Каз)
А 13

РЕЦЕНЗЕНТЫ:
Ю.А. Сорокин - доктор исторических наук, профессор.
Х.М. Абжанов - доктор исторических наук, профессор.

А 13 Абуев К.К. Абылай Хан. Современники и наследники: монография К.К.Абуев – Кокшетау: Әрекет, 2013 – 308 с.

ISBN 978-601-7462-03-01

В монографии исследуется деятельность хана Абылая - одного из крупнейших государственных деятелей Казахстана и всей Центральной Азии. Наполненный драматическими событиями XVIII век вошел в историю Казахстана как эпоха Абылая. Автор излагает свое собственное научное видение процессов той эпохи.

Монография состоит из двух частей. Основной темой первой части является роль хана Абылая и его соратников в единении казахского народа, в организации борьбы против иноземных захватчиков, в становлении казахско-российских взаимоотношений, в определении принципов казахско-китайских отношений. Во второй части освещается жизнь и деятельность наследников Абылай хана.

Книга адресуется преподавателям, магистрантам, студентам и всем, кто интересуется историей Казахстана.

Печатается по решению ученого совета Кокшетауского государственного университета имени Ш.Ш. Валиханова.

548641

УДК 94 (574)
ББК 63.3 (5Каз)

ISBN 978-601-7462-03-01

© Абуев К., 2013
© РИК "Әрекет", 2013

Северо-Казахстанская
областная библиотека
им. С. МУКАНОВА
г. Петропавловск

ВВЕДЕНИЕ

Последнее десятилетие XX века, насыщенное крупнейшими событиями и глобальными изменениями, явилось поворотным пунктом в судьбе многих народов и стран. Именно в это десятилетие прошлого века произошел распад Советской империи и образование на её территории самостоятельных независимых государств. В республиках бывшего «Союза нерушимых» идет активный процесс национально-государственного возрождения, осуществляется напряженный поиск рациональных путей становления нового общества.

В Казахстане становление государственной независимости вынесло на повестку дня многие актуальные вопросы истории казахского народа: формирование его этнической территории, этапов становления и возрождения государственности казахов на своей исконной земле. В этих условиях на новый уровень поднялось историческое самосознание народа, повысилась общественная потребность в переосмыслении и правдивом освещении истории Отечества, свершений героев, борьбы за его независимость.

К сожалению, состояние исторической науки Казахстана к моменту обретения им независимости не удовлетворяло этим высоким требованиям. Кризис исторического мышления, поразивший все постсоветское пространство, особенно жестоко обошелся с нашим обществом. Дело в том, что советская историческая наука унаследовала многие стереотипы официальной российской историографии. А в самодержавной России имперская идеология движения на Восток исходила из типичного европоцентристского представления о Центральной Азии, как родине диких кочевников[1]. Во второй половине XIX в. имперская политика самодержавия стала подвергаться критике со стороны демократически настроенной интеллигенции. На практике это привело к тому, что в дореволюционной русской историографии во взгляде на историю Казахстана сложились два направления: официальное и демократическое. Представители официального направления казахстанской историографии (Г.Ф. Миллер, П.С. Паллас, П.И. Рычков, А.И. Левшин и др.) народы Сибири и Центральной Азии отнесли к разряду «неисторических», обреченных вечно пребывать в состоянии стагнации. По их суждению, аборигены указанных регионов вышли из состояния оцепенения и стали объектом истории лишь со времени «русского продвижения и присоединения»[2]. Один из авторитетных востоковедов А.И. Левшин, описывая жизнь и быт казахов, отмечал, что они в своих действиях были подобны хищным животным, понимали только язык насилия[3].

Второе направление дореволюционной историографии - демократическое - было представлено трудами Ч.Ч. Валиханова, В.В. Радлова, В.В. Вельяминова-Зернова, В.В. Бартольда, Г.Н. Потанина и других. Отвергая утвердившиеся в официальной историографии взгляды относительно нравов казахов, Чокан Валиханов в сердцах писал: «Народ наш не так дик и груб, как думает о нем русское общество»[4]. Академик В.В. Радлов, высоко оценивая исследования А.И. Левшина, в то же время подвергал острой критике его рассуждения о нравах казахов[5].

Но, несмотря на критику, европоцентристский взгляд на историю и культуру аборигенных народов Сибири и Центральной Азии прочно утвердился в русской историографии. И в советский период, не без влияния традиционного взгляда, продолжало иметь место принижение уровня социально-экономического развития аборигенных народов указанных регионов и пренебрежительное отношение к их истории и культуре. Это нашло отражение, в частности, в пятитомной «Истории Сибири», особенно в томе «Сибирь в составе феодальной России»[6], редактором которого являлся В.И. Шунков.

В томе получили свое воплощение высказывания его редактора, которые он выдвигал во многих исследованиях. Подробный анализ взглядов В.И. Шункова на историю народов Сибири дан в статье современного российского историка А.Р. Кызласова[7]. В связи с этим считаем, что нет необходимости вновь рассматривать эти вопросы в данной работе.

В советский период немногие авторы решались писать подлинную историю народов Сибири и Центральной Азии. Среди этих немногих был выдающийся учёный Л.Н. Гумилёв. Говоря о культуре кочевников, он писал: «Эта особенная степная культура имела древние традиции и глубокие корни, но известна нам в значительно меньшей степени, чем культура оседлых стран»[8].

Однако, в свете унаследованной европоцентристской концепции в советской историографии, пройденный евразийскими кочевниками многовековой путь продолжал интерпретироваться как некая примитивная предыстория. А известный принцип так называемого классового подхода привел к отрицанию роли личности, обезличиванию истории.

Между тем еще в XIX в. видный русский философ С.Н. Трубецкой высказывался в том смысле, что все совершается в истории «личностью и через личность: только в ней воплощается идея»[9]. Следовательно, история - не просто борьба классов и смена формаций, это еще и арена, где разворачивались действия людей, исторических личностей. Вопрос, видимо, только в том, какое воздействие на общественные процессы оказала та или иная личность. В этой связи нелишне напомнить

высказывание Г.В. Гегеля о том, что «исторические люди... являются великими людьми именно потому, что они хотели и осуществили великое, и притом не воображаемое и мнимое, а справедливое и необходимое»[10]. К числу таких исторических личностей относится Абылай хан.

Хан Абылай, как указано в одном архивном документе, «магометанское имя Абиль-Мансур» (1711-1781) - целая эпоха в истории Казахстана. С его именем связана идея общенационального единства, государственной независимости и территориальной целостности Казахстана. Именно в борьбе за осуществление этой идеи раскрылись разносторонние природные дарования Абылая: государственный ум, личная отвага, талант полководца и политического деятеля, качества искусного дипломата. Только благодаря этим незаурядным своим способностям Абылай - безвестный пастух, по прозвищу Сабалак, возвысился до значения хана, пользовался поддержкой широких слоев общества и выдающихся деятелей своей эпохи.

Сегодня, на новом витке истории, Казахстан переживает схожие по сложности с эпохой Абылая процессы становления государственности, модернизации экономической жизни общества, завоевания международного признания. В связи с переходным характером современного периода возрастает общественный интерес к прошлому. Общественность остро реагирует на происходящие в стране перемены, стремится понять суть, истоки, направленность и основные тенденции социального развития. Поэтому обращение к отечественной истории, осмысление сложных переломных этапов борьбы за независимость и суверенитет приобретает особый смысл и значение.

У казахского народа, выдержавшего испытание временем, а ныне возрождающего свою государственность, богатый и сложный опыт общения и взаимодействия с соседними странами и народами. Расположенный в центре Евразийского материка, граничащий на севере с Россией, на востоке с Китаем и на юге с государствами Центральной Азии Казахстан, волею судьбы заняв такое уникальное геополитическое положение, просто обречен осуществлять многополюсную внешнеполитическую ориентацию. И в этом смысле изучение и обобщение богатой и сложной истории эпохи Абылая имеет большое познавательное и прагматическое значение. Именно хан Абылай заложил основы дружественных отношений с Россией, установил базовые принципы дипломатических отношений с Китаем и государствами Центральной Азии.

Вместе с тем следует отметить, что главные цели и характер политической деятельности Абылая не всегда совпадали, а подчас шли вразрез задачам Российской империи в Казахстане. Нередко в трудах русских и советских историков на протяжении двух веков во многом

оценка исторической роли Абылая страдала тенденциозностью, необъективностью, поверхностным подходом. В официальной дореволюционной и особенно в советской исторической литературе существовал своеобразный стереотип в оценке его личности, типа «жестокий», «двуличный», «коварный», «корыстолюбец», «разжигал межродовые распри» и т.д.

В настоящее время историками Казахстана пересматриваются сложившиеся представления об историческом прошлом своего народа. На основе достижений современной исторической науки вырабатываются новые подходы к исследованию сложных проблем и не до конца изученных вопросов. В связи с возрождением государственности и независимости Казахстана, ликвидация «белых пятен» истории стала приоритетной задачей ученых, ибо восстановление исторической памяти народа, осмысление своей судьбы является важным элементом обретения реальной независимости государства, воспитания казахстанского патриотизма.

Однако актуальность темы исследования не исчерпывается только научно-познавательными задачами, а определяется и политическими мотивами в контексте событий современности, когда реализуется провозглашённая в Конституции Республики Казахстан задача строительства демократического правового государства с социально ориентированной рыночной экономикой[11]. В этих условиях исторический опыт возрождения государственности в эпоху хана Абылая, безусловно, будет востребованным, а выводы автора полезными. Основные положения работы окажутся полезными и в плане адекватного понимания тех социально значимых и нравственных качеств, которыми должен обладать руководитель государства, чтобы обеспечить успех своей деятельности. Всё изложенное, вместе взятое, и есть показатель актуальности и научной значимости темы исследования.

Литературу, отражающую жизнь и деятельность хана Абылая, с известной долей условности можно объединить в четыре типологические группы, различающиеся между собой как по методу и уровню организации и подачи конкретно-исторического материала, так и по хронологической последовательности. В первую группу входят образцы казахского устного народного творчества, вторую группу составляют труды дореволюционных авторов, третью - образуют научные исследования историков советского периода и в четвёртую группу входят материалы современных авторов.

Жизнь и деятельность хана Абылая нашли своё отражение в устном народном творчестве. Здесь считаем вполне уместным следующие слова французского историка XX века Люсьена Февра: «История, несомненно, создается на основе письменных документов. Когда они есть. Но она

может и должна создаваться и без письменных документов, когда их не существует. Причем при отсутствии привычных цветов историк может собирать свой мед со всего того, что ему позволит его сообразительность. Это могут быть слова и знаки, пейзажи и полотна, конфигурация полей и сорных трав, затмения Луны и формы хомутов, геологическая экспертиза камней и химический анализ металла, из которого сделаны шпаги, - одним словом, все то, что принадлежало человеку, зависит от него, служит ему, выражает его, означает его присутствие, деятельность, вкусы и способы человеческого бытия». (Февр Л. Бой за историю. Москва, 1991. С.22) Анализируя казахский фольклор, Чокан Валиханов отмечал, что «нет ни одного достопамятного события, ни одного замечательного человека со времени самобытной жизни этого народа, воспоминание о котором не осталось бы в народной памяти»[12]. Об Абылай хане народ создал поистине колоссальный пласт устной поэзии, часть из которой уже издана в двух томах[13], куда вошли эпические произведения, поэтические размышления - толгау, легенды и поговорки.

Исторические свершения и героические подвиги хана Абылая вдохновенно воспевали в своей поэзии его современники-акыны[14]: Бухар жырау Калкаманулы, Умбеттей Тилеуулы, Татикара, Шал акын и другие. Из их песен, сказаний и поэм видно, что светлые надежды о свободе и независимости, о мире и благоденствии народ связывал с именем Абылай хана. В устной народной поэзии он предстаёт как справедливый и мудрый правитель, мужественный воин и полководец. Именно эти качества воспеваются в следующем поэтическом произведении Бухара жырау:

Хан Абылай атандың
Дүниеден шықпай мініңіз
Алтын тақтың үстінде
Үш жүздің басын құрадың
Жетімменен жесірге
Ешбір жаман қылмадың
Әділдікпенен жүрдіңіз
Әдепті іске кірдіңіз[15].

В смысловом переводе это означает, что его нарекли ханом Абылаем за личную доблесть и государственную мудрость, за то, что, воссев на золотой трон, он объединил казахов трёх орд в одно государство и не обижал сирых и обездоленных, был справедливым и во всём следовал законам Степи.

Вторая группа литературы об Абылай хане представлена трудами как казахских, так и русских дореволюционных исследователей. Первым научным исследованием, посвящённым хану Абылаю, была статья выдающегося казахского учёного просветителя Чокана Валиханова «Абылай»[16], написанная в начале 60-х годов XIX в. Статья была

предназначена для энциклопедии, поэтому она небольшая по объёму, но, тем не менее, в ней автору удалось на основе русских источников осветить все важнейшие этапы жизни и деятельности хана Абылая. Ч. Валиханов также даёт характеристику эпохи, анализирует внутриполитическое положение Казахстана в начале XVIII в. Массу интереснейших сведений об Абылай хане содержат и другие материалы, в частности, исторические сведения о батырах XVIII в.[17], собранные Ч.Валихановым в 50-е годы. Большую ценность представляют и таблицы, составленные им о генеалогии казахских ханов и султанов[18].

Интересна книга Курбангали Халида «Тауарих хамса»[19], изданная в 1910 г. в Казани. В книге использованы арабские, персидские, турецкие и китайские источники, есть разделы, посвященные казахско-джунгарским отношениям и политической деятельности хана Абылая.

Живой интерес к истории Абылая проявили представители казахской интеллигенции конца XIX вв. О выдающейся роли хана Абылая в объединении казахского народа писали А. Букейханов, М. Дулатов, М. Жумабаев и Ш. Кудайбердиев.

В русской дореволюционной историографии первые научные труды о Казахстане, содержащие сведения и об Абылае, появились в 60-е годы XVIII в. В связи с освоением Сибири и Казахстана, превращением России в империю появилась потребность в накоплении знаний об экономике, жизни и быте народов этих регионов, поэтому правительством снаряжаются многочисленные экспедиции, занимающиеся исследованием различных районов Казахстана.

В ходе этих экспедиций собирались не только данные об экономике и природе, но также исторические и этнографические сведения, проводились археологические раскопки. Для участия в этих экспедициях приглашались русские и иностранные ученые. Среди первых исследователей Казахстана были П.И. Рычков, Н.П. Рычков, П.С. Паллас, И.Г. Андреев, И. Георги, И. Фальк, Г.И. Спаский, Т. Бурнашев, С.Б. Броневский, А.И. Левшин и другие[20]. Эти авторы, будучи хорошо знакомыми с особенностями общественного развития казахов, составили описание хозяйства, уклада жизни, быта и культуры населения края. Их труды - свидетельства очевидцев, написанные по горячим следам тех событий, которые разворачивались в XVIII вв., имеют непреходящее значение. По существу, они, в сочетании с архивными источниками и казахским фольклором, составляют основу для воссоздания исторической картины той эпохи. С этих позиций особую ценность представляют исследования П.И. Рычкова, И.Г. Андреева, А.И. Левшина.

П.И. Рычков, будучи крупным чиновником Оренбургской губернии, по роду своей деятельности изучал природу, жизнь, быт и культуру казахского народа, которые нашли отражение в более полусотне работ. В

своих трудах[21] он даёт описание родоплеменной организации казахского общества и мест расселения казахских жузов[22], освещает причины и побудительные мотивы принятия казахами Младшего и Среднего жузов Российского подданства.

С точки зрения исследуемой нами проблемы наибольший интерес представляет книга известного историка А.И. Левшина «Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей»[23]. Она представляла собой первый монографический труд, целиком посвящённый исследованию истории и этнографии Казахстана. Во второй её части (она состояла из трёх частей) даётся более или менее полное описание истории казахского народа в XVII и XVIII веках, подробно освещается процесс присоединения Казахстана к России. Эта же часть монографии содержит много сведений об основных этапах жизни и деятельности хана Абылая, его выдающейся роли в деле организации освободительной борьбы против джунгарской агрессии, развитии отношений с Россией. Автор отмечает безграничную любовь Абылая к своему народу, его борьбу за укрепление государственности Казахстана. К числу достоинств книги относится фактическое описание событий.

Определённый вклад в разработку историко-этнографических проблем Казахстана XVIII века внёс военный инженер И.Г. Андреев. Свои служебные обязанности по сооружению военных укреплений, так называемой Сибирской линии, он успешно совмещал со сбором научной информации о казахах. На основе собранных материалов и собственных наблюдений И.Г. Андреев позднее издал ряд работ, самой крупной из которых является его книга «Описание Средней орды киргиз-кайсаков»[24]. В первой главе, посвящённой родоплеменному составу и истории казахов Среднего жуза, содержится ряд важных сведений о хане Абылае.

Большое значение для понимания логики взаимоотношений Китая со странами центральной Азии имеет книга замечательного русского синолога XIX в. Н.Я. Бичурина "Средняя Азия и Восточный Туркестан"[25], которая с предисловием А.Н. Бернштама переиздана в Алматы в 1997 году.

Во второй половине XIX в. исследованием истории, культуры и разных сторон жизнедеятельности казахского народа занимались М. Красовский, Н. Аристов, В.В. Вельяминов-Зернов, И.И. Крафт, В.В. Радлов, В.Н. Витевский, оставившие фундаментальные труды[26] по истории «продвижения» России в глубь Центральной Азии.

Их сочинения были написаны в период, когда был завершен процесс окончательного присоединения Казахстана к России, когда передовые рубежи колонизации переместились на границы Средней Азии и на первый план выдвинулись задачи изучения особенностей хозяйственной жизни, социальной структуры, истории и этнографии казахского народа.

Авторы немалое внимание уделяли освещению истории взаимоотношений царского правительства и местных органов с казахскими правителями и в первую очередь с Абылаем. При этом они тенденциозно интерпретировали события, исследуемого ими периода. Все эти историки, будучи государственниками, напрямую связывали расширение территории Российской империи с укреплением ее могущества, выступали апологетами политики царского правительства. В то же время трудам большинства дореволюционных русских учёных присущ гуманизм, стремление объективно разобраться и осмыслить историю казахского и других народов, включённых в состав империи.

Материалы об Абылае имеются во всех энциклопедических словарях, изданных в дореволюционное время в России[27].

Обзор дореволюционной русской исторической литературы о Казахстане показывает, что она была значительной и разнообразной, охватывала все важнейшие события, жизнь и деятельность казахских правителей, и в первую очередь хана Абылая.

Труды дореволюционных авторов, содержащие массу архивных материалов и эмпирических наблюдений, прекрасно дополняют официальные документы и позволяют воссоздавать события рассматриваемого периода. Вместе с тем нам нельзя забывать, что первые русские исследователи нашего края не были профессиональными историками, а являлись представителями правительственных учреждений и отражали политические взгляды правительственных кругов Российской империи. Поэтому при использовании их трудов нужна известная осторожность, критический подход и сопоставление с другими источниками.

В советской историографии личность хана Абылая и связанный с его именем более чем полувековой период прошлого казахского народа оказались, если не „белым пятном", то, во всяком случае, плохо освещенной страницей истории Казахстана. Первая попытка в более или менее обобщённом виде отразить историю казахского народа была предпринята А.П. Чулошниковым. Однако в его работе «Очерки по истории казах-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племён»[28], вышедшей в 1924 г. исследуемые нами проблемы отражены лишь фрагментарно.

В 1920-е гг. на становление и развитие исторической науки в Казахстане и Средний Азии большое влияние оказал академик В.В. Бартольд, которому принадлежит ряд фундаментальных трудов, посвящённых истории и культуре казахского народа. К их числу относится, прежде всего, «Очерк истории Семиречья», где автор глубоко и последовательно освещает историю края и населявших его племён: казахов, киргизов, калмыков и других народов[29]. Ряд важных проблем

казахстанской истории В.В. Бартольдом рассматривается в работе «История изучения Востока в Европе и России». В этой работе автор разрабатывает некоторые принципиальные вопросы востоковедения и проблемы истории народов Центральной Азии[30].

Одним из первых в советской историографии к теме об освободительной борьбе казахского народа против джунгарских завоевателей обратился М. Тынышпаев. В начале 20-х годов он увлеченно собирал материал о событиях 1723-1730 гг., отложившихся в народной памяти как «Годы великого бедствия». Сказывалось влияние академика В. Бартольда, «которого М. Тынышпаев почитал за своего учителя и с которым советовался по научным вопросам»[31]. На основе привлечения русских источников и казахского фольклорного материала им был опубликован ряд научных работ[32], которые не потеряли своего значения и в настоящее время.

В 20-30-е годы XX в. большую актуальность приобрела проблема присоединения Казахстана к России. Причём, исследователями «основное внимание уделялось завоевательным мотивам и колониальным устремлениям царизма»[33]. В своих работах С.Д. Асфендиаров отрицал добровольный характер принятия подданства России казахскими жузами, оценивал политику царского правительства завоевательной, колониальной[34]. Точку зрения С.Д. Асфендиарова на данную проблему разделяли П.Г. Галузо, В. Лебедев, Т. Рыскулов и другие[35].

В 40-е гг. XX в. в изучении истории русско-казахских отношений XVIII в. происходят существенные изменения. Известный историк М.П. Вяткин, анализируя внешнеполитическую и внутреннюю обстановку, сложившуюся в Казахстане в 30 - начале 40 гг. XVIII в., приходит к выводу, что перед Казахстаном стояла альтернатива: или подданство России, или подданство Джунгарии. Делая такой вывод, М.П. Вяткин, по-видимому, опирался и на высказывание А.И. Левшина, который писал: «Из двух зол, предстоящих им (казахам - К.А.) легче было избрать то, которое обещало какие-нибудь выгоды, если не в настоящем, то хотя в будущем»[36]. По мнению М.П. Вяткина, как и А.И. Левшина, подданство России открывало казахам в дальнейшем возможность прогресса. Учитывая эти обстоятельства, М.П. Вяткин считал, что «подчинение Казахстана... России в 30 гг. XVIII в. мы должны оценивать не как абсолютное, а как наименьшее зло»[37]. А политику хана Абылая, направленную на укрепление центральной власти, М.П. Вяткин оценивал как прогрессивную[38].

Взгляды М.П. Вяткина на эти вопросы разделял видный казахстанский историк Е. Бекмаханов[39], а также редакторы и соавторы второго издания «Истории Казахской ССР» А.М. Панкратова и И.О.Омаров[40].

В начале 50-гг. XX в. подходы к исследованию Истории Казахстана кардинально меняются. Прежде всего, они были связаны с пересмотром концепции «наименьшего зла», которая была заменена новым концептуальным положением об «исторической обусловленности» присоединения. В соответствии с этим положением происходила переоценка деятельности казахских правителей. К примеру, хан Абулхаир, первым принявший российское подданство, в трудах историков стал изображаться как мудрый и дальновидный политик. Напротив, хан Абылай, отстаивавший фактическую государственную независимость Казахстана, изображался как реакционный деятель.

В новых условиях в исследовании казахско-русских отношений на первый план выходит обоснование прогрессивного значения присоединения Казахстана к России, такой подход характерен для более поздних исследований Е. Бекмаханова и Н.Г. Аполловой. Их труды[41] явились важным вкладом в разработку проблем политического и социально-экономического развития Казахстана в XVIII в., укрепления казахско-российских отношений.

Большой интерес, как в историческом, так и фактическом плане представляют исследования казахстанских историков 70 - 80-годов: С.Е. Толыбекова, Б.С. Сулейменова, В.Я. Басина, Т.Ж. Шоинбаева и других[42]. В их трудах нашла своё отражение дальнейшая разработка концепции присоединения. При сохранении основных положений концепции акцент делался на обоснование добровольного характера присоединения и прогрессивного значения этого исторического акта, в то же время, в угоду идеологическим установкам того времени роль исторических деятелей, в частности, Абылая, либо замалчивалась, либо освещалась необъективно, тенденциозно. Например, В.Я. Басин делает характерный вывод о том, что «политика Аблая была двуличной не только в отношении цинской империи, но и России». Делая такие нелестные выводы, Басин ссылается на книгу Н. Г. Аполловой[43].

Блок вопросов, касающихся взаимоотношений казахских ханств с соседними странами, а также освободительная борьба казахского народа против джунгарских завоевателей и цинских экспансионистов, нашли своё отражение в исследованиях таких советских учёных, как И.Я. Златкин, Б.П. Гуревич, В.С. Кузнецов[44]. В их трудах с той или иной степенью достоверности освещается деятельность хана Абылая. Правда, в некоторых исследованиях В.С. Кузнецова, где рассматриваются вопросы казахско-джунгарских взаимоотношений в период смут и гибели Джунгарии, на наш взгляд, не всегда объективно освещается политика хана Абылая и других казахских владетелей[45]. Несправедливые упреки в адрес Абылая встречаются и у некоторых других исследователей[46]. В

результате предвзятого отношения в советской исторической науке в оценке личности хана Абылая утвердилось известное клише.

Вот какой, к примеру, вывод делается относительно деятельности хана Абылая в «Истории Казахской ССР», изданной в 1957 г. «Время правления Абылая, - отмечено в ней, - запечатлелось в памяти народа, как период произвола и насилия». Далее в книге Абылаю в вину ставилось даже то, что он «вел войны за освобождение сырдарьинских городов: Сайрама, Чимкента, Сузака и др.» от кокандского ига, мотивируя тем, что « в ходе этих войн разорялось мирное население...»[47].

Значительный интерес представляет книга Р.Б. Сулейменова и В.А. Моисеева «Из истории Казахстана XVIII в.». В ней авторы на основе широкого привлечения архивных материалов анализируют и освещают события XVIII века, дают в ряде случаев взвешенную и объективную оценку исторической роли Абылай хана. Правда, в книге, на наш взгляд, имеется ряд дискуссионных положений и спорных выводов. К примеру, авторы, отдавая дань требованиям пресловутого «классового подхода», отмечают, что Абылай хан «был упрям и злопамятен, не прощал даже мелких обид, в судебных тяжбах... всегда брал сторону сильного, не гнушался отбирать у бедняков... последнее имущество, в том числе детей»[48]. Считаем также неприемлемым вывод авторов о том, что в рассматриваемое время казахи были беззащитны в силу того, что у них был «низкий уровень развития государственности»[49].

Многие аспекты изучаемой нами проблемы затрагиваются в весьма содержательной и обстоятельной книге В.А. Моисеева «Джунгарское ханство и казахи XVII-XVIII вв.». В книге исследуются взаимоотношения Джунгарского ханства и казахов, анализируются причины вторжения ойратских феодалов в Казахстан, рассматривается ход военных действий, прослеживаются основные моменты взаимоотношений Русского государства с Казахстаном и Джунгарией. Уделено внимание освещению роли казахских правителей, в том числе хана Абылая. В то же время считаем небесспорным ряд выдвигаемых автором положений. В частности, указание на то, что «вторжение ойратских войск в Казахстан началось весной 1739 г.» и другие[50].

Четвёртая группа литературы о хане Абылае представлена исследованиями современных авторов. Интерес историков к личности хана Абылая резко возрос в связи с обретением Казахстаном независимости. Это знаменательное событие совпало с 280-летием со дня рождения Абылай хана, в связи с чем в августе 1991 г. в городе Кокшетау состоялась республиканская научно-практическая конференция с участием ведущих отечественных историков. В научных докладах и выступлениях учёных на этой конференции впервые была обоснована

необходимость пересмотра сложившихся в советское время стереотипов об Абылай хане и других исторических деятелях.

В начале 1990-х гг. в республиканской и местной печати появились десятки статей о хане Абылае и его соратниках. Написанные в жанре публицистики, они в научном плане не представляли особого интереса. Первой крупной научной публикацией об Абылай хане явилось издание материалов указанной научно-практической конференции[51]. В последующие два года вышли два тома фольклорного материала[52].

В последние годы появился ряд обобщающих монографических исследований в той или иной мере затрагивающих различные аспекты исследуемой нами проблемы. Это работы С. Зиманова, К.А. Пищулиной, М.К. Козыбаева, М. Абдирова, К. Нурпеисова, Н.Э. Масанова, А. Кузембайулы. В их трудах[53] нашли освещение политическая жизнь и особенности функционирования и жизнедеятельности кочевых обществ казахов, их взаимоотношения с соседними государствами.

Заметный вклад в разработку проблем позднесредневековой истории Казахстана вносят российские востоковеды С.Г. Кляшторный, Т.И. Султанов, В.А. Моисеев[54]. Ими проделана большая работа по выявлению и вводу в научный оборот новых источников. Узловые проблемы исторического прошлого страны, в том числе Отечественной войны казахского народа против джунгарского нашествия, взаимоотношения Казахского ханства с сопредельными странами и другие с начала XVIII в. до 1917 г. освещаются в «Истории Казахстана»[55].

Заметным вкладом в современную историографию Казахстана явилось появление двух монографических исследований о государственных деятелях прошлого, изданных в 1999 г.

Во-первых, речь идет о монографии историка Ж. Касымбаева «Государственные деятели Казахских ханств (XVIII в.)»[56]. В ней, в форме исторических очерков освещается жизнь и деятельность казахских ханов и султанов, есть очерк и об Абылай хане. Автором на основе архивных материалов рассматривается жизнь и деятельность Абылая после избрания его ханом в 1771 году.

Второе крупное произведение, в котором мы находим частичное освещение интересующей нас эпохи, - монография И.В. Ерофеевой «Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик»[57]. На основе научного обобщения архивных и исследовательских материалов освещены жизнь и деятельность одного из государственных деятелей Казахстана XVIII в. - хана Абулхаира. Как видно из названия, данная работа не посвящена непосредственно герою нашего исследования, но, тем не менее, в ней уделено внимание и султану Абылаю, так как в монографии жизнь и деятельность Абулхаира рассматриваются «в социально-культурном и геополитическом контексте его эпохи»[58].

На наш взгляд, в рассмотренных двух работах привлекательным является не только документированное изложение материала, но и трезвость и взвешенность выводов, явное стремление авторов отойти от традиционных схем изложения биографии исторических личностей.

Много содержательных фактов и сведений о Казахстане и о хане Абылае содержится в монографии К.Ш. Хафизовой «Китайская дипломатия в Центральной Азии XIV-XIX вв.»[59], а также в книгах «Из истории Средней Азии и Восточного Туркестана X-XIX вв.»[60], «Из истории международных отношений в Центральной Азии: средние века и новое время».

На основе исследования материалов китайских архивов и их сопоставления с русскими источниками написал книгу китайский историк, казах по происхождению, Набижан Мухамбетханулы. Его книга «Исторические исследования»[61] была издана на китайском языке в 1989 г. в г.Урумчи, она была переведена на казахский язык издана в Алматы в 1994 г. Значительная часть книги посвящена вопросам взаимоотношения Казахского ханства с Китаем в XVIII в.

Определенный вклад в изучение истории казахского народа на основе китайских источников вносит профессор Синьцзянского университета, известный ученый Су Бейхай. В своем исследовании: «Общая история казахов»[62] Су Бейхай на основе документов китайских архивов прослеживает самобытную историю казахов. В книге имеются сведения об Абылай хане. Однако надо иметь в виду то, что автор многие события освещает с позиций китаецентризма.

В свое время к созданию художественного образа Абылай хана приступали многие писатели, в их числе Мухтар Ауэзов, Сакен Сейфуллин и другие. Но в силу исторических обстоятельств осуществить издание написанного им не удалось, оно утеряно. Только писатель Ильяс Есенберлин смог создать исторически верный образ Абылая в художественной литературе, издать роман на казахском и русском языках[63].

Таким образом, о хане Абылае имеется достаточно богатая и разнообразная литература. Работы казахстанских и российских учёных о Казахстане и казахско-русских отношениях XVIII в. явились основой данного исследования, наряду с ранее неизвестными архивными и фольклорными материалами. Вместе с тем, как отмечал академик Р.Б. Сулейменов, «имя Абылая - обойденная, незамеченная страница нашей истории»[64]. Это высказывание ученого было сделано несколько лет назад. С тех пор об Абылае опубликовано большое количество статей, очерков и других материалов. Тем не менее, как показывает исторический обзор литературы, высказывание Р. Сулейменова остается актуальным и в том плане, что до сих пор нет специальной монографической работы,

охватывающей жизнь и государственную деятельность хана Абылая в целом. Вне поля зрения исследователей остались такие сферы деятельности хана Абылая, как борьба за возрождение и укрепление государственности, за объединение казахов всех трёх жузов в одно государство. Характерными недостатками рассмотренных работ является также узость источниковой базы исследований, поверхностность анализа некоторых проблем. Эти и другие вопросы исследуются в данной работе. И ещё: для всех перечисленных выше работ характерна однобокость исследования; Казахстан рассматривается под углом зрения внешней политики России, Китая, Джунгарии и других стран. Об этом красноречиво свидетельствуют названия работ: «Россия и Казахские ханства», «Цинская империя и Казахские ханства», «Джунгарское ханство и казахи» и т.д. При этом, естественно, возвеличивалась роль политики правительств соседних стран и, соответственно, принижалась роль казахских правителей. В данной работе автор попытался рассматривать внешнеполитические связи Казахстана с соседними странами под углом зрения интересов и проблем самого Казахстана.

Хан Абылай настолько знаковая фигура казахской истории, что каждое новое поколение историков будет обращаться к его личности, вновь и вновь искать и находить ответы на выдвигаемые жизнью новые вызовы времени.

Итак, обзор исторической литературы позволяет прийти к выводам, что жизнь и государственная деятельность хана Абылая и ряд вопросов истории Казахстана, относящихся к его эпохе, изучены и освещены недостаточно.

Методологическую основу исследования составили такие основополагающие принципы научно-исторического познания, как объективность, историзм, системность и конкретность. В ходе научного исследования автор придерживался и многофакторного метода раскрытия исторических событий, роли личности в истории. Признавая диалектику материалистического учения о социальной сущности личности, в то же время, в соответствии с требованиями современной мировой исторической науки, в работе делается акцент на человека в истории[65], его характер, проблемы его повседневной жизни, на отношения в семье и т.д. При исследовании исторических проблем исходным является принцип приоритета презумпции научной истины.

В целях реализации поставленных задач использовались такие методы исследования, как источниковедческий, сравнительно-исторический, историко-системный.

Круг источников, отразивших проблему данного исследования, достаточно широк и разнообразен.

Основную источниковую базу данного исследования составляют архивные документы и материалы. Они включают, прежде всего, указы и грамоты русских императоров, распоряжения и переписку правительственных органов и местных учреждений как друг с другом, так и с казахскими ханами, султанами, и старшинами, а также рапорты чиновников различного ранга. К этой же группе источников относится и переписка царского правительства с правителями и представителями Джунгарии и Цинской империи, корреспонденции последних с казахскими владетелями, а также отчеты дипломатических миссий, направлявшихся в ставки казахских ханов, султанов и биев.

В настоящей работе использованы материалы и документы Российского государственного архива древних актов: «Киргиз-кайсацкие дела», «1-й департамент Сената», «Зюнгорские дела». Здесь хранятся документы, относящиеся к раннему периоду установления дипломатических отношений Казахстана и России с конца XVI до начала XVIII в. Больше всего интересующих нас документов и материалов было обнаружено в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) при МИД РФ. В его фондах хранятся наиболее информативные, систематизированные по годам и странам официальные документы и материалы, в том числе, подлинники посланий хана Абылая русским властям, а также указы и грамоты русских царей, адресованные казахским правителям. Из числа рассмотренных нами фондов следует выделить фонд 122 (Киргиз-кайсацкие дела), фонд 133 (Зюнгорские дела).

В государственном архиве Омской области рассмотрены и использованы материалы и документы Ф.1 (Военно-походная канцелярия главного командира Сибирского корпуса), Ф.2 (Канцелярия Сибирского генерал-губернатора), Ф.366 (Г.Е. Катанаева).

Также исследованы фонды Центрального государственного архива Республики Казахстан. Ряд интересных материалов извлечен из фондов госархива Северо-Казахстанской области, в частности, из фонда 158 (Взаимоотношения местной администрации с казахской степью), личный фонд местного краеведа М.И Бенюха. В работе использованы копии архивных материалов Кокшетауского историко-краеведческого музея.

Кроме архивных фондов были изучены и в той или иной степени использованы различные документальные сборники, опубликованные в дореволюционный период[66], и материалы, составленные в советское время. Копии более 400 документов, имеющих непосредственное отношение к исследуемой теме, содержат два сборника «Казахско-русские отношения», богатый документальный материал имеется и в других сборниках.

Северо-Казахстанская
областная библиотека
им. С. МУКАНОВА
г. Петропавловск

При написании раздела работы о казахско-китайских отношениях автор в основном опирался на материалы русских и китайских архивных фондов, опубликованных в различных сборниках документов[67].

Важнейшими источниками явились записки, дневники и воспоминания путешественников, купцов, как русских, так и иностранных (чаще - английских), совершавших поездки в казахские жузы или проезжавших через территорию Казахстана. Массу интереснейших сведений содержат дневниковые записки Ивана Унковского[68], возглавлявшего русское посольство в Джунгарию в 1722-1724 гг. и Николая Рычкова[69], которые они вел в казахской степи в 1771 г. во время погони за калмыками, бежавшими из пределов России на историческую родину. Особую ценность представляют дневниковые записи и наблюдения российского посла А.И. Тевкелева, более года прожившего среди казахов Младшего жуза.

Весьма ценные сведения о хозяйстве, укладе жизни, быте и культуре казахов оставили немецкие и шведские ученые – участники второй академической экспедиции в Казахстан. Большой познавательный интерес представляют дневниковые записи английских путешественников Джона Кэстля[70], совершившего летом 1736 г. поездку в Младший жуз и, И.Сиверса[71], проехавшего во второй половине XVIII в. по Восточному Казахстану. Очень важные сведения о политическом положении в казахских ханствах содержат «Показания поручика Д. Гладышева[72], летом 1741 г. более месяца жившего в ставке хана Абулхаира и английского купца Гока[73], проезжавшего в 1742 г. через казахские степи в Каракалпакию.

В работе широко представлены собственно казахские источники. К ним прежде всего относятся казахские шежире[74]. Первые письменные образцы шежире, дошедшие до нас, относятся к началу XVII в.[75], а устные традиции, по - видимому, зародились гораздо раньше. Шежире - это не просто перечисление имен от дальнего предка к последующим поколениям, но и описание важнейших событий, относящихся к их эпохе. В XVIII в. вербальные предания со слов шежиреши записывали первые русские исследователи Казахстана П.И. Рычков, А. Тевкелев, И.Г. Андреев и др.

В XIX в. к шежире, как к источникам при исследовании истории и этнографии казахов, обращались Ч.Ч. Валиханов,[76] Н.А. Аристов, В.В. Вельяминов-Зернов, А.И. Левшин, П.Н. Рычков и др. Исследования этих учёных показывают, что они придавали казахским шежире значение источника. Н.А.Аристов пишет, что «предания и народные обычаи (родовые деления) составляют у не имевших литературы кочевников почти всё, что они сохранили в качестве памятников своего прошлого.

Отсюда понятна важность изучения родовых делений для истории и этнографии»[77].

Как было отмечено, казахские шежире основаны на традициях устных народных сведений, которые передавались от отца к сыну, от поколения к поколению. В то же время в работах Ш. Кудайбердиева[78] и М. Тынышпаева[79] есть многочисленные ссылки на русские и китайские источники, следовательно, их работы имеют научную основу. Во всех казахских шежире большое место отведено информации об Абылай хане, его генеалогии и событиям с его участием, названы имена его прославленных батыров, описаны их героические подвиги.

Важную историческую информацию содержат и другие виды устного творчества - героические песни, эпос, сказания, поэтические размышления - толгау, предания и легенды, песни, пословицы и поговорки.

Подчёркивая значение фольклора, как важнейшего источника в изучении истории Казахстана, Ч.Ч. Валиханов в качестве примера ссылался на поэму Шал акына. Ч.Ч. Валиханов писал: «Из преданий о происхождении киргиз (казахов - К.А.) замечателен джир ахуна из племени аргын... Чала, современника прадеда моего хана Абылая. Чал в своем джире собрал все народные сказания, относящиеся ко времени до происхождения киргиз, и составил полную генеалогию ханов, родоначальников и племен...»[80]. В 20-30-е годы XX в. была проделана большая работа по сбору и опубликованию казахских фольклорных материалов.

Однако в послевоенные годы на казахские шежире и фольклор был наложен запрет. Это было связано с «вскрытием антинародных тенденций в эпосе Казахстана». Под таким надуманным предлогом в начале 50-х годов репрессированы многие исследователи и собиратели казахского эпоса[81]. Сегодня, в условиях очищения истории от всевозможных искажений и прямой фальсификации фактов, когда появилась возможность говорить правду, устное народное творчество приобретает особую значимость. И заключается она в том, что многие крупные исторические события в памяти народа сохранились благодаря устному творчеству.

Сведения, почерпнутые из архивов и других источников, во многих случаях уточнялись, конкретизировались и дополнялись теми или иными деталями и оценками из казахских преданий, эпоса и произведений известных акынов и жырау.

К примеру, в воссоздании атмосферы эпохи Абылая, в реконструкции некоторых событий, происходивших с его участием, большое значение имеют произведения знаменитых на всю степь акынов Бухара жырау Калкаманулы, Умбетея Тилеулы, Татикары и других. Особую ценность представляют произведения Бухара жырау (1684-1781) - выдающегося

поэта-мыслителя и политического деятеля. Будучи советником и сподвижником Абылая, Бухар жырау принимал непосредственное участие во многих его начинаниях и отразил их в своей поэзии. Был участником всех походов хана Абылая и Умбетей жырау, который точно и выразительно воспроизводит в своей поэзии ратные подвиги хана Абылая, приводит ценные исторические сведения о его сподвижниках: батырах Богенбае, Кабанбае, Сары, Баяне и других.

В поэтических произведениях народных жырау, идеологов отечественной войны против джунгарского нашествия, мы находим подтверждение всенародного признания подлинных заслуг хана Абылая, борца за национальную независимость, территориальную целостность и государственность казахов. Эпоха Абылай хана высоко оценена Чоканом Валихановым, он писал: «В преданиях казахов Абылай носит какой-то поэтический ореол, век Абылая является веком казахского рыцарства»[82].

Привлеченные нами к настоящей работе источники, в сочетании с имеющейся об Абылай хане литературой, позволяют разрешить поставленные в исследовании задачи.

Часть первая
Абылай хан и его современники

ГЛАВА 1. КАЗАХСТАН В НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА

1.1 Хозяйство

Хозяйственная деятельность казахского общества в XVIII в. определялась прежде всего особенностью природно-климатических условий[1]. Основную часть (около 90%) этнической территории, протянувшейся с запада на восток на тысячи километров, составляли пустынные, полупустынные и степные зоны с резкоконтинентальным и засушливым климатом, слабой обводнённостью, скудностью растительного покрова и в силу этого - низкой кормовой продуктивностью[2]. Вследствие такого характера природно-климатических условий наиболее продуктивной отраслью хозяйства в XVIII в., как и на протяжении многих веков, оставалось кочевое скотоводство.

Важнейшей особенностью кочевого скотоводства в рассматриваемый период было круглогодичное содержание скота на подножном корму, сезонный характер передвижения населения вслед за скотом в сухих степях, пустынях и полупустынях. Перекочевки осуществлялись по определенному маршруту, протяженность которого в зависимости от географических и природно-климатических факторов колебалась от 50 до 100 км, а в отдельных районах Юго-Западного и Западного Казахстана - 1000 и более км.

В выборе маршрутов казахи руководствовались многовековым опытом чередования пастбищ. Исследователями выделяются такие основные типы кочевания, как меридиональное, радиальное, вертикальное и реже - широтное. Доминирующим направлением сезонных перекочевок для степных зон было меридиональное (с юга на север). В горных районах Восточного и Юго-Восточного Казахстана практиковалась вертикальная система кочевания, при которой летовки находились на альпийских лугах, а зимние пастбища - в предгорьях.

Годичный цикл жизни в степи начинался ранней весной. С появлением первых проталин кочевник трогался со стадами туда, где лучше сохранилась прошлогодняя трава, где и задерживался, пока скот не выест траву. Закончив цикл «кокету», он двигался на летние пастбища - «джайлау», которые располагались, как правило, на территориях с большим запасом осадконакопления, сравнительно обильным растительным покровом и наличием водных ресурсов естественного происхождения. С наступлением осени казах гонит скот, медленно передвигаясь по направлению к зимовкам - «кузеу». Зимние пастбища кочевники ревниво охраняли от потравы, так как на них скот должен пастись в самое тяжелое время года - зимой. Зимние стоянки были более или менее постоянными и для них выбирались места, где имелись

естественные средства защиты стад от снежных буранов и ветров. Именно в местах постоянных зимовок казахи сооружали стационарные постройки в виде домов и скотных дворов для молодняка, здесь же невдалеке находились общинно-родовые могильники.

Скотоводство для казаха-кочевника, как земледелие для крестьянина, было школой жизни, оно отражалось на его духовном складе и образе жизни. Как нельзя точнее указал на это Чокан Валиханов, который писал: «Кочевой степняк ест и пьет и одевается скотом, для него скот дороже своего спокойствия. Первое приветствие киргиз, как известно, начинается следующей фразой: здоров ли твой скот и твое семейство? Эта забота, с какой наперед семейства осведомляются о скоте, характеризует быт кочевника более, нежели целые страницы описаний»[3].

К XVIII в. в Казахстане сложилось два типа скотоводческого хозяйства: кочевое скотоводство, основанное на эксплуатации искусственных водоисточников, и полукочевое хозяйство - на утилизации водных ресурсов естественного происхождения. Первый тип кочевничества сложился в ареалах с резко выраженной аридностью и континентальностью природно-климатических условий. Второй тип кочевого скотоводства локализовался в ландшафтных зонах, характеризующихся более равномерным распределением осадков – по сезонам года.

Большинство исследователей считают, что в Казахстане преобладал полукочевой тип скотоводческого хозяйства. Об этом, в частности, свидетельствовало наличие зимних стационарных жилищ. Такой тип хозяйственной деятельности преобладал в Семиречье, Северном и Восточном Казахстане. Многие полукочевые хозяйства на призимовочной территории выращивали просо, ячмень, пшеницу, а также разводили крупный рогатый скот.

Однако у полукочевников земледелие является всего лишь вспомогательным видом хозяйства. Известный кочевниковед А.М. Хазанов писал: «Полукочевое скотоводство характеризуется тем, что, хотя экстенсивное скотоводство с периодической сменой пастбищ на протяжении всего или большей части года является и в нем преобладающим занятием, в качестве второстепенного и вспомогательного оно дополняется земледелием. Впрочем, в Северной Евразии полукочевое скотоводство сочетается с иными родами хозяйственной деятельности»[4].

Особенности географической среды и потребности жизнеобеспечения обусловили специфику видовой модели стада в кочевой среде. Казахи издавна разводили в основном четыре вида скота. В нем удельный вес коз и овец составлял в среднем 60% всего поголовья, лошадей - 13%, крупного рогатого скота - 12%, верблюдов - 4%. В

основном, такое соотношение скота в стаде казахов было характерно и для XVIII в.,[5] с той лишь разницей, что доля крупного рогатого скота в то время была значительно меньше, но об этом чуть позже.

Преобладание в структуре стада овец объяснялось тем, что они отличались наибольшей продуктивностью и приспособленностью к условиям среды обитания. Овцы служили главным образом источником мясной пищи, использовались также их шерсть и шкуры. Помимо всего прочего, особо ценились молочные продукты: курт, иримчик, катык, изготовленные именно из овечьего и козьего молока. Коз разводили немного, главным образом для получения козьего пуха. В источниках содержатся многочисленные характеристики казахских овец. Так, П.С. Паллас сообщает, что «киргизские овцы очень велики и при том весьма безобразны. Они ростом выше родившегося теленка... весом бывают по четыре и по пяти пудов. Вместо хвоста носят они курдюк, который у больших баранов бывает весом от 30 до 40 фунтов...»[6].

Еще одним обстоятельством, способствовавшим увеличению поголовья овец, явилось то, что овцы служили основой меновой торговли казахов в приграничных русских и среднеазиатских городах. Вот что по этому поводу писал И.П. Фальк: «Насколько видным является киргизское овцеводство, можно заключить хотя бы из размеров менового оборота с Оренбургом. В 1769 г. сдано было в обмен 140000 живых овец ... это не считая ни ягнят, ни бесчисленного множества шкур»[7]. Причем овцы служили, по словам Георги, мерой торговли[8].

В жизни казаха-кочевника исключительную роль играла лошадь. «Среди всех видов скота, - писал Фальк, - коней киргиз ставит выше». Лошадей номады использовали, прежде всего, для верховой езды. Именно коневодство дало казахам то преимущество, которое позволило им осваивать огромные пространства евразийских степей. Кроме всего прочего, казахами очень высоко ценилось конское мясо, а из кобыльего молока изготавливали напиток целебного свойства - кумыс. Значение коневодства в жизни казаха хорошо выразил Касым хан (1510-1621). «Мы, - говорил он, - люди степей. Здесь не бывает дорогих вещей и изысканных блюд. Самое большое наше богатство - лошадь, а самая вкусная еда - ее мясо; самый приятный напиток для нас ее молоко и то, что из него приготавливается. В нашей стране нет садов и зданий. Местом наших развлечений является пастбище коней - мы идем туда, прогуливаемся там все вместе и рассматриваем лошадей»[9].

Общая численность конского поголовья в Казахстане во второй половине XIX в. насчитывала 4 124 359 голов[10]. Чокан Валиханов на основе убедительных фактов показал, что в его «время число скота у казахов все более и более уменьшается, и падеж делается чаще и

опустошительнее», что в XVIII в. кочевники жили богаче и «было немало казахов, имевших 10-тысячные табуны лошадей»[11]. А.И. Левшин также приводит данные о том, что в XVIII в. были казахи, в табунах которых насчитывалось «по 8,9 и даже 10000 лошадей»[12]. Следовательно, общее поголовье лошадей в XVIII в. намного превышало 4,1 млн. голов. Разведение лошадей в хозяйстве казахов носило многоцелевой характер: мясомолочный, в качестве транспорта, тягловой силы и т. д. В результате на территории Казахстана сложились самые различные варианты казахской породы лошадей. Наряду с «жабы» - обыкновенными животными, выделялись выездные - «жорга» - иноходцы. Но особенно ценились лошади породы «казанат» - сильные, выносливые и резвые, которые использовались как боевые кони.

По свидетельству источников, казахская лошадь породы «казанат» внешне была не очень привлекательна - низкого роста, с поникшей головой, широкой грудью, толстыми ногами, длинной косматой шерстью. Как отмечали русские, казахских лошадей «по выносливости можно поставить на первое место среди всех других разводимых в России лошадей: при всем этом она отличается быстротой бега и силой. Сделать быстрый переход в 100-150 верст в течение 10-15 часов с небольшими промежутками и без корма для нее не представляет больших затруднений: скорость бега у нее в случае нужды поразительна»[13]. Благодаря этим качествам, лошади казахской породы весьма ценились и находили хороший сбыт среди русского населения. Наиболее коневодческими были северные районы степной зоны Казахстана.

Своей приспособленностью к условиям засушливого и безводного климата отличались верблюды. «Верблюды», - отмечал Фальк, - имеются почти у каждого киргиза (казаха - К.А.), по большей части двугорбого типа»[14]. Среди главных достоинств верблюда следует отметить способность подолгу (до 10 дней) обходиться без воды и пищи, высокую скорость передвижений, большую грузоподъемность (в среднем 350 кг. вьючного груза). По словам А.И. Левшина, верблюдов «очень справедливо... называют кораблем степей»[15]. Также ценятся верблюжье мясо, шерсть, молоко. Из верблюжьего молока изготавливали замечательный напиток шубат.

Казахи разводили верблюдов разных пород: одногорбых (нар) - в основном на юге и юго-западе, а двугорбых (айыр) - повсеместно, преимущественно на севере и юго-востоке Казахстана. Такое районирование было связано с природно-климатическими условиями и приспособленностью к ним верблюдов. К примеру, на севере предпочтение отдавалось шерстистым двугорбым верблюдам, приспособленным к местным условиям и молочным одногорбым. Общая

численность поголовья верблюдов в Казахстане в XVIII в., по-видимому, достигла до 2-х млн. голов, так как доля верблюдов в общем стаде имела тенденцию к уменьшению и к концу XIX в. их численность уже не превышала 1 175 тыс. голов[16].

Численность поголовья крупного рогатого скота имела тенденцию роста, поэтому их к концу XIX в. в Казахстане насчитывалось до 3 741 437 голов, что намного больше, чем в XVIII в. Рост численности крупного рогатого скота был связан с двумя обстоятельствами: во-первых, с каждым годом все большее распространение среди казахов получала заготовка сена, во-вторых, росла численность оседлого переселенческого населения. Крупный рогатый скот обладал большой мясомолочной продуктивностью, а также использовался в качестве транспортного средства и тягловой силы в бедняцких хозяйствах. «Что касается крупного рогатого скота, - писал И. Фальк, - то киргизы его не очень ценят и держат рогатый скот не исключительно ради молока, масла, кожи; все больше и больше входит у них, наподобие калмыков, передвижение и возка тяжестей силами того же рогатого скота»[17]. Правильность данного наблюдения ученого подтверждается тем, что в казахском хозяйстве крупный рогатый скот в основном был представлен местной казахской (преимущественно бурой и тигровой масти) породой, не отличавшейся большой молочной продуктивностью.

Таким образом, форма ведения скотоводческого хозяйства была экстенсивной, основанной на использовании больших земельных площадей. Но многовековой опыт позволил кочевникам приспособиться к суровым природным условиям края, полностью удовлетворять свои потребности продуктами и, самое важное, выработать почти безотходную технологию производства. Например, кочевники умели хранить мясо практически любой необходимый срок, употребляли его в свежем, вяленом, копченом и сушеном виде, только из молока изготавливали десятки наименований продуктов: таких как масло, сметана, сливки, айран, катык, коже, кумыс, саумал, шубат, сыры, курт, иримчик и т. д. Шкуры животных шли на выделку кож, для изготовления одежды, шорных изделий, посуды. В дело шли даже экскременты животных, они использовались в заготовке топлива - «кизяка». Из костного жира и древесной золы получали мыло, чтобы оно имело приятный запах, добавляли в золу пахучие травы, а из масла и березовой коры получали жевательное вещество - «сагыз».

В то же время ведение кочевого скотоводческого хозяйства в природно-климатических условиях Казахстана было делом не из легких, требовало больших усилий, опыта, сноровки. Трудности были связаны прежде всего с климатом, характеризующимся резкой

континентальностью. Затрудняли добывание корма животным и обильные снегопады и бураны. Но особенно много вреда приносили зимние оттепели. Для казаха-скотовода гололедица - это сущий божий бич, который за несколько дней мог богача превратить в бедняка, а бедняка в нищего. Как правило, гололедица сопровождается массовой гибелью скота. Падеж скота и мор казахи называют «жут», он случался неизменно с периодичностью в 10-12 лет. Один из таких «жутов», до крайности обострявших ситуацию, был отмечен как раз в год страшного нашествия джунгар в 1723 г. События тех лет остались в памяти народа, как «қайын сауған»[18], как год массовой гибели людей от голода.

Исторические источники доносят нам интересные сведения о наличии земледелия в структуре хозяйственной деятельности казахов с незапамятных времен. Известно, что издревле земледелием занималось население долины Сырдарьи, Чу, Таласа, а также в Семиречье.[19] Исследователи также установили существование очагов земледелия и в отдельных районах Центрального[20] и даже Северного[21] Казахстана. В то же время они отмечали, что развитие земледельческого хозяйства у казахов было ограничено почвенно-климатическими условиями. А.И. Левшин указывал, что у казахов земледелие получило бы большее развитие, если бы «они были стеснены и ежели бы степи их были способнее к возделыванию»[22].

В связи с недостатком атмосферных осадков, земледелие казахов было основано на использовании мелких ирригационных сооружений и получило развитие в речных долинах и на побережьях озер[23]. А.И. Левшин описывает всю технологию организации поливного земледелия и отмечает, что в XVIII в. в степных районах Казахстана землепашеством занимались преимущественно обедневшие кочевники[24]. «Впрочем, - отмечает А.И. Левшин, - земледелие не делает их оседлыми. Они кочуют около пашен своих только до того времени, пока хлеб спеет. Сжав его и обмолотив, они берут с собою нужную часть оного, а остальную зарывают в землю до будущего посева и уходят в другие места»[25]. Определенное место в хозяйственной деятельности казахского населения в XVIII в. занимали ремесло и домашние промыслы. Правда, сведений о них в источниках не так много. Исследователи отмечают, что у казахов было достаточно развито кожевенное производство. А.И. Левшин отмечал, что «замечательнейшее из оных (т.е. ремесел - К.А.) есть выделывание кож»[26]. А исследователь Фальк перечисляет следующие домашние промыслы, выполняемые женщинами: «Прядут верблюжью и овечью шерсть; красят, сидят за домотканными материями; приготовляют войлочные палаты из грубой овечьей шерсти, доят большое количество лошадей, верблюдов, коров, делают масло, сыр, кислое молоко, приготовляют кумыс;

расщепляют жилы для пошивной дратвы; приготовляют бурдюки...»[27] и.т.д.

Некоторое распространение получили кузнечные промыслы и ювелирное дело. «У них, - писал Паллас, - есть свои кузнецы, которые делают только самые простые мелочные вещи, и то же самое должно разуметь и о серебренниках»[28]. По данным Я. Гавердовского, казахские кузнецы производили принадлежности к конской сбруе, ружья, плохо выделанные кинжалы, ножи, сошники, кирки и мотыги. Из листов меди чеканили разнообразные украшения к седлам, уздечкам и к оружию, а из серебряных и золотых монет - женские украшения[29].

В рассматриваемое время у казахов существовали и зачатки химического производства. Имеется в виду изготовление пороха и производство растительных красок, наличие примитивной металлургии. Довольно широкое распространение получила резьба по дереву и кости. Резьбой украшали спинки кровати, двери юрт, музыкальные инструменты, деревянную посуду, сундуки и т.д. Из дерева изготавливались музыкальные инструменты и домашняя утварь, остовы юрт.

Из других видов хозяйственной деятельности казахов можно выделить охоту и рыболовство. Важное место в хозяйстве казахов в XVIII занимала охота. Как писал А. Левшин, «Средства, употребляемые ими (казахами - К.А.) для ловли зверей, многоразличны»[30]. Богатые казахи занимались охотой в большей степени для забавы, а для бедной части населения она служила важным подспорьем в пополнении дохода семьи. «Что касается охоты», - писал Фальк, - то «часто добывают они мяса и меха для себя и для продажи»[31]. Излюбленным видом охоты для казахов была ловля зверей с помощью обученных беркутов, а для охоты на пернатых использовали различные виды обученных хищных птиц, чаще всего соколов.

Казахи в XVIII в. занимались и рыболовством. Они ловили рыбу в озерах и реках Казахстана. Но техника этого промысла, по словам А.И. Левшина, была примитивной, и поэтому рыболовство не получило большого распространения и развития[32].

Известно, что кочевой социум не может обходиться без потребления продукции оседлых обществ. «По общему правилу, - пишет А.М. Хазанов, - кочевники в силу специализированности и односторонности своего хозяйства были больше заинтересованы в торговле, чем оседлые общества»[33]. Но особенность экономической системы Казахстана заключалась в том, что в нее входили не только кочевые социумы, но города и земледельческие оазисы. Город служил центром ремесла и торговли. По данным источников, в начале XVIII в. кочевое скотоводческое хозяйство казахов было тесно связано с земледельческими

и городскими центрами. Специфичность хозяйства и составляла экономическую основу единства казахских общин. Центром ремесла, торговли и земледелия были присырдарьинские города, расположенные по Великому Шелковому пути. Они притягивали к себе степь, в городах кочевники обменивали на скот нужные им товары.

В исторической литературе отмечается, что в конце XVII - начале XVIII в. города Средней Азии и Казахстана пришли в упадок, переживали деградацию ремесло и торговля[34]. Древние караванные пути из Китая и Индии на Ближний Восток и Западную Европу через города юга Казахстана и Средней Азии потеряли свое былое значение в связи с общим перемещением торговых путей на моря и океаны. Стабильные основы экономической системы казахского общества были нарушены из-за военного вторжения джунгар в 1723-1725 гг. Последствия ойратского нашествия, а также небывалого джута в казахской степи привели к экономической катастрофе.

Население Семиречья, Юга Казахстана и других регионов под ударами и натиском ойратов были вынуждены покинуть свои насиженные места и, лишившись имущества и скота, бежали в разные стороны. Значительная часть этих беженцев оказалась на территории Мавераннахра[35], также переживавшего острый кризис. «Переходы сии, - писал А.И. Левшин, - влекли за собою неминуемое разорение и гибель... нищета и страдания сделались всеобщими»[36]. Стабильные основы казахского общества окончательно были нарушены захватом Семиречья и городов Туркестанского оазиса джунгарами. События тех лет сохранились в народной памяти как «Великое бедствие» - «Ақтабан шұбырынды» и «Қайын сауған». По историческим сведениям, в «Годы великого бедствия» казахи пережили страшную демографическую катастрофу, потеряв до трети состава населения. Неисчислимы были потери казахов и в скотоводстве. Разрушение экономических устоев кочевого общества отразилось и на политической жизни: привело к распаду Казахского ханства на множества удельных владений. Социально-экономический кризис, вызванный джунгарским нашествием, стал постепенно преодолеваться. Уже в 30-е годы в хозяйстве казахов наметилась тенденция роста поголовья скота, у кочевников появляется потребность в покупках, казахи «на бараны выменивали у каракалпаков пшеницы, проса и ячменя...»[37]. А больше всего «на пропитание хлеб и харч» покупали в приграничных русских городах.

Таким образом, в начале XVIII в. основу хозяйственной жизни казахов составляло кочевое скотоводство, другие виды производственной деятельности - земледелие, ремесло и промыслы, хотя и получили определенное развитие, но носили второстепенный и подчиненный

характер. Тем не менее, такая структура хозяйства обеспечивала номадам экономическую самодостаточность, возможность удовлетворения основных потребностей в продуктах питания, одежде и домашней утвари. Недостающую часть продуктов и потребительских товаров, преимущественно металлические изделия, ткани, казахи выменивали на продукцию скотоводческого хозяйства в сопредельных странах и в городах Туркестана.

1.2 Население: этнический и социальный состав

В XVIII в. казахи были самыми многочисленными среди тюрко-монгольских народов Центральной и Средней Азии. Они были расселены на огромном пространстве от Алтая и Иртыша на востоке до Междуречья Волги и Яика на западе. Точных данных о численности казахов на начало XVIII в. в источниках нет, однако на основе исторических сведений, относящихся к другим периодам, можно подсчитать и установить предположительные цифры. К примеру, из «Тарих-и Рашиди» мурзы Мухаммед Хайдара Дулати известно, что к началу XVI в. казахов было один миллион[38]. Интересные сведения о населении Казахстана в конце XVIII в. содержатся в трудах Оренбургского генерал-губернатора Г.Волконского и русского ученого А.И. Левшина. По данным Г.Волконского, в трех казахских жузах насчитывалось 1 374 300 человек[39], правда, в его список не вошла часть племён Старшего и Младшего жузов.

А. Левшин в своём известном труде пишет: «Число людей, живущих в каждой кибитке, не всегда равно, но кажется, что в сем случае можно взять за среднее количество 5 или 6. По такому расчёту выйдет, что Большая Орда киргизская содержит в себе от 500 до 600000, Средняя - 1360000, Меньшая - 1100000, а все три - 2500000 до 3000000 душ обоего пола»[40]. Возможно, коэффициент 5-6 человек в юрте несколько преувеличен, но в общем и целом данные исследователей почти совпадают, если учесть, что Г. Волконским не учтены 393 100 юрт[41]. На основе анализа исторических сведений современный казахстанский демограф М. Татимов подсчитал, что численность казахов к 1725 г. достигла 2 222 тыс. человек[42]. Нам представляется, что подсчеты М. Татимова близки к истине, ибо, как было указано выше, по сведениям мирзы Мухаммед Хайдара Дулати, казахов к началу XVI в. было один миллион. Последующие два столетия были периодом относительно благополучным, когда происходило укрепление Казахского ханства. Поэтому вполне допустимо, что за два века численность казахов удвоилась.

Характерной особенностью казахского народа к началу XVIII в. было усиление обособленности трех его этнотерриториальных образований -

жузов - Старшего, Среднего и Младшего. Сведения о казахских жузах имеются в материалах архивных фондов РФ и РК[43], в трудах русских[44] и казахских[45] исследователей, тем не менее, до сих пор нет единства взглядов относительно времени и причинах их возникновения.

Одни ученые считают, что деление казахов на жузы произошло в домонгольскую эпоху, другие этот процесс относят к эпохе джунгарского нашествия. И, как указано во 2-м томе истории Казахстана, Ч.Ч. Валиханов деление казахов «на три сотни - юз» относит к «смутному времени» (периоду распада Золотой Орды)[46]. Нам представляется, что в данном случае ссылка на Чокана Валиханова не корректна. Чтобы было понятно, приведем высказывание Ч. Валиханова целиком. «В смутные времена, - предшествовавшие основанию ханств - Казанского, Крымского и Астраханского, пишет он, - первые племена, золотоордынские и джагатайские, раздробленные и разбросанные грабительскими смутами в разные стороны и страны, для обеспечения своих прав в местах своего кочевья составляли союзы и, пригласив какого-нибудь принца Чингисовой крови, провозглашали его ханом... Так основались и утвердились орды.... Ногайская - в Сарыйчаке, Могул-улус в Ташкенте и Казак - в степях засейхунских»[47].

Как видно из текста, «в смутные времена» образовались «союзы», понимаемые не в значении «жузы, а как народностей, которые приглашали ханов и образовывали государства или Орды: такие как Ногайская, Могул-улус и Казахская. Далее Ч.Ч. Валиханов уточняет, что лишь после того, как образовался «Народ казак» он «разделяется на три сотни-юз, которые русские называют ордами...»[48]. Следовательно, Ч.Ч. Валиханов воздерживался от указания точного времени образования жузов, ограничившись только утверждением, что этот процесс происходил после завершения образования казахской народности.

И не следует забывать ещё то, что понятие «жуз» означает часть чего-либо целого[49], а в данном случае - народа. Раз так, то одна из этих частей - Младший жуз - до середины XVI в. находилась в составе Ногайской Орды и была воссоединена с казахами при хане Хакназаре. Значительная часть Старшего жуза также вошла в состав казахского ханства XVI в.[50] Поэтому мы считаем, что прав Т. Султанов, который предполагает, что «во второй половине XVI в. произошла последовательная смена одной формы организации казахского общества другой: улусной системы - жузами»[51].

В пользу этого вывода говорит и то, что первое упоминание в источниках о жузах относится к XVII в.[52] Если бы казахские жузы образовались в XV в. это, наверняка, нашло бы отражение в источниках XVI в.

Трудно согласиться с авторами указанной главы «Истории Казахстана», которые утверждают, что «Традиции этнополитического и

хозяйственно-культурного развития населения Казахстана, прерванные в XIII в. нашествием монголов, вновь возродились и стали центрами формирования двух казахских жузов: Старшего (Жетысу и главная часть Могулистана) и Среднего (Центральный и некоторые районы южного Казахстана). К этому надо прибавить и третий центр - Западный Казахстан, где формировался Младший жуз»[53]. Как могли «этнические традиции» возродиться на территории Казахстана, если до монгольского нашествия аргыны жили в Жетысу, а кереи, найманы и коныраты - восточнее Алтая, в Западной Монголии и т. д.

То есть этническая карта Казахстана в результате монгольского завоевания изменилась основательно. По нашему мнению, также несостоятельно предположение о том, что деление на жузы произошло по хозяйственно-культурным признакам. Ни в хозяйственном, ни в культурном отношениях нет, или почти нет, никаких различий, например, между племенами и родами Среднего и Младшего жузов, в языке этих племенных объединений нет даже диалектных различий.

На наш взгляд, более основательным представляется предположение о том, что в основе деления казахов на три жуза лежит длительное пребывание этнотерриториальных регионов в составе трех разных государств: Жетысу - в Могулистане, Сары-Арка (Великая степь) - в составе Ак-Орды и Западный Казахстан - в Ногайской Орде. Свою роль сыграли географические и политические факторы: протяженность территории Казахстана на огромные расстояния, задачи политического управления и обеспечения безопасности страны.

Безусловно, наши рассуждения по вопросу образования казахских жузов нельзя относить к разряду исчерпывающих. Тема эта актуальна и сложна, требует продолжения самостоятельного и комплексного исследования. Бесспорным является то, что казахское общество в XVIII в. было разделено на три этнополитические образования.

Каждый из жузов - Старший, Средний и Младший - имел свою специфическую родоплеменную структуру и территорию расселения и кочевания. Сведения по этим вопросам содержатся в сообщениях правителей казахских ханств, записках русских чиновников[54], а также трудах первых исследователей Казахстана[55].

Казахи Старшего жуза занимали территорию всего Жетысу (Семиречья) от Джунгарского Алатау до оз. Балхаш и далее на юго-западе от левобережья реки Чу до Сырдарьи. Они подразделялись на следующие племена: дулат, албан, жалаир, шапрашты, суан, канглы, сргели, шанышкли, ысты, ошакты, сары-уйсун.

Казахи Среднего жуза занимали территорию Северного, Восточного и Центрального Казахстана. На западе границы жуза проходили по верховьям реки Тургай - до реки Убаган, на юге - по среднему течению

Сырдарьи, на востоке - по линии хребтов Западного Алтая, Тарбагатая и озера Балхаш, а на Севере - по бассейнам среднего течения рек Иртыш и Ишим. В Средний жуз входили следующие племена: аргын, найман, керей, кыпчак, уак, коныpат.

Казахи Младшего жуза, состоящие из трех родовых объединений - байулы, алимулы и жетиру - занимали территорию всего Западного Казахстана. Границы жуза на западе проходили по линии восточного побережья Каспия, реки Урал, на юге - по побережью Аральского моря до нижнего течения Сырдарьи, на востоке - по бассейнам рек Иргиз и Тобол, на севере - по реке Ори.

Таким образом, казахские жузы представляли собой самое крупное внутриэтническое деление, каждый из жузов в свою очередь распадался на подразделения и мелкие общности: тайпа (племя), ру (родовой союз), ата (ассоциации) и аул (община). Каждое племя имело свой особый боевой клич -уран, в качестве которого часто употреблялось имя славного предка или тотема, а также собственную тамгу, то есть знак или герб.

Правящую элиту казахского социума составляли торе - чингизиды - потомки Чингисхана. Только из сословия торе могли избираться ханы. Все казахские ханы берут свое начало от старшего сына «потрясателя мира» - Джучи. Как было отмечено выше, первые казахские ханы были потомками золотоордынского хана Чингизида Уруса. В рассматриваемое время «торе» означало принадлежность к «ақ сүйек» - белой кости, т.е. к высшему сословию. По некоторым сведениям, в XVIII в. численность торе едва составляла тысячу лиц[56]. Большинство представителей торе были в составе Среднего жуза, в Младшем жузе они были представлены ханом Абулхаиром, его потомками и зятем, политическим противником хана, султаном Батыром, в Старшем - ханом Юлбарсом, (точнее - Жолбарсом).

Следует отметить, что в русской историографии понятие «торе», или принадлежность к «белой кости», обозначается термином «султан». К примеру, А.И. Левшин отмечал, что «к белой кости принадлежат только ханы и потомки их, носящие название султанов».[57] Между тем казахи называли султанами не вообще всех чингизидов, а тех из них, кто имел собственное владение в ханстве в виде улуса или аймака.

В казахском обществе особую привилегированную группу составляли ходжи, которые возводили свою генеалогию к прямым потомкам пророка. Они составляли высшую прослойку мусульманского духовенства. Представители торе и ходжей, кроме привилегированного социального статуса, имели ту особенность, что на них не распространялось деление на жузы и требования экзогамной традиции простых казахов-караша.

Следующей господствующей группой, выросшей, в противоположность султанам, из недр кочевой общины, была феодально-

родовая знать - бии. Они также пользовались особыми правовыми и экономическими преимуществами.

Биями могли стать только представители феодально-родовой знати. Происхождение термина «бии» восходит к далекому прошлому. Согласно восточным авторам, слово «бии» или «биюк» в переводе означает «глава одного рода или старшина рода, или бек города ».

Известный путешественник П.С. Паллас приравнивал положение биев к положению дворянства[58]. По его наблюдениям, бии занимали ведущее положение в казахском обществе. Аналогичное мнение высказывал и П.И. Рычков: «Бии-князек, - писал он, - присваемое у азиатских народов лучших пород людям вместо дворянства. Таких биев в Хивинском владении весьма много, а несколько есть у киргизов».[59]

По своему социальному положению бии стояли на одной ступени феодальной лестницы вместе с ханами и султанами. В подтверждение этого А. Леонтьев приводит характерную пословицу: «Хан аксұңқар болса, алтын тұғыры бий болар», что в переводе означает: «Если хан белая кость, то золотым седалищем ему должен быть бий»[60].

Влиятельную группу кочевой знати составляли батыры. Их роль в XVIII в. в связи с непрерывными войнами, которые вынуждены были вести казахи в защиту своих земель, резко возросла. По существу, именно они, батыры, первыми начали организовывать сопротивление джунгарам в драматические годы «Ақтабан шұбырынды». Большой популярностью в народе пользовались батыры, чьи подвиги были воспеты в поэзии поэтов-жырау: Богенбай, Кабанбай, Жанибек, Малайсары, Тайлак, Койгелды, Есет, Наурызбай, Баян, Сары, Олжабай, Жанатай и многие другие. Батыры сохраняли свое доминирующее положение в казахском обществе вплоть до конца XVIII в., а в начале XIX в. их роль была сведена на нет. Роль батырства вновь возродилась на короткое время в период восстания Кенесары Касымова.

К господствующему сословию относилась и самая многочисленная группа знати - баи (богатые скотоводы). Их положение в обществе определялось имущественным положением. Каждый бай имел при себе некоторое число семей зависимых крестьян, не имевших скота. Этих крестьян, носивших название консы, бай использовал для работы в своем хозяйстве.

Наиболее многочисленную часть кочевого населения составляли шаруа (крестьяне). Правда, они тоже были неоднородны, среди них выделялись группы средних крестьян - даулетти шаруа, были группы мелких и маломощных середняцких хозяйств - кунгеришти шаруа. По некоторым данным, чтобы вести самостоятельное хозяйство, семья в 5 человек должна была иметь в среднем до 15 лошадей, шесть голов

крупного скота, двух верблюдов и 50 овец. Те семьи, которые не имели такого поголовья скота, пополняли ряды жатаков, то есть осевших шаруа.

Особую категорию служивых людей при правящей ханской династии и при влиятельнейших султанах составляли туленгуты. Многочисленные туленгуты при особе хана составляли его личную гвардию и на период службы пользовались его покровительством и защитой. Среди них было много лиц иноземного происхождения, так, по свидетельству С.Б. Броневского, туленгутами у султанов Среднего жуза были бухарцы, каракалпаки, калмыки, башкиры[61].

Говоря о социальном составе населения, нельзя не сказать о существовании в среде свободных кочевников категории зависимых людей – рабов. Основным их источником были войны. Рабов казахи также приобретали на невольничьих рынках Средней Азии. Взятых в плен женщин казахи содержали в качестве домработниц и наложниц, а мужчин через определённое время отпускали на свободу.

Характерной для социального состава населения Казахстана в XVIII в. было отсутствие постоянного войска. Тем не менее, в силу перманентной угрозы со стороны соседних стран казахам приходилось быть постоянно начеку. По требованиям закона хана Тауке «Жеты Жаргы», на курылтай казахская знать должна являться в полном боевом снаряжении, а в случае пренебрежения этим условием даже султаны и старшины лишались права голоса. Отсутствие постоянного войска восполнялось тем, что по мере необходимости собиралось народное родовое ополчение, выступавшее под предводительством хана, султанов, батыров. В состав боевого ополчения входило все боеспособное мужское население, причем каждый воин обязан был выступать в поход с двумя конями и со своим боевым снаряжением.

Кроме родоплеменных объединений жузов, в состав Казахского ханства входили также и каракалпаки. В рассматриваемое время они находились в политической и экономической зависимости от казахских ханов. В 1723 г. в связи с вторжением джунгарских войск и взятием ими районов Туркестана каракалпаки разделились надвое: одна часть передвинулась вверх по реке Сырдарье, другая - в низовья реки, к Аральскому морю. В последующем в зависимости от казахских ханов и султанов были т. н. «нижние» каракалпаки. Они вместе с казахами вели освободительную борьбу против джунгарской агрессии.

Таким представляется в общем и целом обзор этнического и социального состава населения Казахстана в XVIII в.

1.3 Азь Жанибек - дальний предок хана Абылая

Не зная великих личностей,
нельзя правильно понять ни одной эпохи.
Н. Назарбаев

Абу Саид, известный в истории как Жанибек хан (1420-1474 гг.), совместно со своим троюродным братом Кереем основали во второй половине XV века Казахское ханство. В истории Казахстана удостоены звания «Азь» два хана, один из них Жанибек другой - Тауке. Понятию «Азь» в толковом словаре казахского языка дается следующее определение: «почитаемый, уважаемый», а в казахско-русском словаре - «мудрый». Вот что писал на этот счет великий казахский ученый-просветитель Чокан Валиханов: «По преданиям известно, что Жанибек был государь мудрый [аз] вот отчего киргизы называют его не иначе, как с эпитетом Аз [Жанибек], и известно, что визирем его был ученый и красноречивый Джиренче - Чечен»[1] (т.2.С.160.161.). Если учесть все сказанное, то следует, что Азь Жанибек был мудрым, справедливым и почитаемым ханом. Это подтверждается высказываниями и других авторов.

Принято считать, что Жанибек с 1465 г. по 1474 год (по другим версиям, по 1477 г.) был правителем Казахского ханства. Он происходил из рода торе (Чингизид), его дальнем предком был Джучи хан, ближним - знаменитый Орыс хан. По одним источникам считается, что Орыс хан происходил от старшего сына Джучи хана Орда Ежена, а по другим утверждениям он потомок его младшего сына Тукай Тимура.

По сведениям Абулгазы Бахадур хана его родословная представлена в такой последовательности: «Чингис хан - Жошы хан - Тукай Тимур - Уз Тимур - Бадагул оглан - Орыс хан - Куйыршак хан - Барак хан - Абу Саид (Жанибек хан)». Эти сведения подтверждают и такие средневековые восточные авторы, как Утемиш Ходжа, Махмуд Бен Вали, Кадыргали Жалаири, Шакарим Кудайбердиев. Как бы то не было то, что Жанибек хан был внуком Орыс хана не вызывает никаких сомнений. Кстати, в казахской литературе по-разному транскрибируется это имя, в одних случаях произносится как «Оріс»[2] выпас (Қазақстан. Энциклопедия), в других «Ұрыс»[3] - бой, битва (Қазақстан тарихы. Т.2.Алматы, 1998, с.329-330). По имеющимся сведениям ему по рождению было присвоено мусульманское имя Мухаммед, но его прозвали Орыс (русский). Дело в том, что у казахов и ногайцев русоволосых и голубоглазых часто называли Орыс (русский). К примеру, в энциклопедии Брокгауза и Ефрона написано «Урусовы - княжеский род, восходящий к известному Едигею Мангыту».

Точных данных о дате рождения и смерти Жанибек хана нет, однако есть косвенные свидетельства, позволяющие в той или иной мере определить его возраст. По историческим сведениям его отец Барак, последний золотоордынский хан, был отчаянно смелым и предприимчивым правителем. О Барак хане Кадыргали Жалаири пишет: «Он был исполинского сложения, настоящий богатырь. За короткое время он подчинил себе многие сопредельные улусы. В конце концов он в долине Едиля (Волги) в местности Қас Наурыз погиб в бою». Учитывая, что это событие произошло в 1428 г., есть основание считать, что Жанибек хан родился в начале 1420-х годов. Иначе, если бы он родился раньше 1420 года, его после смерти отца избрали бы ханом сразу.

Народная мудрость гласит: «Ұяда не көрсең, ұшқанда соны ілесің», в смысловом переводе означающая - «Какое воспитание получил в отчем гнезде, таким и будешь человеком». В отчем семейном гнезде потомков Орыс хана давно сложилась славная традиция воспитания гражданина, мудрого правителя, заботящегося о своем народе. Вместе с тем, Жанибека, рано лишившегося отца, закалили трудности и лишения сиротской жизни.

Сведения о Жанибек хане часто встречаются в трудах восточных авторов, следовательно, он известная в истории личность. Прежде всего его имя встречается в трудах повествующих о становлении Казахского ханства, а также в Шежире (родословной) казахских ханов. В конце XIV в. в связи с ослаблением Золотой Орды на ее территории образовался ряд самостоятельных государств: Казанское, Крымское, Астраханское ханства, Ногайская Орда, Ак Орда. Отцу Жанибека - Барак хану на короткое время удалось объединить Ак Орду и Золотую Орду с центром в Сарайчуке, однако после его смерти власть в Восточном Дешт-и Кыпчаке перешла от тукайтимуридов к шайбанидам, потомкам пятого сына Джучи хана Шайбана.

В период смут первой четверти XV в. на территории Восточного Дешт-и Кыпчака, выходит на историческую арену Шайбани Абулхаир. В 1428 г. при поддержке местных племенных вождей в сибирском г.Тура он был провозглашен ханом. Одержав победу над другими претендентами, Абулхаиру удалось раздвинуть границы своих владений на юге до Сырдарьи и перенести ставку в г. Сыгнак, прежнюю столицу Ак Орды. Непрерывные завоевательные войны, которые вел Абулхаир, ослабили его государство. Особенно больших усилий и времени потребовало подчинение южных районов, входивших в состав Ак Орды и где сохранилась власть тукайтимуридов. Об ослаблении власти хана Абулхаира свидетельствовало жестокое его поражения калмыками в 1457 г. под Сыгнаком, и заключение с ними унизительного мира.

В сложившейся этнополитической обстановке усилилось стремление части родоплеменной знати выйти из подчинения Абулхаира. Протестные действия возглавил сын последнего золотордынского хана Барака - Жанибек, поддержанный своим троюродным братом султаном Кереем (Гирей). Мятежных султанов поддержала та часть родоплеменной знати, которая сохранила верность хану Бараку, отцу Жанибека и была связана с городами Сырдарьи.

В средневековом кочевом социуме откочевка от владения хана как форма протеста, была частым явлением. В 1459 году султаны Жанибек и Керей, во главе последовавших за ними родов, откочевали от ханства Абулхаира и поселились в Западном Жетису, на территории входившей в Могулистан.

По преданию причиной откочевки султанов и их подвластных явился конфликт между Кобланды батыром и бием Акжол. По свидетельству письменных источников, когда Абулхаир в 1457 г. объявил сбор войск против калмыков, Жанибек и Керей отказались от участия и война закончилась его поражением. В связи с этим над султанами, потомками Орыс хана надвинулась угроза со стороны Абулхаира, поэтому Жанибек и Керей со своими людьми были вынуждены покинуть пределы Узбекского ханства.

По свидетельству автора средневекового трактата «Таварих-и гузида нусрат-наме» Жанибек и Керей не были близкими родственниками[4] (Материалы по истории Казахских ханств XV-XVIII веков. Алма-Ата - 1969 С. 42). Родословная Керей хана (в источнике «Кирай хан») представлена в следующей последовательности: Орыс хан - Тохтахия - Полад - Керей хан. Общим предком Жанибека и Керея был Орыс хан, следовательно, они были троюродными братьями. В источниках нет указаний, кто из них был старшим ханом. Однако известно, что Жанибек был сыном последнего золотоордынского хана Барака, у которого и отец Куйыршак был ханом.

Керей был старше Жанибек хана, однако его отец Полад не был ханом. В средневековых государствах, существовавших на территории Казахстана, не было четко установленного закона о престолонаследии, что и явилось одной из причин частой и жестокой борьбы за власть. После смерти хана власть в большинстве случаев переходила от отца к сыну, но не редки были случаи, когда после смерти хана ему наследовал не сын, а брат или другой близкий родственник из числа чингизидов, если те пользовались большим авторитетом и, главное, поддержкой степной аристократии.

В казахстанской историографии прочно утвердилось представление о том, что султаны Жанибек и Керей правили ханством одновременно. Во

всемирной истории нет такого прецедента. Напротив, за власть боролись и уничтожали друг друга близкие родственники.

К примеру, известная царица Египта Клеопатра воцарилась, убив брата и сестру. Такого рода примерами изобилует история Золотой орды. Вот один из них: хан Бердибек, взошел на престол, задушив своего отца, а после воцарения перебил всех братьев, чтобы не было претендентов на ханский престол. Аналогичные случаи борьбы за власть были и в истории Казахского ханства. В начале XVII века за власть боролись два казахских хана Турсун и Есим. Закончилось это противостояние убийством хана Турсуна и установлением единовластия хана Есима.

В связи с этой проблемой надо учесть и следующие свидетельства источников. Известный бий Кадыр Али-бек (Кадыргали) Жалаири (1530-1605гг.) в историческом труде «Жами ат - Таварих» («Сборник летописей», где освещается родословная казахских ханов, имя Керей хана не упоминается. Оно отсутствует и в сочинении хана Абулгази (1603-1664 гг.) «Шаджараий тюрк» («Генеалогия тюрков»). В разделе «История казахских ханов» им перечисляются следующие имена: «Чингис хан - Жучи хан - Тукай Тимур - Уз-Тимур - Ходжа Бадагул оглан - Урус хан - Куйыршык хан - Барак хан - Абусагит (по прозвище Жанибек хан»). Не упоминается имя Керей хана и в «Родословной казахских ханов» Шакарима Кудайбердиева и других казахских шежире.

С учетом этих исторических свидетельств, можно утверждать, что все же первым казахским ханом был Жанибек хан. В подтверждение этому приведем следующее высказывание Чокана Валиханова: «Русские летописи представляют несколько хронологических данных, приблизительно объясняющих и определяющих эту эпоху и родину Жанибека, первого известного хана, по преданию Киргиз»[5] (Казахов – К.А.) (Валиханов Ч.Ч. Собр. соч.Т.2. С.161)

Значительная часть родов и племен южных районов Казахстана, тесно связанные с присырдарьинскими городами и в прошлом подвластные Барак хану, были заинтересованы в восстановлении власти династии ханов Ак Орды. Частые усобицы затрудняли торговлю, приводили к упадку городской жизни и затрудняли процесс этнической консолидации в единую народность. В такой политической обстановке стремление Жанибека и Керея к созданию самостоятельного государства объективно отражало настроение масс родов и племен региона. Недовольство масс скотоводческого и городского населения правлением Абулхаир хана, как было сказано выше, усилилось после его поражения в 1457 г. ойратами, которые дошли до Сыгнака и принудили его к заключению унизительного мира. Начало массового переселения населения было положено Жанибеком и Кереем, которые во главе подвластных им родоплеменных групп кочевников около 1459 г.

откочевали за пределы ханства Абулхаира и поселились в долине реки Чу. Об этом казахский средневековый автор Мухаммед Хайдар Дулати писал так:

«В те дни Абу-л-Хайр хан целиком овладел Дешт-и Кыпчаком. Он наподдал на султанов - Джучидов - Жанибек хан и Кирай хан бежали от него и прибыли в Моголистан. Исан Буга хан хорошо принял их и отдал им Козы басы, которое находится, на западе Моголистана, на реке Чу.»[6] (М.Х. Дулати. Тарих-и Рашиди. Алматы, 1999. С. 108)

За Жанибеком и Кереем в долину Чу последовали многие родовые общины кочевого общества, недовольные политикой Абулхаир хана. Об этом средневековый автор Махмуд Бен Эмир Вали писал так. «Когда Жанибек хан и Кирай хан сделали длительную остановку на той территории, каждый человек [как] из правителей, [так] и из войска, кто начинал питать отвращение к Абу-л-Хайр-хану, находил у них убежище».[7] (Материалы по истории Казахских ханств XV-XVIII веков. Алматы, 1969. С. 352)

В источниках отмечается, что «откочевка усилилась после смерти Абулхаира и что вскоре число переселившихся достигло двухсот тысяч человек и их стали называть, узбек-казаками. Начало правление казахских султанов пошло с 870 (1465-1466 г.), а Аллах знает лучше...![8] (Тарих-и Рашиди, Алматы, 1999. С. 108). Указанную М.Х. Дулати дату - 1465 г. - вполне обоснованно можно считать годом основания Казахского ханства и что его первым ханом был Азь Жанибек. Последовавшие за Жанибеком и Кереем в Жетису казахские роды и предопределили объединение казахов Среднего и Старшего жузов.

В позднее средневековье, точнее во второй половине XV века, возникновение и упрочение Казахского ханства сыграло решающую роль в завершении тысячелетнего процесса консолидации казахских родов и племен в народность и уточнений ее этнической территории. Казахское ханство явилось прямым правопреемником Ак Орды и Ханства кочевых узбеков. Позже в результате дальновидной политики Жанибек хана и его сына Касым хана в состав Казахского ханства вошли и казахи Младшего жуза.

В 1474 году, по другим сведениям в 1477 Азь Жанибек хан умер и был похоронен в Сарайчуке. Новым ханом был избран Керей хан, а после его смерти в 1480 г. ханом избирается его сын Бурундык.

Таким образом, при Азь Жанибек хане и его преемниках возникло и упрочилось Казахское государство. В его дальнейшей судьбе исключительную роль сыграли потомки Жанибек хана, у которого было 9 сыновей. Это: Иренши, Махмуд, Касым, Адик, Жаныш, Камбар, Таныш, Усяк (Осик) и Жадик. С 1580 г. правление Казахским ханством переходит к потомкам Жадик султана. В 1580 г. после смерти Хакназар хана

Казахским ханом избирается сын Жадик султана Шыгай хан, далее ему наследовали Тауекель хан (1582-1598 гг.), Есим хан (1598-1621 гг.), Жангир хан (1621-1652 гг.), Тауке хан (1650-1716 гг.), Каип хан (1716-1718 гг.), Болат хан (1718-1730 гг.), Самеке хан (1730-1737 гг.), Абильмамбет хан (1737-1771 гг.), Абылай хан (1771-1781 гг.), Вали хан (1781-1821 гг).

1.4 Основные вехи предыстории

Становление личности Абылая приходится на один из самых сложных и переломных периодов в истории казахского народа. Чтобы понять логику событий и то, что собой представлял Казахстан в начале XVIII в., обратимся к предыстории того периода.

Первые государственные образования на территории Казахстана, как свидетельствуют источники, возникли в I тысячелетии до н.э. Их создателями были саки (скифы), уйсуни и канглы, которые в III в.до.н.э.-V в.н.э. испытали большое влияние гуннов (хунну) в связи с их массовым перемещением на Запад. Эпоха великого переселения народов в значительной мере изменила этническую и политическую карту Казахстана. С V в. на историческую арену выходят тюрки, племенные обьединения которых создали на территории Казахстана различные государства.

Вся евразийская ойкумена от Крыма и Северного Причерноморья до озера Балхаша, граничащая на юге со средним течением Сырдарьи, с XI века в персидских источниках называлась Дешт-и-Кыпчак - Кипчакская степь, по имени тюркского племени кипчак (половцы). В XIII в. в результате монгольских завоеваний вся Великая степь вошла в состав улуса Джучи, известного в литературе как Золотая Орда. На протяжении двух столетий Золотая Орда была самым могущественным государством на всем евразийском пространстве. Помимо территории Казахстана, в нее входили Крым и Северное Причерноморье, Русь, Северный Кавказ, Хорезм, Западная Сибирь. Признавая военную мощь Золотой Орды, правители стран Европы стремились поддерживать с ней дружеские отношения.

В XV в. Золотая Орда распалась на множество государств, одним из них было ханство Абулхаира или Государство кочевых узбеков. В XIV-XV вв. восточная часть Дешт-и Кыпчака, простиравшаяся от Яика до Балхаша, называлась «страной узбеков», а население - «узбеками» или «узбек-казахами». В поэтическом шежире Шал акына (1748-1819) есть такие строки: «Тоқсан баулы өзбек айрылыпты Таңбалының моласы деген жерде»[62]. В смысловом переводе это означает, что узбеки, составляющие

90 родов и поколений, разделились или распались на части в местечке Танбалы. Одна из этих частей во главе с султанами Жанибеком и Кереем (Гиреем), потомками известного правителя Золотой Орды Орыс хана (1368-1377), основала в Юго-Западном Жетису в 1465-1466 гг. Казахское ханство. Другая часть, возглавляемая Мухаммадом Шайбани, внуком Абулхаир хана, устремилась в Туркестан, но вытесненная казахскими ханами, удалилась в конце XV в. в Среднюю Азию и дала термин «узбек» с этническим значением целому народу.

Образование Казахского ханства в долинах Чу и Талас явилось закономерным и логичным итогом тех социально-экономических и этнополитических процессов, которые разворачивались на обширной территории Сары-Арки, Туркестана и Семиречья в XIV-XV вв. Оно создало условия для завершения процесса этногенеза казахской народности, присоединения к нему родственных племён, формирования этнической территории казахов.

Важнейшим ареалом исторического развития казахского народа с незапамятных времён являлся южный Казахстан с его городами, расположенными в бассейне Сырдарьи. Этот регион в истории больше известен под названием Туркестан. Уже в XIV в. он становится центром политической жизни Восточного Дешт-и Кыпчака. Сюда, в город Сыгнак, перенесли свою столицу в XIV в. правители Ак-Орды. То же самое сделал хан Государства кочевых узбеков Абулхаир в 40-е годы XV в. С Туркестаном тесно связано развитие собственно казахской государственности. Хотя в силу исторических обстоятельств Казахское ханство возникло в западном Жетису, его основатели осознавали, что без распространения их власти на Туркестан они не могут рассчитывать на преодоление разобщенности и раздробленности казахского народа.

Выгодное положение туркестанских городов на стыке оседло-земледельческого региона с кочевой степью и на перекрёстке магистральных торговых путей сделало их центром экономической и политической жизни Казахстана. В силу этих обстоятельств на землях Туркестана сходились этнические территории всех трёх жузов. Владение присырдарьинскими городами-крепостями создавало предпосылки для укрепления военной и экономической мощи их правителей. Именно поэтому здесь, в Туркестане, сталкивались противоположные интересы правителей соседних государств. Именно поэтому первые казахские ханы вели упорную борьбу за присырдарьинские города, являвшиеся составной частью этнической территории казахов.

В период становления и упрочения казахской государственности против её правителей выступали шайбанидские, а позже - аштарханидские правители Бухарского ханства. Они с не меньшим упорством, чем

казахские ханы, сконцентрировали свои усилия на захвате городов Туркестана. Это длительное противостояние, в конце концов, решилось в пользу казахских правителей. Последнюю точку в этой борьбе поставил хан Тауекель, установив в 1598 г. суверенитет Казахского ханства на Ташкент. В XVI в. завершается формирование этнической территории казахов.

Развитие Казахского ханства в XVII в. протекало в сложной внутриполитической и международной обстановке. В начале века хану Есиму (1598-1628) пришлось вести упорную борьбу против сепаратизма султанов, один из которых, Турсун Мухаммад, в Ташкенте объявил себя ханом и стал вынашивать враждебные замыслы против Есим хана. Хотя борьба за власть двух ханов кончилась гибелью Турсуна и победой Есим хана, однако обстановка в стране оставалась сложной. В борьбе с сепаратизмом султанов, Есим стал опираться на родоплеменную знать. При нем стал набирать силу институт бийства. Эти и другие изменения нашли отражение в законодательных актах, известных как «Есім ханның ескі жолы» (древний путь Есим хана).

В первые десятилетия XVII в. участились военные походы ойратских тайш на города Туркестана, сопровождавшиеся грабежами и уводом пленных. В ответ на эти действия ойратов Есим хан совершил против них несколько удачных походов, которые принесли ему славу батыра. Казахи называли его «енсегей бойлы ер Есим» (высокорослый храбрый Есим).

Линию Есим хана на укрепление Казахского ханства после его смерти в 1628 г. продолжил его преемник Жангир хан, вся сознательная жизнь которого прошла в борьбе против ойратов. Ойраты, казахи их называли калмаками (калмыки), заселяли западную Монголию. В 20-е годы XVII в. первый ойратский союз, состоящий из чоросов, дербетов, торгоутов и хошоутов, переживал политический кризис, вызванный поражением от казахов и внутренними распрями. В результате этих процессов хошоуты продвинулись на Тибет, торгоуты во главе с Хо-Урлюком в 1618 г. через север Казахстана ушли на южный Урал. В 1632 г. эта ветвь калмыков, вытеснив казахов и ногаев, поселились в низовьях Волги[63].

В 30-е годы ойратский хан Харахула предпринял попытку объединить оставшихся ойратов в одно государство. С его именем связано образование государства под названием Джунгария. Джунгарское ханство - ойратское государство (1635-1758), существовавшее на территории между озером Балхаш, горами Тянь-Шань и верховьями Иртыша (часть терр. совр. Сев.-Зап. Китая). Вскоре Харахула умер, и процесс объединения ойратов завершился при его преемнике Батуре хунтайджи (1635-1653). При Батуре (1635-1660) Джунгарское ханство окрепло. В 1640 году ойратские правители провели съезд, на котором приняли

Степное Уложение («Цааджийн-бичиг»), установившее единые законы для всех ойратских владений и определившее буддизм школы гелуг в качестве единой религии. В этом съезде принимали участие представители всех ойратских ханских и княжеских родов. В основе экономики ойратов Джунгарии лежало кочевое скотоводство. Основным социально-политическим объединением являлся улус, состоявший из ряда родовых союзов - отоков, анги и аймаков. Несколько уделов (улусов) составляли племя. Четыре главных ойратских племени - чоросы, дербеты, хошоуты и хойты - представляли к началу XVII в. княжеские владения. Образование Джунгарского ханства и одержанные в это время ойратскими армиями победы в Казахстане, Монголии, Восточном Туркестане подняли международный авторитет Батура хунтайджи, сделали его ставку одним из важнейших политических центров Центральной Азии. Стратегической целью джунгар являлось увеличение территорий для кочевья, путем захвата соседних земель.

В 1635 г. Батур начинает войну против казахов, которая продлилась более ста лет и закончилась в 50-е годы XVIII в. полным уничтожением этого государства Цинской империей. Целью военных действий ойратских феодалов были захват туркестанских городов и установление контроля над Жетису.

Первое столкновение казахов с джунгарами зафиксировано в 1643 году. Борьбу казахов возглавил Жангир хан. В войне с джунгарами Жангир хан познал и горечь поражения, и радость славных побед, одержанных благодаря его полководческому таланту. Сражение получило название Орбулакская битва. В этой битве войско казахов, насчитывавшее 600 человек, в горном ущелье преградило путь 50-ти тысячному войску Батура. Отряд Жангир хана, подобно 300 спартанцам, задержавшим наступление 30-ти тысячного войска персов в Фермопильском ущелье[66], не дал ойратам вырваться из западни. Как свидетельствуют очевидцы, Жангир хан «побил-де у контайши на тех двух боях людей тысяч с десять»[67]. Вскоре Жангиру на помощь пришло 20-ти тысячное войско казаха Жалантоса бахадура, правителя Самарканда[68]. Джунгарское войско, понеся большие потери, вынуждено было поспешно отступить[69]. Учёные установили, что это знаменитая битва произошла в ущелье Казахского Алатау на реке Орбулак[70].

Опираясь на архивные источники, красочно описал эти события историк А. Левшин. «Жангир хан, - писал он, - поместил одну половину оной между двух гор в ущельи, которое окопал глубоким рвом и обнёс высоким валом, а с другою половиною скрылся сам за горою. Зюнгары подойдя к укреплению, напали на оное, и в то самое время, когда они теряли множество людей в сражении, весьма невыгодном для осады

по причине узкого пространства, Джангир устремился на них с тыла. Неожиданность сего удара, отважность воинов, избранных для оного и отличные ружья, которыми все они были снабжены, нанесли Багатыру сильный урон»[65].

Однако война с ойратами на этом не закончилась, новое их вторжение на земли киргизов и казахов произошло в 1646 г. Хотя Батур хунтайджи в ряде сражений удалось потеснить казахов, однако и на этот раз он не смог решить стратегические задачи - завоевание присырдарьинских городов и подчинение себе казахов. Поэтому в 1652 г. Батур совершил новое нападение. И на этот раз Жангир хан организовал упорное сопротивление ойратской агрессии, однако перевес сил был на стороне джунгар. В одном из сражений хан Жангир погиб.

В следующем, 1653 г., умер и Батур хунтайджи. В связи с этим в Джунгарии начались смуты - борьба тайш за власть, которая не прекращалась на всём протяжении правления Сенге (1653-1670). В эти годы в казахско-джунгарских отношениях наблюдалось относительное спокойствие. Новая агрессия джунгар началась с приходом к власти воинственного хунтайши Галдан Бошокту (1671-1697).

Утверждение власти Галдана в стране прошло в острой борьбе с соперничающими с ним феодальными группами. Большое влияние на внутриполитическую обстановку оказывали внешние факторы. С северо-запада ойратов стали теснить русские колонисты, а на восточных рубежах реальную опасность представляла экспансионистская политика Цинского Китая. Чтобы отвести угрозу цинского ига, Галдан Бошокту начал политику объединения удельных владений в одно централизованное государство. С этой целью он повёл решительную борьбу против тех владетелей, которые признавали над собой власть цинов.

Таким образом, укрепив свою власть, Галдан сам начал проводить экспансионистскую политику в Восточном Туркестане. Эта страна, переживавшая в тот период затяжной политический кризис и междоусобицу, стала лёгкой добычей джунгарского правителя. Как отмечалось в русских источниках, контаиши, покорив ряд городов богатых районов Восточного Туркестана, превратился «в нынешнее время передо всеми народами ....сильняе стал и ружья и пороху имеет довольно и хлеб заводит, чего никогда у них не было»[71].

Лёгкая победа в Восточном Туркестане вскружила голову жаждавшей богатства военно-феодальной верхушке ойратского общества. В угоду ей Галдан начинает военные действия против Казахского ханства и государств Средней Азии. В результате нескольких тяжёлых походов

Галдану удалось подчинить себе некоторые районы Юго-Восточного Казахстана и Средней Азии.

В 1680-е годы в Халхе (Восточной Монголии) развернулась междоусобная борьба, чем не преминула воспользоваться Цинская империя, которая активно вмешалась в эти события. Создалась реальная угроза независимости Халхи. Чтобы отвести эту опасность и самим завладеть ею, Галдан с 30-ти тысячной армией в 1687 г. вторгся в эту страну. Расчёт Галдана на лёгкую победу не оправдался, он встретил ожесточённое сопротивление не только халхинцев, но и войск Цинской империи[72].

Война в Халхе продлилась девять лет и закончилась разгромом армии Галдана. Отступать ему было некуда, и в 1697 г. он покончил с собой. Одна из главных причин поражения Галдана заключалась в том, что сразу же после его выступления из Джунгарии туда вернулся Цеван Рабдан и захватил власть в стране. Последний приходился Галдану племянником, в своё время он, преследуемый дядей, был вынужден бежать из страны в Восточный Туркестан, откуда в 1688 г. и вернулся в страну. С приходом к власти в Джунгарии Цеван Рабдана начинается новый и наиболее кровавый этап ойратской агрессии в Казахстане.

Организация отпора джунгарской агрессии и заметное укрепление Казахского ханства в последней трети XVII в. связано с именем хана Тауке, которого казахи называли Аз-Тауке, что означало мудрый Тауке. Такой чести в истории Казахского ханства удостоился, кроме него, лишь хан Жанибек - один из основателей Казахского ханства. Время правления Тауке хана у казахов ассоциируется с «Золотым веком», когда народ жил в покое и согласии, возродились города, процветала торговля.

Дата рождения Тауке хана неизвестна, но если учесть, что он при жизни отца Жангир хана (умер в 1652 г.) принимал участие в политической жизни страны, возглавлял посольство в Кашгарию[73], то можно предположить, что он родился не позднее начала 30-х годов XVII в. Интересно следующее. Хотя Тауке ещё при жизни отца принимает участие в государственных делах, ханом он избирается лишь в 1680 г. До сих пор нет сведений: кто же правил Казахским ханством в период после гибели Жангир хана в 1652 г. и избрания ханом Тауке в 1680 г., обходят этот вопрос молчанием и авторы нового издания «История Казахстана». Лишь в книге «Казахстан. Летопись трех тысячелетий» приводится текст рассказа сарта Нур-Мухаммеда, записанного 15 марта 1735 г. в г. Уфе, о том, что после Джангира правил «Батыр-хан, после Батыра-Тауке хан»[74].

Известный казахский поэт, публицист Мыржакып Дулатов в статье «Хазрет Султан» пишет о том, что в Туркестане (столице Казахского ханства - К. А.) после Есим хана ханом стал его сын Жангир, после него - Батыр хан, после Батыра ханом стал сын Жангир хана - Тауке хан[75]. К сожалению, ссылки на источник нет, тем не менее, полагаю, что два приведённых факта о хане Батыре не случайное совпадение. Дело в том, что после смерти Жангир хана и избрания Тауке ханом прошло 28 лет (1652-1680), трудно предположить, чтобы на такой срок Казахское ханство, находившееся в состоянии войны с джунгарами, оставалось без правителя.

Как свидетельствуют источники, у Жангир хана, кроме Тауке, было ещё несколько сыновей, возможно, Батыр хан - один из них. Имена двух других сыновей Жангир хана (Апак и Вали), упомянуты в источниках[76]. Кстати, последний из них - прадед Абылай хана.

Одно доподлинно известно, что Тауке хан прожил долгую и насыщенную событиями жизнь. Умер он в преклонном возрасте, в 1715 г.[77], по некоторым данным - в 1718 г.[78] Период его правления навсегда запечатлелся в народной памяти как период благоденствия и согласия[79] и нашёл своё отражение в устном народном творчестве. Будучи дальновидным политиком, Тауке хан предпринял решительные меры по укреплению центральной власти путём повышения роли родовой знати - биев и батыров. В годы правления хана Тауке были кодифицированы нормы обычного права казахов. Составленные по его инициативе законы получили название «Жеты Жаргы» (Семь установлений)[80]. Он восстановил прерванные до него русско-казахские дипломатические связи.

Высоко оценивал государственную и законодательную деятельность Тауке хана А. Левшин, назвав его Ликургом, Драконтом (древнегреческие законодатели) казачьих орд. Левшин писал: «....Он (Тауке - К.А.) убедил всех умом и справедливостью повиноваться себе, он соединил слабые роды вместе для сопротивления сильным, а сильные усмирил и дал всем вообще законы, по которым судил их, и которые доныне живут в памяти благоразумнейших киргизов»[81].

Исследователи отмечают, что со смертью Тауке заканчивается история Казахского ханства, начинается история Казахских ханств[82]. В связи с этим есть одно обстоятельство, которое требует своего уточнения. Это - дата смерти хана Тауке. Ряд современных авторов[83] считает, что он умер в 1718 г., при этом ссылки на источник никто из них не дает. Видимо, учёные ориентируются на замечание А.И. Левшина, содержащиеся в известной его книге. Он писал: «Гагарин (Сибирский губернатор - К. А.) исполнил волю государя в 1717 году,

и ханы Тявка, Каип и Абулхаир отвечали ему обещанием во всём повиноваться России. Сношение сие не имело, однако ж, никаких последствий, потому что князь Гагарин вскоре после того из Сибири был позван в Москву, а Тявка, старейший и благоразумнейший из ханов, умер»[84].

Как видим, и Левшин не называет точную дату смерти Тауке, более того, он в сноске уточняет: «Известие сие взято нами из сочинений и переводов 1760 года». Далее Левшин пишет, что к 1717 г. Тауке «был очень стар. Слабость его и последовавшая за оною утрата власти были, вероятно, (подчёркнуто нами - К. А.) причиною избрания при жизни его в ханы Абулхаира и Каипа»[85]. Как видно из приведенного текста, А.И. Левшин строил свои предположения на основе нарративного источника более позднего времени, а не официального документа, составленного в том же 1717 г. Поэтому нам представляется более основательным высказывание В. Я. Басина о том, что хан Тауке умер в 1715 г.[86]

Став общеказахским ханом, Каип продолжает политику Тауке хана по укреплению центральной власти, снятию джунгарской угрозы. В этих целях он стремится использовать обострение отношений России и Джунгарии в связи с разгромом последней военного отряда И. Бухгольца в 1716 г. Однако его попытки создать военный союз с Россией против Джунгарии не увенчались успехом. Был неудачен и предпринятый им совместно с Абулхаиром в 1717 г. военный поход против джунгар в Восточном Казахстане. Правление Каип хана было кратковременным, в 1718 г. он был злодейски убит[87].

После смерти Каип хана Казахское ханство переживает острый политический кризис. Избранный Казахским ханом Болат[88] (1718-1730)-старший сын Тауке хана - фактически не управлял ханством. Будучи «бездарным и слабовольным»[89], «он ничем себя не проявил»[90], смирился с тем, что наряду с ним в каждом казахском жузе появилось по несколько ханов и султанов на правах правителей.

Удельными правителями в Среднем жузе были ханы: Семеке (Шахмухамбет - 1719-1738), Кушык (1719-1730-е годы), Барак султан (?-1750), в Младшем жузе - Абулхаир хан (1718-1748 гг.), Батыр султан (1710-1781), в Старшем жузе - Жолбарыс хан (1720-1740 гг.). Последствием политического кризиса, охватившего Казахское ханство, стало ослабление и последующее превращение его в объект агрессивных устремлений и вооружённых вторжений правителей соседних стран почти по всему периметру его территории. Наибольшую опасность представляли военные вторжения джунгарских правителей, ставшие с этого времени систематическими.

1.5 Становление личности Абылая: Абильмансур - Сабалак - Абылай

Свою философию, взгляды на мироздание и свои духовные ценности казахи выработали в длительной борьбе за территориальную целостность и государственную независимость. И поэтому высшая ценность казахов - свобода и независимость. А отстаивавшего эти ценности Абылая казахи, по выражению Ч. Валиханова, считали «воплотившимся духом (арвах), ниспосланным для свершения великих дел»[91].

Абылай, настоящее его имя Абильмансур, происходит из знатного рода казахских ханов. Его родословная берет начало от первого хана Дешт-и Кыпчака - Джучи, старшего сына Чингисхана. Далее генеалогическое древо продолжалось в такой последовательности: Тукай-Тимур, тринадцатый сын Джучи, его сын Уз-Тимур, его сын Кожа, его сын Бадигул, его сын Урус хан, его сын Куйыршык хан, его сын Барак хан, его сын Аз Жанибек хан - один из основателей Казахского ханства, его сын Жадик, его сын Шигай хан, его сын Есим хан, его сын Жангир хан, его сын Салкам Вали, его сын Каничер Абылай, его сын Коркем (Красивый) Вали, его сын Абильмансур - Абылай хан[92].

Чокан Валиханов в своей статье, посвященной Абылаю, писал: «Он происходил из младшей линии султанов Средней Орды и имел в третьем колене общего родоначальника с Абулмамбет ханом...»[93]. Этим «общим родоначальником» был прославившийся в войне с джунгарами хан Жангир.

Повествуя об этих событиях, известный казахский поэт-философ Шакарим Кудайбердиев писал: «Аз-Тауке родился от брака Салкам Жангира и дочери калмыцкого хана. Брат его Валибек (Валибек) был рожден от дочери ургенчского Гаип-хана. Когда вместо Жангира ханом стал Аз-Тауке, Валибек, затаив обиду, ушел к Гаип-хану»[94].

Салкам Вали ничем себя особо не проявил, зато его сын Абылай прославился в единоборствах и военных действиях, стал правителем Ташкента. Он был беспощаден к своим врагам, за что и получил прозвище Каничер (Кровопийца).

Письменных источников о деятельности Каничер Абылая почти нет, неизвестны и даты жизни. Имя султана Абылая упоминается лишь в одном документе - это письмо казанского губернатора П. Салтыкова хану Каипу от 8 января 1719 года. «Также брат его, Каипов,- писал губернатор,- Аблай-салтан у посланных к ним царского величества с уфинцом Федором Жилиным солдат ружье и патронные сумы отобрал, и у себя удержал, и им не отдал»[95]. К сожалению, больше никакими письменными свидетельствами о нем не располагаем. Сын Каничер Абылая - Коркем (Красавец) Вали и есть отец хана Абылая.

Однако следует отметить, что в высказываниях исследователей относительно генеалогии Абылая есть и расхождения. К примеру, автор крупной поэмы «Абылайдын тарихы» Ш. Жангирулы (1855-1933) пишет, что отца Абылая звали Абильфаиз[96]. Эту версию разделял известный писатель Сабит Муканов (1900-1973). Он писал: «Отец Абылая - Абильфаиз, - некоторые люди знали его и под именем Вали...[97]. А поэт-публицист Мыржакып Дулатов(1885-1935) писал, что отца Абылая звали Суйенши[98].

Писатель Балгабек Кадырбекулы в своей книге «Түп-тұқияннан өзіме шейін»[99] (авторство приписывается некоему Казбеку, жившему в начале XVIII в.)[100] считает, что Абылай вовсе не чингизид, а из простолюдин. Его, якобы, путем ложных подтасовок, Толе бий возвел в ханы[101].

На наш взгляд, наиболее авторитетными являются сведения русского исследователя И.Г. Андреева (1744-1824), записавшего в 1778 г. со слов двоюродного брата Абылай хана Султамамет султана. Родословная Абылая записана И.Андреевым в такой последовательности: «Ишим - Янгир - Абылай - Вали - Абылай хан»[102]. Однако в генеалогии Абылая, составленной в 1748 г. А.И. Тевкелевым со слов Абулхаир хана и влиятельных казахских султанов, между Жангир ханом и султаном Абылаем существовало еще одно династическое звено - султан Вали (Есим - Жангир - Вали - Абылай - Вали - Абылай хан)[103].

Некоторые исследователи, в том числе Чокан Валиханов, Ермухан Бекмаханов, считали, что дед и отец Абылая были правителями Туркестана[104]. По другим данным, они владели не Туркестаном, а Ташкентом. «Абылай - султана дед и отец, - рассказывал в 1768 г. царским властям хорошо знавший родословную Абылая его писарь М. Мамедов, - были города Ташкента ханами, но, напав, зенгорские калмыки, тот город завоевали, причем Абылай султан, будучи десяти лет, ушел в город Туркестан под владение Абулмамбет хана...»[105]. Правоту этих сведений подтверждает и Бухар жырау - сподвижник и советник Абылая.

Бухар жырау Калкаманулы (ок.1668-1781) - казахский акын, жырау, видный представитель казахского устно-поэтического творчества. Родился в Баянауле в местечке Суйхар-Ния. Происходил из племени аргын, отец Бухара Калкаман был батыром. О социальной активности Бухара говорит тот факт, что уже в молодом возрасте его привлекали в качестве бия (судьи). Как талантливый поэт и общественный деятель он выдвинулся еще во времена хана Тауке, бывал в его дворе. Бухар жырау наиболее известен как автор патриотических поэм и песен, а так же как певец и советник хана Абылая. Уже в относительно пожилом возрасте он был приглашен ханом Абылаем в свою ставку и стал его главным советником и идеологом. В своих песнях-толгау, представляющих собой философские размышления, акын касался всех

актуальных вопросов своего времени и пытался на них ответить. В «Годы великого бедствия» (каз. Ақтабан шұбырынды), нашествия джунгар, Бухар жырау страстно призывал соотечественников к объединению - созданию крупного Казахского ханства. Он возлагал большие надежды на Абылай хана, одобрял и поддерживал его политику (например, в стихотворных произведениях - «Благоденствие», «Абылай, ты в 11 лет», «Когда я тебя увидел», «На смерть Богенбай батыра» и других). В то же время он подвергал критике некоторые стороны его деятельности. («Я говорю», «Позаботься о своём народе» и другие стихотворения). Он указывал на необходимость мира с Россией («При хане Абылае» и другие). Во многих своих толгау поэт поднимает морально-этические проблемы, о взаимоотношениях людей, о будущем («Если не отвечу хану», «Через 12 месяцев вернётся лето» и другие). Творчество Бухара жырау вобрало в себя и обобщило всю предшествовавшую поэтическую традицию, а также сыграло огромную роль в духовной жизни современного ему общества, сыграло важную роль в дальнейшем развитии казахской литературы.

В одном из его обращений к хану Абылаю говорится:

Когда было «Великое бедствие»,
Когда ты с отцом и матерью расстался,
Когда ты, торе, был с кобчика,
Ушел ты в Туркестан,
Стал рабом, ездившим на серой кобыле
Абульмамбету ... Самеку стал слугой...[106]

Версию о том, что Абылай родился в Ташкенте, разделяли исследователи Р.Б Сулейменов, В.А. Моисеев. Они писали: «Как известно, Ташкент был захвачен ойратами в 1725 г. Абильмансуру, родившемуся в 1711 г., исполнилось в это время четырнадцать лет»[107]. Данная версия нам представляется более основательной, и вот почему. Предки Абылая были правителями Ташкента, который на протяжении двух веков входил в состав Казахского ханства, а г.Туркестан был резиденцией казахских ханов, поэтому он не мог быть чьим-то уделом. Вот что писал на этот счет А.И. Левшин: «Повелевая всеми вообще киргиз-казаками, сам он (Тауке хан - К.А.) жил, подобно отцу и деду, в Туркестане»[108]. После смерти Тауке хана в Туркестане жили его прямые наследники: Болат хан и его сын Абульмамбет хан[109]. На этом основании, думаем, можно заключить, что Абылай хан родился в Ташкенте, а не в Туркестане.

Поддерживая высказывание Р.Б Сулейменова и В.А. Моисеева относительно места рождения Абылая, в то же время выражаем согласие с их утверждением о том, что «Ташкент был захвачен ойратами в 1725г.»[110] Этой даты падения Ташкента придерживались и академик В.В. Бартольд[112] и А. И. Левшин.

По историческим сведениям, султан Вали, отец Абильмансура, пал от рук ойратских захватчиков, затем они убили всех его родственников, чтобы некому было мстить. Лишь одного Абильмансура сумел спасти верный слуга-туленгут по имени Ораз. По преданиям, Ораз увел Абильмансура в Ургенч, где жили его дальние родственники по материнской линии.

Спустя некоторое время они из Ургенча перебрались в район Туркестана, где кочевали аулы Толи-бия. Об этом упоминается Умбетеем-жырау в посвящении на смерть знаменитого Богембай-батыра. Там есть строки:

Жас күнінде, Абылай!
Үргеніштен мұнда кеп,
Сарыарқаны жерім деп,
Келмеп пе едің жаяулай[114].

Старый жырау обращается к хану: «Разве ты, Абылай, подростком не пришел пешком из Ургенча в Сары-Арку, казахскую степь?»

В связи с этим эпизодом бытовала молва, будто Абильмансур по пути в Сары-Арку из опасения быть узнанным убивает верного слугу Ораза. К сожалению, это нашло отражение в упомянутом романе И. Есенберлина[115]. На самом деле Ораз разделил все скитания Абильмансура. Позднее, когда Абильмансур прославился и стал султаном Абылаем, он, уплатив калым, засватал невесту и женил Ораза. Потомки его и поныне живут в Щучинском районе Акмолинской области[116].

В поисках пристанища Абильмансур несколько лет скитался в степи, испив сполна чашу сиротской жизни, полной невзгод и лишений. Плохо одетого и обросшего мальчика люди прозвали Сабалаком (лохматым). Об этом эпизоде жизни потом не раз напоминал Абылаю мудрый Бухар жырау, чтобы он не зазнавался. По одним версиям, Абильмансур под именем Сабалака пасет верблюдов у знаменитого бия Старшего жуза Толе Алибекова (1663-1756), одного из организаторов всенародной борьбы с джунгарами. Предание гласит, что уже тогда Толе бий предсказал юноше славное будущее. Было так: «Однажды Толе бий, возвращаясь из соседнего аула, остановился возле спящего в тени дерева юноши. Знаменитого бия поразило красивое и мужественное лицо спящего пастушка, и он, обращаясь к сопровождавшим его слугам, воскликнул - «Посмотрите, как смело и широко раскинул свои руки и ноги, словно хочет объять все четыре стороны света»[117].

Надо полагать, что данное предание небеспочвенно, ибо оно нашло отражение в поэзии **Умбетея-жырау Тлеуулы** (1697-1786). Поэт-воин, участвуя в походах против иноземных агрессоров, видел героические подвиги батыров и слагал о них песни, исполнял богатырские спевы и

завоевывал у современников непререкаемый авторитет и популярность. Замечательны его песни, посвященные Абылай хану. Вот одна из них:

Төле биді тапқанда,
Күндіз үйе баққанда,
Жалғызбын деп шошынбай,
Қара жерге отырмай,
Күпіңді салып астыңа
Жең жастанып басыңа,
Қол-аяғың төрт жақта
Жатушы едің сол шақта
Ұмыттың ба соны, Абылай[118].

По другим версиям, Абылай устраивается слугой у Абульмамбет султана в Туркестане. Видимо, имело место и то, и другое. Так он скитался по степи в поисках удачи, пока не достиг окрестности Кокшетау. Здесь он нанимается табунщиком к баю Даулеткельды из рода Караул, поколения жаксылык. Абильмансур по-прежнему скрывал свое настоящее имя, но гордая осанка, независимый характер и благородная внешность выдавали его высокое происхождение. Хозяйка дома заметила и другие аристократические манеры у молодого табунщика: он не пил из немытой посуды, не просил, как прочие пастухи, пищи, пока не подадут. Своими наблюдениями она поделилась с хозяином. Даулеткельди бай в откровенном разговоре, узнав у Абильмансура его тайну, проникся к нему еще большим уважением и предложил ему быть вместо сына, стать наследником его богатства, поскольку один сын погиб, другой пропал без вести в войне с калмыками.

Проходит время, и до пределов Кокшетау доходит боевой клич Богенбай батыра: «Аттан!» (в поход!) Абильмансур, давно мечтавший сразиться с ненавистными джунгарами, обьявляет Даулеткельди баю о своем намерении вступить в народное ополчение. Тот, одобрив решение Абильмансура, благославляет его и отдает ему самого резвого коня из своего многотысячного табуна. «Этот-то выбранный конь был тот знаменитый Чалкуйрук, на котором Аблай составил себе имя батыра и уважение киргиз[119] (казахов)» - писал Чокан Валиханов.

Как было отмечено выше, к началу XVIII в. Казахстан не представлял из себя единого государства, а распался на множество улусов со своими ханами и султанами[120]. Ослаблением и распадом Казахского ханства не преминули воспользоваться соседи. Характеризуя положение Казахстана в это время, Чокан Валиханов писал: «Первое десятилетие XVIII в. было ужасным временем в жизни киргизского (казахского - К.А.) народа. Джунгары, волжские калмыки, яицкие казаки и башкиры с разных сторон громили их улусы, отгоняли скот, уводили в плен киргизов целыми семействами»[121]. Для казахов особую опасность представляла Джунгария.

С начала XVIII в. борьба между казахами и джунгарами приобрела ожесточенный характер. В 1718 году произошло сражение близ реки Аягоз. Казахи потерпели поражение. В конце 1722 года скончался маньчжурский император Сюанье, правивший под девизом «Канси», и в китайско-джунгарской войне наступило вынужденное перемирие. В связи с тем, что цинские войска прекратили давление на Джунгарию, ойраты перешли к военным операциям против казахов.

Джунгарское ханство к началу XVIII в. превратилось в крупное военно-феодальное государство. Усиление могущества связано с именем правителя Цеван Рабдана (1697-1727)[122]. Ему удалось не только усмирить своеволие нойонов, но и укрепить центральную власть. Немаловажным фактором усиления джунгар явилась реиммиграция с берегов Волги 15 тысяч семей торгаутов, а также покорение ими Восточного Туркестана[123] (современный Суар в КНР).

Уступая казахам по площади занимаемой территории и численности населения, джунгары превосходили их в военно-техническом отношении. Так, по свидетельству Ивана Унковского, возглавившего в 1722 г. русское посольство в Джунгарию, в этой стране работали заводы по выплавке железной руды и цветных метаталлов. Численность постоянного войска достигала до 60 тысяч человек, из которых «содержит против казачьей орды 30 тысяч»[124]. На вооружении у них, кроме лука, сабли, копья, были ружья и пушки.

О военной мощи Джунгарии говорят и такие факты. В 1715 г. трехтысячный отряд бригадира И. Бухгольца, направлявшийся по приказу Петра Первого в Яркенд для поиска песочного золота и строительства военных укреплений, был буквально разгромлен ойратами. Дело было так. В начале октября 1715 г. отряд прибыл к Ямышевскому озеру (южнее нынешнего г.Павлодара) и остался здесь зимовать, заложив военные укрепления. Узнав о постройке Ямышевской крепости и намерении русских продвигаться далее в верховья Иртыша, джунгарский правитель выслал 10-ти тысячное войско. Крепость вскоре была окружена со всех сторон ойратами. В результате непрерывного штурма джунгарского войска и из-за голода и болезней, потеряв три четверти воинов, Бухгольц с остатками отряда в 700 человек отступил вниз по Иртышу. Добравшись до устья р. Оми, отряд остановился и в июне 1716 г. и начал закладку здесь Омской крепости[125]. Хотя военный поход Бухгольца был неудачным, все же в результате этого границы России продвинулись на юг[126].

В битвах за Ямышевскую крепость к ойратам попало много русских пленных, в том числе сержант шведской артиллерии Иоганн Густав Ренат (1682-1744), который попал к русским в плен в битве под Полтавой в 1709 г. и был выслан в Тобольск. В 1715 г. он был включен в отряд Бухгольца. В ойратском плену Ренат провел 17 лет, его знания и опыт были

использованы джунгарами при строительстве артиллерийских и оружейных заводов, при добыче и плавке руды и в войне против Цинской империи[127].

Военная мощь ойратов к началу 30-х годов XVIII в. настолько усилилась, что они нанесли в 1731 г. поражение Цинским войскам в двух крупных сражениях. В связи с этим Цинская империя в 1732 г. направляет в Петербург специальное посольство с предложением заключить военный союз против ойратов. Однако русское правительство отклонило предложение цинских послов, поэтому последние направились к волжским калмыкам, чтобы склонить их к совместным военным действиям против Джунгарии. Особую ставку цины делали на Шоно-Лаузана, сводного брата джунгарского правителя Галдан Церена. Шоно был рожден от брака Цеван Рабдана с дочерью калмыцкого хана Аюки Сетерджаб, который в 1723-1725 гг. командовал ойратскими войсками, вторгшимся в Казахстан. В 1727 г. после смерти отца Галдан Церен, видя в популярном среди ойратской знати Шоно опасного соперника, решил с ним расправиться, но не успел. Шоно-Лоузану, предупрежденному своими сторонниками, удалось бежать на Волгу, к родственникам своей матери. Цинские послы хотели использовать Шоно против Джунгарии. Однако и здесь цинские послы не добились успеха, русское правительство запретило хану калмыков Церену Дондуку вести переговоры с ними о совместном военном действии против джунгар[128].

Как свидетельствуют приведенные выше факты, в 30-е годы XVIII в. Джунгария превратилась в мощнейшую в военном отношении державу в Центральной Азии, с которой вынуждены были считаться и Россия, и Цинская империя. А казахские ханства, ослабленные внутренними неурядицами и военными вторжениями соседей, в военно-техническом отношении уступали ойратам.

Следует отметить, что в XVIII в. казахи тоже плавили руду, но в ограниченном количестве, а заводов у них не было. Тем не менее военное искусство казахов оттачивалось в непрерывных войнах, которые они вели в защиту своих земель. Войско их в основном состояло из конницы, поэтому было подвижно и маневренно. По свидетельству историка А.И. Левшина, казахи сражались «копьями, саблями, ружьями и чаканами, а для защиты от неприятельских ударов надевают на себя панцири и иногда шлемы»[129].

В начале XVIII в. военная активность калмыков в Казахстане резко усилилась, так как северные их кочевья стали захватывать русские колонисты, а восточные - китайские[130]. Им оставалось одно - компенсировать потерю угодий на севере и востоке за счет экспансии в юго-западном направлении. Агрессивность джунгар стала нарастать, особенно жестоким и беспощадным было вторжение ойратов в 1723 г.

Ранней весной 50-ти тысячное Джунгарское войско во главе с Шоно-Доба (Лоузан), сыном Цеван Рабдана, не встретив организованного сопротивления, подвергло массовому избиению казахов Старшего и Среднего жузов. Казахские ханы и султаны, увязшие в распрях, оказались не в состоянии мобилизовать народ на организованный отпор врагу.

Население Старшего и Среднего жузов в панике бежало в Среднюю Азию. Но эти переходы, как отмечал А. И. Левшин, «влекли за собою неминуемое разорение и гибель. Стада и табуны ежедневно уменьшались, меновая торговля прекратилась, нищета и страдания сделались всеобщими: иные умирали с голода, другие бросали жен и детей своих»[131].

Джунгарские войска огнём и мечом прошлись по Семиречью, Чуйской и Таласской долинам и через горы Каратау вышли к городам Туркестана. Находившийся в это время в Урге русский посол капитан И. Унковский писал: «Послан канжайши сын Шона Даба против казачьей орды, а нынеде ведомость есть, что он казаков повоевал и три городка ему поддались: Ташкент, Сайрам, Харамурт»[132]. Эти трагические события отложились в народной памяти как «Годы великого бедствия» - «Ақтабан шұбырынды». Без того тяжелое положение усугублялось разразившимся джутом (гололедицей), что повлекло массовый падеж скота и вызвало небывалый голод. Эта трагедия также сохранилась в народной памяти и известна как «қайың сауған кез», в буквальном смысле - время, когда «доили березу», то есть, чтобы не умереть с голоду питались березовым соком.

В такой трагической ситуации самой историей был поставлен перед казахами гамлетовский вопрос - быть или не быть им как этносу, как самостоятельному государству? В этих условиях нужен был общенациональный лидер, способный объединить усилия народа в борьбе за освобождение страны, за возрождение его государственности. Таким общепризнанным вождем казахов в этой чрезвычайной ситуации стал хан Абылай. А начал он свою политическую деятельность с участия в освободительной войне против джунгар как рядовой воин.

Таким образом, на формирование личности Абылая уже на раннем этапе большое влияние оказала историческая обстановка - необходимость объединения усилий всех трех жузов для освобождения страны от джунгарского ига. Немаловажное значение имело и то, что в эти годы судьба свела его с такими выдающимися деятелями той эпохи, как поэт-мыслитель Бухар жырау, знаменитый бий Толе Алибекулы, султан Абульмамбет. Навыки военного ремесла и искусство ведения войны приобретал и оттачивал Абылай под непосредственным руководством прославленного предводителя общеказахского ополчения Богенбай батыра.

Вступив в ополчение Богенбай батыра, Абильмансур быстро освоился в военном деле - пригодились навыки обращения с оружием, привитые с детства. В традициях торе (чингизидов) было обучать своих детей

искусству владения пятью видами оружия. Он стал принимать участие в боевых действиях и дальних походах против джунгарских захватчиков.

Звездным часом Абильмансура была битва, перед началом которой состоялось его единоборство с ойратским богатырем Шарышом. Сведения об этом поединке имеются в устных[133] и письменных[134] источниках. К примеру, в протокольной записи переговоров начальника Оренбургской комиссии Н. Неплюева с джунгарскими послами отмечено: «Потом говорено было о Абылае-салтане, который к зюнгарцам в последнюю их войну в полон попал. На что ответствовали они, что-де он убил у них знатного и свойственного Галдан-Чирина и за то-де он более удержан, однако-де со всякого честию содержится»[135].

Однако в источниках нет сведений о времени и месте указанного поединка. По нашему мнению, он состоялся перед началом Аныракайской битвы. Это предположение подтверждается многими фактами. После поражения в 1727 г. в местности Кара сиыр, прозванной «қалмақ қырылған» (место гибели калмыков), новый правитель Джунгарии Галдан Церен тщательно готовился к реваншу. Крупнейшее сражение в этой войне произошло, по одним данным в 1729, по другим в 1730 г., в местечке, в настоящее время известной под названием «Аныракай», в 120 км к югу от озера Балхаш у небольшого степного озера Итишпес. Обосновывая предположение о том, что это битва произошла в 1730 г., М. Тынышпаев ссылается на известного собирателя фольклора Диваева и на указания академика В.В. Бартольда о том, что эта война продолжалась с 1723 г. до 1730 г.[136]

В пользу этой версии говорят свидетельства современников и участников этого события. Как известно, ближайшем соратником и советником Абылай хана был Бухар жырау.

В одной из песен-посвящении Бухар жырау писал:

Ай, Абылай, Абылай....
Сен жиырма жасқа жеткен сон,
Алтын тұғыр үстінде
Ақсұңқар құстай түледің.
Дәулет құсы қонды басыңа,
Қыдыр келді қасыңа.

Более конкретно это событие воспевал другой степной бард - Умбетей жырау:

Ей, Абылай, Абылай,
Қалмақпен соғыс болганда,
Жиырма жасың толганда,
Алғашқы бақты тапқанда,
Шарыштың басын қаққанда,
Қанжығаңа бас байлап,
Абылайлап шапқанда[137].

В песнях обоих жырау отмечается, что первая слава пришла к Абылаю в 20 лет, когда в единоборстве он обезглавил ойратского нойона (князя) Шарыша, племянника самого грозного хунтайджи Галдан Церена, а затем с кличем «Абылай» устремился на врага. Наши предположения относительно даты Аныракайской битвы и об участниках поединка перед ее началом были высказаны в 1993 г. и ни кем не оспорены. Более того - они нашли подтверждение в более поздних исследованиях, в частности, «Истории Казахстана»[138]. Следовательно, грандиозная битва, перед которой состоялся поединок Абылая с Шарышем, произошла в 1730 г. Это была Аныракайская битва. Она, удачно начатая Абылаем, закончилась полным разгромом джунгар и блистательной победой объединенного войска всех трех казахских жузов.

Предание гласит, что после сражения, Абульмамбет, который в связи со смертью отца Болат хана избирается старшим ханом, приглашает к себе в шатер молодого воина, победившего в поединке ойратского богатыря Шарыша. После приветствия и поздравления хан спрашивает смысл его клича «Абылай». И юноша рассказывает хану свою историю и свою родословную. В результате расспросов выяснилось, что молодой воин и хан - близкие родственники. Абульмамбет хан, преисполненный благодарности к юноше, тут же назначает его правителем Среднего жуза и говорит: «Пусть отныне твое имя будет Абылай». Так Абильмансур становится Абылаем[139].

Итак, война с Джунгарией, крупной военизированной державой, начавшаяся в трагическом для казахов 1723 г., продлилась до победного 1730 г. Она принесла неисчислимые бедствия, по некоторым сведениям, в огне войны и в результате связанного с небывалым джутом голода погибло от 30-ти до 40 процентов казахов. Ойратами были захвачены и разграблены города юга Казахстана, тем самым расстроена политическая и экономическая жизнь страны. Но победа на Аныракайском поле дала казахам реальную возможность довести войну до логического конца - на плечах отступающих частей ойратского войска ворваться в их страну, навязать прочный и выгодный для себя мир.

При таком исходе войны появился бы реальный шанс на объединение страны, на возрождение его государственности и налаживания хозяйственной жизни. К сожалению, такой личности среди титулованных представителей казахской аристократии в тот момент не оказалось. Наиболее подходящей в данной ситуации кандидатурой на роль лидера был хан Младшего жуза, главнокомандующий войсками Абулхаир. Однако оказалось, что он не был готов к такой роли. Как показали последующие события, Абулхаир страстно желал быть общеказахским ханом, но одного честолюбивого желания было мало, нужны были

политическая воля и решимость. Но, увы, такими качествами Абулхаир не был наделен.

Освещая события тех лет, исследователь М. Тынышпаев писал, что в Аныракайской битве казахи трех жузов «держались против общего врага дружно, бок о бок. Главным предводителем оставался, по-видимому, Абулхаир. Как раз в это время произошло какое-то крупное событие; между казахскими ханами произошел полный раскол»[140]. Абулхаир, сняв с фронта ополчение Младшего жуза, ушел на Запад, ближе к русской границе. За ним последовал с частью ополчения Среднего жуза и хан Самеке. Оставшаяся часть войска вынуждена была отступить.

Поведение Абулхаир хана после Аныракайской битвы М. Тынышпаев связывал с выборами старшего хана вместо умершего хана Болата. Претендентов в старшие ханы было трое: удельные ханы Абулхаир, Самеке и Абульмамбет султан, сын покойного хана. «Выбор, - писал М. Тынышпаев, - пал на Абульмамбета. Такой обиды не мог стерпеть старик Абулхаир, человек крайне честолюбивый...»[141]. Так ли было на самом деле? Вопрос остается открытым по сей день, обходят эту проблему и авторы нового академического издания «Истории Казахстана»[142]. Подводя итоги Аныракайской битвы, авторы отмечают, что, «несмотря на внушительную победу, противник еще был в силе, и потому предстояла долгая и изнурительная борьба с ним в последующие годы.

Особую важность этой борьбы прекрасно понимали видные политики того времени...»[143], в числе которых назван хан Абулхаир. Если он действительно осознавал эту «необходимость долгой и изнурительной борьбы» с джунгарами, то кто же мешал ему, как главнокомандующему, довести победу до логического завершения?

Очевидно, М. Тынышпаев был прав, в этом нас убеждает последующая линия поведения Абулхаир хана. Но к этому вопросу вернемся в последующих разделах нашей работы. Здесь же только заметим, что независимо от мотивов отвод Абулхаиром, а за ним и Самеке войск Младшего и части войск Среднего жузов имел трагические последствия. В результате этих безответственных действий ханов Старший жуз вынужден был признать над собой власть джунгарского хунтайджи, а Средний жуз в 1741 г. вновь подвергся разбойному и грабительскому вторжению ойратов.

Таким образом, в первые десятилетия XVIII в. казахское общество переживало резкий спад экономической активности, связанный с кризисом всей системы производства, основанного на кочевой форме скотоводства. Кочевничество, обеспечивавшее в средние века определенные преимущества номадам, позволившее им осваивать громадные пространства аридных зон Евразии, к началу нового времени превратилось в фактор, консервирующий примитивные виды орудий

труда, тормозящий технический прогресс. Открытие морских торговых путей с Востоком вело к постепенному отмиранию Великого Шелкового пути, что отрицательно сказывалось на экономическом состоянии городов, которые особенно сильно пострадали и пришли в упадок вследствие разрушительных нашествий джунгар. Разрушение и упадок городской жизни в Туркестане привели к полному расстройству экономической системы казахского общества. Тяжелый экономический кризис находил свое отражение на политическом положении Казахского ханства, что в свою очередь, способствовало обособлению его отдельных регионов и росту сепаратистских настроений знати.

Ослаблением Казахского ханства не преминули воспользоваться правители соседних стран. Особенно угрожающий характер приобретали агрессивные действия джунгарских феодалов. Событием, потрясшим все казахское общество, явилось джунгарское нашествие в 1723-1730 гг.

Избежать полного джунгарского порабощения могло быть только объединение усилий всего народа, возрождение государства и налаживание хозяйственной жизни.

ГЛАВА 2. АБЫЛАЙ - ОРГАНИЗАТОР ВСЕНАРОДНОЙ БОРЬБЫ ПРОТИВ ИНОЗЕМНЫХ ЗАХВАТЧИКОВ

2.1 Джунгарское вторжение в Средний жуз в 1741 г. и его последствия

Объединение западных монголов, или ойратов, в одно централизованное государство - Джунгария (левое крыло) произошло в 40-е годы XVII в. при правителе Батуре (1643-1653). А достигло своего расцвета это государство при правителях: Цеване Рабдане (1697-1727) и Галдан Церене (1727-1745). Как писал о последнем П.И. Рычков, власть хунтайджи «за сильнейшего почитается, и власть он над всеми подданными своими подобно самодержавной имеет».[1] Правящую элиту составляли нойоны (князья) и зайсаны (родовые старшины), обычно из их числа выдвигались военачальники. При особе правителя были совет зайсанов (совещательный орган) и суд «зарго». Крупную роль в Урге (ставка хана) играли религиозные служители ламы. Как было отмечено выше, война, начатая Джунгарией против казахов в 40-е годы XVII в., с перерывами длилась более ста лет.

В 30-е годы XVIII в. военно-политическая обстановка на границе Казахстана и Джунгарии была относительно спокойной. В течение всего десятилетия ойратские правители были заняты решением восточных проблем, выяснением отношений с Халкой и стоящим за ее спиной Китаем. Поэтому в тот период они не проявляли военной активности по отношению к казахам, а последние, разделенные на множества ханств, не имели реальной силы на ведение войны с ойратами. Несмотря на то, что в 1730 г. в Аныракайской битве объединенные войска казахов одержали победу над ойратами, Джунгария продолжала оставаться сильнейшим в военном отношении государством в Центральной Азии. Значительная часть ее войск, сконцентрированная на восточных рубежах государства, сохранилась в целостности и представляла собой внушительную силу, с которой вынуждены были считаться соседние страны.

Военные действия начала 30-х годов убедили правительство Цинской империи в невозможности сокрушить Джунгарию собственными силами, поэтому оно обращается к России с предложением об антиджунгарском союзе. Но, получив отказ царского правительства, цинский Двор пытается склонить к союзу против Джунгарии хана волжских калмыков Церен Дондука. С этой целью к нему в 1731 г. было направлено китайское посольство. Однако переговоры с калмыками не увенчались успехом. Особый разговор у цинских послов состоялся с Лоузан-Шоно, джунгарским царевичем, бежавшим на родину своей матери, к волжским калмыкам, от преследования своего сводного брата Галдана Церена,

правителя ойратов. Цинские послы пытались склонить Лоузан-Шоно (Шоно батыра) к выступлению против Галдана Церена, пообещав возвести его на джунгарский трон. Однако правитель калмыков, предупрежденный Петербургом, отклонил предложение.

Война начала 30-х годов с ойратами сложилась для цинов неудачно, поэтому они вынуждены были пойти на переговоры, которые продлились много лет. Наконец, в 1740 г. Цинская империя и Джунгария подписали мирный договор. Итоги войны, по оценкам И.Я. Златкина, оказались более выгодными для Джунгарии, сохранившей свою государственную независимость от могущественной Цинской империи.[2] Что касается России, то она была заинтересована в таком исходе войны, ибо ойратское государство служило ей козырной картой в отношениях с цинской империей. В то же время правящие круги России видели в Джунгарском ханстве опасную силу, претендовавшую на ряд районов Южной Сибири.[3]

Теперь, развязав руки на востоке, Джунгария острие своей военно-политической активности направила на казахские земли. Активную подготовку к войне ойраты начали уже в 1740 г. Желая выяснить отношение России к возможным широкомасштабным военным действиям против казахов, Галдан Церен в конце 1740 г. направил свое посольство в Тобольск. Причем в соответствии с установкой, полученной в Урге (ставке), ойратские послы на переговорах с властями Сибири стремились представить готовящиеся военные вторжения джунгар на казахские земли как «ответные действия» за прошлые набеги.

8 января 1741 г. на переговорах ойратские послы задали губернатору Сибири П.И. Бутурлину прямой вопрос, какие из казахских жузов состоят ныне в подданстве России? В ответ Бутурлин заявил, что «в подданстве под Всероссийской державой находятся Абулхаир хан с детьми и с ордою своею».[4] Губернатор Сибири умолчал, что прошло полгода, как и Средняя орда была принята в российское подданство. Джунгарские послы восприняли это заявление как поощрение их намерения и тут же заверили, что «не тронут улус Абулхаира, а будут воевать против казахов, которые живут на степях и под высочайшею Всероссийского державою не в подданстве».[5]

Попутно ойратские послы выясняли у царских чиновников данные о численности тех или иных казахских родов, уточняли места их кочевок, просили не пропускать казахов за линию русских крепостей. П. Бутурлин заверил послов, что казахи не будут пропущены за крепостные линии. Анализируя эти факты, исследователь В.А. Моисеев приходит к выводу, что «сибирские власти по своему неведению фактически развязали Галдан Церену руки для агрессивных действий против Среднего жуза».[6]

С выводами В.А. Моисеева можно согласиться, но с одной оговоркой. Думаем, он ошибается, полагая, что губернатор Сибири сделал заявление

ойратским послам относительно подданства Среднего жуза казахов «по неведению». Как видно из анализа документов, губернаторы приграничных областей России вели переговоры с послами зарубежных стран только при наличии подробных инструкции со стороны Коллегии иностранных дел, в противном случае они не имели права этого делать. По нашему мнению П. Бутурлин, провоцируя ойратов на нападение на казахов Среднего жуза, пытался решить две задачи: отвести военную угрозу от Сибири, нанести материальный ущерб Среднему жузу, добиваясь его ослабления.

Ко времени переговоров в Тобольске ойраты уже завершали концентрацию своих войск вдоль русских военных укреплений на Иртыше. Сразу же, по получении известий о позиции российских властей относительно предстоящей войны с казахами, Галдан Церен - хунтайджи в феврале 1741 г. двинул 30-ти тысячную армию на владения Среднего жуза.

Уже летом 1740 г. они предприняли военные вторжения на территорию Среднего жуза, по-видимому, с разведывательной целью. В декабре того же года войска ойратов заняли исходные позиции на северных рубежах Казахстана, вдоль русских военных укреплений и остановились в 80-верстах от Ямышевской крепости. Об этом доносил в Тобольск комендант крепости полковник Т. Зорин. Он сообщал, что многочисленные войска под командой Септеня и сына хунтайджи Лама Доржи расположились на ямышевской стороне на расстоянии 100 верст, что джунгары увезли соль, заготовленную для крепости»[7].

В ответ на свои донесения полковник Зорин вскоре получил инструкцию: «От приходу неприятельских людей иметь... всегда оплошные караулы». Не давать никаких поводов к столкновениям с караулами и «озлобления их никакого не чинить».[8] Русские власти, как видим, благосклонно отнеслись к готовящемуся выступлению ойратов против казахов.

Один из авторитетных исследователей казахско-джунгарских отношений в XVIII в. В.А. Моисеев в своей монографии пишет, что вторжение в Казахстан ойратских войск, насчитывавших 24 000 человек, началось весной 1739 г.[9] Далее автор пишет, что «зимой 1739-1740 гг. было совершено новое вторжение... Общая численность ойратских войск составила примерно 30-35 тыс. человек»[10]. Приведенные автором данные стали чуть ли не хрестоматийным материалом казахстанской историографии, на них ссылаются видные ученые в своих исследованиях.[11] Нам они представляются несостоятельными и вот почему.

Во-первых, недостаточно основательны документы, на которые автор ссылается. Дело в том, что В.А. Моисеев делает ссылку на два документа.

«Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках. Алма-Ата, 1961.С.13». На указанной странице сборника имеется документ, относящийся к 1595 г.[12] Другой документ, на который ссылается автор, это фонд «Сношение России с Китаем». Нам трудно судить, насколько этот документ достоверен, но, во всяком случае, он не является первичным, поскольку он не является достоянием фонда, относящегося к Казахстану или к Джунгарии. В изученных нами документах фонда «Киргиз-Кайсацкие дела» (Оп.122/1) и «Зюнгорские дела» (Оп.113/1) приведенные В.А. Моисеевым данные не значатся.

Во-вторых, ойраты до осени 1740 г. были в состоянии войны с цинами и не могли выставить такое количество войск против казахов.

В-третьих, о факте вторжения джунгар большими силами в 25-35 тыс. человек в 1739-1740 гг. ничего не пишут такие хорошо осведомленные исследователи, как А.И. Левшин, И.Я. Златкин, В.Я. Басин, Ш.Б. Чимитдоржиев[13]. Такого рода факты не приводятся и в «Памятной книжке Западной Сибири»[14]. В то же время о джунгарском вторжении в пределы Среднего жуза в 1741 г. упоминается в трудах всех указанных авторов, в архивном фонде «Киргиз-Кайсацкие дела» и в «Памятной книжке Западной Сибири».

В-четвертых, если «летом 1740 г. 35 тыс. войско ойратов вторглось и устраивало погром в Среднем жузе», то неужели его правители Абульмамбет хан и Абылай султан со 138 знатными старшинами участвовали бы в это же самое время на церемонии подписания акта о принятии российского подданства[15]? Это, на наш взгляд, маловероятно.

В 1739-1740 гг. все же были случаи появления вооруженных отрядов джунгар в кочевьях казахов. В одном случае они носили разведывательный характер, в другом - ойраты вторглись в пределы Казахстана, преследуя Карасакала, появившегося в их улусах под именем Шоно батыра.

Карасакал (1705-1749) - предводитель башкирского восстания 1740 г., после подавления восстания ушел из Башкирии в пределы Казахстана[16] и нашел убежище у бия Казбека. Однако, когда царские власти стали добиваться у Абылая его выдачи, выяснилось, что он был переправлен в пределы Старшего жуза и там нашел нового покровителя в лице влиятельного вождя найманов - батыра Кабанбая[17]. Думаем, что это было сделано не без ведома Абылая, так как Казбек бий, также как и Кабанабай батыр были одними из самых преданных его сподвижников.

Вышеупомянутый Карасакал выдавал себя за джунгарского царевича Шоно Лоузана, родного брата по отцу Галдан Церена. Последний после смерти отца Цеван Рабдана в 1727 г., заподозрив в заговоре, казнил мачеху - Сетерджеп (дочь хана волжских калмыков Аюки). Шоно же еще до казни матери спасся бегством к ее родственникам на Волгу, где и умер

в 1732 г. Кстати, именно Шоно Лоузан командовал джунгарскими войсками, которые вторглись на земли казахов в 1723 г. и устроили страшный погром. Эти трагические события получили, как было сказано выше, название «Ақтабан шұбырынды». Имя Шоно-бахадура было весьма популярно в Джунгарии, и им воспользовался предводитель башкирского восстания Карасакал[18]. Появление Карасакала в сентябре 1740 г. в пределах Джунгарии под именем Шоно-Лоузана вызвало волнения. На поимку Карасакала Галдан Церен направил вооруженный отряд, который, преследуя его и присоединившихся к нему казахов, по словам А. Левшина, дошел до Оренбурга[19]. Собственно, этот-то инцидент и был использован ойратским правителем в качестве предлога нового вторжения его войск в 1741 г. в пределы Казахстана. Так, в своем отчете о поездке к Абулхаиру-хану поручик Гладышев писал: «...Чтобы онаго Карасакала поймать и искоренить для того их, контайшинцев, вступило в Среднюю киргизскую орду 30000 человек, кои тут прошедшую зиму и зимовали»[20].

И последнее. Если бы ойраты действительно начали войну против казахов в 1739 г. и продолжили в 1740 г. с использованием войск в 25-35 тыс. человек, то зачем бы они посылали в декабре 1740 г. в Тобольск посольство для выяснения отношения России к уже продолжавшейся два года войне?

Ну, а как же готовились к возможной войне с ойратами казахи, что предпринимали их правители? Внутриполитическая обстановка в Казахстане оставалась нестабильной, страна по-прежнему была разделена на множества феодальных владений.

Хан Абулхаир (1687-1748), потеряв всякую надежду на усиление своей власти в степи с помощью России, решил осуществить свой замысел путем воцарения на хивинском престоле. Воспользовавшись тем, что хан этой страны погиб, он со своим вооруженным отрядом вступил в Хиву и объявил себя ханом этой страны. Это случилось в то же самое время, когда войска персидского шаха Надира (1736-1747) захватили всю Среднюю Азию и южные районы Хивинского ханства и остановились в 35 км от его столицы.

Своим неистребимым стремлением к власти Абулхаир навлек на всю страну реальную угрозу вооруженного вторжения грозного завоевателя, иранского шаха Надира. Но, к счастью, этого не случилось. Дело в том, что в Хиву, к Абулхаиру, накануне прибыли поручик Гладышев и геодезист Муравин, направленные для обследования местности в низовьях Сырдарьи, где предполагалось строить крепость. Их-то Абулхаир и направил к Надиру для переговоров. «Русские посланцы, - писал В. Бартольд, - известили шаха, что Абулхаир - русский подданный и что поэтому управляемое им ханство находится под покровительством России; Надир выразил согласие заключить договор с Абулхаиром, если

тот явится к нему, но в это время Абулхаир покинул своих хивинских подданных и спасся бегством в свои родные степи»[21].

Другая часть казахских владетелей Среднего и Младшего жузов, собрав значительные силы, в 1740 г. вступила во владения волжских калмыков, чтобы склонить их к миру на случай войны с «верхними» калмыками, то есть джунгарами. В целом поход казахов был успешным. Об этом, в частности, отмечалось в письме Абульмамбет хана к императрице Елизавете: «А с нижними калмыками... ныне мы помиримся...»[22]. Об условиях этого мирного договора в Коллегию иностранных дел доносил экстракт Оренбургской комиссии Л. Саймонов. Он писал: «Киргис-кайсаки-де с калмыками мир учинили в такой силе, что им даже до того времени, как родившейся в том году младенец возрастет и на конь сядет, ссор не иметь»[23].

Тем временем политическая ситуация в Среднем жузе резко изменилась в связи с новым вторжением джунгар. Как правило, военные походы казахи и ойраты начинали либо зимой, либо ранней весной, когда население рассредоточивалось на зимних пастбищах. В таких условиях затруднялся сбор ополченцев, что давало преимущество нападавшей стороне. И на этот раз военные действия джунгары начали в феврале 1741 г. с вторжения 30-ти тысячной армии во главе с опытным военачальником Септенем и старшим сыном Галдан Церена, Ламой Доржи[24]. Они обрушили свой удар по Среднему жузу, разделив войска на три оперативные группы по 10 тысяч человек в каждой. Сообщая об этом, казак Федор Найденов указывал: «одна часть идет по Ишиму, другая от Ташкента, третья от Туркестана, а все на киргис-кайсаков, коих везде весьма разоряют»[25].

Джунгары стремительно продвигались в глубь степи, сокрушая все на своем пути, надо было во что бы то ни стало остановить их с тем, чтобы укрыть население в более безопасных местах и собрать ополчение. С этой целью султан Абылай во главе небольшого отряда в несколько сот человек смело атаковал ойратов. Сеча была жестокой, защищая свою землю, казахи дрались отчаянно, но силы были неравны, большинство воинов пало, а 35 человек, в том числе и Абылай, попали в плен и были увезены в Джунгарию[26]. В документе сообщается следующее: «А был де он Септень с войсками нынешней зимы и весны на Обото и Тоболе реках по таком случае, когда он, Септень, с войском были на Ишиме в урочищах Шиличу и Чюдурту и тут выбежал было на них калмык с войском Казачьей Орды Абылай-солтан в стах человек, коих они калмыки разбили и взяли в полон оного солтана Абылая, а потом в лесах и у них Казачьей Орды они, калмыки прежде лошадей отогнали, а потом нападение учинили на самих...»[27].

Об этом эпизоде доносил в Тобольск комендант Ямышевской крепости подполковник Зорин. Выше нами были приведены факты, свидетельствующие о том, что царское правительство фактически попустительствовало военному вторжению ойратов на казахов Среднего жуза. Это предположение подтверждается донесением подполковника Зорина. Он сообщил, что 1 июня 1741 г. к нему прибыл ойрат Урчудзжун Гаязат с поручением от своего военачальника Септеня доложить русским властям о результатах похода: «Он, нойон Септень, со всем войском возвратился благополучно в свою Зенгорскую землицу…а с собой де он Септень привел полону Казачьей Орды и торгоутов (находившихся в плену у казахов - К.А.) мужеска и женска пола три тысяча человек, токмо мужеска пола все маловозрастные, а болших всех кололи»[28].

Далее в документе рассказывается о том, что ойраты из числа пленных взяли одного молодого казаха в качестве проводника, чтобы тот вывел их в места, где укрылись казахские аулы. «И вел их, калмыков, - сказано в сообщении, - пленник, Казачьей орды человек, и то обманом водил нарочно и мороз великий и снег напускал, потому что был еретик и от того едва они калмыки, оного вора-еретика сожгли»[29]. К сожалению, до сих пор не удалось выяснить имя героя, который, пожертвовав собой, спас жизни тысяч своих соотечественников.

Ойратские войска подвергли разграблению многие районы, немало людей взято в плен, а количество скота, угнанного в Джунгарию, не поддавалось подсчету, хотя, конечно, последствия нового нашествия ойратов не были столь трагичными, как в 1723 г. В отдельных эпизодах войны казахские дружины одерживали победу. Так, например, казахское ополчение под командованием Олжабай батыра нанесло поражение южной группе войск ойратов. Затем дружины Олжабая вошли в пределы Джунгарии и подвергли разгрому улус самого Септеня, главнокомандующего ойратскими войсками. Бежавший из джунгарского плена енисейский киргиз Кычик Чюганов 10 июня 1741 г. сообщал в Кузнецке, что «с тою калмыцкою силою Казачья орда дралась в прошедшем полузимы по их названию в месяце Чеган цара (февраль) и Казачья Орда калмыцкую силу одолела и левого крыла калмыков Казачья орда много победила»[30].

В устных казахских преданиях воспеваются батыры, отличившиеся в борьбе против джунгар в этой войне. В одном из них повествуется о Жасыбай батыре, который со своими джигитами преграждает путь калмыкам в горах Баянаул-Кызылтау. Однако Жасыбай, понадеявшись на свою силу, проявляет беспечность и, сраженный джунгарским снайпером, погибает. Его похоронили на горном перевале, который с тех пор называется «Жасыбай асуы»[31]. Много легенд сохранилось о подвигах Олжабай батыра.

В мае 1741 г. военные действия закончились, было достигнуто перемирие. В отдельных эпизодах войны джунгары понесли существенные потери. Как указано в архивном документе: «А их де калмыцкого войска ныне возвратно с Септенем пошло тысяч с пятнадцать»[32]. Несмотря на отдельные успехи, казахи в целом потерпели поражение. Причины неудачи заключались прежде всего во внутренней слабости Казахского ханства, по существу распавшегося на отдельные владения, зависимые от соседних государств. Влиятельные бии и старшины Старшего жуза признали зависимость от Джунгарии. Хан Младшего жуза Абулхаир был озабочен вопросами личной власти, объединение усилий всех казахов перед лицом джунгарской угрозы не входило в его планы. Поэтому в 1741 г. во время нашествия джунгар он по существу уклонялся от участия в сопротивлении ойратской агрессии.

«Абулхаир,- писал А. Левшин, - превосходя Абульмагамета умом и живя ближе его к границам России, с одной стороны, менее опасался зюнгаров, с другой же, более имел нужды в покровительстве императрицы российской, а потому решился поступить в сем случае самым хитрым образом. Он через ближних своих дал знать войску зюнгарскому, что готов добровольно повиниться Галдану, и что пришлет к нему заложников повиновения, если он того потребует»[33].

Хан Абульмамбет совершенно не способен был повлиять на ситуацию, он с частью подвластного ему населения переместился во владения Младшего жуза, ближе к российским границам.

Причины поражения казахов от джунгар русский историк И.А. Попов видел в разобщенности казахов на три жуза, «в которых не только ханы имели власть, сколько их старшина (князьки и родоначальники). А джунгарский владелец Галдан-Черен, не киргизские ханы над подданными своими безвластные, имел он власть подобно самодержавной, войск своих мог выставить до 80000 человек с огненным ружьем и между всеми тамошними народами был сильной»[34].

К этому надо добавить и то, что на вооружении джунгар была артиллерия. По этому поводу поручик Д. Гладышев в своем отчете писал: «Ныне в зюнгарском владении действительно имеется пушек походных, которые на верблюдях возят - три тысячи, ломовых - пятьдесят, мортир - тридцать, при них артиллерийских служителей из них же, зюнгарских калмык»[35].

Успеху джунгар в войне с казахами немало способствовали и благоприятные внешнеполитические условия. Джунгария в 1740 г. подписала мир с цинской империей, а царское правительство, как было указано выше, оказало ей поддержку в войне с казахами. И, конечно, немаловажное значение имело то, что во главе Джунгарского государства стоял такой видный государственный деятель, как Галдан Церен.

Таким образом, положение Казахстана к началу 40-х годов XIX в. характеризовалось обострением политического кризиса: ослабление центральной власти, осложнение международного положения, поражение в войне с ойратами. Только с учетом всех этих обстоятельств можно по достоинству оценить выдающуюся роль Абылая в деле освобождения страны от джунгарских завоевателей, в сохранении территориальной целостности и государственности Казахстана.

Что касается Джунгарии, по нашему мнению, война, затеянная Галдан Цереном в 1741 г. против казахов, была его стратегической ошибкой. Хотя он в целом на этот раз одержал победу, но эта победа не послужила укреплению джунгарского ханства, напротив, привела его к ослаблению и в конечном счете - его падению. Ойратский правитель недооценил угрозу с Востока, исходящую от цинской империи.

В начале 40-х годов XVIII в. казахско-русские отношения носили натянутый, а порой и напряженный характер. Это было связано с тем, что казахские правители не выполнили требование царского правительства о выдаче участников башкирского восстания 1740 г. Особенное недовольство царского правительства вызывало то, что не был пойман и выдан властям руководитель этого восстания, известный как Карасакал. А. Левшин считал, что «доказательством бессилия киргизских владельцев...было то, что когда в 1740 году бежал за Яик главный башкирский бунтовщик Карасакал с товарищами, то хан и султаны решительно отказались ловить беглецов»[36]. В Оренбурге также были недовольны политикой хана Абулхаира, которого считали подстрекателем вооруженных нападений казахских отрядов на купеческие караваны и на русские поселения[37].

Казахи, в свою очередь, были недовольны тем, что на их территорию продолжались набеги волжских калмыков, башкир и «поиски» казачьих отрядов[38]. Всеобщее недовольство вызвал также указ начальника Оренбургской комиссии И. Неплюева о запрещении казахам кочевать близ реки Яик[39]. Хан Абулхаир был раздражен тем, что царское правительство не сдержало обещание о постройке «на реке Сыре крепости». Владетели Среднего жуза были недовольны тем, что власти ничего не предприняли в их защиту во время джунгарского вторжения в 1741 г., «от которого, - по словам самих оренбургских чиновников, - не только народ и старшины, но и многие владельцы весьма разорены»[40].

Однако уже с осени 1742 г. политика царского правительства в отношении казахов претерпевает некоторые изменения. Их суть заключалась в том, что, тайно продолжая подстрекать против них калмыков и башкир, в то же время делать явные жесты, свидетельствующие о том, что якобы царские власти заботятся о казахах

как о своих подданных. Виной тому была вся та же Джунгария, точнее, изменение ее политических ориентиров.

Несмотря на победу в войне 1741 г. против казахов, Джунгария не решила своей основной стратегической задачи - их полного подчинения себе. Для этого у нее не хватало ни сил, ни средств. Тем более к тому времени еще не было снято напряжение на ее восточных рубежах. Возможная цинская угроза сковывала все внимание ойратов, к тому же, как было указано выше, ухудшилось их отношение с Россией. Поэтому Галдан Церен, как тонкий политик, стал проявлять все большую дипломатическую активность в казахских жузах. Начиная с осени 1741 г. вплоть до смерти Галдан Церена в 1745 г. регулярным стал обмен посольствами между казахами и ойратами.

Осенью 1741 г. в Джунгарию прибыло казахское посольство во главе с Акчурой батыром с предложением о мире и обмене пленных. На переговорах Галдан Церен выдвинул следующие условия. Чтобы владетели Среднего жуза прислали в качестве аманатов (заложников) «знатных людей детей десять человек», в том числе детей самих правителей - Абульмамбет хана, Барак султана и Жанибек батыра[41]. Кроме того, Галдан Церен потребовал выдачи Карасакала, бывшего предводителя восстания 1740 г. в Башкирии, который скрывался в Казахстане и выдавал себя за сводного брата Галдана Церена Шоно-батыра. В противном случае джунгарский хан грозился войной, заявляя, «буде же не отдадут, то просят срочно дни, когда и на котором месте быть бою».[42]

По другим сведениям, одной из главных задач казахской миссии было освобождение из плена султана Абылая. В документе отмечается, что казахские послы, «приехав к помянутому зюнгорскому владельцу, просили кайсацкого своего владельца Аблая-салтана, но он, Галдан-Чирин, за него просит вора Карасакала»[43]. Чтобы побудить казахов к исполнению своего требования, Галдан Церен приказал «взятому в плен киргис-кайсацкому владельцу Аблаю-салтану... руки и ноги сковать, и во всю его, Акчуры, в бытность был скован, а по отъезде его, Акчуры, руки у него, Аблая-салтана, расковали»[44].

В связи с вопросом о Карасакале интересные сведения сообщал в своем отчете поручик Д. Гладышев, который вернулся из поездки в ставку хана Абулхаира. «Чрез некоторых киргиз-кайсаков, - писал он, - уведомился, что от имевшегося в плену у зюнгорских калмык киргиз-кайсацкого Аблай-салтана в орды киргис-кайсацкие приказы получаются, чтобы имеющегося у них вора Карасакала как в Россию, так и калмыкам не отдавать и, при случае, за него всем помереть, представляя те резоны, что ежели он будет отдан, то киргис-кайсаком всем помереть»[45].

Данный факт еще раз подверждает наше предположение о том, что Карасакал, который бежал от преследований царских властей после подавления башкирского восстания 1740 г., скрывался в Среднем жузе казахов с ведома султана Абылая.

Весной 1742 г. в кочевья Среднего жуза благополучно вернулось казахское посольство во главе с Акчурой батырем, посланное к ойратам. Вместе с ним туда же прибыло джунгарское посольство из трех человек. О целях их визита в документе сказано, что Галдан Церен вместе с казахскими послами отпустил «бывших у него Галдан-Чирина в плену Епяк-батырева сына, да другова знатного человека, а как их зовут - не знают, и с ними прислал к кайсацким владельцам для требования вышеописанных в аманаты десяти человек и вора Карасакала... калмык трех человек»[46].

В ответ на требования ойратских послов казахские правители Среднего жуза заявили, что они «желают собраться и учинить о том совет»[47].

Требования Галдан Церена об отдаче аманатов были восприняты казахскими владетелями неоднозначно. Жанибек батыр решительно отказался давать в аманаты сына, заявляя, что он российский подданный и «без указу Е.И.В. в тех аманатов дать им (ойраты - К.А.) не смеют...» Иную позицию занял хан Абульмамбет и некоторые другие владетели. Они дали согласие прислать аманатов.

25 апреля 1742 г. Оренбургской комиссией было получено письмо от хана Абулхаира, в котором он сообщал, что «Абульмамбет и Барак, Батыр салтаны и Карасакал, четверо советуют единогласно, чтоб зюнгорским калмыкам отдать детей своих и давать дани и отврасчают свой народ от Вашего И.В. подданства»[48]. Комментируя приведенный выше текст документа, историк В.А. Моисеев пишет: «Не исключено, что Абулхаир, враждуя с этими феодалами, старался очернить их деятельность и поведение в глазах царской администрации»[49]. Мы разделяем мнение В.А. Моисеева, так как известно, что предводитель башкирских повстанцев Карасакал открыто выступал против Галдан Церена, выдавая себя за Шоно батыра, оспаривавшего ойратский престол, поэтому он не мог уговаривать казахскую знать покорится своему противнику - ойратскому хану.

Так или иначе, сведения о том, что ойратский правитель направил своих послов к хану Абульмамбету и султану Бараку с тем, чтобы склонить их к своему подданству, дошло до Оренбурга. Обеспокоенный таким известием, Неплюев направил к хану Абульмамбету переводчика Уразина и «с ним в товарищах вахмистера Лихачева с надлежащим наставлением, коим образом онаго хана от предписанного намерения отвращать»[50]. Однако добиться этого им не удалось, по возвращении (13 ноября1742 г.) Уразин докладывал, что хан Абульмамбет, выслушав их и,

посоветовавшись со своими приближенными, все же «отправил ко оному зюнгарскому владельцу меньшаго сына Абулфеиза с помянутым старшиною Нияс-батырем»[51].

Объясняя причины своего решения, Абульмамбет заявил послам, «что того своего сына необходимо посылать принужден, ибо-де зюнгорской владелец того требует» и таким путем намерен «его, Аблай-салтана выручить»[52]. Также хан Уразину и Лихачеву, «не таясь, объявил, что он от России никакой пользы и защищения не имеет, а Галдан-де Чирин отдает (возвращает - К.А.) прежнее владение город Ташкент с тридцатью двумя городами и ежель ему сына своего не послать, то оной зюнгарец будет их губить, а Россия-де в то число им не пособит»[53]. Как видно из заявления Абульмамбета-хана, причин для обид на «Российскую сторону» у него было достаточно.

Другое посольство Галдан Церена с аналогичными требованиями прибыло и в ставку хана Абулхаира, куда чуть раньше прибыл и посланник оренбургской администрации поручик Д. Гладышев. 10 января между Д. Гладышевым и джунгарским послом Кашкой состоялась беседа. На вопрос Гладышева, знает ли он, «что Абулхаир хан с своею ордою в подданстве императорского величества состоит», Кашка заявил: «в прошлом-де 1740 г.[54] оной хан присылал к Галдан-Чирину посланцов своих Кутлумбетя-батыра с товарыщи с таким прошением, чтоб ему владеть городом Туркестаном и Ташкентом, за что будет-де он, хан, у него Галдан-Чирина, в подданстве. И в верности того обещал дать сына своего в аманаты, зачем де он Кашка-зайсанг, ныне к нему, Абулхаир-хану, и пришел»[55].

Джунгария для Младшего жуза не представляла непосредственную угрозу, поэтому Абулхаир хан и не собирался под ее подданство. Хотя он действительно, в 1741 г. с указанным выше предложением обращался к Галдан Церену, но это было сделано, скорее всего, для оказания давления на Оренбургскую администрацию. Однако ойратским послам Абулхаир хан заявил, что он состоит в подданстве России и без ее согласия не может удовлетворить их требования. По словам А. Левшина, Абулхаир «решился поступить в сем случае самым хитрым образом»[56]. Он повез ойратских послов в Оренбург, где, как и предвидел хан, «Неплюев объявил сим последним (послам - К.А.), что хан Меньшей киргиз-казачьей орды, будучи подданным России, не имеет права входить ни в какие сношения с иностранными владельцами, а еще менее давать им заложников»[57].

Отправка казахскими владетелями аманатов к Галдан Церену означало бы фактическое признание джунгарского сюзеренитета. Чтобы этого не допустить, начальник Оренбургской комиссии И. Неплюев предлагал правительству принять следующие репрессивные меры: «Абулмамбет хана и всех последователей его в обоих киргис-кайсацких ордах

деклировать (т.е.объявить – К.А.) публично изменниками и бунтовщиками, а самого ево извергнуть и лишить ханства»[58], а вместо него «ханом произвести вышеобъявленного присягавшего ныне вновь Барак-салтана»[59].

Однако предложение И. Неплюева правительство не приняло. Более того - 8 августа 1742 г. начальник Оренбургской комиссии получил указ императрицы, предписывающий ему «иметь старание в прекращении происходящих между зюнгорскими калмыками и подданными Е.И.В. киргис-кайсаками ссор, также и во удержании Абулхаира и Абульмамбета ханов от зюнгорского подданства»[60].

В соответствии с правительственными установками Оренбургская и Сибирская администрации в свою очередь стали принимать меры по активизации политических и экономических связей с казахскими правителями. А в отношении Джунгарии, которая добивалась признания казахскими жузами ее протектората, царское правительство предписывало И. Неплюеву предпринять дипломатический демарш. Придерживаясь данной установки, начальник Оренбургской комиссии в сентябре 1742 г. в Джунгарию направляет посольство майора Карла Миллера. В состав миссии, кроме него, входили прапорщик Пазухин, «геодезии ученик Тохтаров, переводчик Ерофеев, капрал Дмитриев и 6 яицких казаков»[61].

Послу было поручено довести до сведения Галдан Церена о том, что казахи Младшего и Среднего жузов находятся в российском подданстве и чтобы «на подданных Е.И.В. нападении, так и чинимые ныне непристойные требования вовсю пресечь»[62]. Также К. Миллеру предписывалось «между протчим, и о высвобождении их (пленных казахов - К.А.) а наиначе онаго салтана (т.е. Абылая - К.А.) возможное старание иметь»[63].

Кроме этого, в задачу посольства входила разведка казахских владений и границ. Именно с этой целью посольство направлялось в Джунгарию не через сибирскую сторону, как это делалось обычно, а через казахские земли всех трех жузов. В состав посольства включили геодезиста «для записи тракту журнала и потребных примечаний, сколько возможность допустить»[64].

Драматический эпизод пребывания султана Абылая в джунгарском плену нашел отражение в устном народном творчестве. Одна из народных поэм так и называется «Пленение Галдан Цереном Абылая»[65]. В ней повествуется, как Абылай султан в единоборстве сразил ойратского богатыря Шарыша. Разгневанный гибелью любимого сына (на деле племянник - К.А.), джунгар-ский правитель Галдан Церен посылает большое войско с заданием «хоть из-под земли достать Абылая». И вот после долгих поисков ойраты застают Абылая в горах спящим после удачной охоты и берут его в плен[66].

Действительно, как было отмечено в предыдущем разделе, Абылай в единоборстве сразил ойратского богатыря Шарыша. Об этом повествуется в песнях участников этих событий Бухара жырау и Умбетея[67]. Этот факт подтверждается и архивными источниками. Так, ойратские послы в беседе с И. Неплюевым заявили, что «Он (Абылай - К.А.) убил у них знатного и свойственного Галдан-Чирика и за это-де он более удержан, однако-де со всякою честию содержится»[68].

О пребывании Абылая в ойратском плену сообщал и русский сержант Александр Подзоров, побывавший в 1742 г. в Джунгарии. По его словам, Абылай жил в Урге (ставка хунтайджи) под наблюдением зайсанга Харачинского отока Цегуна. Караульные не позволили ему поговорить с Абылаем[69]. По другим данным, позже Абылай был поселен во владении ойратского князя Давация, и там состоялась его встреча со старшиной хойтов Амурсаной. Эти знакомства имели важные последствия. Из плена Абылай султан был освобожден два года спустя, в марте 1743 г. О причинах, побудивших джунгарского правителя освободить Абылая и других знатных казахов из плена, имеется несколько версий. В указанной выше народной поэме отмечается, что Галдан Церен намеревался казнить Абылая за смерть Шарыша, но после нескольких бесед со своим пленником он изменил свое решение. По преданию, ойратский правитель задал Абылаю множество политических и житейских вопросов и был поражен мудростью его ответов. Большое впечатление на Галдана произвело также то, с каким достоинством Абылай держался в плену и поэтому он решил сохранить ему жизнь[70]. Вполне возможно, что личные качества Абылая действительно произвели впечатление на Галдан Церена и способствовали сохранению жизни султана. Но не это было главным.

В российской историографии утвердилось мнение, что султан Абылай был освобожден из ойратского плена в результате активных действий начальника оренбургской комиссии И. Неплюева, направившего к Галдан Церену посольство майора К. Миллера «Султан Аблай, - писал, к примеру, историк А.И. Левшин, - около года (фактически - около двух лет - К.А.) томившийся в плену у зюнгаров, стараниями посланного к Галдану майора Миллера был освобожден весною 1743 года»[71]. Этого же мнения придерживалась и официальная советская историография[72]. В качестве аргумента делалась ссылка на инструкцию (от 2 сентября 1742 г.) Оренбургской комиссии майору К. Миллеру, отъезжавшему во главе миссии в Джунгарию[73].

Но дело в том, что миссия эта успеха не имела, Миллер под разными предлогами не был принят Галданом Цереном. Как указано в документе, Галдан Церен посланного к нему Российского посла, не боясь ничего, к себе не допустил[74]. Продержав некоторое время Миллера и его спутников в полной изоляции, отправили назад. Такой прием послов говорил не

просто об ухудшении джунгаро-российских отношений, а об изменении политического курса ойратского правителя по отношению к России. Но об этом - несколько позже.

Первым исследователем, подвергшим сомнению успехи миссии К. Миллера в Джунгарию, был историк В.А. Моисеев. Он не без основания писал: «Возвращения из плена Абылая произошло не столько вследствие дипломатического наступления России, сколько явилось результатом новой тактики джунгарского правительства в отношении казахов Среднего и Младшего жузов, стремившегося «добрым» отношением привлечь казахских владетелей на свою сторону в борьбе с усиливавшимися кокандским бекством и возникновением напряженности в отношениях с Россией»[75].

Главная причина освобождения Абылая из плена Галданом Цереном, на наш взгляд, заключалась в том, что он хотел сделать влиятельного султана, фактического правителя Среднего и Старшего жузов - своим союзником. Джунгария все чаще становилась объектом агрессии со стороны цинской империи, да и отношения с Россией резко осложнились. Кроме этого, сами ойраты вели военные акции против Кокандского ханства. Поэтому сохранение военного противостояния с казахами было для ойратов крайне опасно и нежелательно. Иначе, зачем правителю джунгар заключать мирный договор с Абылаем[76], своим пленником?! Тем более, как пишет исследователь В.А. Моисеев, «по условиям мирного договора, подписанного Аблаем и Галдан Цереном в 1743 г., джунгары вообще отказались от каких-либо политических и территориальных притязаний»[77]. О заинтересованности Галдан Церена в дружбе с Абылаем говорит и то, что ойратский правитель выдает за него свою племянницу - дочь князя Хочу-мергена с тем, чтобы скрепить договор династийными связями. Кстати, от этой жены Абылая, Топыш ханум, и родился Касым султан, отец знаменитого Кенесары хана[78].

В августе 1743 года Иван Лапин и сакмарский казак Мансур Асанов в «Сказке» об их поездке в Средний жуз к Абульмамбет хану писали: «Он, Абылай, от зюнгорцев с великим награждением отпущен, а имянно: дана ему полатка, шитая золотом, шуба крытая парчою золотою, полатка же железная складная, панцырь и протчее»[79]. А если учесть то, что Галдан Церен за Абылай султана выдал свою племянницу, то, действительно, получается «великое награждение». Таких почестей от ойратского правителя не удостаивался ни один из казахских владетелей, включая ханов Абулхаира и Абульмамбета. Эти знаки особого расположения Галдан Церена говорили о его заинтересованности в союзе с Абылаем.

Годы плена не прошли бесследно для Абылая. Он изучил калмыцкий язык, завел знакомство и дружбу с некоторыми влиятельными нойонами. Присматриваясь к внутренней жизни джунгар, он отметил как сильные,

так и слабые стороны этого государства, обратил внимание на столкновение интересов правящей верхушки. Из пребывания в ойратском плену Абылай извлёк и другие уроки.

Так, Шакарим Кудайбердиев поведал о народном предании, где отмечается, что ойратский хунтайджи, желая испытать Абылая, задаёт ему ряд вопросов. На вопрос Галдана Церена, сеет ли хлеб его народ, Абылай ответил: «Нет», тогда Галдан сказал: «Народ, отлучённый от груди земной, не раз будет согнан и рассеян по земле, прежде чем обретёт родину»[80]. В этом сюжете нашла отражение политика султана Абылая по распространению среди казахов занятия хлебопашеством и сенокошением, которую он усиленно проводил после возвращения из ойратского плена. Тогда же Абылай окончательно убедился в правильности выбора политической и экономической ориентации на Россию. Об этом в частности свидетельствовали показания башкира Тюкана Балтасева, специально посланного в Средний жуз с разведовательной целью. Он в своем отчёте указал: «Аблая же салтана он, Тюкан к российской стороне усмотрел весьма склонным»[81].

Во время пребывания в ойратском плену Абылай сделал для себя ещё один важный вывод: освобождение казахских земель - дело только самих казахов. К такому убеждению он пришёл в связи с позицией России, которая во время джунгарского нашествия 1741 г. ничего не предприняла в защиту своих новых подданных. Впрочем, и некоторые представители правящей элиты России признавали ослабление позиций царского правительства в Среднем жузе и, напротив, усиление в нём влияния джунгар. Так, анализируя позицию русских властей во время джунгарского вторжения на казахские земли в 1741 г., М.А. Терентьев писал: «Из-за опасения ничтожных в сущности врагов, каковыми были джунгары, мы отдавали в жертву своих подданных. Кредит наш пал»[82].

Лишь спустя два года царская администрация отреагировала на разрушительное вторжение ойратов во владения Среднего жуза, направив в Ургу миссию К. Миллера.

На опыте событий начала 40-х годов султан Абылай ещё раз убедился в том, что, только объединив казахов всех трёх жузов в одно сильное государство, можно добиться свободы и независимости своей страны. Именно в борьбе против сильного и опасного неприятеля, каким была Джунгария, Абылай, при поддержке патриотически настроенных батыров и старшин сумел сплотить свой народ и добиться военно-политических успехов в последующие годы.

2.2 Внутриполитическое положение Казахстана в 40-е годы XVIII в.

История Казахского ханства с момента образования была историей борьбы за территориальную целостность и независимость. В истории казахстанской государственности не было другого такого периода, когда в одно и то же время в политической жизни страны участвовало столько выдающихся деятелей, как во времена Абылая. Переломный характер эпохи, реальная опасность джунгарского, позже цинского порабощения, сложный характер взаимоотношений с Россией способствовали появлению на исторической арене целой плеяды выдающихся деятелей, имена которых запечатлелись в народной памяти, героических песнях и сказаниях, многочисленных преданиях и легенд. В эти грозовые годы получили большую популярность в народе и прославились своими подвигами батыры Абылай, Богенбай, Кабанбай, Жанибек, Канай, Малайсары, Олжабай, Отеген, Наурызбай, Койгелди, Есет, Кожаберген, Сары, Баян и другие: большое влияние на умонастроение степняков имели поэты-жырау Бухар Калкаманулы, Умбетей Тлеуулы, Актамберди Сарыулы. В числе известных деятелей той эпохи были султаны Барак, Батыр, Абулфеиз, Жолбарыс, Султанмамбет, Ералы.

В 40-ые годы XVIII в внутриполитическая жизнь в Казахстане оставалась нестабильной. Она характеризовалась не только наличием нескольких ханств и отдельных уделов, но и соперничеством двух клановых групп правящей элиты. Одну из них возглавлял честолюбивый хан Младшего жуза Абулхаир, который откровенно претендовал на роль старшего хана казахов[83].

Однако для осуществления своих притязаний Абулхаир хан не имел достаточной опоры, не пользовался поддержкой большинства старшин даже Младшего жуза. Вступив в 1731 г. в политический союз с царским правительством, Абулхаир, по словам известного историка М. Вяткина, «от своего сюзерена требовал поддержки во внешних отношениях и во внутрених осложнениях со своими вассалами. Этот союз должен был стать орудием для преодоления сопротивления «противных» (т.е. оппозиционных к нему - К.А.) старшин»[84]. В этом смысле Абулхаир и говорил Тевкелеву в 1732 году, что «никак не можно сию Орду привести в состояние, кроме того, что надобно всех противных старшин искоренить, иных перекознить, а иных сослать в дальние города»[85]. Как видно из текста данного послания, Абулхаир хан был не менее воинственно настроен по отношению к своим политическим противникам, чем Барак султан к нему.

В архивах сохранилось еще несколько писем и заявлений в адрес оренбургской администрации с жалобами на султанов - Барака, Батыра и

хана Абульмамбета. В 1742 г. Абулхаир хан обращается к начальнику оренбургской комиссии И. Неплюеву, чтобы тот, призвав «под образом аманатства, удержал в городе Абулмамбет хана, Барака да Батыра салтанов»[86]. Однако, как следует из анализа документов, попытка хана Абулхаира устранить соперников с помощью оренбургской администрации не удается, чему была веская причина.

Дело в том, что в 40-е годы царское правительство активизировало свою колониальную политику в Казахстане, которую умело проводил видный государственный деятель, начальник оренбургской комиссии (а с 1744 г. губернатор) И.И. Неплюев (1693-1773). Как пишет исследователь И. Ерофева: «И.И. Неплюев с начала 40-х гг. целеустремленно проводил линию на ослабление влияния Абулхаира внутри степи и с этой целью завязал тесные контакты с главным врагом хана - султаном Бараком»[87]. Хан Абулхаир, наговаривая на своих политических соперников, пытался внести раскол в наметившийся альянс части казахской знати во главе с султаном Бараком и оренбургской администрации в лице её начальника И.И. Неплюева. Имея в виду эти политические интриги, А. Левшин писал: «Причиной козней Абулхаира тогда было не одно желание сделать зло Абульмамбету, но также надежды успеть в предприятии, которого исполнения было довольно трудно»[88]. Конечно же, опытный политик И. Неплюев довольно быстро разгадал стремление хана Младшей Орды использовать оренбургскую комиссию для усиления своего влияния в казахских жузах и поэтому в задержании представителей знати Абулхаиру отказал. В то же время соперничество и борьба между двумя группировками казахской аристократии подогревались и были умело использованы тем же губернатором И.И. Неплюевым. В конце концов, вражда между султаном Бараком и ханом Младшего жуза Абулхаиром приобрела настолько острый характер, что закончилось убийством последнего в августе 1748 г.

Есть разные версии об обстоятельствах гибели Абулхаира. Но наиболее полно, на наш взгляд, эти события осветил А. Левшин. При этом, по его признанию, он опирался на записи М. Тевкелева, хранящиеся в архиве Оренбургской губернии[89]. Вот что писал А. Левшин: "Смерти его (Абулхаир хана - К.А.) предшествовали следующие обстоятельства. Возвратясь из Орской крепости в свои аулы, он немедленно собрал толпу вооруженных киргизов и отправился с нею на разграбление несчастных каракалпаков, столь много страдавших от него и от его сыновей. Тут встретил он султана Барака, который давно питал к нему злобу; особенно негодовал он на разграбление Абулхаиром подарков, ему, Бараку, посланных от хивинского хана... Барак, имея с собою более народа, начал сражение. Толпа, Абулхаира сопровождавшая, будучи малочисленнее, не устояла против первого удара и обратилась в бегство, хан, увлеченный

ею, также должен был бежать. Султан Шигай, сын Барака, нагнал его, и сильным ударом копья сбил с лошади. Тогда подоспел к нему сам Барак и утолил кровожадную злобу свою убиением врага собственными руками»[90].

Несколько подробнее эти события описаны переводчиком Юмагулом Гуляевым[91], специально посланным в Младший жуз для выяснения причин убийства хана Абулхаира. В частности, Ю. Гуляев подтверждает, что Абулхаир хан приехал к прикочевавшим в пределы Младшего жуза каракалпакам, «которые его, хана, и встречали весьма склонно, и поставили ему з будущими при нём людьми три кибитки...Но хан, не удовольствуясь тем, велел своим киргизцам ограбить ещё тех, которых уже Барак салтан в полон себе взял»[92].

Абулхаиру и его приближённым противостояла другая группа казахской аристократии, куда входили хан Абульмамбет, Барак, Батыр и ряд менее титулованных представителей знати. По официальному рангу самое высокое положение занимал Абульмамбет, который не просто принадлежал к одной из старейших ветвей казахских чингизидов, а был ханом в 6-ом колене. Известный историк М.П. Вяткин писал: «Если проследить генеалогию казахских ханов, то с достаточной ясностью обнаруживается фактическая наследственность ханской власти внутри одной и той же династии»[93]. Эта власть с конца XVI в. по 1771 год находилась в руках представителей старшей линии «потомков султана Жадига, сына первого казахского хана Жанибека»[94].

Абульмамбет (Абильмамбет). Точная дата рождения Абульмамбета неизвестна, но поскольку к 1741 г. у него, как и у Абулхаир хана, было несколько взрослых сыновей, можно предположить, что оба хана примерно одного возраста. Если учесть, что хан Абулхаир родился в 1793 г., то, по-видимому, и Абульмамбет хан родился не позднее начала 90-ых годов. (прибл.кон. 1690-1771). Хан Старшего и Среднего жузов, родился в городе Туркестане, служившем в XVI-XVIII веках постоянной резиденцией казахских ханов. Хан Абульмамбет потомок старшей ветви казахских ханов из династии Жадик. Его отец Болат (избранный казахским ханом после смерти Каип хана), по сведениям исследователя М. Тынышпаева, умер в 1730 г.[95] В истории заметных следов он не оставил, это при его правлении Казахское ханство распалось на множество удельных ханств и улусов. Был прав А.И. Левшин, когда писал: «О Пулате, сыне Тявки-хана и отце Абульмагамбета... не могли мы собрать никаких сведений, вероятно, потому, что он ничем себя не прославил[96]. Негативно оценивал деятельность хана Болата и М. Тынышпаев. «При сыне и преемнике Тауке хана, - писал он, - Болат-хане, человеке слабовольном и непредприимчивом, казахи не только не предпринимали походов на калмыков, но сделались жертвой

организованного внезапного нападения калмыков»[97]. Вот уж поистине природа отдыхает на детях выдающихся личностей: история сына и внука Тауке хана тому яркое подтверждение.

В 1740 г. Абульмамбет хан вместе с султанами и старшинами подписал документ о признании протектората России и присягал на верность царице Анне Иоанновне. В 1740 годы со своими сторонниками перебрался в г. Туркестан. Оставаясь старшим ханом, А. все полномочия по управлению ханством возложил на Абылая. Его старший сын Абилпеиз поддерживал хана Абылая, возглавлял его посольство в Китай. Умер в 1771 г., похоронен у стен мавзолея Ходжа Ахмета Яссауи.

Существуют разные версии относительно даты избрания Абульмамбета ханом. Так, исследователь М. Тынышпаев считает, что начало его ханствования относится ко времени Аныракайской битвы, т.е. 1730 г. Обосновывая это предположение, М. Тынышпаев писал: «...При движении до Аныракайских гор одновременно встречались названия «Улькен орда конган» и «Киши ордаконган», т.е. места стоянок Старшего хана (Болата) и Младшего хана (хана Младшей орды - Абуль-хайра). Примерно с этого времени начинается упоминание имени Абульмамбета как хана (хотя бы номинально) трёх орд»[98]. В примечании М. Тынышпаев уточняет: «Левшин полагает, что ханом Средней орды сначала был Самеке и только по смерти его - Абульмамбет, Самеке был признан ханом небольшой группой Средней орды»[99].

Этой же версии придерживался и известный казахский поэт и исследователь Шакарим Кудайбердиев. Перечисляя ханов Среднего и Младшего жузов - Абулхаира и Самеке, он писал: «В старшем жузе и самым старшим (над остальными ханами) ханом был сын Болат-хана Абу-Мухаммед. Казахи звали его Абульмамет»[100]. Видимо, источниками информации для обоих авторов послужили одни и те же материалы устного народного творчества, собранные известным фольклористом А. Диваевым[101].

Всё же, на наш взгляд, высказывание о том, что Абульмамбет был избран ханом в 1730 г., не соответствует действительности. На сей счет есть архивные документы, подтверждающие версию о том, что Абульмамбет был возведён в ханы в 1739 г.[102] В пользу такого вывода говорит и содержание еще одного документа. Это протокольная запись переговоров генерал-лейтенанта князя В. Урусова с представителями казахской знати. На вопрос В. Урусова, по народному ли обычаю возведён в ханы Абульмамбет, Жанибек батыр «ответствовал: означенной-де Абульмамбет-сын бывшего Пулата-хана, и будучи-де он в прошлом году в Туркестане, от знатейших киргиз-кайсацких родов, яко Аргынского, Актайского и Увакерейского и от других удостоен в хана, и по прибытии в орду от многих родов поднят на япанче...»[103].

Процитированные выше слова влиятельнейшего батыра и старшины Жанибека, записанные в августе 1740 г., не оставляют ни малейшего сомнения в том, что Абульмамбет был избран казахским ханом в 1739 г.

Несмотря на давление, оказываемое Оренбургской администрацией, хан Абульмамбет все-таки отправил своего младшего сына Абулфеиза в Джунгарию в качестве заложника. Об этом с обеспокоенностью извещал в коллегию иностранных дел И. Неплюев. В своем донесении от 18 ноября 1742 г. он писал: «Абулмамбет хан...к зенгорскому владельцу сына своего уже отправил и по всем его поступкам, хотя он ныне в верности Е.И.В. у посыланных к нему переводчика Уразина и вахмистра Лихачева присягал, но сие верности ево один токмо вид»[104].

По свидетельству современников и историческим документам Абульмамбет хан не отличался особой предприимчивостью и способностью государственного деятеля, в противоположность Абулхаиру он был человеком тихого нрава и скромного характера. Сравнивая их между собой, историк А.И. Левшин писал: «Хитрость, коварство, властолюбие и вспыльчивость Абулхаира были совершенно противоположны кротости и доброте Абульмамбета»[105]. И отмечал, что хан Абульмамбет, избегая козней Абулхаира, удалился к Туркестану...»[106].

Внутриполитическая обстановка в Казахстане в начале 40-х годов усугублялась длительным отсутствием султана Абылая, находившегося в 1741-1743 годах в джунгарском плену. Он был освобожден ойратским ханом Галдан Цереном после того, как прибыл к нему в январе 1743 г. в качестве аманата (заложника) сын Абульмамбет хана - султан Абулфеиз.

Чтобы вывести страну из состояния политического кризиса и объединить казахский народ перед лицом продолжающейся угрозы джунгарского порабощения, нужен был лидер, способный сплотить все слои казахского общества. Наиболее известные политические деятели из числа чингизидов - Абулхаир хан, султаны Барак и Батыр, занятые междоусобной борьбой, явно не тянули на роль общенационального лидера. Не годился на эту роль и султан младшего жуза - Нуралы, старший сын Абулхаир хана, унаследовавший трон после трагической гибели отца.

Итак, в августе 1743 г. Абылай был освобожден из джунгарского плена и благополучно вернулся в Кокшетау. Годы плена, как было сказано выше, не прошли бесследно для султана. Он изучил ойратский язык, завел знакомство с некоторыми влиятельными людьми из правящей верхушки джунгарский знати, в частности, с князем Давацием и хойтским старшиной Амурсаной. Присматриваясь к внутренней жизни джунгар, он отметил как сильные, так и слабые стороны этого государства, обратил внимание на столкновение интересов правящей элиты.

Примечательно, что уже во время пребывания в ойратском плену у Абылая созрел план действий по освобождению страны от засилья джунгар и притязаний среднеазиатских правителей. Во всяком случае, он по возвращении из плена развернул хорошо продуманную работу по объединению казахских земель и укреплению верховной власти. Прежде всего, Абылай искал единомышленников и находил их в лице авторитетных и влиятельных биев, родовых старшин, прославленных батыров и популярных в народе поэтов- жырау. И среди представителей привилегированного сословия торе - были деятели, не страдающие узкосословной ограниченностью, отстаивающие общенациональные интересы и коим были чужды узкосословная ограниченность и сепаратистские настроения. Некоторые из них пользовались доверием Абылая, выполняли его поручения, возглавляли посольства, направляемые в другие страны, управляли улусами. К примеру, султан Жолбарс неоднократно выезжал во главе миссии в Москву и Санкт-Петербург[107], султан Даулеткерей возглавлял посольство в Пекине. Султаны Барак, Батыр, Султанмамет, Абулфеиз правили большими улусами.

Трудно однозначно судить о взаимоотношениях султана Абылая и Абулхаир хана. По мнению исследователя М. Тынышпаева, они носили неприязненный характер. «Одинаково враждебны были, - писал он, - отношения между Абуль-хайром с одной стороны и Бараком, Абылаем с другой»[108]. Однако мы не нашли подтверждения этого вывода ни в одном из источников, напротив, есть документы, свидетельствующие о сдержанном, но отнюдь не враждебном характере их взаимоотношений. Так, хан Абулхаир впервые упоминает имя Абылая в письме к императрице Анне от 13 августа 1738 г. «Вашему И. В. доношу, пишет он, что Средней орды солтан Абульмамбет и Аблай ныне далеко в степи кочуют и за дальностью присяги быть не могли...»[109]. В свою очередь Абылай относился к Абулхаиру с учтивостью, в письме в Сибирское ведомство он называет Абулхаира и Абульмамбета старшими братьями[110]. А когда Абулхаир хан был убит Бараком, Абылай с приближенными прибыл в ставку хана, чтобы выразить соболезнование его супруге Бопай[111].

В донесении начальника Оренбургской комиссии И. Неплюева в Коллегию иностранных дел от 28 сентября 1748 г. отмечалось, что хан Абулхаир заявлял, «акибы Абылай-салтан от зюнгарского владельца с великим награждением возвратился, получа во владение прежние их жилища: города Ташкент, Туркестан и другие. И будто одной солтан прислал к нему, хану, нарочного со известием об отдаче оных городов...»[112]. Из того факта, что Абылай сразу же по возвращении из плена направил к Абулхаиру нарочного с сообщением о своем прибытии,

следует, что у него не было неприязни к Абулхаиру. Подтверждением тому может служить и высказывание сына Абулхаира Нуралы во время его беседы с тем же И. Неплюевым. «Средней орды Аблай-салтан,- говорил Нуралы-хан, - к их фамилии находится усердным и он, хан, на него, Абылая, имеет добрую надежду»[113]. Известно также, что Абылая связывали с домом Абулхаир хана узы родства. Одна из жен Абылая - родная племянница хана Абулхаира[114].

Хан Абулхаир, обычно не скупившийся на крепкие выражения в отношении своих политических соперников, ничего негативного об Абылай султане не говорил. Анализ источников свидетельствует о том, что султан Абылай не участвовал в политических интригах знати, не принимал участия, говоря современным языком в клановых разборках феодальной аристократии. В своей политической деятельности он исходил из высших интересов государственности и национального единства своего народа. Официально сюзереном султана Абылая был хан Абульмамбет, который номинально считался правителем Среднего и части Старшего жузов[115]. Фактическим же правителем Среднего и Старшего жузов был султан Абылай. В документе, датированном 17 июля 1749 г., отмечается, что в Средней орде «ныне из владельцев находится только Аблай-салтан»[116]. Известный немецкий исследователь П. Паллас, посетивший в 1769 г. Троицк: «во время моего здесь пребывания и присланы были от сильнейшего Средней орды начальника, Аблай-салтана, посланные»[117].

Вскоре по возвращению из ойратского плена султан Абылай рассылает во все стороны степи гонцов с приглашением на мажилис. На совет прибыли представители всех трех жузов, а также хан Абульмамбет, многие известные султаны, в том числе и Барак, прославленные батыры и бии. В числе приглашенных был и Абулхаир хан[118], но он сам не поехал на совет, а послал младшего сына - султана Ералы. На мажилисе рассматривались самые жгучие проблемы казахского общества. Было решено придерживаться и далее Российской ориентации, развивать с ней торгово-экономические отношения. Собравшихся более всего волновал вопрос о снятии угрозы нового джунгарского вторжения. Некоторые султаны и батыры говорили о необходимости немедленно начать боевые действия против ойратов. Абылаю приходилось сдерживать горячие головы мудрым словом. Будучи более осведомленным в политической ситуации, он разъяснил собравшимся, что в военном отношении на данный момент Джунгария значительно сильнее казахов, разобщенных и разрозненных на множества владений. Немедленное выступление по мнению султана привело бы страну к еще большему разорению.

Участники мажилиса единогласно поддержали предложения султана Абылая о необходимости объединения военной силы. Было решено пока пойти на частичную уступку требованиям джунгарского правителя[119].

В архивном документе отмечается, что в 1743 г., когда вернулся из джунгарского плена султан Аблай, то «по приезде ево, Аблая салтана, на совете обще положили, дабы будущею весною Баракова сына Шигая солтана к Галдан Чирину в аманаты отдать и тем Абульмамбетова сына сменить»[120].

Таким образом, Абылай с одобрения большинства казахской знати озвучил свою стратегическую задачу: объединение страны в одно крупное государство, способное освободить этническую территорию казахов, противостоять джунгарской агрессии.

Подчинившись решению мажилиса, весной 1744 г. Барак султан отправляет в Джунгарию своего сына Шигая на смену Абулфеизу, сыну хана Абульмамбета, пребывавшего там в качестве аманата.

Большое влияние в Казахском обществе в 30-40-е годы приобрел султан Барак (?-1750). Он происходил из рода Ондан-султана, брата Есим хана, а его отец Турсын-хан был владельцем г.Икана и прилегающих к нему земель. Имя Барак султана получило известность в Степи в 1730-е годы, за смелые боевые действия в войне против джунгарского нашествия в народе его прозвали Кокжал-Барак, что означало Барак-Матерый. Его влияние на политическую жизнь Казахстана было достаточно сильным и распространялось на многие рода Среднего жуза. «В средней орде, - писал М. Тевкелев, - сильный род Аргын, ищисляется шестнадцать родов...В сих родах владельцами Барак-салтан и Аблай-салтан»[121].

О том, что Барак султан пользовался среди казахов большим влиянием, отмечал и А.И. Левшин. Он в частности, писал: «Тогда же в 1742 г. присягнул в первый раз правительству русскому сильный султан киргиз-казачий Барак, который, повелевая значительной частью Средней орды, был называем подвластными своими ханом»[122]. Послы султана Барака удостаивались самого высокого официального приема не только в Оренбурге, но и в Санкт-Петербурге. В числе 10-ти представителей казахской знати, от которых ойратский правитель Галдан Церен потребовал в заложники сыновей, был и Барак. Вначале он категорически отверг притязания Галдана, но, как было отмечено, вынужденный считаться с решением мажилиса, весной 1744 г. отправил все-таки своего сына Шигая в Ургу на смену сыну Абульмамбет хана Абулфеизу[123].

Вскоре между султаном Бараком и правителем Джунгарии установились довольно тесные политические и торговые отношения. Галдан Церен пытался перетянуть влиятельного султана на свою сторону и использовать его в противоборстве с Россией. Чтобы вызвать у казахов антироссийские настроения, ойратские послы, прибывшие к Бараку,

заявляли: «Русские де люди у них зенгорцов Иртышом, а у вас отняв Яиком реками завладели ...». Послы также уверяли, что независимо от позиции казазских ханов и султанов «мы де своего не упустим и что де они на Иртыше построили, то де все забивать будем... или нынешной зимою или будущею весною[124]. В ответ на это Барак заявил ойратам, что казахам от построенных русскими на Яике крепостей нет никакого вреда, напротив, они туда ездять на торги. Что же касается нападения на российские крепости, «то де не трудно начать, но было де как скончать, ибо де с русскими в такое действо вступить не з другим с кем и нелехко»[125].

Получив отказ от Барак султана участвовать в антироссийском союзе, ойраты попытались использовать его в качестве посредника в переговорах с правителем Коканда Абд-ал-Карим беком. Последний в начале 1744 г. занял Ташкент, изгнав оттуда ойратского наместника. Джунгарский правитель Галдан Церен обратился к Бараку с просьбой содействовать в заключении мира с Кокандом. Султан Барак живо отозвался на просьбу ойратов, направил в Коканд послов. Миссия эта, однако, не увенчалась успехом. Абд-ал-Карим-бек, поддерживаемый влиятельным бием Старшего жуза Толе Алибековым, отверг мирные предложения. Тем не менее, в знак благодарности Галдан Церен отпустил на родину Шигая. Об этом доносил в Оренбург сам Барак. «Сын мой Шигай-салтан, - писал он, - ездил к Галдан-Чирину, и Галдан-Чирин, дав ему в жены двух девок, отпустил»[126]. Отношения Барака с Джунгарией резко осложнились после смерти Галдан Церена в 1745 г.

Между тем султан Абылай, заручившись поддержкой подавляющего большинства участников народного мажилиса, развернул продуманную и целенаправленную работу по объединению страны и укреплению верховной власти. Свою деятельность в этом направлении Абылай начал с объединения и сплачивания той части знати, которая разделяла его идею и проявляла готовность бороться за ее осуществление. Как тонкий политик, Абылай султан осознавал особенность родовой организации казахского общества, где ни одно сколь-нибудь важное решение ни хан, ни султан не могли принять без согласия старшин[127]. Поэтому, прежде всего Абылай султан искал и находил единомышленников в среде авторитетных и влиятельных родовых старшин, биев и прославленных батыров. Наибольшим влиянием в Старшем жузе пользовался Толе бий Алибекулы (1663-1756), в Среднем – Казбек бий Кельдибекулы (1667-1765), в Младшем – Айтеке бий Байбекулы (1681-1737). Указанные бии прожили долгую плодотворную жизнь. Они выдвинулись при хане Тауке, участвовали в составлении законодательного уложения, известного как Законы хана Тауке «Жеты Жаргы»[128]. Имена биев Толе, Казбек и Айтеке широко представлены в казахском устном народном творчестве[129],

сохранились в архивных документах[130]. Их деятельность нашла отражение в исторических исследованиях[131]. К примеру, известный историк А.И. Левшин, отмечая выдающуюся роль хана Тауке, писал: «Повелевая всеми вообще киргиз-казаками, сам он (Тауке хан - К.А.) жил, подобно отцу и деду, в Туркестане. Для надзора же и управления каждою ордою в особенности были избраны и подчинены ему три частных начальника: в Большой орде - Тюля, в Средней – Казбек, и в Младшей - Айтяк»[132].

В XVIII веке деятельность почитаемых в народе биев - Толе, Казбека и Айтеке были направлены на объдинение против джунгарской агрессии. В разные периоды своей политической деятельности султан Абылай пользовался поддержкой перечисленных влиятельных биев. Предание гласит, что Абылай (Абильмансур) после гибели отца и всех родных год скитался в Ургенче, а затем вернулся в Туркестан. Здесь он нанимается пастушком к Толе-бию, который якобы и предсказал Абылаю великое будущее. Став султаном, фактически правителем Среднего, а позднее и Старшего, жузов Абылай поддерживал связи с Толе бием.

Большим влиянием в Среднем жузе пользовался Казбек бий (1667-1763), известный в народе как «Каз дауысты», с которым нередко советовались хан Абульмамбет и султан Абылай[133]. В документах Казбек бия называют то главным судьей Среднего жуза, то старшиной Каракисяцкого рода. Казбек бий был искусным оратором и дипломатом, не раз возглавлял миссии в Джунгарию, и был советником султана Абылая.

После подавления царскими властями башкирского восстания в 1740 г., его предводитель Карасакал бежал в Казахстан и нашел убежище у «Каракисяцкого роду Казбек бия»[134]. А когда царское правительство обратилось к султану Абылаю о выдаче Карасакала, то «оказалось», что тот уже за пределами Средней орды, в кочевьях Кабанбай батыра, в Жетису. По этому поводу в документе указано: «Киргиз-кайсацкой Средней орды один знатной Казбек бий выслал из бежавших туда в бывшей башкирской бунт башкирца»[135].

В 1748 г. Барак султан после смерти хана Абулхаира, опасаясь мести его детей, решил откочевать в Жетису, ближе к границам Джунгарии. Но, как отмечено в документе, «оного Барака Средней орды Каракисяцкого роду Казбек бий с прочими знатными людьми от побегу удержали и в Большую орду и к зюнгорским калмыкам проехать воли не дали»[136].

Высоко оценивал деятельность Казбек бия Чокан Валиханов. Он писал: «В каракисецком роде Средней орды, в конце XVII века, был известный бий Казбек; потомство его до сих пор носит звание биев: Казбек-Бекбулат-Тленчи-Алчинбай». Приводя этот пример, Ч. Валиханов тут же замечает, что из этого факта «вовсе не следует думать, что звание биев было у казахов когда-либо наследственным»[137].

Посвятив значительную часть своей деятельности вынужденным ратным делам, Абылай охотно стремился к мирному созиданию, к руководству своим народом на пути прогресса и свободы. Соединяя ясный и проницательный ум с необыкновенной решительностью и настойчивостью, Абылай был центром, притягивавшим все умственные силы, всю волю страны, вдохновлял всех своим присутствием.

Официально ханом Среднего и Старшего жузов считался Абульмамбет, фактически власть была сосредоточена в руках султана Абылая. Лишь на короткое время пребывания Абылая в ойратском плену, Абульмамбет обрел реальную власть. Но после возвращения султана Абылая из плена хан Абульмамбет не принимал ни одного политического решения без консультации с Абылаем.

Получив известность после Аныракайского сражения, о чем повествуют в своих произведениях Умбетей жырау и Таттикара жырау, Абылай стал ханом в 20 лет, то есть 1731 году[138].

Знаменитый Бухар жырау в песне-посвящении также отмечал, что Абылай «воссел на золотой пъедестал», когда ему исполнилось 20 лет[139], а в другом поэтическом толгау подтвердил, что он стал ханом в юные годы[140]. Эту версию разделяли исследователи начала XX века - Ш. Кудайбердиев[141] и М. Дулатов[142]. На наш взгляд, большую ценность имеют и замечания Арыстанбая Тобылбайулы (1811-1880), известного поэта-композитора, прославившегося и в качестве непревзойденного сказителя эпических произведений. «В мое время в степи, - писал Чокан Валиханов, - помнил эту рапсодию (поэму «Ер Кокше-Ер Косай» - К.А.) один только человек: киргиз Кокчетавского округа, Койлы-Атыгайской волости, Арсланбай»[143]. Как утверждает в своем поэтическом толгау Арыстанбай акын, Аблай был ханом в Кокшетау 48 лет[144]. Если учесть, что последние два года жизни Абылай хан провел в Туркестане, выходит, что он был избран ханом в 1731 году.

Сведения казахских устных источников относительно прихода к власти Абылай хана согласуются с данными исследователей, опиравшихся на архивные источники. К примеру, по этому поводу Чокан Валиханов отмечал: «Власть Абылая в орде была упрочена накрепко, и Большая орда признала его власть»[145]. Более определенно по данному вопросу высказывался Е. Бекмаханов - известный казахский историк. По его мнению, Абылай «в 1731 году стал помощником хана Абульмамбета, от имени которого правил страной почти 40 лет, лишь после его смерти в 1771 году Абылай стал ханом, официально признанным как Россией, так и Китаем»[146].

Следует отметить, что и русские чиновники ещё с 30-ых гг. признавали Абылая правителем Средней орды и обращались к нему в официальных документах не иначе, как «киргис-кайсацкой Средней орды

владельцу»[147]. В этом смысле очень интересен текст следующего документа: «Абылай ныне во всей Средней орде за главного владельца почитается, а притом гораздо смышлен и проворен по нынешним же обстоятельствам с китайцами и приведении в той орде предписанных порядков нужно его, Абылая, приласкивать. А к тому и сие предстречь небезпотребно, чтоб тамошний народ по примеру Абульмамбетову без указу собою не сделал его ханом, в чём отсюда и воспрепятствовать будет трудно, ибо по делам значится, что уже и ныне в разных местах имянуют его, Абылая, ханом»[148]. Документов с такими признаниями много. Вот еще один: «Впрочем, Аблай-солтана киргиз-кайсаки «ханом признавали»[149].

Военно-организаторская деятельность Абылая в борьбе против джунгарской, а со второй половины 50-х годов - цинской агрессии повысили авторитет и упрочили влияние Абылая в Среднем и Старшем жузах.

Приведённые выше факты свидетельствуют о том, что султан Абылай ещё в 30-е годы XVIII в. был провозглашён многими родами Среднего жуза своим ханом. По свидетельству историка Курбангали Халида, власть Абылая «признавали весь Средний жуз, большая часть Старшего и часть Младшего жузов»[150], но, тем не менее, он официально не называл себя ханом. Придерживаясь стратегического курса на объединение всех трех жузов, он считал, что страной должен править один хан.

2.3 Абылай и казахско-джунгарские отношения в 1746-1756 гг.

После освобождения в 1743 году из плена султана Абылая и подписания им джунгаро-казахского мирного договора отношения, между двумя странами стабилизировались, полностью прекратились военные вторжения как с одной, так и с другой стороны. Проявляя большую заинтересованность в налаживании отношений с казахскими правителями, ойратский правитель Галдан Церен снял свое требование о выдаче Карасакала, вернул Абульмамбет хану и Барак султану их детей Абулфеиза и Шыгая, содержавшихся у него в аманатах[151]. В эти годы между двумя странами регулярным стал обмен посольствами, в мирной обстановке на переговорах решались вопросы о кочевьях. Обе стороны проявили большую заинтересованность в развитии приграничной меновой торговли[152].

Дипломатическая активность ойратов в Казахских ханствах была связана с серьезным осложнением джунгаро-российских отношений. В этих условиях Галдан Церен предпринимал большие усилия, чтобы оторвать казахские жузы от России и укрепить в них свое влияние. В

одном из посланий Абулхаир хану Галдан Церен откровенно писал: «Напрасно он, хан, в подданство российское вступил, ибо-де российские люди пахотные и того одного смотрят, чтоб токмо города строить и привести киргизский народ в такое разорение, как нижние калмыки и башкирцы приведены»[152]. Напоминая Абулхаир хану об общности казахско-ойратских кочевых традиций, Галдан Церен говорит о различиях в хозяйственном укладе жизни русских, предлагает хану скрепить политический союз династийными связями. Для большей убедительности заявляет, «что он, зюнгарский владелец, от России нимало не опасен, и посланного посла не боясь к себе, не допустил»[154]. В таких же выражениях Галдан Церен неоднократно обращался в последние годы своей жизни и к другим казахским владетелям[155]. Надо сказать, что усилия ойратской дипломатии были отнюдь не бесплодными.

Так, на основе собранной информации в сентябре 1742 г. начальник Оренбургской комиссии И. Неплюев в очередной раз предупреждал правительство о возможных нежелательных последствиях для России от усиления ойратов в казахских жузах. «Часто помянутой зюнгарской владелец, - писал И. Неплюев, - в такое усильство приходит, что преднедавним времянем всю Малую Бухарию, Ташкентом, Туркестаном и другими городами завладел и Большую киргиз-кайсацкую орду в подданство свое привлек, и аманатов взял, что ему весьма нетрудно учинить со оными е. и. в. подданными двумя ордами; и ежели... каким образом привлечет их в подданство свое, то Гос. коллегия довольно разсудит, каким он опасным соседом з здешней и сибирской стороны зделаться может...»[156].

В своем донесении от 20 октября 1745 года в Коллегию иностранных дел тот же И. Неплюев писал: «По полученным известиям, от зюнгарского владельца Галдан-Черена к российской стороне противное намерения есть»[157]. Далее губернатор сообщал, что по тем же источникам получено известие о большой концентрации ойратских войск вдоль российских границ[158]. Особую тревогу у российских властей в эти годы вызывали казахско-ойратские отношения. Тому были причины.

Вследствие массированного дипломатического прессинга со стороны ойратского правителя произошли изменения в умонастроении части казахской знати Среднего жуза. На опыте военного вторжения ойратов в 1741 г. они убеждались в нежелании царского правительства защищать казахов от джунгарского нашествия. В силу этих обстоятельств, в начале 40-х годов, как пишет исследователь В.А. Моисеев, «во всех казахских жузах росли проойратские настроения, выразителем которых был известный батыр Среднего жуза Малайсары[159], возглавлявший, по словам Чокана Валиханова, «Патриотическую партию»»[160].

Администрация приграничных с казахами регионов постоянно информировала правительство о казахско-ойратских связях. Так, в донесении сибирского губернатора в Коллегию иностранных дел с тревогой сообщалось, «что ныне-де он, Галдан-Чирин, с ними кайсаками в мире...»[161]. Для выяснения взаимоотношений казахов с ойратами Сибирский губернатор в октябре 1743 г. направляет в Средний жуз башкира Тюкана Балтасева. Последний в своем отчете о поездке к Абульмамбет хану показал, что через казахских послов, только что возвратившихся из Джунгарии, ему стало известно, что джунгарский правитель «Малай-Сары (возглавлял посольство - К.А.) пожаловал в ближние к себе четырем человеком и сто кобыл ... и с ним к Абулмамбет хану и Барак-солтану прислал по кафтану золотой парчи да по собольей шапке»[162].

В эти годы еще более тесными были взаимоотношения ойратов с влиятельными старшинами Старшего жуза.

Для усиления своего влияния в казахских жузах ойраты прибегали к различным методам. Одним из средств ойратского давления на казахских владетелей были города Ташкент и Туркестан, контроль над которыми они установили повторно в ходе военных операций 1741 года. Любопытные сведения о Ташкенте приводил в своих исследованиях А.И. Левшин. Он писал: «Жители бывшей Вятской провинции Шубай Арсланов и Мансур, в 1742 г., приехав из Ташкента, рассказывали, что до 1739 года вышеупомянутый хан (Жолбарс - К.А.), что с ним разделял власть один сильный старейшина киргизской по имени Тюлебий и что они собирали с города ежегодную подать. Потом Юлбарс убит, но Тюля-бий и без него продолжал еще несколько времени владычествовать и собирать доходы. Власть его была прекращена каким-то Кусек-беком, данником, а может быть наместником Галдан-Цырена»[163].

По словам того же А.И. Левшина, и город Туркестан в начале 40-х годов «признавал над собою владычество Галдан-Цырена»[164]. Последний использовал Туркестан как козырную карту на переговорах с казахскими владетелями. Этот город, начиная с XVI века, служил постоянной резиденцией казахских ханов и потому владение ими было не просто престижно, а имело глубокий политический смысл. Именно поэтому в 40-х годах XVIII в. из-за Туркестана разгорелось соперничество между казахскими ханами и султанами. Поскольку он находился под контролем Галдан Церена, к нему апеллировали хан Младшего жуза Абулхаир, хан Среднего жуза Абульмамбет, а также владетельный султан Барак.

Однако после переговоров, длившихся около года, Галдан Церен пожаловал султану Абылаю при освобождении его из плена города Ташкент и Туркестан. Об этом оренбургскую администрацию информировал хан Абулхаир. «Аблай-салтан, - сообщал он, - от

зюнгарского владельца с великим награждением возвратился, получа во владение прежние их жилища: города Ташкент, Туркестан и другие»[165]. Но султан Абылай не спешил переселяться в указанные города. Поскольку Туркестан был традиционной резиденцией казахских ханов, он начал переговоры с жителями Туркестана, чтобы они перешли под опеку Абульмамбет хана. В 1744 году по приглашению жителей Туркестана Абульмамбет принял правление городом и жил там до своей смерти в 1771 году.

В 40-е годы XVIII в. от Бухарского ханства, ослабленного внутренними распрями и военным вторжением Персидского шаха Надира, отделилась Фергана и стала самостоятельным ханством под названием Кокандского. Быстро набиравший политическое влияние и военную силу правитель Коканда Абд-ал-Карим-бий в 1744 году заявил о своих притязаниях на город Ташкент, управлял которым наместник Галдан Церена некий Айбек. Будучи крупнейшим ремесленным центром и находясь на перекрестке торговых путей, Ташкент занимал стратегически важную позицию во всей Средней Азии и на юге Казахстана. Кокандский правитель решил взять это под свой контроль. И когда с этой целью он во главе 10-ти тысячного войска весной 1745 г. подошел к Ташкенту, то жители «без всякой баталии сдались»,[166] «и в то время, - отмечается в документе, - главный Айбек из Ташкента убежал»[167]. Правителем города кокандский бек назначил казахского бия Толе Алибекова, одного из своих приближенных.

Владеть Ташкентом означало держать под контролем все ремесленно-торговые центры Средней Азии и юга Казахстана, поэтому война между ойратами и кокандцами шла с большим упорством и продлилась до осени 1745 г., то есть до самой смерти джунгарского хунтайджи Галдан Церена (1727-45 гг.). Причем с обеих сторон не раз предпринимались попытки вовлечь в войну казахских правителей. Последние под разным предлогом уклонялись, по крайней мере, избегали открытого выступления на той или иной стороне.

Исключение составил влиятельный бий Старшего жуза - Толе Алибеков. Весной 1745 г. видный джунгарский военачальник Сары Манджа, приехав в гости к Толе-бию, неожиданно умер. Основываясь на данных архивного документа, историк В.А. Моисеев пишет: «По мнению не только ойратских феодалов, но и многих казахских владетелей и старшин, Сары Манджи был отравлен»[168]. Опасаясь мщения ойратов, Толе бий со всеми подвластными родами поселился в пределах Кокандского ханства. Вскоре к Абд-ал-Кариму прибыли послы ойратского правителя с требованием выдать ему Толе бия, но они вернулись ни с чем[169].

В связи с войной против Коканда, Галдан Церен был вынужден перебросить войска в Среднюю Азию, тем самым ослабив свои силы в

верховьях Иртыша. Так был сорван военный план Галдан Церена против России в районе Иртыша.

Джунгарское государство, державшееся во многом благодаря авторитету его правителя Галдан Церена, после его смерти в сентябре 1745 г.[170] превратилось в арену противоборства различных политических группировок. В качестве орудий борьбы за власть они использовали наследников престола.

У Галдан Церена было три сына и дочь. Старшему сыну Лама-Доржи в год смерти отца исполнилось 25 лет (по другой версии –19 лет), среднему Цэван-Доржи-Аджа-Намжилу - 13, младшему, Цэван Даши - 6 лет. Галдан Церен завещал трон среднему сыну, который в 1746 г. и был провозглашен правителем под именем Аджа хана[171]. Это обстоятельство вызвало недоволь-ство части влиятельных нойонов, которые хотели бы видеть на престоле Ламу Доржи, старшего сына Галдан Церена. Однако последний был рожден от наложницы, и, по-видимому, это обстоятельство сыграло решающую роль при выборе правителя.

Те круги ойратской знати, которые были близки к трону, используя в своих целях малолетство Цэвана-Доржи, стали расправляться со своими политическими противниками. К тому же юный правитель был наделен комплексом отрицательных качеств. По свидетельству современников, Цэван–Доржи был жесток, не уважал старых нойонов, окружил себя молодежью, устраивал дикие оргии[172]. Во внутренней политике юный правитель ойратов придерживался репрессивных методов, казнил многих знатных нойонов и зайсангов. Во внешней политике пытался продолжить агрессивный курс своего предшественника, однако это ему не удалось. Так, начиная с 1747 г., ежегодно джунгарские войска совершали военные походы в Среднюю Азию, но ни один из них не увенчался успехом[173]. К тому же к концу 40-х годов осложнились отношения ойратов с Цинской империей[174].

Обострение междоусобной борьбы внутри страны и осложнение международного положения Джунгарии происходило на фоне экономического кризиса, охватившего все ойратское общество. Продолжительные войны с Китаем, казахскими ханствами и Кокандом подорвали производительные силы страны, привели к упадку ремесел и торговли. Последствия экономического кризиса сказались на жизненном уровне населения, состоянии государственной казны. Окончательно пришли в упадок заводы и мастерские.

Используя создавшееся в Джунгарии положение, Абылай начал диктовать ойратскому правителю свои условия, брать на себя инициативу в решении ряда политических вопросов взаимоотношений между двумя странами. В документе, относящемуся к 1746 г., отмечается, что «Аблай

салтан и Барак салтан согласие (с ойратами- К.А.) имеют и владения их киргисцы друг к другу переезжают почасту...»[175].

Довольно устойчивый характер приобрели в эти годы торговые отношения между двумя странами. Часть населения Среднего и Старшего жузов свои потребности в хлебе, ткани и утвари обеспечивала за счет торговли с подвластными Джунгарии городами Восточного Туркестана. Торговые караваны беспрепятственно ходили из страны в страну[176].

В конце 40-х годов правящие круги Джунгарии попытались вновь добиться от казахских владетелей признания своей зависимости, присылки в Ургу дани и заложников[177]. Джунгарские феодалы, получив отказ от казахов в исполнении их притязаний, решили оружием принудить правителей Среднего жуза к покорности. С этой целью Цэван-Доржи предпринял еще один поход против казахов. Командующим войсками был назначен один из самых жестоких военачальников - зайсанг Кандиль-Доржи. Ойратские войска в количестве около 10-ти тысяч единиц устремились в направлении Туркестана, но были разгромлены войсками Абылая. Сам Доржи был взят в плен и казнен[178].

В 1750 г. в результате заговора был свергнут Цеван Доржи (Аджа хан), власть при содействии Саин-Болока перешла к его сводному брату Лама-Доржи. Церемония коронации нового правителя состоялась 12 октября 1750 г. на собрании ойратской знати. «Тогда ему, владельцу, сообщали очевидцы, прежнее имя Ламы-Доржи оставлено, а именовать начали Лама-Ирдени-Батур-Контайдзи, для чего был по их обыкновению знатной банкет»[179]. Однако избрание нового правителя не привело к стабилизации политической ситуации в Джунгарии, напротив она еще более обострилась[180]. Против нового правителя открыто выступила группа влиятельных нойонов во главе с племянником Галдан Церена, князем Даваци и хойтским старшиной Амурсаной. Оба руководителя оппозиции были в дружбе с султаном Абылаем и пользовались его поддержкой.

Решающее сражение между отрядом Даваци и Амурсаны, с одной стороны, и правительственными войсками - с другой, произошло осенью 1751 г. на Иртыше в районе озера Нор-Зайсан. В битве, длившейся два дня, успех сопутствовал войску Ламы-Доржи, «мятежный нойон вместе с племянниками Амурсаной и Байнджуром (Даньчжур) ушли за реку Иртыш в Киргис-кайсаки»[181]. Ойратские мятежники нашли укрытие во владении султана Абылая. Как писал В.Н. Витевский, Даваци и его спутники «прибыли в кочевья Средней Орды по осени 1751 г. и были приняты с честью в Баклы-Гирейском роде киргизцами»[182]. Отряд Давация и Амурсаны стал пополняться за счет прибывших к ним ойратских старшин, вынужденных бежать от преследования Ламы-Доржи[183].

Бегство во владения султана Абылая влиятельных нойонов и старшин накалило политическую обстановку в Джунгарии, создавая угрозу гражданской войны. А казахские владетели, прежде всего султан Абылай, получили реальную возможность влиять на политическую ситуацию в Джунгарии. Характеризируя казахско-ойратские отношения в условиях смуты, А.И. Левшин писал: «Умный и предприимчивый султан Аблай не упустил воспользоваться ссорами владельцев зюнгорских и всячески содействовал продолжению их междоусобий, понимая совершенно, сколь необходимо... для внешней безопасности всех орд казачьих раздробление и обессиление древних врагов их. С сею целию не только дал он Амурсане и Лобаче (Даваци - К.А.) убежище в своем ауле, но даже ходил за них сражаться»[184].

Когда весть об этом дошла до Петербурга, правительством было предписано И. Неплюеву, находившемуся в то время в Петербурге:

1. «Крайнее старание возиметь зенгорцев к себе приласкать и в Оренбург призвать, употребя на дачу и склонению оных к тому Абылай султану... из казенных товаров сколько заблагоразсудится;

2. бригадиру Тевкелеву немедленно отправить к Абылай султану искусного, надежного и в киргиз-кайсацком народе бывшего офицера с письмом»[185]. Словом, «русское правительство было озабочено тем, как бы привлечь бежавших нойонов к себе в Россию, и через них усилить свое политическое влияние на зенгорцев»[186].

В исполнение данного указа И. Неплюев и А. Тевкелев 24 сентября 1752 г. отправили в Среднюю орду капитана Яковлева, который «их владельцев, в той орде уже не застал»[187]. Яковлев застал султана Абылая в начале октября «при урочище Арал-Карагай», где он собирал военные силы против джунгар. Как позже писал в отчете Яковлев, «вся степь стала принимать вид военного лагеря. Букенбай-батыр и Даудтархан съехались в Тургае»[188]. Яковлев всячески старался уговорить султана Абылая отпустить нойонов в Россию. «Но у Абылая, - писал В.Витевский, - были свои виды и соображения, поэтому к предложению Яковлева отнесся с явным неудовольствием»[189].

Джунгарский правитель Лама-Доржи направил к султану Абылаю посольство, которое передало его ультимативное требование - немедленную выдачу бежавших к султану нойонов, в противном случае угрожая войной. Султан Абылай препроводил ойратских послов, заверив их, что вопрос о выдаче беглецов в ближайшее время будет обсужден на маслихате старшин. Действительно, осенью 1752 г. Абылай созвал в районе Улытау всеказахский маслихат, на котором, несмотря на сопротивление ряда султанов и биев, ему удалось настоять на невыдаче Даваци и Амурсаны. Было решено готовиться к отражению возможной

агрессии со стороны ойратов. Посланцы султана Абылая, прибывшие в Ургу, заявили ойратскому правителю, что по казахским обычаям «не токмо их ноенов, но хотя их слуги или б собаки пришли и тех...противно их обыкновению отдать»[190].

Разгневанный отказом казахов выдать нойонов, правитель джунгар Лама-Доржи все наличные военные силы (около 20 тыс. человек), кроме небольшого отряда караульной службы на китайской границе, направил в Средний жуз. Ойраты подвергли погрому ряд приграничных с Джунгарией кочевий уак, киреев и найманов[191]. В плен было захвачено более 3 тысяч казахов, угнано большое количество скота[192].

Против ойратов Абылай султан направил передовой военный отряд во главе с батырами - Кожабергеном, Кошкарбаем и Дуйсембетом, призвав к ним на помощь отряд Даваци в 200 человек. Им удалось, нагнав отряд ойратов, сопровождавших пленных, обратить их в бегство, вернуть большую часть пленных и отбить отогнанный скот[193]. Тем временем султан Абылай выступил против джунгарских войск во главе основных сил казахов. На основе анализа архивных материалов историк В.А. Моисеев отмечал, что «постепенно ход войны изменился в пользу казахов. Аблай, собрав дополнительные силы, нанес ойратским войскам ряд серьезных поражений»[194]. Осенью 1752 г. Абылай одержал внушительную победу над 20-ти тысячным ойратским войском, вторгшимся в Казахстан.

Одержанные над джунгарскими войсками победы позволили Абылай султану перейти к осуществлению своих стратегических замыслов - освобождению захваченных ойратами казахских земель и окончательному снятию угрозы со стороны Джунгарии. Для этого он хотел возвести на ойратский трон нойона Даваци, дружески настроенного к казахам. С этой целью султан Абылай снаряжает мобильный отряд во главе с Амурсаной и Даваци и направляет его на захват ставки ойратского правителя. Отряд Даваци, совершив глубокий скрытый рейд вглубь ойратской территории, внезапно ворвался в Ургу (ставку), где был схвачен и убит Лама-Доржи. Правителем Джунгарии был провозглашен нойон Даваци[195]. По одним сведениям это произошло в январе[196], по другим - в сентябре[197] 1753 г. Нам представляется более точным последнее и вот почему. Во-первых, до 31 марта велись казахско-ойратские переговоры и военные действия не начинались. Во-вторых, посланник оренбургской администрации офицер Яковлев до конца июня 1753 г. сопровождал султана Абылая в походе, по его свидетельству, Даваци к этому времени все еще пребывал у султана Абылая[198].

Став правителем Джунгарии, Даваци сразу же отправил к султану Абылаю посольство и с уверением своей дружбы и признательности, «обещался выдать всех киргизцев (казахов - К.А.), находящихся в плену у

зюнгарцев»[199]. Война с ойратами, закончившаяся фактически победой Абылая и воцарением на джунгарском троне его ставленника, позволили казахам вернуться в прежние свои кочевья, которые ранее были захвачены ойратами. В результате всего этого еще больше укрепились авторитет и влияние султана Абылая в казахских жузах.

Однако воцарение Даваци на джунгарском троне не привело к стабилизации политической обстановки в стране. С этого момента начинается новый этап борьбы за власть теперь уже между бывшими союзниками Амурсаной и Даваци. По словам В.Н. Витевского, «Добачи восстановил Амурсананя против себя тем, что не хотел выполнить данных ему обещаний»[200]. Другой версии о причинах размолвки бывших друзей - Даваци и Амурсана придерживается историк В.А. Моисеев[201]. Но как бы то ни было это противостояние, в конечном счете, привело к окончательной гибели некогда могущественного джунгарского государства. На начальном этапе борьбы Амурсана, поддержанный Абылаем, одерживал победу над Даваци. С целью помочь Амурсане в 1754 г. султан Абылай совершает два успешных похода в Джунгарию. О втором его походе в сентябре 1754 г. в Коллегию иностранных дел доносил сибирский губернатор В.А. Мятлов. В частности, он писал, что Абылай «с войским своим тысячах в четырех не в давнем времени ходил для войны с зенгорцами и их де зюнгорцев тем державцом побито и в полон взято тысяч до трех»[202]. По-видимому, речь идет о совместном походе Абылай султана и сторонника Амурсаны Батэма-Церена против Давация, завершившемся разгромом войск последнего на Боротале[203].

Между тем обстановка в Джунгарии осложнилась, и к исходу лета 1754 г. борьба противоборствующих сторон перешла в решающую фазу. Большинство ойратских нойонов и алтайских зайсанов поддержало Давация, что и предопределило исход борьбы в его пользу. Одержав победу над Амурсаной, Даваций незамедлительно направил посольство в Пекин[204] в надежде мирно урегулировать спорные пограничные вопросы. Однако такой мир не устраивал цинских правителей, которые вели деятельную подготовку к войне с ойратами для их окончательного покорения.

Вскоре представился удобный случай для широкомасштабных экспансионистских действий цинских правителей. В этом им помог Амурсана, который потерпев поражение от Давация, с остатками своих войск через Халху (Восточную Монголию) перешел на китайскую сторону. Сообщая об этих событиях, Б.П. Гуревич пишет, что «Амурсана... в августе 1754 г. во главе 20-ти тысячного войска прибыл в Халху и перешел на сторону маньчжурских завоевателей»[205]. На наш взгляд, данные о количестве войск Амурсаны не просто преувеличены, а

совершенно беспочвенны, ибо, имея такое войско, Амурсана не стал бы бежать из своей страны. Ссылаясь на русский источник, И.Я. Златнин приводит другие данные: «Амурсанай де в 300 человек в мунгальскую землицу ушел через Телецкое озеро»[206]. Сведения И.Я. Златкина нам представляются более достоверными, так как в этот период войско Амурсаны не превышало 5-6 тыс. человек[207].

Между тем Амурсана с почетом был доставлен в Пекин, где начались его переговоры с императором Цяньлунем относительно предоставления ему военной помощи «для усмирения смуты в стране». Цинская империя, на протяжении почти 70 лет безуспешно пытавшаяся сокрушить Джунгарское ханство, получила, наконец, реальный шанс на успех. Напротив, расчеты Амурсаны с помощью цинских войск утвердить свою власть в ослабленной распрями Джунгарии были беспочвенны и наивны.

Цинские власти, внимательно следившие за развитием событий в Джунгарии, придвинули к ее границам крупные военные силы - 26,3 тыс. солдат[208] и стали ждать удобного момента, чтобы вмешаться в развернувшуюся борьбу ойратской знати. Теперь цинский Двор решил, что наступил такой момент. Как передает китайский историк Хэ Цютао, в связи с прибытием Амурсаны цинский император заявил: «Наша династия вот уже в течение нескольких десятков лет выжидала, сооружала наблюдательные пункты и изучала границу, готовила войска к истреблению джунгар, но не смогла этого сделать. Теперь же складывается (для нас) подходящая обстановка, которой нельзя не воспользоваться»[209].

Действительно, в Пекине были сильно озабочены тем, чтобы не упустить выпавший шанс расправиться с ойратами. Как писал А. Левшин, император Цянь Лунь принял его (Амурсану - К.А.) весьма ласково и дал ему сильную армию, которой велено было идти с ним, но не для доставления ему верховного владычества над зюнгарами, а для покорения сего народа»[210].

Особенно обеспокоен был цинский двор успехами действий султана Абылая в ойратских владениях. Чтобы предотвратить усиление влияния казахов в Джунгарии, император Цяньлун в феврале 1755 г. издает указ, в котором, в частности, отмечалось, что «если немедленно не двинем в поход войск, то казахам повезет и они добьются своей пользы»[211].

Общая численность китайских войск, развернутых для вторжения в Джунгарию, по-разному определяется источниками: от 90 тыс. до 200 тыс. человек[212]. Б.П. Гуревич, также придерживаясь цифры в 200 тыс. человек, в то же время в примечании указывает, что китайские авторы прошлого (т.е. XIX в.) приводят иные данные: по 25 тыс. в каждой из двух колонн[213]. На наш взгляд, соответствуют действительности данные

китайских источников. Выше мы указывали, что цинские войска, сосредоточенные на границе с Джунгарией в конце 1754 г. насчитывали 26,3 тыс. человек, они и составили одну колонну. Примерно столько же солдат насчитывала и вторая колонна, состоящая, как и первая, из собственно китайцев и маньчжуров. К этим войскам надо добавить передовой 20-ти тысячный отряд[214] Амурсаны, состоящий из южных монголов, халхасов и ойратов.

Бегство Амурсаны в Китай послужило властям последнего поводом для вступления Цинского Китая в Джунгарию. Весной 1755 г. две китайские армии вместе с отрядом Амурсаны, составившие более 90-тысяч человек[215], перешли границу Джунгарии, развернули своё наступление по всем регионам ойратского ханства и вышли к его западным рубежам, не встретив ни малейшего сопротивления. Ойратские войска, собранные Даваци для отражения цинской агрессии, насчитывали более 30 тыс. человек и были сосредоточены у границы. По сведениям, доставленным в Сибирь русским казаком Бурковым, находившимся в ставке хана Даваци, когда ойраты узнали, что Амурсана идет во главе китайского войска, «то по большей части, оставя Дебачу, стали предаваться в китайское войско»[216]. В этих условиях Даваци ничего не оставалось, кроме как сдаваться цинам или бежать. Он выбрал второе – бежал в Восточный Туркестан, где и был пойман и выдан китайцам. Ойратские тайши и старшины сдавались на милость победителей, не оказав сопротивления, и народ, вконец измученный и деморализованный бесконечными войнами и распрями нойонов, был безучастен к происходящему. Джунгарское государство развалилось.

Цинские власти стали всюду в Джунгарии расставлять своих ставленников, возводить повсеместно крепости, устанавливать свои порядки. Пекину было довольно накладно содержать большую армию в далёкой стране, поэтому по указу императора войска возвращались в места своей постоянной дислокации, а мобилизованные солдаты распускались по домам. В самой же Джунгарии были оставлены сравнительно небольшие гарнизоны под начальством цинских наместников. Однако вскоре свершилось нечто непредвиденное. В Пекине ещё не успели отпраздновать победу над Джунгарией, когда было получено сообщение о том, что Амурсана во главе 500 ойратов бежал из китайского гарнизона и поднял антицинское восстание. Вскоре восстанием была охвачена вся Джунгария.

Известие о восстании Амурсаны повергло правителей Цинской империи в шоковое состояние. Раздраженный непокорностью ойратов, цинский император Цяньлун повелел собрать новое войско для «разгрома и приведения в покорность» Джунгарии. По некототорым данным это

войско насчитывало в своём составе около 400 тыс. солдат[217]. В указе императора, изданном в августе 1755 г., особо отмечалось, что «имеются слухи о том, что казахский старшина нойян Аблай и другие договорились между собой, что, если Амурсана действительно прибудет с войском в Или, тогда между ними навсегда установятся дружеские отношения»[218]. Император требовал не допустить объединения сил казахов с войском Амурсаны. «Совершенно очевидно, - отмечалось в указанном документе, - что Амурсана имеет намерение объединить Джунгарию и захватить трон»[219]. Поэтому император Цяньлун требовал от командиров войск арестовать Амурсану, казнить - и дело с концом...»[220].

Между тем Амурсана, развернув большую работу по сбору военных сил, разослал во все регионы страны своих сподвижников. Призывы Амурсаны вызвали горячий отклик и всплеск всеобщего патриотизма. Вскоре вся страна была очищена от цинов и их ставленников из ойратов. В начале 1756 г. Амурсана был провозглашен ханом, что вызвало недовольство многих именитых нойонов, считавших его выскочкой. На этой почве вскоре в стане Амурсаны вновь разгорелось пламя междоусобной борьбы, в ходе которой большая часть повстанцев ушла. С остатками войск Амурсана вернулся в район верховьев реки Или, чтобы собрать новые силы. Он призвал на помощь своего друга и покровителя Абылая.

Будучи дальновидным политиком, Абылай осознавал таящуюся опасность для своей страны в случае победы цинов над восставшими ойратами. Поэтому он в очередной раз пришел на помощь Амурсане, направив к нему 10-ти тысячный отряд казахов[221]. В китайском документе (апрель 1756 г.) отмечалось, что «бунтовщик Амурсана во главе 8 тыс. войска ойратов и 8 тысячного войска казахов»[222]. В результате боевых совместных действий ойратов и казахов Амурсане удается одержать несколько убедительных побед над цинами и очистить от них большую часть страны. В этот критический момент Амурсана обратился за помощью и к русским властям. Однако царское правительство не сочло возможным ввязываться в войну с Цинской империей, боясь за безопасность восточных границ.

Официальным предлогом для нового вторжения маньчжуро-китайских войск была «забота» императора о восстановлении порядков в Джунгарии. Уже первые бои с авангардом цинских войск показали бесперспективность сопротивления, ибо силы были слишком неравны. За короткий срок цинские войска овладели почти всей территорией бывшего Джунгарского государства. Наводнившие страну цинские войска приступили к поголовному истреблению населения. Понеся огромные потери, преследуемый цинскими войсками, руководитель восстания

Амурсана в начале 1756 г. вынужден был вновь бежать под покровительство Абылая. Потерпев поражение, - писал В.Н. Витевский - «Амурсана в сопровождении 200 человек удалился в 1756 г. в Среднюю Орду, начальное место его убежища»[223].

Итак, казахско-джунгарская война, продлившаяся с перерывами более ста лет, закончилась не только гибелью этого некогда могущественного государства, но и полным исчезновением с исторической арены ойратского народа как этноса. Причин трагического исхода судьбы этого народа было немало, но главными, на наш взгляд, явились следующие. Прежде всего, Джунгарию погубила междоусобная борьба правящей знати, развернувшаяся после смерти сильного правителя Галдан Церена. Причем борьба эта была неизбежна, обусловлена причинами объективного свойства, а именно: длительное пребывание в состоянии войны подорвало экономику, развратило правящую элиту, привело к разорению основной части населения, а все это вызвало кризис властных структур.

Усиление Джунгарии на рубеже XVII-XVIII вв., рост ее воинственности и агрессивности в западном направлении создали смертельную угрозу существованию казахов как этноса. Однако последние нашли в себе силы сплотиться, отстоять свою землю, отвести угрозу джунгарского порабощения. Единство народной воли было воплощено в султане Абылае. Политика Абылая-объединителя, подвиги казахских батыров и простых воинов послужили одной из главных причин поражения Джунгарии.

И, наконец, падению Джунгарии способствовали исключительно сложные внешнеполитические условия. Ее территория с середины XVII в. оказалась в тисках между двумя могущественными империями того времени - Россией и Китаем. Правда, первая, если и ограничивала северные кочевья ойратов, то не представляла непосредственной угрозы их существованию, в то время как правители Цинской империи не скрывали своего намерения уничтожить Джунгарию.

Все эти перечисленные причины и обусловили неизбежный крах Джунгарского государства. Падение Джунгарского государства, служившего буфером, прикрывавшим восточные границы Казахстана от китайской экспансии, коренным образом изменило политическую ситуацию во всей Центральной Азии. Над Казахстаном нависла новая, еще более серьезная опасность со стороны агрессивной Цинской империи Китая. И в новых экстремальных условиях султан Абылай, проявив себя как выдающийся политик, талантливый полководец и тонкий дипломат, сумел мобилизовать силы народа для борьбы с цинской агрессией и сохранить фактическую независимость своей страны.

2.4 Султан Абылай - организатор борьбы против цинской агрессии. Становление базовых принципов казахско-китайских отношений

Одной из актуальных проблем новой истории Казахстана является исследование роли Абылая в укреплении международных связей Казахского ханства, в частности, казахско-китайских отношений. Будучи в джунгарском плену, Абылай интересовался вопросами о джунгаро-цинских отношениях и имел определенное представление о политике цинского двора в Центральной Азии.

В свою очередь, цинские власти, внимательно следившие за развитием событий в Джунгарии, были хорошо информированы о росте влияния султана Абылая в ойратском ханстве, они также были осведомлены о его поддержке Амурсаны. В Пекине были уверены в победе своих войск над восставшими ойратами, а также не исключали того, что Амурсана, потерпев поражение, найдет убежище в Среднем жузе казахов. Чтобы не допустить этого, император Цяньлун (1736-1796) в марте 1756 г. направляет султану Абылаю послание, которое начинается с обращения «казахскому хану Абылаю» и содержит следующее требование: «Ни в коем случае его (Амурсану - К.А.) под свое покровительство не берите. Если этого разбойника возьмете под свою защиту, - предупреждал он, - то подвергнете свой улус опасности... В настоящее время весь западный край вошел в наше владение»[224].

Письмо императора было доставлено летом 1756 г. в ставку Абылая офицерами Шуньдэне и Даюна. Это событие положило начало официальному контакту между казахами и цинами. В ответ на зачитанное ему послание Абылай заявил: «Прежде казахи с Китаем не сносились. Теперь известно, что Илийский край находится под властью империи Цин. Сам он, султан, не против общения с новым соседом»[225]. Ответ султана Абылая о готовности к переговорам был расценен в Пекине как изъявление желания казахов признать зависимость от цинской династии. Но последовавшие события развеяли иллюзии цинского двора.

Между тем Амурсана деятельно готовился к отражению цинской агрессии, обосновавшись в районе р.Или, он собирал силы. На его призыв охотно откликнулась патриотически настроенная часть нойонов и зайсангов. Амурсана вновь обратился за помощью к султану Абылаю. Тот согласился помочь и направил отряд своих войск. Но и это не спасло положения. Силы были несопоставимы, огромное китайское войско заполонило всю Джунгарию, отряды повстанцев были разбиты. Сам Амурсана во главе небольшого отряда из своих приверженцев к лету 1756 г. бежал в Средний жуз к Абылай султану, где и нашел убежище[226].

Разгром Джунгарского государства, игравшего, напомним, роль буферной зоны между Казахстаном и Китаем внес существенные изменения в расклад политических сил в Центральной Азии. Пекин недвусмысленно заявил о своих притязаниях на роль ведущей державы региона. По существу Казахстан оказался один на один с набирающей силу агрессивной Цинской империей. Практически помощи ждать было неоткуда, но, тем не менее, Абылай счел возможным летом 1756 г. предоставить убежище Амурсане и его приближенным, преследуемых по пятам цинскими войсками.

Цины потребовали от казахов выдачи Амурсаны, в противном случае, как отмечалось в грамоте императора, «двинем великую армию и полностью уничтожим вас»[227]. Тем не менее, Абылай отказался выдавать мятежных ойратов. Казахи в это время были заняты мирным трудом, они, только что, изгнав со своих исконных земель джунгар, вновь осваивали эти кочевья. Напрашивается вопрос, почему Абылай, рискуя безопасностью страны, не выдал ойратских беженцев? Прежде всего, видимо, по моральным соображениям: казахи издревле считали позором отказывать в убежище кому бы то ни было, если только он не совершил преступления.

Во-вторых, Абылай был связан с Амурсаной клятвенной дружбой, сведения об этом имеются и в казахском фольклоре,[228] и архивных источниках[229]. В-третьих, и, пожалуй, это было главным, Абылай хотел у восточных границ своей страны иметь ослабленную, но дружественную Джунгарию во главе с Амурсаной, нежели сильную и агрессивную Цинскую империю.

В связи с этим историческим сюжетом вызывает недоумение позиция некоторых российских исследователей, которые обвиняют султана Абылая в том, что он якобы дурно обращался с ойратскими беженцами. К примеру, И. Златкин пишет, что «Аблай-султан держит его (Амурсану - К.А.) и прибывших с ним 230 ойратов как невольников, принуждает их сопровождать казахские отряды в экспедициях против маньчжуров[230]. Что можно сказать по этому поводу? Прежде всего это было для казахов не «экспедицией», а самой жесточайшей войной с теми же маньчжурскими полчищами, вторгшимися в казахские пределы, преследовавшими, как они заявляли, именно Амурсану. Неужто всерьез можно полагать, что Амурсану, поднявшего антицинское восстание, надо было заставлять с цинами воевать? Как показали следующие события, Амурсана сам был преисполнен решимости бороться с цинскими захватчиками. Можно сказать, что несостоятельность данного обвинения в адрес Абылая очевидна, впрочем, как и другое. «Абылай султан не только обращался с Амурсаной как с пленником, - пишет далее автор, – но и отдалил его от семьи»[231]. «Заставив Амурсану участвовать в военных экспедициях»

против маньчжуров, казахи, по логике автора, просто обязаны были создать ему максимум удобств, обеспечить совместное его проживание с семьей даже в условиях походной жизни.

Тенденциозно освещая события, связанные с побегом Амурсаны под покровительство Абылая, российские авторы И.Я. Златкин, В.С. Кузнецов дают казахскому султану отрицательную характеристику. На наш взгляд, это сделано по следующим причинам. Весть о том, что Амурсана, потерпев поражение от цинов, вновь бежал в Средний жуз к Абылаю, в июне 1756 г. дошла до Оренбурга. В связи с этим И. Неплюев и А. Тевкелев спешно послали в Средний жуз башкирского старшину Абдуллу Каскинова. Ему было поручено под благовидным предлогом, прибыв в Средний жуз, выяснить место пребывания Амурсаны и тайно передать ему письмо с приглашением переехать под русское покровительство. Однако Абылай султан разгадал цель приезда Каскинова и не дал ему возможности повидаться с Амурсаной и он вернулся в Оренбург ни с чем. Тогда-то в кругах Оренбургской администрации родился миф о том, что султан Абылай содержал Амурсану как пленника. Эти сведения некритически использовали в своих исследованиях указанные авторы. Это во-первых.

Во-вторых, указанные авторы, изображая султана Абылая «вероломным», «двуличным», отдавали дань канонам советской историографии о якобы изначальной реакционности казахских ханов, особенно Абылая.

Как свидетельствуют источники, отношение России к Джунгарии было двойственно. С одной стороны, русское правительство опасалось чрезмерного ее усиления, а с другой, - отдавало отчет в том, что она играла роль буфера между Россией и Китаем и была заинтересована в сохранении ойратского государства. Но, тем не менее, царское правительство никаких практических шагов для оказания помощи ойратам во время цинского погрома и массового их истребления не предприняло. Оно оставалось сторонним наблюдателем и тогда, когда цинские войска вторглись в пределы принявшего российское подданство Среднего жуза.

Причину невмешательства царского правительства в действия Цинской империи в Джунгарии и Казахстане Б.П. Гуревич видел «в слабости военных позиций Русского государства в Южной Сибири. В этом районе на протяжении 3-х тыс.км., - писал он, - в 1750 годы насчитывалось всего немногим более 10 тыс. человек»[232]. Россия, занятая в это время семилетней войной с Пруссией и подавлением восстания в Башкирии не желала ввязываться в конфликт с Цинской империей. Именно эти обстоятельства и определили линию поведения султана Абылая на переговорах с представителями руководства цинских войск.

Для отражения цинско-китайской агрессии Абылай султан собирает войско из казахов Среднего и Старшего жузов. Вскоре поспевает на помощь и ополчение Младшего жуза во главе с султаном Ералы. Начались упорные кровопролитные сражения, которые, по свидетельству русских источников протекали с переменным успехом[233]. Баталии казахских войск с цинами нашли отражение и в устном народном творчестве[234].

Об одном таком сражении повествуется в народном предании, когда Абылай в битве с превосходящими его отряд цинскими войсками быстро отступил. Китайская конница, погнавшаяся за отступающими казахами, попала в засаду и была перебита. Абылай, отъехав на некоторое расстояние, под покровом ночи вернулся и нанес китайцам ощутимый урон и обратил их в бегство. Видимо, именно этот эпизод нашел отражение в китайском документе: «Кроме того, Абылай спокойно расположился напротив наших войск, а наши войска не атаковали их, допустили его, потом отозвали отряд и т.д.»[235].

Анализ китайских архивных источников, содержащих сведения о казахско-цинской войне, говорит о тенденциозности изложенных в них фактов. Если судить по документам китайских архивов, отразивших в основном реляции военачальников, то выходит, что военные действия цинских войск в Казахстане были сплошь удачными и победоносными. Многие исследователи, принимая такие данные за чистую монету, пишут, что войска Абылая постоянно терпели от цинов поражение. При этом во внимание не берутся воспетые в казахском фольклоре блистательные победы казахских батыров во главе с Абылаем.

Защищая свой очаг, свою землю, казахи отважно сражались, используя подвижность своей конницы, они наносили захватчикам серьезный урон, одерживали победы. Неопровержимым доказательством может служить то, что маршал Церен, возглавлявший «великое войско», вторгшееся в Джунгарию, за победу над ойратами буквально был осыпан наградами. Чуть ли не парадным маршем пройдя всю Джунгарию, эти войска вторглись в земли казахов. Но упорное сопротивление отрядов Абылая буквально парализовало и расстроило действия цинских войск, которым командовал «полководец, усмиряющий западные провинции» Церен. В мае 1756 г. Указом императора Церен был разжалован и наказан. В указе отмечалось, что Церен, возглавляя войско, направленное против казахов, «постоянно делал ошибки. Ни в чем у него не было плана. Теперь ответственность за западный путь передана Дардане, а за Северный путь - Хадаке. Оба они являются храбрыми воинами. Повелеваем немедленно выступить против казахов»[236].

Но, увы, этим маршалам также не повезло. Подводя итоги военных действий в Казахстане за 1756 г., император Цяньлун разжаловал в рядовые обоих командующих - Дарданы и Хадаки. В приказе отмечалось:

«Хадака имел встречу (бой - К.А.) с Абылаем, об этом донесено, но он не подтянул войска». И далее: «Все докладные подтверждают, что Дардана и Хадака по глупости нанесли делу вред. Это яснее ясного. Потому следует наказать их, лишить титула гун, чинов и званий»[237]. Вполне понятно, что причиной провала военной кампании цинов в Казахстане, были не глупость и бездарность военачальников, а решительные и смелые боевые действия казахских отрядов, возглавляемых Абылаем. Дарданы и Хадахи сменили новые командующие «великой армии», то есть китайских войск - Зянцзюнь Чжаохой и Фу Дэ. Именно с этими цинскими военачальниками в 1757-1758 годах вел переговоры султан Абылай. Общая численность цинских войск, которыми командовали Чжао Хой и Фу Дэ, составила до 170 тыс.[238].

В самый разгар военных действий из Пекина пришло распоряжение о выводе войск из казахских пределов. Причиной тому было пламя восстания, поднятого в июле 1756 г. среди монголов-халхасов. Кампания в Казахстане летом-осенью 1756 г. завершилась для цинского двора безрезультатно; Амурсана остался на свободе, а казахские правители не только не спешили проявлять свою лояльность Цинскому императору, но и стали сражаться с его войсками. Несмотря на громадное численное превосходство, маньчжурско-цинское командование не сумело нанести решающего удара и заставить противника капитулировать.

Таким образом, султан Абылай в период войны против вторгшихся шуршутов (китайцев), как и в войне с ойратами, проявил себя энергичным и способным полководцем, показав при этом личную храбрость и мужество. О численности войск Абылай султана дает представление донесение цинского командования о том, что в 1757 г. летом «Абылай выступил с тридцати-тысячным войском»[239]. Под руководством султана Абылая немногочисленное, но мобильное казахское войско, применяя испытанную тактику маневренной войны, наносило неприятелю неожиданные удары с тыла и флангов и мгновенно исчезало. Во время одного из таких сражений, как указано в документе, «он (Абылай - К.А.) салтан в ледвею копьем так сильно ранен, что от того... ходить не мог и в крайней слабости здоровья своего остался»[240]. Как свидетельствуют современники, Абылай султан в военных сражениях нередко сам лично возглавлял войско и принимал непосредственное участие в боевых действиях, тем самым воодушевляя и увлекая своих сарбазов. Главным итогом военно-политической деятельности султана Абылая в этот период явилось сохранение самостоятельности Казахского ханства.

Между тем в конце 1756 г. Амурсана после пятимесячного пребывания у султана Абылая вновь появился в Джунгарии и до весны 1757 г. находился в горах Тарбагатая, собирая новые силы для борьбы с цинскими завоевателями. Путем огромных усилий ему удается собрать

10-ти тысячный повстанческий отряд и начать активные военные операции против цинской армии. Несмотря на героические действия, эти отряды не смогли изменить ход событий. Превосходящие многократно цинские войска нанесли поражение отрядам Амурсаны. В ходе военных операций маньчжуро-цинское командование китайских войск с небывалой жестокостью расправлялось, как указано в одном документе, со всеми, «кто б им из зенгорцев в руки ни попал, то уже как мужеск, женск, больших и малых, ни единого не упущая, наголову побивают»[241]. О том, что захват цинами Джунгарии «сопровождался большими жестокостями по отношению к населению», писал Л.П. Потапов[242]. По некоторым сведениям, в ходе завоевания ойратов цинскими войсками было убито около одного миллиона человек[243], по другим - «не менее 600 тыс. человек[244]. А султан Абылай в письме от 15 января 1758 г. оренбургскому губернатору И. Неплюеву писал, что от ойратского «народа семи тысяч кибитках людей остались»[245]. Спасаясь от преследований китайских отрядов, несколько тысяч ойратских семей бежали в пределы России и Казахстана[246].

28 июля 1757 г., Амурсана явился в Семипалатинск и попросил убежища. Оттуда он был переправлен в Тобольск, куда вскоре прибыла его жена Битей, дочь известного хунтайджи Галдан Церена, с сыном. Однако пребывание Амурсаны в Тобольске длилось не долго, заболев на чужбине оспой, он умер 21 сентября 1757 г.[247].

В июне 1757 г., вновь пройдя огнем и мечом по Джунгарии, цинские войска появились в приграничных районах Казахстана. Цинское командование, начиная с 1755 г., неоднократно направляло к султану Абылаю своих людей с целью разрушить его союз с « разбойником» Амурсаной. Но Абылай пошел на переговоры с цинским командованием только после того, как Амурсана бежал в Сибирь[248]. После того как разведка донесла о приближении крупных сил китайских войск, Абылай устроил совет и предложил начать переговоры о мире с цинским командованием. В сложившейся ситуации, это было правильное решение, так как в казахских кочевьях после тяжелой зимы и засушливого лета и в связи с нарушением маршрутов кочевок из-за вторжения цинских войск в ряде районов начался голод. В такой обстановке казахские владетели во главе с Абылаем стали осознавать бесперспективность борьбы за возрождение Джунгарского государства.

Переговоры с командованием маньчжуро-китайских войск о перемирии было решено возложить на сына хана Абульмамбета султана - Абулфеиза, чье владение находилось на границе с Джунгарией. А также через него Абылай передал четырех коней-иноходцев. «Аблай хочет быть в мире с Китаем, торговать с ним, - говорил Абулфеиз. Но султан поверит, что цинское начальство не смотрит на него как на врага, если оно пришлет

к нему своих людей»[249]. Китайская сторона пошла навстречу. С отъезжающим Абулфеизом был отправлен младший офицер Далику. Тем самым командование цинскими войсками стремилось убедить Абылая в своей готовности вступить в мирные отношения.

Таким образом, к лету 1757 г. обе воюющие стороны - и казахи, и цины- выразили готовность к мирным переговорам. Казахи, как было отмечено, убедились в невозможности возрождения ойратского государства. Абылай также осознавал возможные пагубные последствия длительной и разорительной войны с мощной Цинской империей. Еще больше, чем казахи, были заинтересованы в мирном исходе конфликта цины. Дело в том, что военно-политическая обстановка была для них неблагоприятной, в тылу их войск оставались не совсем «умиротворенные» халкасы и ойраты, неизвестно было поведение Восточного Туркестана и России. Но главная причина сговорчивости цинов объяснялось тем, что их военные действия были безуспешными.

Вопреки представлениям цинского двора, казахи оказались на редкость боеспособными. Султан Абылай имел, по данным китайских источников, 30-ти тысячную армию[250], превосходящую китайскую по маневренности, не уступающей по вооружению. Вот как, к примеру, описывает китайское вооружение Мурзалей Шихов, посланный Оренбургской администрацией летом 1758 г. в Средний жуз к султану Абылаю: «У оных же китайцев оружие по большей части состоит холодное, и стрелы весма толстые и тяжелые...»[251]. На стороне казахов также были преимущества в моральном плане: справедливый, освободительный характер войны, знание местности, поддержка населения и т.д. В то время как цинские войска, хотя и многократно превосходили казахов, были разноязычным и по составу: помимо маньчжуров и китайцев, значительную часть армии составляли монголы. Да и вооружение китайских войск не отличалось совершенством, в них по сведениям русской разведки, преобладало холодное оружие, громоздкие китайские пушки оказались малоэффективными в условиях казахских степей.

В силу указанных причин троекратное вторжение цинских войск в Казахстан в 1755-1757 годах фактически кончилось провалом. Цины не смогли ни заставить казахов выдать ойратских беженцев во главе с Амурсаной, ни сломить сопротивление Абылая. Как писал Б.П. Гуревич: «военные операции цинских войск в казахских степях, по словам Вэй Юаня, стоили им больших усилий и потерь. Опыт зимы 1756-1757 гг. убедил маньчжуро-китайских завоевателей в невозможности закрепиться в казахских кочевьях, слишком удаленных от их баз в Западной Монголии»[252]. Подтверждением провала военных операций цинов может служить и то, что за этот период, как было отмечено выше, цинский император разжаловал и наказал трех своих маршалов, командовавших

войсками, воевавшими в Казахстане. Не преуспев в военных действиях, цинский двор пытался решить свои проблемы дипломатическими методами, в чем, конечно, он имел большой опыт. Именно цинская сторона инициировала переговоры с Абылаем.

Осенью 1757 г. в Пекин прибыло первое посольство султана Абылая. Для цинского двора его мирная инициатива и отправка им посольства означали не просто установление дипломатических отношений между двумя странами. Издавна внешняя политика Китая была основана на идее китаецентризма. В соответствии с канонами этой идеи все государства, с которыми поддерживал связь Пекин, рассматривались как зависимые, а их правителей считали вассалами императора «Поднебесной». А прибытие иностранного посольства здесь воспринималось не просто актом общения двух стран, а изъявлением покорности иноземного правителя сыну неба (цинскому императору). Для приема же иностранных послов был разработан и неукоснительно соблюдался сложный и в то же время унизительный в своей основе церемониал.

Так было и в этом случае. Официально Пекин с удовлетворением воспринял готовность Абылая к переговорам. «Наше сердце испытывает истинное торжество и радость», - писал император Цяньлун по этому поводу. В то же время установление посольских связей с казахами было облачено в китаецентристскую форму: переданные Абылаем четыре иноходца там были восприняты как дань и изъявление покорности всего казахского народа[253].

Посольства Абылая 1757-1758 гг. положили начало последующим регулярным казахско-китайским связям. При этом, как показывает анализ источников, цели и задачи посольских связей сторонами воспринимались неадекватно. Для цинского двора посольства казахов воспринимались как изъявление покорности и признание зависимости. Поэтому Цяньлин, признавая Абылая ханом казахов, «жаловал» ему титул китайского князя (перо вана) и календарь[254], символизирующий китайский вассалитет. Сущность этих «вассальных» отношений раскрыта в указах богдыхана, а также в его грамотах и посланиях казахским владетелям.

В политическом плане Пекин признавал право на самостоятельность казахского государства, выразил готовность признать статус хана за Абылаем. Однако Абылай в то время еще не был официально избран ханом, поэтому не принял предложение цинов и оставался султаном Среднего жуза, хотя де facto он являлся правителем Среднего и Старшего жузов. В указе от 30 августа 1757 г. император отмечал, что, «принимая казахов под свою руку, мы не требуем дани, имеем ввиду лишь подчинение условное и не собираемся делить их страну на области и уделы и не намерены направлять чиновников для управления»[255]. Следовательно, Цинский двор не приравнивал казахов к халкасам,

ойратам и населению Восточного Туркестана, территория которых была объявлена частью Срединного царства[256].

Падение некогда могущественной Джунгарии, а вслед за ней завоевание цинами Восточного Туркестана привели к коренным изменениям геополитической обстановки в Центральной Азии. Теперь границы двух наиболее сильных империй - России и Китая, проводивших экспансионистскую политику в регионе, сомкнулись. К тому же взаимоотношения этих государств в конце 50-х годов XVIII в. крайне обострились в связи с бегством мятежного зайсанга Амурсаны в Сибирь.

В условиях российско-китайского противоборства каждая из сторон пыталась заручиться поддержкой казахских правителей, прежде всего Абылая. С первых дней установления посольских связей с Абылаем, император Цяньлун и его сановники последовательно добивались от него обещания поддержать их в случае войны с Россией. Так, в августе 1760 г. во время аудиенции император Цяньлун казахским послам «Юлбарс и Девлеткерей солтанам» задал вопрос: «егда паче всякого чаяния он с Россиею войну иметь будет, будут ли они, киргизцы, им помощниками?»[257] Памятуя наставления Абылай султана, как указано в документе, послы ответили, «что ни на которую сторону помогать не будут, затем, что ни с которой стороны обид никаких не видят»[258]. Таковы были вкратце задачи цинской дипломатии в Казахстане.

Приняв правила «дипломатической игры», предложенные цинским императорским двором, султан Абылай хотел путем переговоров решить некоторые острые вопросы в казахско-китайских отношениях. Главным из них являлся вопрос о возвращении казахам их исконных земель на Алтае, Тарбагатае и Семиречье, которые были захвачены ойратами в ходе их прежних набегов, а после разгрома цинскими войсками Джунгарского государства обезлюдели. Вопрос о так называемых «спорных землях» обсуждался на всех казахско-китайских переговорах. Впрочем, надо иметь в виду и то, что казахи заняли основную часть своих исконных земель на Алтае и в Семиречье в период междоусобиц в Джунгарии, то есть еще до завоевания ее Цинской империей[259]. Казахи продолжали возвращаться в свои кочевья и после завоевания ойратов цинами.

В показаниях посланцев Оренбургской администрации, побывавших в Среднем жузе, также отмечается массовое передвижение казахских общин на земли, которые в прошлом были заняты ойратами. На этом основании русские власти полагали, что цинский император приглашал казахов заселять пустующие земли на Алтае и Тарбагатае. Отмечая обеспокоенность властей, А. Левшин писал, что казахи, «заняв земли вытесненных зюнгаров, оказались слишком преданною Китаю»[260].

Основываясь на сведениях русских источников, Р.Б. Сулейменов и В.А. Моисеев также считали, что богдыхан приглашал Абылая «кочевать

со своими улусами в землице ойратов». При этом авторы считали, что «политика императорского Китая..., очевидно, преследовала цель помешать укреплению русско-казахских отношений»[261]. Однако анализ китайских источников говорит об обратном: к примеру, «император Цяньлун в первой же грамоте, пожалованной в марте 1756 г. Абылаю, заявил: «Сейчас все владения Западной окраины (т.е. Джунгарии - К.А.) вошли в нашу территорию»[262].

В августе следующего года император вновь предупреждает Абылая: «Так как ты покорился (нам), то тебе следует знать, что все племя джунгар полностью находится в наших пределах и ты не вздумай посягать на наши границы»[263]. Однако в 1758-1759 гг., когда цины были заняты кампанией в Восточном Туркестане, чтобы обезопасить границы от казахских вторжений и тем самым обеспечить фланг свой армии, а также наладить снабжение войск лошадьми и продовольствием, вынуждены были проводить в отношении казахов политику, получившую название «мягкого отношения к дальним». Кроме того, Пекин рассчитывал использовать казахов в своих далеко идущих намерениях против России и среднеазиатских ханств. Поэтому цинское правительство более или менее терпимо относились в эти годы к процессу реэмиграции казахов на восток. Однако вопрос о границах приобрел остроту в начале 1760-х годов в связи с завершением «умиротворения западных территорий», он не раз обсуждался на казахско-цинских переговорах.

Территориальный вопрос рассматривался и на переговорах султанов Жолбарыса и Даулеткерея с цинским императором в 1760 г. Послы Абылая просили богдыхана «оставшую от калмык ныне пустолежащую землицу, дабы их киргизский народ к кочеванию или жительству допустил, ибо де он, богдохан, сам ту калмыцкую землицу киргисцам отдать обещавал, а ныне от того отказал»[264]. Однако помешать казахам явочным путем занимать свои прежние кочевья цины были не в состоянии. Поэтому на казахско-китайской границе довольно часто случались столкновения кочевников с цинскими солдатами пограничной службы. В 1762-1763 гг. цинские войска пытались выселить казахов с занятых ими земель, куда те прикочевали со своими стадами. Цинские солдаты угоняли скот, захватывали людей в плен. Тем не менее казахи с большим упорством заселяли новые земли, особенно в районе Тарбагатая. В обоснование своих прав на этот регион казахские послы указывали, что их соплеменники кочевали в Тарбагатае еще до прихода туда ойратов.

Но цины не намерены были считаться с доводами казахов, и пытались решить вопрос в свою пользу по «праву» более сильного. В одном из указов император повелевал: «Если они (казахи) действительно прикочевали в Тарбагатай, то объявить о грозящей каре. Объявить: местность покорена великой династией, в будущем планируем разместить

там наши войска. Во время существования Джунгарского ханства вы не осмеливались переходить границы, как посмели прикочевать самовольно»[265].

Тем не менее, казахи продолжали вновь обживать свои исконные кочевья и не собирались уходить. И после длительных и настойчивых переговоров Абылай султан добился-таки признания цинами свершившегося факта. В 1767 г. император Цяньлун своим указом «разрешил казахам» занимать территорию Восточного и Юго-Восточного Казахстана[266].

Как было отмечено выше, после разгрома Цинской империей Джунгарского ханства казахи и китайцы оказались соседями. Поэтому одной из главных задач, которые решал султан Абылай на переговорах с цинами, была организация меновой торговли на границе новых владений Китая. О казахско-китайской торговле подробно освещено в одной из предыдущих глав. Здесь только сошлемся на следующие сведения Чокана Валиханова: «Между тем сам Абылай, - писал он, - имел свидание с илийским цзянь-цзуном (генерал-губернатором) около озера Сайрам-Куль и заключил с ним торговый договор, по которому открыты были в Тарбагатае (Чугучаке) и в Или (Кульдже) меновые базары, где киргизы выменивали на пригоняемый ими скот туземные китайские товары»[267]. Организация меновой торговли была выгодна и казахам и китайской стороне.

Цинский двор неоднократно пытался заставить Абылая принести присягу на подданство. Однако, как свидетельствуют документы, султан Абылай не присягал богдыхану и фактически не признавал своего подданства цинскому двору. Но Аблай, - писал А.И. Левшин, - уклонился от исполнения сего требования»[268]. Но тем не менее цины, как было уже отмечено, следуя традициям официальной имперской дипломатии, считали казахов своими «далеко проживающими внешними» вассалами. В своей грамоте на имя султана Абылая (август 1767 г.) император Цяньлун писал: «Я царь всего поднебесного мира... покровительствую всем народам одинаково»[269]. Цяньлун, и в письмах к императрице Екатерине второй также обращался не иначе как «наша дочь», поэтому она прекратила личные переписки с цинским императором[270].

Таким образом, султан Абылай в сложных внутри- и внешнеполитических условиях сумел мобилизовать силы всех казахских жузов и организовать отражение акта агрессии со стороны многочисленных цинских войск, проявив при этом талант выдающегося полководца. После окончательного падения Джунгарского государства, в условиях изменившейся геополитической ситуации в Центральной Азии, султан Абылай устанавливает посольские и торговые связи с Цинским двором.

Вступив в сложнейшую политическую «игру» с цинским правительством, султан Абылай проявил себя как искусный и тонкий дипломат. В ходе многочисленных переговоров, регулярного обмена посольствами ему удалось разрешить многие проблемы и заложить базовые принципы казахско-китайских взаимоотношений. Прежде всего был решен наиболее острый вопрос о возвращении казахам их исконных кочевий на Тарбагатае и Или, ранее захваченных и удерживаемых ойратами. Во-вторых, если отбросить традиции цинской дипломатии китаецентристском восприятии мира, то становится очевидным, что Цинский двор признал независимость Казахского ханства. В-третьих, было выражено обоюдное стремление к укреплению политических связей. В-четвертых, проявилась обоюдная заинтересованность в расширении торгово-экономических сношений... Одним словом, во второй половине XVIII в. была заложена основа добрососедства между Казахстаном и Китаем, в этом была большая заслуга хана Абылая.

Базовые принципы взаимоотношений Казахстана с Китаем, заложенные при хане Абылае возрождены и получили свое развитие с обретением независимости нашей страны. Ныне Казахстан имеет с КНР многоплановые политические связи, как в рамках Шанхайской пятерки, так и в двухсторонних отношениях, подписано соглашение о границе, проведена ее делимитация. Особенно высокого уровня достигло торгово-экономическое сотрудничество. Если в 1993 году объем торгового оборота не достигал даже 100 млн. долларов, то, по итогам 2000 г.[271], этот показатель составил 1,5 млрд. долларов. Между двумя странами успешно развиваются и культурные, и туристские связи.

ГЛАВА 3. АБЫЛАЙ И РАЗВИТИЕ КАЗАХСКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

3.1 Истоки казахско-русских взаимоотношений

История казахско-русских отношений уходит вглубь веков. В начале второго тысячелетия территорию Алтая, Сибири, Казахстана и Северного Причерноморья населяли тюркоязычные племена, входившие в состав кипчакской конфедерации. Кыпчаки по существу стали превращаться в суперэтнос, на Руси они были известны как половцы. «Половцы» (иначе кыпчаки, или команы) - указано в вузовском учебнике «История СССР» - тоже тюркская народность - еще в X в. жили на территории Северо-Западного Казахстана. Но в середине X в. двинулись в степи Северного Причерноморья и Кавказа. После того как они вытеснили печенегов, под их властью оказалась огромная территория, которую называли... Дешт-и Кыпчак[1].

Впервые половцы упоминаются в русских летописях под 1054 годом, а спустя семь лет произошло первое столкновение с ними. Однако русские княжества и половцы не только воевали друг с другом, но и вели мирную добрососедскую жизнь. Как отмечал академик В.В. Бартольд, «в это время (XI в. - К.А.) между Россией и восточными народами происходили как военные столкновения (с печенегами, половцами и болгарами), так и мирные сношения»[2]. Именно в условиях мирных отношений стало возможным взаимопроникновение культур Руси и Степи, что нашло отражение, к примеру, в языке. Прав Олжас Сулейменов, который писал: «Язык сохраняет Летопись мира, не отразившуюся в письменности»[3]. Мы совершенно не осознаем иноязычность тюркизмов в современном русском языке, таких, как курень, караул, деньги, есаул, атаман, очаг, аркан и даже - боевой клич - «Ура!» (бей - нападай!).

Кипчаки сыграли выдающуюся роль в этногенезе и исторических судьбах многих народов Евразии и внесли огромный вклад в сокровищницу мировой культуры. Им принадлежала ведущая роль и в генезисе казахского этноса, одно из племенных объединений которого в его современном составе так и называется - кипчаки.

В начале XIII века этническую карту евразийских просторов коренным образом изменило монгольское нашествие. Территория Дешт-и Кыпчака вошла в состав империи монголов Золотая Орда. В ходе военных операций Батыя в состав этого государства вошли и русские княжества.

Монгольское нашествие оказало известное воздействие на состав и антропологический тип тюркского населения, усиливая в нем монголоидную примесь. Однако собственно монголы, которые составили незначительную часть жителей Дешт-и Кыпчака ассимилировались с

местным тюркоязычным населением. Об этом есть важное свидетельство арабского путешественника ал-Омари. «В древности, - писал он, - это государство было страной кыпчаков, но, когда им завладели татары, то кыпчаки сделались их подданными. Потом они смешались и породнились... и все они стали точно кыпчаки, как будто они одного (с ними) рода»[4].

В результате монгольских завоеваний, в ходе образования и распада Золотой Орды кипчаки приняли участие в становлении многих народностей. Известный ученый, писатель Мурад Аджи считает, что кипчаки-половцы вошли в состав «кумыков, карачаевцев, балкарцев, казаков, казахов, татар, чувашей, якутов, части русских, украинцев и других народов, ведущих свое начало от тюркского (кипчакского) корня и забывших его»[5].

Но как бы то ни было кипчаки или татары, как их стали называть в Европе и на Руси после монгольского завоевания, оставили заметный след в этногенезе и истории русского народа. Хорошо осведомленный в генеалогии дворян русский историк и писатель М.Д. Каратеев писал: «...Я встретил и выписал из различных источников и документов 92 княжеских, 50 боярских, 13 графских и более трехсот древних дворянских родов, ведущих свое начало от татарских предков. И если к указанному количеству титулованных родов едва ли можно многое добавить, то не подлежит никакому сомнению, что из губернских родословных книг нетрудно бы извлечь еще несколько сот дворянских фамилий татарского происхождения. Не дворянским, к сожалению, учет не велся, и определить их невозможно, но, несомненно, они исчисляются многими тысячами».

И далее автор пишет: «Все эти многочисленные потомки татарских родоначальников уже во втором-третьем поколении обращались в людей чисто русских по духу и по воспитанию. Они честно и верно служили Отечеству, не только сражаясь за него в бесчисленных войнах, но и на всех поприщах мирной жизни, дали ему немало выдающихся и даже гениальных людей, прославивших русскую культуру»[6].

Думаем, именно факты, приведенные М. Каратеевым, имел в виду Чокан Валиханов, когда писал: «Мы, как потомки батыевских татар, связаны с русскими историческим и даже кровным родством»[7].

По сведениям средневекового историка из казахского рода Дулат Мухаммеда Хайдара Дулати, образование собственно Казахского ханства состоялось в 870 г. по мусульманскому летоисчислению или в 1465-1466 годах. Уже в первые десятилетия XVI в. казахи утвердили свое господство во всем Восточном Дешт-и Кыпчаке. Как свидетельствуют архивные источники, первые сведения о Казахском ханстве в Московское государство поступило в правление великого князя Василия III (1505-1533)[8].

Предпосылки для непосредственных контактов Казахского ханства и Московского государства сложились после завоевания Иваном Грозным Казанского (1552 г.), Астраханского (1556 г.) ханств, а также признания своей зависимости от Москвы Ногайской Ордой (1557 г.). Во второй половине XVI в. после присоединения к России Башкирии, территорию Казахского ханства от Московского Государства отделяло только Сибирское ханство.

Сибирское ханство - одно из тех государств, которое образовалось на обломках Золотой Орды. Его территория простиралась на всю Западную Сибирь, включая северную часть Казахстана. Южную часть Сибири издревле населяли тюркские племена, на севере обитали аборигены края - ханты (остяки) и манси (вогулы). В начале XIII в. в связи с походами Чингиз хана в Сибирь бежал ряд тюркских племен Алтая и Восточного Казахстана. Они осели на богатых пастбищах и землях среднего течения Иртыша и Оби[9].

Расцвет Сибирского ханства приходится на вторую половину XVI в., когда ханом стал Кучум (?- 1598). Отец Кучума - казахский султан Муртаза из династии шейбанидов (Шейбан - сын Джучи, внук Чингиз хана). Около 1556 г. Кучум, свергнув прежнего владетеля Едигера из рода Тайбуги племени кереит, установил свою власть в Сибирском ханстве. Вот что писал об этих событиях известный историк Н.И. Костомаров: «Едигер был низвержен и убит воинственным киргиз-кайсацким ханом Кучумом. Это было около 1556 г. Кучум сделался сибирским царем, подчинил своей власти остяков и часть вогуличей и усиленно заботился о распространении мугаметанской веры в своем государстве»[10].

Начало завоевания Сибири положил поход Ермака (1582 г.). После его гибели вслед за ним пришли регулярные войска и заложили крепости - Тюмень, Тобольск, Тара и другие. В августе 1598 г. Кучум хан, потерпев последнее поражение, удалился в казахские степи, где и погиб. Так закончилась история Сибирского ханства, территория которого вошла в состав Русского государства.

Во второй половине XVI века, после завоевания Сибири, русское государство проявило заинтересованность в установлении дружеских отношений с Казахским ханством. Это было вызвано стремлением обеспечить безопасность транзитной торговли со среднеазиатскими странами, а также желанием приобрести союзника в борьбе против Кучума. В развитии отношений с Россией было заинтересовано и Казахское ханство. Политическая ситуация в Средней Азии вынуждала казахов искать сильного союзника. Такого союзника они видели в лице Московского государства. Обоюдная заинтересованность в укреплении связи обусловила обмен посольскими делегациями. С целью установления союзнических отношений в 1573 г. в «Казачью Орду» было отправлено

посольство Третьяка Чебукова[11]. Однако оно не достигло цели, так как было перехвачено племянником Кучума - Махметкулом. Свидетельством заинтересованности Москвы в развитии торговых связей с казахами говорит следующий документ. Это Грамота царя Ивана IV купцам Строгановым. «...Почнут к ним в те новые места проходити торговые люди Бухарцы и Казацкие Орды»[12].

Таким образом, уже в начале 70-х годов XVI в. возникли реальные предпосылки для установления политического диалога Казахского ханства с Москвой. Однако официальный обмен посольствами состоялся лишь в конце XVI в. В 1594 г. хан Тауекель направил в Москву посла Кул-Мухаммеда, который доставил царю Федору грамоту (личное послание) хана. Оригинал этого документа не обнаружен, но, судя по записям бесед с послом Кул-Мухаммедом, целью посольства было вернуть султана Ураз-Мухаммеда, взятого в плен в Сибири во время войны с Кучумом. Кроме того, казахской стороной ставился вопрос о военно-политическом союзе и оказании помощи оружием «огненного боя».

По-видимому, в послании Тауекеля содержалось предложение русскому царю взять его ханство под свое высокое покровительство, что было истолковано в Москве как просьба о принятии в свое подданство. На прямой вопрос Ураз-Мухаммеда «...и так ли с правдою ко государю прислали, и так ли хотят быть под государево рукою[13], посол отвечал: «Ныне дядя твой Тевкель - царевич царь учинился на Казацкой орде, а брата своего Шахмагамета-царевича посадил на калмаках». И далее он уверял султана: «А то тебе, истинно говорю, только государь пожалует, примет царя и царевичей под свою царскую руку, и похочет только пожаловать тебя отпустить и, яз то истинно говорю, что Тевкель-царь пришлет в заклад царевича. И пожалует государь, только даст царю и царевичем огненного бою и царь Тевкель и царевичи однолично станут воевать бухарского царя...»[14].

В ответной грамоте хану Тауекелю царь Федор обещал отпустить Ураз-Мухаммеда, если хан пришлет в аманаты (в заложники) «сына своего Усеина-царевича». Царь также заверил, что пошлет в будущем на помощь «многой рати с огненным боем». А вам бы, «Тевекелю - царю, - обращается далее русский царь к казахскому хану, - под нашею царьскою рукою быти, и непослушников наших бухарского царя и сибирского Кучума-царя воевати и их под нашу царьскую руку привести...»[15].

Примечательно и другое, в грамоте царя послу и переводчику Велиямину Степанову дается поручение «проведать» обстановку «в казацкой орде». И далее: «Да и того Велиямину проведати, с кем Тевкель - царь и царевичи ныне в ссылке (переписке - К.А.), с которыми государи и от бухарского и от изюрского и от Кучума-царя к ним присылки нет ли и будет есть, и о чем ссылаютца».[16]

В архиве есть и статейный список (отчет) Велиямина Степанова о пребывании в «Казачьей Орде» и о том, что хан, продержав посольство у себя «полпяти недели», отпустил его 30 июля 1595 г. С посольством Велиямина Степанова Тауекель-хан отправил в Москву «сына Мурата - царевича да посла своего Кулмаметя[17].

Обмен посольствами между Казахским ханством и Москвою примечателен во многих отношениях. Во-первых, он свидетельствовал о растущем взаимном интересе друг к другу. Во-вторых, условия, которые выдвигал московский Двор, были, видимо, неприемлемы для казахского хана. В-третьих, казахско-русские переговоры, хотя на этот раз не привели к заключению политического союза, тем не менее были полезны и для выяснения позиций, и для развития экономических связей. В частности, после этих переговоров расширилась меновая торговля казахов с регионами России.

Кроме того, через территорию Казахстана проходили пути караванной торговли со странами Средней Азии. Обмен товарами был значителен. Как отмечал С.М. Соловьев, в начале XVII в. «К татарам шли седла, сукна, полотно, ножи, топоры, стрелы, зеркала, кошельки. Привозимые товары большей частью были: серебро в слитках, сукна, шелк, шелковые ткани и парчи, дорогие камни, жемчуг, сученое золото, перец, шафран, вино; купцы Чагатайские доставляли шелковые ткани, татарских лошадей и превосходные белые материи, не тканные, а свалянные из шерсти, из которых делались япанчи, красивые и защищавшие от дождя»[18].

В XVII веке, в особенности в первой его половине, политическая ситуация в Казахском ханстве и в России оставалась настолько сложной, что дипломатические отношения между ними были прерваны. Казахские правители были заняты решением политических проблем на южных рубежах. Особенно большие беспокойства доставляли не прекращавшиеся вторжения ойратов с востока.

Далеко не стабильной была обстановка и в России. Она переживала острый политический кризис периода «смутного времени», завершившийся утверждением новой династии - Романовых. Кроме всего прочего, XVII в. в истории России был отмечен стремительным продвижением в Сибирь, что вызвало осложнение ее отношений с Китаем. Отношения между двумя империями приобрели довольно острый характер, но до конфликта не дошли. Начались переговоры, которые в 1689 г. завершились Нерчинским трактатом[19].

Возобновление политических контактов и расширение торговых отношений между Казахским ханством и Россией связано с именем хана Тауке. Исследователи отмечают, что он лишь в 1686-1693 гг. направил пять посольств в Россию[20]. Эти факты, с одной стороны, свидетельствуют

о серьезном намерении Тауке хана установить с Россией прочные политические связи. С другой стороны, как видно из источников, эти посольства не привели к решению серьезных политических проблем. Более того в 1693 г. казахские послы Сары и Кильдей были задержаны в Тобольске в связи с угоном скота казахами. Следует заметить, что такие инциденты были нередки, случались и взаимные нападения в приграничных районах.

Осенью 1694 г. Тауке хан направляет очередное посольство с личным посланием и подарками к царю Петру I. В послании, предлагая нормализовать отношения, Тауке писал: «...и впредь бы Вам и нам была добрая слава и меж нашими царствами по вашей и по нашей милости всякие люди во всяком добре покоились»[21]. Примечательно то, что вместе с посланцем хана Тайкомуром Аталыковым прибыл в Тобольск купец из города Туркестана Алсеит Шугуров с двумя тюками бухарских товаров[22], что является свидетельством продолжения торговых связей.

Активный обмен посольствами в последние десятилетия XVII в. способствовал не только расширению политических и торговых связей между Казахским ханством и Россией, но и позволял накапливать сведения друг о друге. К примеру, на основе сведений, привезенных посольством в 1694 г. во главе с Федором Скибиным, посланным к хану Тауке в г.Туркестан в 1697 г., была составлена карта Казахстана и Средней Азии, вошедшая в «Чертежную книгу Сибири» С. Ремезова[23]. Как писал А.И. Левшин, в книге «Большому чертежу» ...говорится о многих урочищах земель Казачьей орды очень подробно»[24].

Таким образом, в конце XVII в. между Казахским ханством и Россией успешно развивалась как приграничная меновая, так и транзитная, караванная торговля. Также участились политические и дипломатические контакты, которые, однако, не решили принципиальных политических проблем.

Причин неудач казахско-русских политических переговоров, на наш взгляд, было две. Первая - то, что хан Тауке, упорно и настойчиво добиваясь русско-казахского сближения, придерживался принципа паритетности, тогда как царское правительство рассчитывало на принятие казахами российского подданства.

Вторая причина заключалась в том, что казахская знать совершала нападения на русские поселения. Разумеется, нельзя обвинять в этих действиях только казахов. Источники свидетельствуют и об аналогичных действиях со стороны русских.

Тауке хан, будучи дальновидным политиком, не желал обострения казахско-русских отношений, поэтому искал пути устранения инцидентов и неприятностей, возникавших в связи с взаимными нападениями, и добивался расширения торгово-экономических связей.

Как видно, усилия хана Тауке на укрепление казахско-русских отношений не дали желаемого результата, по крайней мере, в плане политическом. Отчасти по этой причине, а в большей степени, в силу усиления джунгарского фактора, в первое десятилетие XVIII в. Тауке хан не возобновляет попытки переговоров с Россией. Такие шаги были предприняты его преемником Каипом, избранным казахским ханом в 1715 г. после смерти Тауке хана. Заметного следа в истории Казахстана хан Каип не успел оставить, поскольку в 1718 г. при невыясненных до сих пор обстоятельствах был убит[25].

Как свидетельствуют источники, Каип хан был правителем деятельным. Во внешней политике он придерживался курса на сближение с Россией. С этой целью только за 1716-1718 годы им были направлены в Россию пять посольств с предложениями мира, военного союза против джунгар и развития торговли[26]. И столько же посольств было направлено к нему царским правительством[27]. Момент для переговоров был выбран удачный. Дело в том, что в 1716 г. русский военный отряд во главе с подполковником И. Бухгольцем, направленный в Яркенд для основания крепости, был разгромлен джунгарами. В следующем, 1717 г., предпринятый ханами Каипом и Абулхаиром военный поход против джунгар в районе реки Аягуз потерпел неудачу в силу несогласованности действий ханов, возглавивших 30-ти тысячное войско[28].

Интенсивный обмен посольствами между казахским ханом Каипом и правительством Петра I говорил о растущем взаимном интересе друг к другу. В первые десятилетия XVIII в. русская внешняя политика основные усилия сосредоточила в борьбе за выход к Балтийскому морю. Однако уже в годы Северной войны правительство Петра I стало уделять большое внимание Востоку. Это было вызвано двумя обстоятельствами. Первое - проложить торговый путь в сказочную Индию, укрепить связи со странами Средней Азии и расширить русские владения на побережье Каспийского моря. Второе - поступление информации о богатейших россыпях «Песошного золота», якобы имеющихся в горах Яркенда и Бодахшана[29].

Особым указом Петра I еще в 1714 г. в верховья Иртыша был послан отряд полковника И.Д. Бухгольца для разведки месторождения золота и постройки крепостей[30]. Глубокой осенью 1715 г. отряд Бухгольца в 4,5 тысяч человек заложил Ямышевскую крепость. Однако в феврале 1716 г. крепость подверглась нападению и разгрому 10-ти тысячным джунгарским войском под командованием нойона Церен Дондоба. Спаслось лишь около 700 человек, на обратном пути они заложили Омскую крепость на Иртыше[31].

Более трагически закончился второй поход войск под командованием князя А. Бековича-Черкасского. Отряд в 8 тысяч человек выступил из

Астрахани 15 сентября 1716 г. и направился в пределы Хивинского ханства. Основав три крепости на южном берегу Каспийского моря, Бекович с 6 тыс.человек направился в глубь территории Хивы, с целью склонить хана к подданству России. Но отряд подвергся нападению хивинцев и был полностью истреблен[32]. После этого правительство Петра I было вынуждено в своих отношениях с ханами Средней Азии перейти исключительно к использованию дипломатических средств.

Итак, обе военные экспедиции, отправленные Петром I в азиатские страны, потерпели неудачу. Причин было несколько. Самое главное, на наш взгляд, то, что когда Россия при Петре I официально стала именоваться империей, сформировалось имперское мышление, заключавшееся прежде всего в признании военного превосходства над другими странами. К примеру, русский посол в Иране А. Волынский, доносивший о непрочности власти шаха, считал, что даже небольшого корпуса русских войск было бы достаточно, чтобы присоединить к России эту огромную страну[33].

Из этой ошибочной посылки вытекала другая. Суть последней заключалась в том, что, когда к правительству России обращались правители соседних стран с предложением о политическом союзе или покровительстве, оно им воспринималось как предложение о подданстве.

На основе этих искаженных представлений появились «прожекты» о подчинении себе Центральноазиатских ханств с помощью небольших отрядов. Как писал академик В.В. Бартольд, «впоследствии у Петра явилась мысль - воспользоваться борьбой между ханами ...для действительного подчинения ханств русской власти»[34]. Следовательно, уже в начале XVIII в. царём Петром I был обозначен курс на подчинение Казахского ханства Российской империи.

3.2 Принятие казахами Младшего и Среднего жузов подданства России

Процесс вхождения казахских жузов в состав Российской империи был продолжительным и сложным. По-видимому, нет необходимости подробно освещать его ход и этапы, ибо все эти вопросы, ставшие традиционными для казахстанской историографии, с той или иной степенью полноты исследованы в трудах как дореволюционных, так и советских и современных казахских ученых. В данной главе мы попытаемся рассмотреть такие малоизученные вопросы во взаимоотношениях России и Казахстана в XVIII в., как роль государственных деятелей Казахстана в принятии российского подданства, динамика политики царского правительства в казахских

жузах, судьба казахской государственности в условиях российского протектората.

У истоков казахско-русских отношений на новом этапе истории, на рубеже XVIII в., стояли два выдающихся деятеля наших стран. С казахской стороны это был хан Тауке, который, по словам видного исследователя В.Я. Басина, упорно и настойчиво добивался русско-казахского сближения[35]. Со стороны России стратегическое направление русско-казахских отношений определил Петр I. «С царствования Петра Великого, - писал В.В. Бартольд - начинается новая эпоха в истории отношений России не только к Дальнему Востоку, но и к мусульманскому миру. Политические и коммерческие задачи, унаследованные от XVII в., были поставлены при нем с большей определенностью и широтой...»[36].

Обширная и богатая территория Казахстана давно привлекала внимание царского правительства. Кроме того, Казахстан занимал стратегическую позицию, находясь на пути к южным и восточным рынкам. Поэтому в своей восточной политике Петр I большое значение придавал Казахстану. Однако политика эта приобретает иную окраску нежели в XVII в., когда межгосударственные взаимоотношения строились в основном на паритетных началах. Иное дело - после петровских реформ и провозглашения России империей. По словам переводчика М. Тевкелева, ставшего впоследствии генерал-майором и видным дипломатом, Петр I по возвращении из Персидского похода (в 1722 г.), говорил следующее: «Хотя-де оная Киргиз-Кайсацкая степной и легкомысленный народ, токмо-де всем азиатским странам и землям оная-де орда ключ и врата; и той ради причины оная-де орда потребна под Российской протекцией быть»[37].

В советской историографии восточная политика Российской империи в первой четверти XVIII в. если не идеализировалась, то, по крайней мере, оправдывалась и освещалась тенденциозно[38]. К примеру, в одном солидном академическом издании резко осуждается колониальная политика Западных стран. «Европейские колонизаторы, - отмечается в нём, - под видом устройства торговых компаний проводили политику территориальных захватов, угнетения и ограбления отсталых народов Востока»[39]. В той же книге, буквально через одну строчку даётся следующее объяснение «активизации русской политики в Восточном Прикаспье»: «Неблагоприятным было внешнее окружение... Русские города и селения подвергались постоянным нападениям. Казахи и каракалпаки совершали набеги на Яицкие городки и Самарский уезд...»[40]. Раз так, то, по логике авторов, оправданными были любые действия по приведению «той орды под Российскую протекцию». Но в том то и дело, как свидетельствуют источники, казачьи общины сами чаще всего производили набеги на казахскую степь с целью грабежа и разбоя[41]. Но об

этом в советское время не принято было писать в исторической литературе.

Между тем в первой четверти XVIII в. в Казахском ханстве, как указывалась выше, сложилась наиболее тяжелая в его истории внутри- и внешнеполитическая обстановка, чем не преминули воспользоваться правители соседних стран. Учитывая сложность политического положения страны и реальную угрозу со стороны внешних противников, особенно ойратов, хан Каип обратился к Петру I с предложением о политическом союзе и об оказании военной помощи[42]. Письма были отправлены в октябре и декабре 1718 г. Тогда же Петр I ответил согласием «оказать покровительство и военную помощь»[43] казахам, но был выдвинут ряд условий. Ответ царя был выслан через казанского губернатора П. Салтыкова в январе 1719 г., но, увы, к тому времени хана Каипа уже не стало, он погиб.

Однако в учебниках не только советского времени, но и в последних изданиях истории Казахстана содержится утверждение о том, что в 1717 г. «казахские султаны Каип и Абулхаир обращались к Петру I с просьбой о подданстве»[44]. Нами изучено содержание всех писем Каип хана, а их было пять, адресованных царскому правительству в 1716-1718 г. В письмах Каип хана речь идет о политическом союзе, о совместной войне против джунгар, о развитии торговли, но ни в одном из них нет ни слова о подданстве[45]. Нет такого предложения и в письме султана Булхаира, брата Абулхаир хана, написанного в 1718 г. в адрес императора Петра I[46].

Таким образом, Каип хан, как и хан Тауке, последовательно и упорно стремился к укреплению казахско-русских отношений, но не высказывался и, тем более, не обращался к Петру I с просьбой о подданстве. Идея эта принадлежит хану Абулхаиру[47].

Мысль о принятии российского протектората созрела у хана Абулхаира в 1726 г., после переговоров с посланником Петербурга в Каракалпакию муллой Максютой Юнусовым, «который обещал хану помощь русского правительства в борьбе с Джунгарией»[48]. Абулхаир хан сразу же после беседы с М. Юнусовым направил в Петербург посольство во главе с Койбагаром Кобековым с заданием добиться «протекции» России на тех же «кондициях» (условиях), что и волжские калмыки. Однако на этот раз миссия Кобекова не увенчалась успехом по причине, как указывалось в решении Коллегии иностранных дел, «пользы, чтоб под протекцию Е.И.В. быть, не находится»[49]! Однако, как считал историк В.Я.Басин, подлинной причиной отказа явилось то, что принятие казахов под российскую протекцию повлекло бы за собой ухудшение отношений с Джунгарией»[50]. Формальным же поводом для отказа в протекции казахам послужило отсутствие доказательств о полномочиях посольства К. Кобекова.

Сразу же после Аныракайской битвы в начале сентября 1730 г. хан Младшего жуза Абулхаир отправил в Петербург посольство из 7 знатных старшин во главе с Сейткулом Койдагуловым и Кутлумбетом Коштаевым с просьбой к русской императрице о принятии его с подвластным народом в российское подданство[51]. На этот раз царское правительство благосклонно отнеслось к просьбе хана Абулхаира, что нашло отражение в Грамоте императрицы Анны Иоанновны от 19 февраля 1731 г. В ней отмечалось: «Абулхаир хана, старшину и все киргиз-кайсацкое войско пожаловали, повелели ...принять вас в подданстве...»[52].

В советской историографии принятие казахами Младшего жуза российского подданства представлялось как результат дальновидной политики хана Абулхаира, сумевшего «ранее других понять, что устранить угрозу со стороны Джунгарии, а также Цинской империи... можно лишь с помощью России в условиях включения, в первую очередь, Младшего жуза в состав России»[53]. Авторы данного текста не поясняют, почему «в первую очередь, Младшего жуза в состав России», их можно понять, если бы они писали: «в первую очередь, Старшего жуза», который, действительно, был подвержен джунгарской угрозе. Ведь непосредственной угрозы Младшему жузу со стороны Джунгарии, тем более со стороны Цинской империи, никогда не было и не могло быть.

В таком случае, в чем заключались побудительные мотивы энергичных действий Абулхаира в деле принятия Российского подданства? Чтобы ответить на этот вопрос, надо рассмотреть историческую ретроспективу.

Абулхаир происходит от одного из сыновей хана Жанибека (основоположника казахского ханства) по имени Оснек (Уснак). По традиции все казахские ханы, начиная с 1680 г., были представителями Дома Жадика - другого сына того же хана Жанибека. В 1715 после смерти хана Тауке Абулхаир стремился стать во главе всех трех жузов. Но по праву наследования главным ханом был провозглашен сын Тауке Болат. После взятия Туркистана джунгарскими захватчиками в «Годы великого бедствия» Абулхаир в 1726 г. на народном собрании в Ордабасы был избран предводителем объединенного казахского ополчения. В нарушение существовавшей традиции в 1718 г. часть родов и племен Младшего жуза избрала своим ханом Абулхаира. Общепринятая в казахстанской историографии дата его рождения - 1693 г., однако, с ней не согласна исследовательница И. Ерофеева. Она считает, что Абулхаир родился «приблизительно во второй половине 80-х годов XVIII в.»[54] На наш взгляд, это предположение не соответствует действительности и вот почему. Важным документом по этой проблеме может служить портрет Абулхаир хана, который написал с натуры английский художник Дж. Кэстль в 1736 г. Если предположить, что Абулхаир родился в 1686 г. то

ему в 1736 г. шел бы шестой десяток, а между тем с картины Дж. Кэстеля на нас смотрит молодой человек, почти юноша.

Отодвигать дату рождения Абулхаира на 8 лет И. Ерофеевой, по-видимому, понадобилось, чтобы обосновать, избрание его ханом на такой же срок, т.е. на 8 лет, раньше, чем принято считать. Она пишет, что «он (Абулхаир - К.А.) был поднят казахскими старшинами на белой кошме... приблизительно осенью или зимой 1710-го года»[55]. В этом случае становится более убедительным, что Абулхаир заслужил избрания ханом, как пишет И. Ерофеева, «благодаря своим военным подвигам»[56]. А если признать общепринятую дату рождения Абулхаира - 1693 г., то ему в 1710 г. исполнилось бы лишь 17 лет, а в этом возрасте не может быть и речи о военных подвигах. Итак, Абулхаир принадлежал к младшей линий казахских чингизидов. Правда, достоверных сведений о его предках нет ни в устной, ни в письменной истории. Одно бесспорно - с 1718 г. Абулхаир в исторических документах упоминается как хан Младшего жуза[57], а в 1726 г. на мажилисе избирается главнокомандующим объединенными войсками всех трех казахских жузов[58]. Из свидетельств современников и других источников, Абулхаир хан предстает человеком честолюбивым, энергичным, не лишённым способностей и предприимчивости. «Человек весьма достаточного ума и не без лукавства»[59] -так отзывался об Абулхаире близко знавший его М. Тевкелев.

Однако положение Абулхаира как правителя было весьма зыбким. Власть его распространялась лишь на часть родов Младшего жуза. И, как показала процедура принятия подданства России, Абулхаира в этом поддерживали только его сыновья, близкие родственники и старшины Бокенбай, Есет. На собрании старшин в октябре 1731 г. он признался, что «хан только имя носит ханское, а воли над подданными...не имеет» и сравнивал положение хана с дикой лошадью, которую «и люди бьют и звери ловят»[60]. И в этих условиях он счел «яко лутчее есть, иметь подданство великого монарха», в лице последнего он видел «себе оборонителя»[61] от бунтовщиков. В этом смысле Абулхаир и говорил М. Тевкелеву в 1732 г., что «никак не можно сию Орду привести в состояние, кроме того, что надобно всех противных старшин искоренить, иных переказнить, а иных сослать в дальные города»[62].

Видные исследователи, в частности А. Левшин, М.Тевкелев, В.Бартольд, не без основания считали, что желание Абулхаира принять российское подданство, было вызвано личными мотивами. К примеру, В.Бартольд писал: «Предлагая русским свое подданство, он имел в виду только личные цели, с помощью русских он надеялся укрепить и упрочить свою власть, может быть, даже стать во главе всего киргизского народа»[63].

В том, что Абулхаир хан хотел объединить казахские жузы под своей властью, ничего предосудительного, конечно, нет. В истории Казахстана был аналогичный случай, когда в конце 20-х годов XV в. в условиях феодальной смуты шайбанид Абулхаир в Сибири был провозглашен ханом. Вскоре он, опираясь на военную силу и поддержку родовых старшин, сумел сломить сопротивление владетельных султанов и объединить весь Восточный Дешт-иКыпчак в одно государство - ханство Абулхаира. Абулхаир же второй, избранный в 1718 г. ханом Младшего жуза, не обладая решимостью своего предшественника и тезки, обратился к русской императрице, чтобы с ее помощью «себя одного (во всех трех жузах) ханом учинить».

Разумеется, за действиями Абулхаира в деле принятия российского протектората, кроме личных мотивов, угадывались и другие причины, такие, как желание обезопасить северо-западные районы своих владений от нападений волжских калмыков, башкир и уральских казахов; развивать с Россией торгово-экономические отношения. Однако эти причины для Абулхаира не были главными, о чем свидетельствует линия последующего поведения хана. В частности, он в 40-годы неоднократно пытался с помощью Оренбургской администрации устранить своих политических соперников. Так, в 1742 г. он просил Оренбургского губернатора И.И Неплюева «под образом аманатства удержать в городе Абульмамбет хана, Барака да Батыра султанов и прочих знатных старшин, которых он, хан, тогда покажет»[64]. В 1746 г. он вновь обращается к Неплюеву с просьбой о задержании в Оренбурге знатных старшин: «Прошу приказать, поймав, задержать 30 человек... от знатных родов из Большой Орды Уйсунского роду поймать 10 человек, от Средней Орды от знатных же родов поймать 10 человек; от Меньшей Орды же 10 человек»[65]. По отношению к царскому правительству Абулхаир старался выказывать верноподданническое усердие. С этой целью он подстрекает казахов Среднего жуза на выступление против башкир, которые у них угнали скот, взяли пленных. В то же время Абулхаир через оренбургских чиновников предупреждает башкир о готовящмся нападении[66]. В результате этого с обеих сторон пролилась кровь, усилилась вражда. А когда башкиры подняли антиколониальное восстание, Абулхаир принял активное участие в его подавлении. Об этом в октябре 1736 г. доносил в Коллегию иностранных дел начальник Оренбургской экспедиции И. Кириллов[67]. «Кайсаки войною ходили на Сибирскую и Ногайскую дороги (даруги - К.А.) и многих башкирцов побили и разорили»[68]. По совету М. Тевкелева, Абулхаир «нижайше просил императрицу» «на устье реки Ори крепость сделать»[69]. Царское правительство построило крепость на реке Ори, конечно же, не потому, что об этом «просил» Абулхаир, а потому что она была необходима для осуществления колониальной политики. Так

или иначе г.Оренбургу, заложенному в 1734 г., суждено было сыграть значительную роль в истории Казахстана и в казахско-русских отношениях. Однако в 30-40-е годы XVIII в. не оправдалась надежда хана Абулхаира относительно города на Ори, где он собирался «зимовать и управлять кайсаками». В планы царского правительства не входило укрепление власти Абулхаира в Орде. Напротив, власти Оренбурга, особенно губернатор И. Неплюев, делали все возможное в интересах упрочения собственных позиций в Младшем жузе и ослабления в нем влияния Абулхаира. С этой целью в регионе возводились новые линии военных укреплений. Принимались меры по дискредитации власти Абулхаира и противопоставления ему других влиятельных султанов и старшин.

Таким образом, не суждено было осуществиться основной политической стратегии Абулхаира - путем принятия российского подданства укрепить свою власть в Младшем жузе и распространить ее на другие жузы. В своей политической деятельности он не смог подняться выше семейных и клановых интересов. Как видно из анализа содержания его переписки с царской администрацией, ни в одном из посланий или грамоте он не ставил общенациональные проблемы. В его записках преобладали личностные мотивы: жалобы царским властям на старшин «противной» партии[70], на султанов Абульмамбета, Барака и Батыра[71].

Во второй половине 30-х годов XVIII в. возрос интерес царского правительства к Среднему жузу, его природе, экономике и политическому положению. В изучении этих и других вопросов большую роль сыграла Оренбургская экспедиция, созданная в 1734 году.

По заданию администрации экспедиции, изучение Среднего жуза возглавил П.И. Рычков (1712-1777) - известный экономист, историк и географ[72]. Им подробно описаны природа, этнический и социальный состав населения, политическое устройство казахов Младшего и Среднего жузов. Освещая этнический состав Среднего жуза, он писал: «В сей Средней орде генерально четыре рода состоят, яко то: Найманы, Аргинцы, Увак-Гирейцы и Кипчаки». И далее: «Сия орда пред Меньшею людnее и богатее, а особливо лошадьми, которые у них больше и лучше нежели в Меньшей орде находящиеся. Да и народ сей орды посостоятельнее; сего ради и купцы азиатские для торгу в Оренбург и в Троицкую крепость чрез улусы средней орды охотнее и безопаснее ездят...»[73].

В этой-то «богатой и людной» Орде в 30-е годы XVIII в., говоря словами И. Фалька, «властвовал как хан салтан Аблай»[74]. О том, что в конце 30-х годов XVIII в. Абылай султан был самым влиятельным и авторитетным правителем в Среднем жузе, писал и Ч.Ч. Валиханов. «Как бы то ни было, - отмечал он, - в 1739 г. мы находим его (Абылая - К.А.)

самым сильным из владельцев Средней орды, и русское правительство по преимуществу сносится с Аблаем»[75].

Действительно, одно из первых посланий Абылая султана царскому правительству датируется 1739 годом[76]. В том году 29 октября в канцелярию Сибирского губернаторства поступило донесение командира Сибирского драгунского полка подполковника Я. Павлуцкого о получении им письма «от Аблая Мухаммета батыра и салтана»[77]. По-видимому, это письмо было ответным на ранее полученное Абылаем, ибо в его послании выражена готовность принять предложение о подданстве России. Кроме того, Абылаем высказано пожелание развивать торговые отношения, мирно решать пограничные спорные вопросы. В заключение он писал: «кроме подданства, ничего не хотим, кроме добра худа не желаем»[78].

Попытки склонить владетелей и знать Среднего жуза к принятию российского подданства на тех же «кондициях», что и Младший жуз, предпринимались начальниками оренбургской экспедиции И. Кириловым (1734-1737) и сменившим его В. Татищевым (1734-1737). За этот период дважды в 1732, 1734 годах хан Среднего жуза Самеке и ряд старейшин присягали на верность белому царю[79]. Однако на деле весь Средний жуз оставался вне влияния Оренбургской администрации, через которую в то время осуществилось сношение царского правительства с казахами.

В 1739 г. вместо умершего в 1738 г. Самеке хана был избран ханом Абульмамбет[80], (по некоторым сведениям он был избран ханом в 1730 г.[81]) сын Болат-хана, умершего в 1730 г. В том же 1739 г. вместо отозванного в Петербург В.Н. Татищева, известного историка, новым начальником Оренбургской комиссии был назначен генерал-лейтенант князь В.А. Урусов.

Перед администрацией Урусова правительством была поставлена задача в скором времени обеспечить принятие казахами Среднего жуза российского подданства. Об этом, в частности, писал сам князь В. Урусов: «По указу Е.И.В. из нареченной коллегии, сего года (1740 - К.А.) от 30 мая между протчим и прислана ко мне грамота киргис-кайсацким владельцам Средней орды Абульмамбету и Аблаю, которые в той грамоте написаны старшими, а позже оные Абульмамбет и Аблай в помянутой Средней орде стороны ханской фамилии всегда салтанами названы»[82].

Получив согласие Абульмамбет хана и Абылай султана о принятии ими российского подданства, В. Урусов в августе 1740 г. в Оренбурге (ныне Орск) созывает второй съезд представителей старшин и султанов Среднего и Младшего жузов. Большую помощь в этом Урусову оказал влиятельный батыр Жанибек из рода Шакшак Среднего жуза. В благодарность за услуги он был Урусовым представлен к званию «тархан»[83].

Церемония подписания акта о принятии казахами Среднего жуза российского подданства, состоявшаяся 28 августа 1740 г., была пышно и торжественно обставлена, был парад войск с артиллерийскими залпами. Перед собравшимися были зачитаны заранее подготовленные тексты речей хана Абульмамбета и султана Абылая. В тот же день документы о принятии Российского подданства подписали 128 старшин Среднего жуза[84]. На следующий день присягу на верность российской императрице приняли 165 старшин Младшего жуза, которые ранее не подписывали такого акта.

Не дожидаясь окончания переговоров и не откланявшись, 30 августа уехали в свои улусы султаны Нуралы и Ерали. В документе отмечается, что они так поступили из опасения, что Абульмамбет хан и султан Абылай уговорят В. Урусова «чтобы Нурали-салтана оставить в Оренбурге наместо брата его, Кузахметя-салтана»[85]. Истинная причина поспешного отъезда указанных султанов из Оренбурга раскрылась спустя два года. В апреле 1742 г. хан Абулхаир жаловался генерал-лейтенанту Л.Я. Соймонову, исполнявшему обязанности начальника Оренбургской комиссии, что его дети сообщили ему, будто Абульмамбет и Абылай во время пребывания в Орске «возимели честь лутчее и более детей моих»[86].

Это, конечно, детали, важнее выяснить причины, побудившие владетелей Среднего жуза принять российское подданство. Нет четкого ответа на эти вопросы в новом издании «Истории Казахстана»[87]. Рассматривая данную проблему, авторы отмечают, что «султан Абылай обнадеживал В.Н. Татищева (на самом деле - В.Урусова - К.А.) «живота своего потребном случае не щадить», хотя набиравший опыт политической борьбы молодой султан свои надежды связывал и с Цинской империей»[88].

Во-первых, Абылай никак не мог «обнадеживать» В.Н. Татищева, так как он еще в 1739 г. был отозван в Петербург, а на его место начальником Оренбургской комиссии был назначен генерал-лейтенант князь В. Урусов. Во-вторых, в 1740 г., когда принимал российское подданство, султан Абылай никак не мог связывать «свои надежды с Цинской империей», так как первые контакты Абылая с цинами произошли спустя 16 лет. В-третьих, совершенно непонятно, какие именно надежды связывал «молодой султан» с Российской и Цинской империями.

На наш взгляд, признанию российского протектората вынуждали правителей Среднего жуза сложность борьбы с джунгарской агрессией и задачи возврата захваченных ею территорий Казахстана, а также необходимость предотвращения военных вторжений на казахские земли башкир и сибирского казачества. Нельзя сбрасывать со счетов и необходимость для казахов расширения торговых связей с русскими рынками. Все эти непростые вопросы и обусловили поиск казахами

Среднего жуза надежного сюзерена. Тем более на переговорах в Орске князь В. Урусов от имени императрицы заверил хана Абульмамбета и султана Абылая в том, что «Е.И.В. указом обнадеживают со всею Вашею фамилиею и ордами в свое высокомонаршеское подданство и во всемилистивейшее матерное засчищение и милость совершенно принять изволила»[89]. Кроме того, в вопросе принятия российского подданства Средним жузом, в отличие от Младшего жуза, инициатива исходила с российской стороны. Еще в 1738 г. В.Н Татищев, в бытность начальником Оренбургской комиссии, разослал приглашение султанам Абульмамбету и Абылаю прибыть в Орск для переговоров, но тогда они не смогли осуществить приезд. Об этом, в частности, доносил властям хан Абулхаир в августе 1738 г. во время повторного принятия им присяги на верность России. Он писал: «Вашему И.В. доношу, что Средней орды салтан Абульмамбет и Аблай ныне далеко в степи и за дальностью у присяги не могли»[90].

Итак, главной причиной принятия политической элитой Среднего жуза российского подданства был поиск политического союзника и покровителя в борьбе с джунгарской агрессией. Однако, как показали последующие события, Царское правительство не имело никакого намерения защищать казахов от кого бы то ни было, тем более от джунгар. И вряд ли его в этом можно упрекнуть. Российская империя преследовала свои имперские интересы, ей гораздо выгоднее было иметь дело с ослабленным и разобщенным Казахстаном, нежели с сильным и централизованным.

Кроме того, в казахско-русских отношениях важным фактором явилось то, что Джунгария рассматривалась Россией как стратегический партнёр против возрастающих экспансионистских устремлений Цинской империи. Поэтому в ослаблении Джунгарии она не была заинтересована, напротив, в известных пределах способствовала укреплению ее военной мощи. Царское правительство, к примеру, не предприняло никаких ответных мер даже тогда, когда джунгары разгромили отряд И. Бухгольца в 1716 г., и не приняло предложения Каип хана о совместном военном походе против джунгар[91]. Более того - даже после принятия казахами российского подданства джунгары продолжали большими партиями закупать оружие в Новокузнецке, Колывановe и других местах.

Как известно, самое крупное за всю историю казахско-джунгарских отношений вторжение джунгар на казахские земли состоялось весной 1723 г. Тот факт, что в это же самое время в ставке ойратского хунтайджи находилось русское посольство во главе с И. Унковским, наводит на мысль, что военные действия ойраты начали с согласия царского правительства. Разыгрывая джунгарскую карту против казахов, оно

надеялось на то, что последние сами обратятся с просьбой о подданстве. Дальнейшие события развивались именно по этому сценарию.

Подписание 10 октября 1731 г. на Иргизе в урочище Манатюбе ханом Абулхаиром и его приверженцами из старшин документа о принятии ими российского подданства еще не означало, что владения Младшего жуза тут же стали частью России.

Казахи, подписавшие акт о подданстве, воспринимали его как военный и политический союз с Россией, которая берет их под свое покровительство. Степная аристократия придерживалась того мнения, что подданство, коль оно добровольное, может быть прервано в любой угодный им, казахам, момент. Что касается хана Абулхаира, то он вовсе не допускал мысли, что с принятием российского подданства его полномочия как правителя будут ограничены. Напротив, он через эту акцию, как было указано выше, намеревался укрепить свою власть в Степи.

По большому счету, и царское правительство не считало, что «легкомысленные киргис-кайсаки» с подписанием акта о подданстве сразу же станут на деле верноподданными России. К тому времени оно имело солидный опыт «приведения к покорности присоединенных к России народов» Поволжья, Сибири, башкир, калмыков и других. Опыт подсказывал, что для колонизации края необходимо в его пределах строить военные укрепления и казачьи поселения.

3.3 Политика Российской империи в Казахстане в 40-70 годы XVIII в.

Первая четверть XVIII в. ознаменовалась для России преобразованиями Петра I, которые хотя и не затронули основы феодально-крепостнического строя, но тем не менее укрепили русское государство во всех отношениях. Ведя беспрерывные войны на западе, одновременно правящие круги России вырабатывали идеологию имперского расширения на востоке. В этой ситуации царское правительство, по словам современного российского историка Ю.А. Сорокина, не имея еще возможности решать свои проблемы с помощью военной силы (до середины XVIII в. русские войска предпочитали избегать военных столкновений с кочевниками), московские государи попытались укрепить свои позиции в степи с помощью политических средств[94]. В целом, соглашаясь с выводами автора данного высказывания, в то же время заметим, что царское правительство в «целях укрепления своих позиций в степи» отнюдь не ограничивалось только «политическими средствами». Анализируя политику царизма в 40-е годы

XVIII в. в Казахстане, исследователь И. Ерофеева пишет, что она «стала приобретать отчетливо прослеживаемые колониальные черты»[95].

Начало практическому воплощению в жизнь колониальной стратегии России в Казахстане было положено в годы правления оренбургским краем И.И. Неплюевым: в 1742-1744 гг. в качестве начальника комиссии, а в 1744-1758 гг. - губернатора. Назначение руководителем колониальной окраины империи, конечно, первоначально не вызвало энтузиазма у Неплюева, видного сановника и дипломата, однако, окунувшись в работу, он настолько увлекся ею, что, по его собственным словам, забыл «ту прискорбность, с коею в сию экспедицию прибыл»[96] Служба на востоке страны открывала для честолюбивого чиновника заманчивые перспективы. Историк А.В. Ремнев пишет: «Служба на окраинах, особенно там, где активно шел процесс их инкорпорации в имперское пространство, не только способствовала быстрой карьере, но и вырабатывала особый стиль управления, формировала особый тип государственного и общественного деятеля. Многие из таких деятелей, охваченные идеей о новой мировой миссии, предназначенной России ее географией и историей, начинают мыслить категориями политической географии»[97].

В числе таких деятелей был И. Неплюев, с пребыванием которого на посту Оренбургской администрации связаны возведение новых военных укрепленных линий на северо-западе и севере Казахстана, жестокое подавление башкирского восстания 1755 года, привлечение к этому делу незадачливых и своекорыстных потомков хана Абулхаира, установление принципов политических и торгово-экономических отношений между российским государством и казахскими жузами. Именно его, Неплюева, видение имперских задач на центрально- азиатском направлении имело определяющее значение в выработке общей стратегии России в регионе.

Колониальный характер стратегии царского правительства в Казахстане заключался, прежде всего, в строительстве в его пределах военных укреплений. О необходимости возведения здесь военно-административных объектов подсказывал полуторавековой опыт продвижения России на Восток. В этом плане особенно был ценен трагический опыт «умиротворения» башкирского народа, с которым казахи, как отмечали русские чиновники, были «одного состояния народ». Главным же субъектом колониальной политики царизма в Казахстане явилось казачество.

Казачество - явление сугубо специфического характера. Как пишет историк М. Абдиров, казачество как особый военно-богатырский, социо-этнический и хозяйственно-экономический феномен могло зародиться только в среде кочевников Великой Евразии в силу ряда объективных причин»[98]. На историю зарождения казачества у ученых нет единства

взглядов. Но одно несомненно, что казачество зародилось на границе евразийских номадов с самодержавно-крепостнической Россией и использовалось последней для завоевания и колонизации территории Ногайской орды, Сибири и Казахстана, а позднее и горских народов Кавказа. В рассматриваемый нами период служилое казачество явилось, как отмечают исследователи, главным субъектом военно-административной колонизации новоприсоединенных территорий на востоке России[99].

На территории Казахстана в XVIII в. существовало три казачьих войска: Яицкое (1691), Оренбургское (1748) и Сибирское. Последнее, фактически также сформировалось во второй половине XVIII в., хотя официально как самостоятельное войско было признано в 1808 г. Правда, в указанное время в несении службы охраны внешних рубежей России и для обеспечения ее военно-стратегических интересов на юго-восточном направлении наряду с казачеством стали концентрироваться и регулярные сухопутные войска, передислоцированные из внутренних районов страны или сформированные в оренбургском регионе и в Западной Сибири. Так, в 1745 году на сибирскую линию были переведены два пехотных и три конных полка под начальством генерал-майора Киндермана[100].

Первой крепостью, построенной русскими в пределах казахских кочевий была крепость Оренбургская. М. Тевкелев во время своего пребывания у хана младшего жуза Абулхаира (1731-1733 гг.) внушил ему, чтобы тот обратился к императрице Анне с просьбой «на устье реки Ори крепость построить» и выразил надежду, что ему «построен будет подле того города дом, где будет он жить и будет он от враждебных казахов в безопасности»[101]. Действительно, в 1734 году «по просьбе» Абулхаира «там, где река Орь впала в Яик», крепость была заложена. В грамоте императрицы Анны хану Абулхаиру о постройке крепости отмечалось, что она возводится «от наших и ваших неприятелей охранения и защищения»[92]. К 1747 г. в Оренбургской линии уже насчитывалось 28 крепостей, 36 редутов, 3 казачьих станицы и одна слобода[102]. К этому времени были возведены 8 крепостей и ряд редутов на Уйской линий. Оренбургская, Уйская и Яицкая линии, протянувшись от Оренбурга до устья Яика, имели в совокупности длину около 2500 верст и включали 114 укрепленных пунктов[103].

14 января 1744 г. начальник Оренбургской комиссии И. Неплюев направил в Правительствующий Сенат записку, в которой излагался так называемый «запасный план» колонизации казахской территории путем продвижения укрепленных линий в глубь степи и усиления военного присутствия России в Казахстане. 26 марта 1752 г. Сенат издает указ о постройке Ново-Ишимской линии, состоящей из 11 крепостей и 17 редутов. В документе отмечалось, что она возводится «к лучшему

защищению сибирской стороны от набегов киргиз - кайсаков»[104]. Новая линия, построенная в 1752-1755 гг., пролегала через горько соленые озера и поэтому получила название – Горькая линия. Она тянулась от крепости Звериноголовской до Омска, соединив Уйскую и Иртышскую линии военных укреплений, в результате чего российские границы углубились в казахскую степь на 50-200 верст[105].

Общая протяженность Горькой линии составила 556 верст[106]. Стратегическим пунктом на линии стала Петропавловская крепость, возведенная на высоком правобережии Ишима, в местности Кызыл-Жар (Красный Яр). С первых лет основания ей суждено было играть важную роль в казахско – российских отношениях.

В донесении губернской канцелярии в конце 1752 г. отмечалось: «Ныне действительно построена в крепости св. Петра городовая стена, четыре батареи, ворота с башней, другие ворота, надолбы; штабной дом, в нем три светлицы, кладовой амбар, погреб и кухня, офицерская светлица с людской избой; 10 казарм, конюшня на 120 лошадей; два провиантских, сделанных из плетня магазейна»[107]. В 1759 г. в Петропавловской крепости была открыта меновая торговля с казахами, для чего на ее степной стороне был возведен торговый двор[108].

Строительство военных укреплений на Иртыше царским правительством началось в первые десятилетия XVIII века. Были возведены крепости Ямышевская (1715), Омская (1716), Железненская (1717), Семипалатинская (1718), Усть-Каменогорская (1719), Семиярская (1720). Как писал В. С. Черников, «Иртышская линия была утверждена до указанной грамоты явочным порядком, правом силы, Горькая начала складываться два десятилетия спустя после нее указом Сената...»[109]. В 50-е годы XVIII в. продолжалось строительство новых укреплений в районе верхнего течения Иртыша.

Небезынтересно отметить, что некоторые из них имели два названия - русское и казахское. Так, например, казахское название третьего Оренбурга было Жана-Кала (Новый город), Петропавловскую крепость казахи называли Кызыл-Жар (Красный Яр), Уральскую-Жар-Мола (Яр-Могила), Семипалатинск - Семей, Павлодар - Кереку, Гурьев - Атырау и т.д.

Таким образом, ко второй половине XVIII в. линия военных укреплений, возведенная царским правительством, описав гигантскую дугу в 5 тыс. км, охватила территорию Казахстана с трех сторон – Запада, Севера и Востока. К указанному времени продолжалось массовое заселение военных укреплений казачьим населением из других регионов. В 1763 г. правительство предложило пополнить численность казачества зачислением в его состав «разного чина людей».

На линии стали зачислять в казачье сословие ссыльных, «маловажных преступников», пленных польских конфедератов, местных солдатских детей. Источником пополнения сословия были и «азиатцы» - башкиры, калмыки, татары и джунгары, бежавшие в русские пределы во время цинского погрома. Какую-то часть пополнения казачества давала и работорговля, узаконенная в Сибири указом Анны Иоанновны в 1737 г.

Для обеспечения естественного прироста казачьего населения установлением 1759 г. на линиях поселялись ссыльные женщины 19-40-летнего возраста[110]. Нередки были случаи «умыкания» невест казаками из казахских аулов.

В результате принятых мер численность казачества на линиях быстро росла. Так, по данным М. Абдирова, к концу XVIII в. только Оренбургское казачье войско насчитывало в своем составе до 20 тыс. человек, разделенных на пять кантонов[111]. Значительной была численность казачьих войск и на других линиях.

Строительство в пределах Казахстана непрерывной цепи военных линий и их заполнение казачьими и регулярными войсками осуществлялось под предлогом предотвращения «какого нападения, грабительства и воровства и самовольных и усильных противных поступок а особливо с кошами и табунами конскими со степной на жилую сторону Иртыша – реки самовольно переходить и противные поступки употреблять не отваживались и от таких самовольных и противных их поступок себя воздерживали и что оное у своих старшин в лучшем послушании находиться могли»[112]. Следовательно, эти военно-организационные меры предпринимались с целью дальнейшего упрочения позиции российского государства в казахских жузах или, как отмечалось в документе, чтобы «киргиз – кайсаки, видя в расположении по означенной нужнейшей Иртышской линии исправные армейские полки и нерегулярные достаточные команды.., в страх и опасность и в лучшее состояние и воздержание придтить могут[113].

Колониальный характер политики царского правительства в Казахстане наиболее определенно проявлялся в факте массового изъятия у казахов их пастбищных угодий и наделение ими прилинейных казаков. Это обстоятельство не могло не отразиться на казахско-казачьих отношениях. Особенно ожесточенный характер приобретала борьба казахов Младшего жуза с уральским казачеством. «Главным объектом борьбы, - пишет М. Абдиров, - являлась река Яик со всеми притоками, озерами, лугами и лесами, очень удобными для кочевания, зимовок, охоты и рыбной ловли»[114]. Казаки считали себя «законными» хозяевами реки, казахи не признавали и не считались с «законными правами» казаков на реку, так как их предки веками жили на Яике.

Протест у казахского населения вызвал Указ Коллегии иностранных дел от 19 февраля 1742 г., а также приказ начальника Оренбургской комиссии И. Неплюева от 19 октября того же года о запрещении казахам кочевать близ реки Яик и не переходить ее. Командирам войск и атаманам было приказано в случае нарушения казахами этого указа поступать с ними как с «противниками высочайших е. и в. указов».[115] Такую же реакцию у казахов вызвал и указ императрицы Елизаветы Петровны, запрещающий им приближаться к рекам Тобол, Илек, Ишим и Иртыш. Мотивировались эти драконовские меры тем, что они необходимы, чтобы избежать ссоры между казахами и казаками[116]. Под тем же предлогом командующий казачьими войсками генерал-поручик И.И. Шпрингер в 1765 г. распорядился установить границу на расстоянии 10 верст от линии казачьих поселений вглубь степи, которую запрещалось переходить кочевникам. В результате, традиционные плодородные пастбища, веками сложившиеся маршруты кочевок и водные источники некоторых родоплеменных групп казахов оказались внутри линий военных сооружений, а сами жители были вынуждены мигрировать в другие районы.

Статистическое обследование 1908 г. установило, что в районе строительства Горькой линии к середине XVIII в. располагалось 362 хозяйственных аула[117]. Причем такое количество аулов находилось лишь только в пределах Петропавловского уезда, примерно столько же аулов было в прилинейной полосе Омского уезда. Следовательно, десятки тысяч казахов лишились своих пастбищных угодий. Естественно, потеря своих обжитых земель тяжело отразилась на положении прилинейных казахов, породила их недовольство и сопротивление.

Анализ источников показывает, что вторжение вооруженных групп казахов Младшего жуза в российские пределы с целью разрушения городков и укреплений, угона скота совершалось в 40-е годы, когда возводились военные укрепления на Яике и когда вводились указанные выше запреты. В свою очередь, Яицкие и Оренбургские казаки совершали так называемые поиски (грабительские походы) в казахские улусы. Историк А. Рябин писал, что у Яицких казаков был один смертельный враг - это «киргизы» (т.е. казахи). Они «были враги неутомимые, настойчивые, не знающие ни страха, ни усталости. Яицкие казаки вели против них войну настоящую и ожесточенную»[118].

Строительство Ново-Ишимской, или Горькой линии велось в 1752-1757 гг., т.е. в те годы, когда казахи, возглавляемые султаном Абылаем, вели упорную и кровопролитную войну против вторгшихся джунгарских, а затем и цинских войск. По этой причине они не смогли воспрепятствовать наступлению царизма на севере Казахстана. В эти годы царским правительством осуществлялось усиление военно-

оборонительных сооружений на всем протяжении казахско-российских границ путем передислокации в эти районы частей регулярных войск.

«С 1732 по 1757 гг., - отмечается в Энциклопедическом словаре, - было выстроено множество крепостей по Уралу до Верхнеуральска, оттуда на Звериноголовскую, далее Горькою линиею до Омска и по Иртышу до Усть-Каменогорска, после чего русская граница непосредственно примкнула к киргиз-кайсацким степям на всем протяжении. В 1767 г. китайцы окончательно овладели Джунгариею, устроили ряд укрепленных постов вдоль русско-китайской границы и отделили киргиз-кайсаков от монголов. Таким образом, киргиз-кайсаки оказались с трех сторон окруженными двумя могущественными соседями»[119].

На казахско-российской границе после основания новых линий военных укреплений нередко случались стычки по случаю угона скота. В русских архивах сохранилось множество документов, содержащих сведения о бесчинствах казачьих отрядов. С претензиями и жалобами обращались по этому поводу в оренбургскую администрацию.

В одном из писем, адресованных и.о. губернатора А. Тевкелеву в сентябре 1758 г., султан Абылай писал, что «Атыгайского роду Алимбетя-батыря, толмач Максют и Алексей Михайлович Сухарев, прибыв из Омской крепости, деревню раззорили и притом одиннадцать человек убили, а сорок три человека ясырей живых захватили, двадцать восемь верблюдов, да тысячу пятсот лошадей отогнали и тринадцати домов сокровища побрали, ис которых уже возвращено, а имянно: девять человек из ясырей (т.е. пленных), пятьсот лошадей, да восемь верблюдов»[195]. Далее в том же письме сообщались, чинимые пограничными «командирами обиды и жестокости киргизам»[120].

В другом документе сообщается о том, что сотник Дорохов с 150 казаками из Черлаковского форпоста напал на подвластные Абылай султана аулы, отбил 790 лошадей, 92 верблюда, захватил 42 пленных. Пленных, офицеры сбывали на линии. Кстати, указом Императрицы Анны Иоановны от 1737 г. было узаконено рабство в Сибири, и цена казаха равнялась 10 рублям, а казашки - одному мерину и 6 рублям (женщины ценились дороже ввиду их нехватки на линии)[121].

В другой раз, прибывший в июне 1759 г. в ставку Абылая переводчик М. Арапов от имени оренбургского губернатора потребовал возвратить захваченных подвластными людьми султана алтайцев и урянхайцев, что вызвало недовольство Абылая. «Абылай, - доносил после возвращения русский эмиссар,-ему, Арапову, с великим азартом и криком говорил: известно-де ему, Арапову, что у них киргис-кайсак калмыками Шеаренова Кошу[196] отогнано лошадей многое число» и когда казахи хотели догнать конокрадов, Арапов « в тогдашнюю ево у него, Аблая, бытность от того

их уговорил, обнадежа, что те их лошади и без драки им, когда они от Российских командиров требовать будут, возвращены быть имеют, коих-де они, хотя неоднократно и требовали, только-где и поныне не получили»[197], потому и он урянхайцев возвратить не может.

Были случаи, когда казахские вооруженные отряды подходили к прилинейным русским поселениям и угоняли скот (т.н. барымта). Как правило, казахи, делавшие набеги на линию, оказывались вне досягаемости царских отрядов, которые и не пытались искать барымтачи, а захватывали скот у казахов, кочевавших вблизи линии. Часто такие «нападения» выдумывались или крайне преувеличивались прилинейными властями, чтобы создать предлог для набега в степь[122]. Набеги сопровождались бесчисленными захватами и наносили огромный ущерб казахским аулам.

Колониальный характер стратегии царского правительства на вновь приобретенных территориях проявился с особой силой в политике натравливания угнетенных царизмом народов друг на друга. Казахов пытались использовать против освободительного движения башкир, калмыков и наоборот. Основу такой политики заложили первый начальник Оренбургской экспедиции И. Кириллов и его советник - переводчик М. Тевкелев. Так, в своем представлении на имя императрицы Анны от 1 мая 1734 г. И. Кириллов писал: «И ежели калмыки какую противность покажут, то мочно на них киргизцов обратить, как и было в прошлом году, когда калмыки против своего хана взбунтовали, то показывая службу, Абулхаир хан посылал войска на улусы Доржи Назарова... и их там разорил, что они принуждены противные свои меры отложить и впредь на киргис-кайсаков злобу иметь: а напротив того, буде киргис-кайсаки что зделают, то на них калмык и башкирцов посылать, и так друг друга смирять и к лучшему послушанию приводить без движения русских войск»[123]. Того же мнения придерживался и бывший посол Петербурга у Абулхаира М. Тевкелев[124]. В апреле 1733 г. он в донесении в коллегию иностранных дел писал: «А оные киргиз-кайсаки, також калмыки и башкирцы, признаются одного состояния – народ дикой и лехкомысленной, ежели паче чаяния (чего сохрани Боже) из них которой один учинится российскою стороне противным, то можно другие два народа против оного одного противника послать и можно надеется, что без утруднения к тому российского войска оного противника ими самими усмирить можно»[125].

Особенно изощренный характер принимает эта политика разжигания розни среди подвластных России народов в бытность тайного советника и сенатора И.И. Неплюева. Правительство поощряло такие действия. По справедливому замечанию В.В. Бартольда, оренбургским властям даже было предписано в зависимости от обстоятельств усмирять один народ

при помощи другого, чтобы щадить русскую кровь. В подтверждение правоты слов Бартольда приведем два примера. Первый: 20 сентября 1743 г. Правительствующий Сенат принял Указ о посылке воинских отрядов против казахов, нападающих на русские крепости. В документе отмечается, что уфимский вице-губернатор Аксаков на предложение использовать против казахов «регулярных и нерегулярных людей и башкирцов, оной брегадир представил свое мнение, дабы башкирцов похваля, что киргизцы против их никогда не стояли, дать им на них позволения, чтоб они промышляли по своим издревле заобычайностям, признавая оное высочайшим Е.И.В. интересом полезно»[126].

В качестве второго примера сошлемся на следующее высказывание самого В.В. Бартольда. Он писал: «В 50-х годах при первом оренбургском губернаторе Неплюеве, среди башкир руками киргизов был произведен страшный погром, от которого башкирский народ уже не мог оправиться»[127].

Бартольд имел в виду крупнейшее восстание башкирского народа 1755 г. во главе с Батырша. Тогда около 50 тыс. башкир, потерпев поражение от царских войск, бежали в Казахстан. Часть беженцев, настигнутая казаками, полегла при переправе через реки, но все же большинству удалось достичь пределов Младшего и Среднего жузов и укрыться. Казахи сочувственно отнеслись к башкирским беженцам, дали укрыться в своих аулах, а старшины некоторых родов вместе с ними составляли смешанные отряды для борьбы с царскими войсками.

Оренбургский губернатор И. Неплюев, сознавая какую опасность представляет для колониальных интересов империи возможный казахско-башкирский союз, решил его разрушить. С этой целью он отправил к хану Нуралы, султану Абылаю и другим владетелям и старшинам нарочных, «несколько человек из сеитовских татар» с предложением разграбить имущество башкир, пленить их семьи, а взрослых мужчин выдать России[128].

Обращение И. Неплюева не нашло отклика в Среднем жузе, не поддержала его и часть старшин и Младшего жуза[129]. Однако, как писал М. Вяткин, «Нуралы и его родственники-султаны откликнулись на призыв Неплюева. Началось беспощадное разграбление башкир, жены и дети их обращались в рабство. Эти действия хана и окружавшей его знати не только сорвали союз между казахскими и башкирскими народами, но и породили глубокую вражду башкир к казахам»[130].

Казахская пословица гласит: «Ұяда нені көрсе, ұшқанда соны іледі», это означает почти то же самое, что и русская «яблоко от яблони недалеко падает». В свое время хан Абулхаир, отзываясь на обращение оренбургских властей, охотно участвовал в подавлении антиколониальных восстаний калмыков и башкир, впоследствии его дети

поступили точно так же. Хан Нуралы, унаследовавший от своего предка неуемное корыстолюбие, своими действиями заронил семена вражды между башкирами и казахами. Это было на руку И. Неплюеву, который ловко использовал плоды своих интриг. Он сделал предписание командирам военных укреплений не препятствовать башкирам переходить за линию для свершения мести казахам, но запретил пропускать последних в случае их погони за башкирами[131].

Очень непростыми были отношения казахов и с волжскими калмыками, особенно осложнились они в 40-е годы XVIII в. Объектом спора между ними были пастбищные угодия между реками Волгой и Яиком, т. е. в Нарын - песках и по побережью Каспийского моря, которые использовались казахами с древних времен в качестве «қыстау» (зимние выпасы). После сооружения по Яику линии военных укреплений эти районы стали именоваться «внутренной стороной», и казахам оренбургские власти запретили перегонять туда свой скот. Казахи не признавали эти запреты и продолжали перегонять скот в междуречье.

Тогда-то участились нападения на казахов со стороны калмыков. Они по существу были спровоцированы царским правительством. Об этом свидетельствует, в частности, содержание следующего документа. Это - постановление Правительствующего Сената от 28 сентября 1743 г. об использовании калмыкских войск против казахов. Во 2-м пункте этого документа местным властям предписывалось: если калмыцкий владетель «похочет на кайсак итти сам или других пошлет, чинить в том всевозможную помощь»[132]. В то же время в 3-м пункте тайным советникам Неплюеву и Татищеву (Астраханскому губернатору) вменялось: «ежели между тем, когда киргиз-кайсаки большим собранием придут на калмыцкие улусы, то ... крайние старания иметь, дабы оных кайсак калмыцкими и Яицкими, также от Астрахани или с Царицынской линии регулярными и нерегулярными войски обще, где атаковать, и сильное нападение на них учинить, и тем единаче охоту их к приходу к Волге отбить...»[133].

Тем не менее, казахские старшины и калмыцкие тайши предпринимали попытки мирно решать свои проблемы. Нередко они свои уговоры скрепляли брачными союзами. К примеру, в июне 1742 г. посланцы полковника Павлуцкого «башкирец Аккуша Кусебаев с товарищи», побывавшие в Среднем жузе, доносили, что во время их пребывания у Жанибек батыра туда прибыл посланец калмыцкой ханши Джан-Курма хожи с предложением «чтоб он (Жанибек – К.А.) взял за сына своего её Ханши Джана, дочь...»[134]. Власти относились к таким переговорам резко отрицательно. Как писал М. Вяткин, «Неплюев считал вредными для колониальных интересов России непосредственное сношение казахских и калмыцких владельцев»[135]. Губернатор

распорядился задерживать в крепостях казахских и калмыцких посланцев, а от правителей обеих сторон потребовал, поскольку - де они российские подданные, поэтому должны сноситься друг с другом лишь через посредство русской администрации.

В целях укрепления своих позиций в степи царское правительство стремилось опереться на поддержку феодальной верхушки казахского общества. С этой целью для знати устанавливались различные льготы и привилегии. К примеру, царское правительство в 1750-е годы установило запрет казахам приближаться со своим скотом к Яику, Иртышу и другим прилинейным рекам. Однако действие этих ограничений не распространялось на ханов и наиболее влиятельных феодалов, которые получили право перегонять скот на «жилую сторону» указанных рек при условии передачи местной российской администрации аманатов на время пользования пастбищами, которые теперь считались собственностью России. Кроме того, царская администрация привлекала казахскую знать к службе путем задаривания, раздачи чинов и установления жалований. Но власти зорко следили и не допускали чрезмерного усиления кого-либо из знати. Это достигалось путем разжигания соперничества и борьбы между отдельными представителями султанов, биев и батыров. К примеру, И. Неплюеву удалось путем интриг посеять вражду между кланом хана Абулхаира и султанами Батыром и Бараком. Он также заигрывал со старшинами Среднего жуза Кулсара и Кулеке, подстрекая их против султана Абылая.

Ситуация на казахско-российской границе резко обострилась в 60 - начале 70-х годов. В 1759 г. оренбургским губернатором был назначен А.Р. Давыдов, сторонник неплюевских методов управления краем. Коллегия иностранных дел поддержала его представление о полном запрете казахам без исключения перегона скота на «внутреннюю сторону»[136]. Однако несмотря на запреты властей казахи продолжали перегонять скот в зимнее время через реку Ишим на «жилую» сторону. В документе отмечается, что «в 1768 г. за незаконный перегон скота наказаны плетьми до 40 человек и притом один человек убит, захвачено 193 голов лошадей»[137].

Земельный вопрос хотя и был главным, но не единственным вопросом, который порождал недоверие казахов к царской администрации. Как писал М.П. Вяткин, «казахов разоряли не только ограничения их кочевий, но и не прекращавшиеся разорения их аулов царскими отрядами. Набеги отрядов на казахские аулы проводились по всякому поводу, очень часто они совершались и по вымышленным поводам»[138].

Изъятие у казахов их угодий для строительства военных укреплений, земельно-водные ограничения и грабежи карательных отрядов и

послужили причиной того, что казахи Младшего и частью Среднего жузов были втянуты в крестьянскую войну Е. Пугачева (1773-1775 гг.). Эти же причины, усугубленные чинимым беспределом со стороны «своих» феодалов, хана Нуралы, его родственников и приближенных, вызвали народно-освободительное движение во главе с Сырымом Датовым в Младшем жузе (1783-1797 гг.).

Таким образом, после признания правителями Младшего (1731г.) и Среднего (1740 г.) жузов российского протектората царское правительство приступило к осуществлению в крае широкомасштабных военно-колонизационных мероприятий с целью закрепления вновь приобретенных территорий. При этом российская стратегия исходила из необходимости сохранения превосходства России в военном и экономическом отношениях над странами Центральной Азии. Впоследствии, в XIX в. эти военно-фортификационные сооружения и войска, царизмом были использованы в подавлении национально-освободительных войн казахского народа, а также в завоевании южных районов Казахстана и всей Средней Азии.

3.4 Абылай и развитие казахско-российских отношений

На протяжении всей политической деятельности султан Абылай особое значение придавал казахско-российским отношениям. Об этом, в частности, свидетельствует анализ многочисленных источников. Отношения царского правительства с казахскими владетелями в XVIII в. осуществлялись по линии ведомства Коллегии иностранных дел как с правителями зарубежных стран. Непосредственные контакты сторон осуществлялись через регулярно отправляемых посланцев. Отмечая своеобразие казахско-российских отношений, академик В.В. Бартольд писал: «Несмотря на номинальное подданство киргизов (казахов - К. А.), Оренбургская линия вместе с Иртышской долгое время оставалась фактической границей России». По его же словам, до середины XIX в. «Оренбург оставался центром управления киргизскими степями»[139].

Город Оренбург был заложен И. Кирилловым на реке Ори в том месте, где теперь находится Орск. Место оказалось неудачно выбранным; в 1739 г. город был перенесен на новое место, где теперь Красногорская станица, в 1742 г.- на третье место, где он находится в настоящее время. Оренбургская администрация, первоначально называвшаяся экспедицией, в 1739 г. была преобразована в Комиссию; а в 1744 г. была образована Оренбургская губерния, в состав которой вошла и Уфимская[140]. С момента основания до 20-х годов XIX в. Оренбург оставался не только центром управления казахскими степями, но и продолжал играть ведущую роль в осуществлении всей стратегии России в восточном направлении. Об этом,

в частности, говорили назначения: в разное время оренбургскую администрацию возглавляли: И. Кириллов (1734-1738) - обер-секретарь Сената, В. Н. Татищев (1737-1738) - известный историк, видный государственный деятель, В. Урусов (1738-1742) - генерал-лейтенант, князь и, наконец, И. И. Неплюев (1742-1758)- видный государственный деятель, дипломат, тайный советник и кавалер и т.д. Именно Неплюев внёс наибольший вклад в разработку казахстанского направления формирующейся российской геополитики.

В практике взаимоотношений казахских ханов и владетельных султанов с Оренбургской администрацией сложилась определенная традиция. Так, хан Младшего жуза Абулхаир после принятия российского подданства раз в 2-3 года приезжал в Оренбург, где вёл переговоры с начальником администрации, навещал сына, содержавшегося там в качестве заложника, получал жалованье и вознаграждения и отбывал в свою ставку. Такой порядок сохранился и при его преемнике, хане Нуралы. Правда, был период с 1742 г. по 1748 г., когда хан Абулхаир не приезжал в Оренбург в знак протеста против политики И. Неплюева, который не только не поддерживал его, но откровенно продолжал сотрудничать с его политическими противниками - султанами Бараком и Батыром. И лишь в августе 1748 г., незадолго до смерти, Абулхаир приезжал в Орск на встречу с А. Тевкелевым и И.И. Неплюевым, где состоялись их переговоры по поводу преодоления острых противоречий в их отношениях и замены аманатов (заложников). Однако переговоры не привели к примирению сторон, так как хан Абулхаир выдвигал в качестве условия компромисса совершенно неприемлемые для И. Неплюева условия: чтобы тот помог ему, хану, устранить своих политических противников и стать во главе всего Казахского ханства. И. Неплюв давно был убежден в том, что интересам России объединение казахов и подчинение их «особливо главному хану быть не только не полезно, но и вредительно быть может»[141], поэтому хитроумный оренбургский губернатор постоянно плел интриги, чтобы рассорить казахских владетелей.

Как было уже отмечено, вскоре по возвращении хана Абулхаира из Орска он был убит в стычке с султаном Бараком, и конфликт между Абулхаиром и Неплюевым разрешился сам собой. Сразу же с получением известия о гибели Абулхаира в его аулы к ханше Бопай и ее детям было направлено посольство Я. Гуляева. В своем послании И. Неплюев наряду с соболезнованием по поводу гибели Абулхаира хана выразил уверенность в том, что его дети продолжат дело отца по упрочению русско-казахских связей. И. Неплюев считал, что, наиболее подходящей кандидатурой на избрание ханом Младшего жуза является старший сын Абулхаира султан Нуралы, так как он всегда проявлял готовность к

исполнению воли оренбургской администрации и «показывал себя скромным и нисколько не запрослив...[142]

Избрание Нуралы ханом Младшего жуза состоялось 2 октября 1748 г. в присутствии русских послов и представителей шести родов, а не публично, как это делалось обычно у казахов[143]. Следовательно, в выборах хана участвовали представители менее половины родов жуза. На церемонии выбора хана присутствовал близкий родственник (зять) Абулхаира - Жанибек, батыр из рода Шакшак Среднего жуза. Старшины родов Младшего жуза, кочевавших в районе Сырдарьи и Приаралья, избрали своим ханом султана Батыра, отца Хивинского хана Каипа. Тем не менее Нуралы в письме от 5 октября 1748 г. на имя императрицы Елизаветы Петровны просил утвердить его старшим ханом Младшего и Среднего жузов.

26 февраля 1749 г. последовала «Жалованная грамота» императрицы Елизаветы султану Нуралы об утверждении его ханом[144]. 30 июня хан Нуралы отправился по приглашению И. Неплюева в Оренбург, где 10 июля 1749 г. впервые был совершен на совместном собрании местной администрации и казахской знати торжественный обряд возведения в ханы[145]. Политический прецедент с процедурой так называемой «конфирмации» вновь избранного хана с этого времени приобрел статус обязательного законодательного акта. Политический смысл этой процедуры оренбургский губернатор И. Неплюев выразил в следующем: «Дабы киргис-кайсацкие ханы ханство получали не по своей или по одной народной воли, но с высочайшего е. и. в. соизволения и подтверждения, зане будет то знаком прямого подданства»[146]. Став ханом Младшего жуза, Нуралы выражал «всегдашнюю готовность» услужить российским властям, чтобы заслужить их расположение. Это проявилось не только в случае разграбления башкирских беженцев, но и в 1756 г., когда перед лицом вторжения цинских войск султан Абылай обратились с воззванием ко всем казахским владетелям объединить усилия всех трех жузов, тогда хан Нуралы уклонился от участия в отражении цинской угрозы. Но когда с таким предложением к нему обратился И. Неплюев и А. Тевкелев, он выразил готовность выставить «30 тысяч самых доброконных» всадников[147].

Иначе, чем с ханами Младшего жуза, строились отношения Оренбургской администрации с султаном Абылаем, который лишь однажды, в августе 1740 г., вместе с ханом Абульмамбетом приезжал в Оренбург (точнее, в первоначальное место его пребывания - ныне Орск) для подписания акта принятия российского протектората. Позднее к нему не раз обращались с призывом приехать в Оренбург губернатор И. Неплюев[148] и его преемники, но он «того ни разу не учинил», справедливо усмотрев в этом ограничение его суверенитета. Но султан Абылай

поддерживал постоянные посольские связи с Оренбургской и Сибирской администрациями. К примеру, и. о. губернатора генерал-майор А. Тевкелев и советник П.И. Рычков в 1758 г. доносили в Коллегию иностранных дел о том, что «он, Абылай-салтан, присылая нередко к ним в Оренбург нарочных, через того частую с ними корреспонденцию содержать старается»[149]. На переговорах посольств решались вопросы открытия торговых факторий, снятия ограничений на перегон скота через рек, прекращение нападений вооруженных отрядов казаков, башкир, волжских калмыков на казахские земли, возвращения пленных или угнанного скота. Для решения наиболее важных политических и экономических вопросов султан Абылай снаряжал посольства в Петербург, всего было три таких миссии.

Сразу же по возвращении из джунгарского плена в сентябре 1743 г. Абылай султан предпринимает меры по возобновлению регулярных отношений с российскими властями через сибирское ведомство. Но на этом пути появились определенные трудности.

В связи с образованием новых укреплений участились случаи, когда под видом поисков провинившихся на границе вооруженные отряды казаков вторгались в казахские аулы и угоняли скот, уводили людей в плен. В ответ вооруженные казахские отряды совершали нападение на русские поселения, они также захватывали людей в плен, угоняли скот. В том и в другом случае, как правило, страдало мирное население. Разрастаясь, такие пограничные столкновения угрожали вылиться в крупные военные конфликты, поэтому одной из забот султана Абылая было улаживание инцидентов на границе, предотвращение военных столкновений.

Вернувшийся в 1744 г. из кочевий султана Абылая казак И. Ецыгаев сообщал, что султан разослал нарочных по всем улусам своих владений: они должны были передать народу его требование прекратить набеги на русские границы[150]. Поводом для этого приказа послужило нападение отряда старшины Худай Берды на русские селения в районе Ишима, когда было взято в плен 20 человек и угнано 80 лошадей, а также намерение старшины отомстить за «обиды» военной команде Омской крепости[151]. С целью предупреждения дальнейшего разрастания конфликта султан Абылай направляет в Тобольск посольство во главе с двоюродным «братом Юлбарс-салтаном». Прежде всего послы передали «в Тобольск главному командиру «письма с уведомлением о том, что «желает - де он, Абылай, со своими людьми е. и. в. способствовать и никакого к российскому народу обид и изъяну не чинить, а быть своим шатостями и имеютца, и со оными-де он, Абылай салтан, со своею командою к защищению верноподданных народов в помочь быть готов»[152]. Вместе с тем султан Абылай просил, «чтоб ему позволено было в Оренбурге

торговать, проезжая из своей орды особливым своим трактом». В другом письме Абылай султан просил освободить двух казахов, ездивших «за охотою за маралами Шабда, другой, - за птицами, Ялак и ваши-де люди увезли тех...» Кроме того, послы передали властям трех коней, отправленных султаном Абылаем в качестве презента[153].

Поскольку русским правительством решение всех вопросов казахско-российских отношений было возложено на оренбургского губернатора, послы Абылай султана были препровождены в г. Оренбург. Казахские послы нашли в Оренбурге довольно теплый прием. В ответном письме оренбургский губернатор настоятельно приглашал Абылая к себе и отмечал, что если султан изволит у него «побывать, то сие и наипаче будет мне приятно, ибо при персональном свидании все дела сходнее и возможнее установлять»[154]. «Что касается Ваших требований, - писал Неплюев, - о возвращении при разных случаях захваченного от людей ваших в сибирской стороне, то я от сибирского губернатора имею известие, что найденные люди, несколько сот лошадей, присланным от Вас, действительно отданы»[155]. Вместе с тем Неплюев на претензии Абылая дал понять, что русское правительство намерено держать крепкую оборону крепостей, и для наведения порядка командующим сибирским корпусом назначен генерал-майор Киндерман.

Во главу угла своей политики в казахских жузах Неплюев ставил задачу превращения их правителей в послушных вассалов России. Для осуществления этой стратегии наряду с военными мерами он считал важным средством упрочение торгово-экономических связей. Поэтому губернатор писал в письме султану Абылаю и просил уведомить подвластных ему казахов, что он их приглашает в «Орскую крепость для торгу приехать»[156]. Этого же мнения придерживались и его преемники. По словам оренбургского губернатора Д. Волкова, «через хлеб скорая с той стороны сыщется польза, нежели через все другие способы»[157]. В развитии торгово-экономических отношений были заинтересованы и казахи. Выражая их устремления, султан Абылай постоянно заботился о новых пунктах торговли на границе.

Дальнейшее развитие казахско-русских отношений в 40-70-е годы XVIII в. протекало в сложных условиях. Динамика и направленность этого процесса определялись не только интересами двух стран, но и изменившейся ситуацией всей системы международных отношений в Центрально-Азиатском регионе. В 40-е - первой половине 50-х годов на политику царского правительства в Казахстане большое влияние оказывал джунгарский фактор.

Позиция России в отношении казахско-ойратских взаимоотношений подробно освещена нами в предыдущей главе. Здесь же рассмотрим политику султана Абылая в Джунгарии в связи с её разгромом войсками

Цинской империи, а также осветим влияние этих процессов на состояние казахско-российских отношений.

Как было уже отмечено, подданство казахов Среднего жуза России в 40-70-е годы XVIII в. было номинальным, царская администрация не имела реальных рычагов воздействия на политику фактического правителя султана Абылая. Султан Абылай на переговорах неизменно заявлял о своей верности российскому подданству, но в то же время он не считал себя обязанным слепо следовать указаниям царской администрации. Если предписания или даже требования правительственных органов или местных властей не соответствовали его целям, он, под различными предлогами, не исполнял их. Так, он не выдал властям предводителя башкирского восстания Карасакала, не допустил разграбления башкирских беженцев, отказался передавать бежавших к нему ойратских владельцев Давация и Амурсаны в Оренбург. Он хотел и фактически использовал последних в интересах своей страны, посадив одного из них на ойратский трон.

Наиболее существенные коррективы в казахско-российские отношения внесло завоевание Цинской империей Джунгарского государства, что привело к коренным изменениям всей международной и военно-политической обстановки в Центральной Азии. Особую озабоченность в правительственных кругах России вызвало вступление цинских войск в пределы Среднего жуза, оно побудило Петербург активизировать свою политику в Казахстане.

Как было уже отмечено, царское правительство в 50-е годы на севере и северо-востоке осуществляло широкомасштабную колониально-экспансионистскую политику, заключавшуюся прежде всего в возведении военно-фортификационных или т.н. укрепленных линий на захваченных казахских землях и заселение их казачеством и войсками регулярных частей. Но к концу 50-х годов в связи с коренным изменением геополитической обстановки в регионе царская администрация и сибирские пограничные власти прибегают к мирным, дипломатическим акциям с целью укрепления своих позиций в Среднем жузе.

В июне 1756 г. в Оренбурге стало известно, что предводитель восстания ойратов Амурсана, потерпев поражение, вновь бежал в Средний жуз под покровительство султана Абылая. В связи с этим губернатор И. Неплюев и А. Тевкелев спешно направляют в Средний жуз башкирского старшину А. Каскинова. Ему было дано задание, под благовидным предлогом прибыв во владения Абылай султана, передать Амурсане письмо и убедить его приехать в Оренбург[158]. Однако султан Абылай, разгадав цель приезда Каскинова, принял меры, исключающие возможность встречи с Амурсаной. Годы общения с представителями русских властей приучили султана быть с ними начеку, ибо они говорили

одно, а думали о другом, так было, к примеру, в 1752 г. Тогда к султану Абылаю прибыл капитан Яковлев и уговаривал его отложить поход против джунгар, и отпустить находившихся у него нойонов Даваци и Амурсаны в Оренбург, взамен обещая помощь и покровительство пограничных русских властей. Однако «салтан Абылай ученить сего отказался».

Опасность усиления влияний Цинской империи в казахских жузах возросла и стала реальностью после подписания в 1757 г. султаном Абылаем договора о мирном сотрудничестве и торговом обмене. Казахский правитель вынужден был пойти на мирные переговоры с цинами ввиду отсутствия помощи со стороны России и чтобы отвести опасность дальнейшего разрастания войны с заведомо сильным противником. Кроме того, султан рассчитывал открыть путь к китайским рынкам для казахов и, самое главное, вернуть казахские кочевья в Семиречье и Тарбагатае, раннее захваченные и удерживаемые ойратами. Обо всем этом султан Абылай доносил в Оренбург в своем письме от 3 декабря 1757 г.[159]

Обосновывая необходимость усиления русского влияния в Казахстане, генерал-майор А. Тевкелев и коллежский советник П. Рычков в 1758 г. в донесении в Коллегию иностранных дел писали, что «по разорении зюнгорского народа, ежель китайцы в здешних местах зделаются соседьми и будут над тамошними народами усиливаться, то и большая надобность в них (казахах - К.А.) будет потому, что в случае войны с китайцами к поискам над ними и над мунгалами,[160] состоящими в их китайском подданстве, и воспрепятствованию им в тех местах утверждаться, они, киргизцы, со здешней стороны с немалою пользою употреблены быть могут»[161]. Далее в документе также отмечалось, что «оной киргиз-кайсацкой народ между степными народами издревле за военной народ почитался, он же никогда и никому никаких податей не плачивал»[162]. «Кроме того, - писали они, - во всем Оренбургском крае и Сибири «знатную часть народа, кроме них киргизцов, нет. ...При необходимости эти орды легко и скоро могли набирать от пятидесяти до шестидесяти тысяч и более самых исправных и доброконных людей по большей части с огненным оружием...»[163].

Обеспокоенные известием о мирных переговорах султана Абылая с представителями Цинской империи, губернатор И. Неплюев и А. Тевкелев посылают к нему переводчика Леонтиева с письмом, в котором просили султана письменно уведомить об условиях мира с цинами. В ответном послании султан Абылай писал: «В сим декабре месяце ис посланников китайских наперед четыре человека ко мне приехали и объявляют, что его величество (т.е. китайский император) изволит, дабы я был ему яко сын и,

утвердя мир, пребывал с ордою моею в покое и тишине, яко от единаго отца произошедшия дети»[164].

Анализ источников показывает, что в 1757-1758 гг. в правительственных кругах Петербурга на основе донесений местных органов власти утвердилось мнение о том, что султан Абылай намерен принять китайское подданство. К тому времени авторитет султана Абылая был непререкаем во всех жузах, а власть его распространялась на весь Средний и Старший жузы и на часть Младшего жуза. Об этом писали, в частности, Тевкелев и Рычков в донесении в Коллегию иностранных дел от 19 мая 1758 г.[165]

Рост авторитета и влияния Абылая в казахских жузах вынуждал царское правительство больше уделять внимания его персоне и принять меры по предотвращению его дальнейшего сближения с цинами. С этой целью губернатор И. Неплюев и его заместитель А. Тевкелев предупреждали, что «богдыхан (китайский император) Дебачу и Амурсана сначала и себе лестию ж принимали, а что потом с ними и с зюнгарским народом последовало то известно»[166].

Отвечая на послание И. Неплюева и А. Тевкелева, султан Абылай в январе 1758 г. письменно их уведомлял об обстоятельствах вступления его в переговоры с командованием цинских войск. Он писал: «...я с оными мир в первых числах июня месяца (1757 г. - К. А.) при урочище, называемом Айгуз и Айтансык, учинил, где их китайцов, было человек тысящ с шездесят, которые располагались в трёх местах..., причем с обеих сторон положили, чтоб при местечке, нарицаемом Иран-Каберга, нас с ними и торг производить такой же, каков и в Оренбурге бывает»[167]. В разделе о казахско-китайских отношениях нами был обоснован вывод о том, что султан Абылай никогда богдыхану не присягал и фактически не признавал своего подданства цинскому двору. Но тем не менее император Цяньлун, как было уже отмечено, следуя традициям имперской дипломатии, Абылай султана считал своим подданным. На этом основании представители оренбургской администрации, побывавшие в Средней орде, доносили, что «Аблай-салтан объявил себя их (китайцев – К.А.) подданым и хотел было с ордою своею перейти на те места, на которых прежде зенгорской народ пребывание имел»[168]. Другой оренбургский эмиссар Я. Гуляев, побывавший в Младшем жузе, доносил, что цинские командиры потребовали от султана Абылая откочевать со своими улусами от р. Ишим, т.е. передвинуться в сторону от главных направлений, ведущих к русским укрепленным линиям[169].

Говоря о казахско-цинских переговорах в конце 50-х годов, надо иметь в виду следующее. Во-первых, цинская дипломатия делала все возможное, чтобы склонить султана Абылая на свою сторону, оторвав от России. С этой целью цины распространяли всевозможные слухи и «даже

письменно заявили сенату, что Средняя орда вступила в китайское подданство»[170]. Во-вторых, оренбургская администрация в своих донесениях в Петербург несколько преувеличивала степень сближения Абылая с цинским двором, что происходило в значительной мере из-за происков недоброжелателей султана или его завистников. К числу последних относился хан Младшего жуза Нуралы. Будучи в сентябре 1758 г. в Оренбурге, он, к примеру, уверял А. Тевкелева и П. Рычкова, что будто бы Абылай «весьма наклонен и едва не предается в китайскую сторону, лстясь на многие учиненые ему оттуда богатым обещании...»[171].

Сыновья Абулхаира - Нуралы, Айчувак (Айшуак) и некоторые старшины в переписках с оренбургской администрацией и в беседе с ее представителями старались представить султана Абылая в невыгодном для него свете и на этой основе хотели повысить свою значимость и подчеркнуть свою преданность русской императрице. К примеру, Айчувак, выдавая желаемое за действительное, уверял посланного к нему в мае 1758 г. Сеита Касымова в том, что якобы «намерены они Аблай-солтан и все тамошней народ его, Ералея, над всею Среднею ордою главным владетелем учинить»[172]. Несостоятельность данного утверждения султана Айчувака настолько очевидна, что, думаем, комментариев не требуется.

По-видимому, не очень-то полагаясь на сведения, полученные от Нуралы и Айчувака, оренбургская администрация направляет в Средний жуз для разведывания содержания переговоров султана Абылая с цинами только летом 1758 г. два посольства. Так, в августе 1758 г. побывал в «киргиз-кайсацких улусах под видом купечества тарской юртовской бухарянин (т.е. узбек К. А.) Мурзалей Шихов против данной ему секретной записки...». В своей «сказке о поездке» Шихов доносил, что из « разговоров с киргизскими старшинами заподлинно Аблай-салтан подвергнул себя в подданство к китайскому хану в прошедшей весне...»[173].

Сведения Шихова подтверждал и толмач Матвей Арапов[174], также побывавший по заданию оренбургской администрации в улусах султана Абылая. Он был отправлен «к помянутому салтану с обстоятельным наставлением, каким образом онаго салтана и той орды старшин удерживать их от преданности их в китайскую сторону»[175].

На основе переговоров с султаном Абылаем, бесед и расспросов старшин Арапов пришел к выводу, «что Аблай-салтан и тамошние лучшие старшины в верности к Е.И.В. благонадежны и весьма в том утверждались, доказывая, что им от российской стороны отстать и их китайской пристать никакого резону не находиться»[176].

Впрочем, М. Арапов имел еще одно важное задание. Он должен был склонить Абылая к приезду в Оренбург[177]. Однако султан под

благовидным предлогом отказался от поездки в Оренбург, но, как отмечено в документе, «со оным Араповым прислал он, Аблай-салтан, для отправления ко двору Ея Императорского Величества брата своего двоюродного, Юлбарс-салтана, и при нем пять человек знатных киргизцов»[178].

В архиве сохранился подробный отчет о поездке в Петербург первого посольства султана Абылая, возглавляемого султаном Юлбарсом (Жолбарыс). В документе отмечается, что сего декабря 3 дня (1758 г.) в Москву прибыло посольство из Оренбурга от «киргиз-кайсацкого главного владельца Аблай салтана: с двоюродным братом Юлбарс салтаном со товарищи всего 4 человека и находящегося при них нижегородского пехотного полку прапорщик Михаил Куроедов»[179]. В столицу империи - Петербург, посольство прибыло лишь в начале января 1759 г.

В документе отмечено, что Абылай султан направил посольство в Петербург с тем, чтобы «засвидетельствовать здесь его к Ея Императорского Величества верности»[180]. Тем самым Абылай хотел снять подозрения со стороны российского правительства относительно установившихся его связей с Цинским двором, пытался заверить, что он остается верным российской стороне.

Эти заверения на словах передали и послы. Об этом в документе сказано так: «а те присланные по приказу его Аблая-салтана уверяли и о готовности его в потребном случае к службе ея императорского величества»[181].

В Петербурге посольство султана Абылая было встречено весьма приветливо, султан «Юлбарс должен был представлен в Петергофе императрице, но он заболел»[182], и церемония была отменена. В своем донесении А. Тевкелев и П. Рычков рекомендовали задержать «Елбарис солтана чрез некоторое время здесь и продержать...в место аманата». Однако правительство сочло это излишним. По Указу императрицы по итогам переговоров все вопросы, поставленные султаном Абылаем в послании, должны были положительно разрешены[183]. Однако на деле содержащееся в указе императрицы предписание о сыске отогнанных у казахов лошадей, так и осталось лишь на бумаге. На основе императорского повеления Коллегия иностранных дел в январе 1758 г. принимает «следующее постановление: 1) султану Аблаю производить жалованье, начиная с 1759 г., по 300 руб. в год, из которых 100 руб. передавать ему тайно, и сверх того ныне же выдать ему и старшинам подарков товарами рублей на 500; 2) находя признание султана Аблая ханом Средней орды желательным..., объявить секретно Аблаю, что если он будет давать от себя аманатов (заложников - К.А.), то может просить об утверждении в ханском достоинстве, и 3) по ходатайству хана Аблая, о

возврате ему пленных, желающих принять святое крещение, объявить, что дело это находиться в рассмотрении»[184].

Чтобы удержать султана Абылая в верности российской и не допустить его «склонения на китайскую сторону», Петербург предпринимал и другие меры. В частности, по именному указу императрицы в 1758 г. султан был жалован саблею стоимостью в 120 рублей. На ней была выгравирована надпись: «Божиею милостью Елизавета первая императрица и самодержица Всероссийская пожаловала сею саблею подданного своего киргиз-кайсацкого Аблай-салтана за его верную службу».[185] Кроме того, в 1759 г. Коллегия иностранных дел предписывала в случае приезда султана Абылая в Оренбург «принять его ласково и таким образом с ним обходиться, чтоб с Вами с удовольствием разстался»[186].

Оренбургская администрация, внимательно следившая за развитием событий в Среднем жузе, была очень обеспокоена ростом влияния султана Абылая и укреплением его связи с Цинской империей. Особую озабоченность у нее вызывала возможность того, «чтоб тамошний народ... без указу собою не зделал его ханом, в чем отсюда и воспрепятствовать будет трудно, ибо по делам значится, что уже и ныне в разных местах имянуют ево, Аблая, ханом»[187].

Чтобы предупредить возможность такого развития событий, и, главное, отвратить султана Абылая от цинов, оренбургская администрация во исполнение указаний правительства разрабатывает план возведения его в ханы. Российские чиновники полагали, что став ханом благодаря им, султан будет более преданным России. Для осуществления этого плана тщательно отбирались кандидатуры, выбор пал на поручика Пензенского полка князя И. Уракова и переводчика Я. Гуляева, имевших опыт общения с казахами. В июле 1760 г. по указанию Коллегии иностранных дел оренбургский губернатор А. Давыдов через посланных в улус Абылая князя И. Уракова и переводчика Ю. Гуляева дал понять султану, что царское правительство намерено возвести его в ханы Среднего жуза. Они должны были действовать в строгом соответствии с инструкцией, разработанной губернской канцелярией под непосредственным руководством нового оренбургского губернатора А. Давыдова при активном участии А. Тевкелева. В ней, в частности, отмечалось: «похоже по нынешним с китайцами обстоятельствам и в разсуждении состояния киргис-кайсацкой Средней орде Аблай-салтана, что он в той орде за главного владельца почитается, а притом гораздо смышлен и проворен, приемлется здесь в разсуждение, дабы его Аблая, и настоящим ханом зделать»[188]. Уракову и Гуляеву рекомендовалось у «упомянутого салтана стараться прежде приттить в любовь и доверенность»[189] и лишь затем как бы, между прочим, и от своего имени

вести переговоры. Однако султан Абылай, как мы уже отмечали, категорически отказался от этого заманчивого, в сущности, предложения[70], заявив, «что сие дело немалое и ему без совета дяди его Абулмамет-хана, которого он и за отца себе почитает, предпринять того неможно»[190]. По возвращении из поездки в Средний жуз Ураков и Гуляев подробно изложили отчет о переговорах с Абылаем, в частности, они отмечали, что он к возведению его в ханское достойнство царскими властями « склонности не имеет и от приезда в Оренбург под разными протекстами отговорился, «а их самих посланцев русских властей «содержал не в своем улусе так, как прежде делал, но в некотором от себя отдалении, у одного старшины»[191]. По-видимому, за холодный прием посланцы хотели расквитаться с Аблаем той же монетой и в отчете указали, что в Средней орде управляет «токмо одним Атагайским родом»[192].

Комментируя этот факт, известный историк Н.Г. Аполлова писала: «Однако Аблай не проявлял никакой склонности стать ханом, что, видимо, было обусловлено нежеланием поставить себя в зависимость от русского правительства»[71]. Другие исследователи, приводя данный факт, не комментируют его вовсе[72].

Тем не менее, получив обстоятельное донесение оренбургского губернатора о результатах поездки И. Уракова и Я. Гуляева в улусы Абылая, Коллегия иностранных дел в своем Указе поручает губернатору А. Давыдову поддерживать с султаном нормальные отношения, выплачивать ему положенные жалования. «Ибо, - подчеркнуто в Указе, - по-здешнему разсуждению кажется, лутче потерять несколько иждивения, нежели его, Аблай-салтана, и тамошних старшин»[193]. Губернатору также вменялось сделать все возможное, «чтоб, сколько возможно, удерживать тамошней народ при здешней стороне»[194].

Будучи дальновидным политиком, султан Абылай не принял предложенное оренбургской администрацией ханское достоинство, ибо тем самым он лишился бы поддержки влиятельных старшин, противопоставил бы себя другим султанам, внес бы своим действием раскол в обществе, а это противоречило его стратегическим задачам укрепления центральной власти, объединения народа. Осознавая жизненную необходимость объединения всех трех жузов в одно государство, он считал, что страной должен править один хан. Кроме того, Абылай, не приняв оренбургских эмиссаров с радушием, «как прежде делал», дал понять, что в них он усмотрел «подсмотрщиков своих», а также выразил свое недовольство тем, что власти ничего не предприняли по возвращению отогнанных у казахов тысяч голов лошадей.

Чтобы иметь полные данные о Среднем жузе и держать султана Абылая в поле зрения с тем, чтобы он не склонился в китайскую сторону,

оренбургская администрация направляла в его улусы посольства. Для этого подбирались опытные и способные люди из числа татар и башкир, которые, зная казахский язык, под разными предлогами могли бывать у Абылая. Для получения необходимой информации использовались влиятельные старшины, которым тайно выплачивались денежные вознаграждения и подарки. Такими соглядатаями в Среднем жузе были, например, Кулсары и Кулеке[198]. Правда, последние иногда, желая выслужиться, подавали недобросовестную информацию. К примеру, Кулсара батыр весной 1760 г. сообщал оренбургской администрации, что «Султан Аблай имел намерение перекочевать на зюнгарские земли, «но от этого «киргизов ведения Аблая-салтана удерживал» якобы он, батыр Кульсара[199].

В архивах сохранилась подробная запись о пребывании в улусе Абылая посланников оренбургской администрации переводчика М. Арапова (дважды в 1758 и 1759 г.г.), Ф. Гордеева (дважды в 1760 г.); башкира Ш. Абзанова (1761 г.). Посланцы доставляли султану Абылаю царские и правительственные грамоты, пожалованную императрицей именную саблю и другие подарки, передавали приглашение, даже требование, чтобы Абылай для переговоров прибыл в Оренбург. Султан неизменно заявлял им о своей лояльности российской стороне, но от прибытия в Оренбург отказывался.

30 декабря 1761 г. в связи с восшествием на российский престол Петра III Указом Коллегии иностранных дел оренбургской администрации предписывалось побудить хана Младшего жуза Нуралы и правителя Среднего жуза султана Абылая направить своих представителей в Петербург для участия в церемонии коронации. Казахские владетели в марте 1762 г. приняли присягу на верность Петру III[200]. Однако вскоре в результате дворцового переворота он был свергнут, а трон заняла супруга убитого царя императрица Екатерина II (1761-1796 гг.). По этому случаю для приведения к присяге в Средний жуз к султану Абылаю были направлены представители оренбургской администрации во главе с переводчиком Филатом Гордеевым. Церемония принятия присяги на верность новому монарху Абылаем и старшинами состоялась в ставке султана 17 октября 1762 г.[201]

Между тем султан Абылай не прекращал свои отношения с Цинской империей. Важное место на переговорах султана как с цинскими властями, так и с оренбургской и сибирской администрациями занимал земельный вопрос. В решении этих и других вопросов султан Абылай умело использовал то обстоятельство, что обе империи - Россия и Китай - в условиях обострения их взаимоотношений друг с другом были крайне заинтересованы в союзе с ним, Абылаем, фактическим правителем Среднего и Старшего жузов. Тактика Абылая заключалась в том, чтобы

запугивать партнёров по переговорам сближением с противной стороной и таким путём решать насущные проблемы своего народа. К этой тактике султан Абылай прибегал в начале 60-х годов, когда он вёл переговоры с руководством сибирской администрации по вопросу разрешения казахам перегонять свой скот в зимнее время на правобережье Иртыша в т. н. «жилую сторону», а с цинскими властями – по вопросу заселения казахами районов Тарбагатая и Семиречья, ранее отнятых у них джунгарами в ходе военных вторжений в конце XVII - начале XVIII веков. Умело используя противоречия своих могущественных соседей, султан Абылай успешно решал насущные проблемы своего народа.

Чтобы иметь полную и оперативную информацию о Среднем и Младшем жузах оренбургская администрация подослала к султану Абылаю в качестве писаря исетского татарина Мунасипа Маметева, а другого писаря Сеита Касимова отправила к султану Айчуваку. По Указу Коллегии иностранных дел, Маметеву было назначено жалование 12 рублей годовых за то, «что он обещался сообщать и сообщал о поступках киргизских начальников»[202]. Такое же жалование было назначено писарям при хане Нуралы и султане Айчуваке.[203] Жалованье всем осведомителям выдавалось тайно. Теперь, имея в казахских жузах своих агентов, русское правительство рассчитывало получать более достоверную информацию о делах казахских правителей. В общем-то, эта надежда оправдывалась, но об этом - несколько позже.

Сомнения царского правительства относительно того, что султан Абылай имеет «более склонности и китайской стороне», что он «в Средней киргис-кайсацкой орде владельцем находится в одном только Атагайском роду, а прочими родами управляют другие солтаны и старшины», «что он без совета с ханом Абульмамбетом ничего сам решить не может»[204] - все эти сведения были основаны на показаниях, посланных в улусы Абылая представителей оренбургской и сибирской администраций. Такие сведения скорее отражали политику российских властей, нежели действительное положение дел в Среднем жузе. К примеру, исполнявший обязанности сибирского губернатора генерал-майор фон Фрауендорф в своём рапорте в Коллегию иностранных дел в марте 1763 г. доносил, что «хотя оной Аблай-салтан от здешной стороны и почитаетца в той орде за главного, но их киргизкия старшины у оного Аблай-салтана почти никогда в послушании не бывают»[205].

Далее генерал сообщал, что он казахского старшину Розмамета, придав ему в помощь тобольского татарина Айдара Сафарова, направил к влиятельному в Среднем жузе бию Казбеку, чтобы установить с ним непосредственные контакты для предотвращения дальнейшего сближения казахов с цинами. Когда в декабре 1762 г. эмиссары генерала вернулись в Омск вместе с ними приехал сын Казбек бия Сырымбет бий с десятью

другими старшинами и 15 декабря приняли присягу на верность императрице Екатерине II. Этими мерами сибирская администрация хотела ослабить влияние Абылая в родовых подразделениях Среднего жуза и укрепить свои позиции.

Со стороны сибирской администрации, чтобы ослабить позиции султана Абылая, предпринимались и другие меры. В частности, начальники сибирской линии проводили в Среднем жузе политику ориентации на так называемых «меньших старшин». В этом отношении примечателен следующий сюжет. «В 1763 г., - пишет историк Н.Г. Аполлова, - старшина Ертепек батыр, зимовавший в районе Сыр-Дарьи перебил всех послов богдыхана в количестве 30 человек»[206]. Комментируя этот факт, автор замечает: «Не случайно эти сведения шли из уст батыра Кулсары. Пытаясь отмежеваться от политики Аблая, Кулсары старался показать, что он не одинок в порицании Аблая, и что многие старшины относятся к ниму еще более нетерпимо»[207]. Прежде всего, непонятно, почему такое представительное китайское посольство, шедшее к султану Аблаю, оказалось на Сырдарье. Обычно сообщения с Цинской империей Абылай осуществлял через город Кульджу. Во-вторых, о таком крупном инциденте нет сведений в китайских источниках. В-третьих, выше мы приводили факты о такого рода размышлениях, исходивших от Кулсары батыра, всячески угождавшего русским властям. Или вот другой пример, как усилиями властей было инспирировано в 1768 г. обращение старшин киреевской, а в 1770 г. уваковской волостей к сибирской администрации с просьбой допустить их к принятию присяги на верность российской короне[208].

Анализ источников показывает, что в 60-е гг. XVIII в. казахско-российские отношения в целом развивались успешно, обе стороны были заинтересованы в дальнейшем укреплении политических и экономических связей. Вместе с тем стратегические цели сторон во взаимоотношениях друг с другом не всегда совпадали. Российская империя, укрепляя своё влияние в казахских жузах через их правителей, стремилась превратить последних в послушное орудие своей политики, что и удалось фактически осуществить в Младшем жузе. Хан Нуралы, к примеру, был готов исполнить и исполнял любые предписания царского правительства, правда, его юрисдикция распространялась далеко не на весь Младший жуз, в значительной его части подавляющее большинство родовых подразделении поколения Алимулы признавали ханом Батыр султана.

Анализируя деятельность хана Нуралы по отношению защиты интересов подвластного ему населения в отношениях с русскими властями, историк М.П. Вяткин назвал её «безуспешной». Он писал: «В бессилии хана, в его безуспешных сношениях с царскими властями видели упадок престижа ханской власти. Возмущение вырастало против

хана...Нуралы не потому, что он был ханом, а потому, что он был плохим ханом»[209].

Иначе сложились отношения российских властей с султаном Абылаем, популярность которого неизменно росла в ходе успешных военных действий против джунгарской, а позднее и цинской агрессии. Как писали в донесении в Коллегию иностранных дел А. Тевкелев и П. Рычков, «по смерти Бараксалтановой и известного Жанибек-тархана, в той же орде немалую силу имевшаго, весьма там усилился помянутой Аблай-салтан»[210]. После смерти в 1756 г. влиятельного уйсунского бия Толе Алибекова власть султана Абылая распространялась на весь Старший жуз. Стратегической целью султана Абылая было объединение казахских жузов в одно самостоятельное, независимое государство, поддерживающее дружеские и союзнические отношения с Россией. В то же время султан Абылай учитывал и то, что казахские жузы стали объектом геополитических интересов двух крупнейших империй – России и Китая, поэтому он придерживался той тактики, которая известна как «лавирование»[211] между российской и цинской властями или заигрывание с ними[212].

О политике султана Абылая по отношению к России в более категорической форме писали представители оренбургских и сибирских администраций. К примеру, в январе 1768 г. генерал-поручик И. Шпрингер в рапорте в Коллегию иностранных дел писал: «Аблай склонность держит к китайской стороне, а к Российской...только одною политикою себя ласкает»[213]. На основе подобных высказываний многие исследователи, в том числе такие известные историки как Н.Г. Аполлова считали, что «Абылай в 1757 г. принял цинское подданство, но в случае нарушения мира цинским правительством он, как подданный России, намеревался прибегнуть к военной помощи русского правительства»[214]. Трудно судить, насколько оправдано такое предположение, но одно доподлинно известно, что со стороны царского правительства не было ни одного случая военной помощи казахам, даже в критические моменты вторжения цинских войск в пределы Старшего жуза в 1757 и 1758 гг. Так, в 1757 г. цины на переговорах с представителями российского правительства выражали «своё «сомнение» в русском подданстве казахов, мотивируя это тем, что Россия их «не защищала» летом 1756 г.»[215].

Одним из острых вопросов в отношениях султана Абылая с командирами военных линий и местных администраций в 1750-1760-х годах был вопрос о возврате беглых пленных. В эти годы в хозяйствах султанов, батыров и старшин Среднего жуза содержалось некоторое число пленных, преимущественно калмыков. Правда, количество пленных ясырей (жесир) было невелико. Так, например, с 1758 по 1831 г., т. е. за 73 года, казахские феодалы взяли в плен 3497 человек[216]. Много пленных

казахские феодалы захватывали во время походов Абылая в Джунгарию. Так, по сведениям Г.Н. Потанина, в один из своих походов в Джунгарию султан Абылай привёз оттуда 385 пленных[217]. Значительно большее число калмыков было пленено казахами во время их бегства с берегов Волги в опустошённую цинами Джунгарию в 1771 г. В числе пленных у потомков хана Абулхаира были и башкиры. После подавления восстания Батыршы в 1755 г. часть повстанцев, преследуемая карательными отрядами царских властей, бежала в Младший жуз. Тогда по распоряжению оренбургского губернатора И. Неплюева ханом Нуралы и его родственниками женщины и дети башкирских беженцев были поделены между собой, а мужчины выданы властям. Богатые скотоводы предпочитали покупных рабов, приобретённых у «калмыков», «торговых ташкентцев»[218].

В источниках и литературе отмечаются факты вывоза пленных и рабов для продажи в Среднюю Азию и в приграничные города России.[219] Как было указано выше, в 1737 г. Указом императрицы Анны Иоанновны работорговля в Сибири была узаконена[220].

С начала 50-х годов усилился побег пленных из казахской степи: в 1748-1754 гг.1396 человек. Переписка султана Абылая и его батыров с командирами Сибирской линии в указанное время свидетельствует о том, что казахская знать была заинтересована в возврате пленных и угнанного ими скота. В свою очередь, царское правительство неоднократно обращалась к султану Абылая, чтобы он и его батыры возвратили всех русских подданных, оказавшихся у них в плену. Нередко на переговорах стороны договаривались об обмене пленными. По Указу Коллегии иностранных дел, подлежали возврату лишь те пленные, которые не приняли христианство и не являлись подданными России.

В конце 60-х царские власти всё настойчивее стали требовать от Абылая присылки в Троицкую крепость в качестве заложника одного из его сыновей. В связи с этим требованием Абылай заявил, что он согласен отправить в качестве аманата своего сына, но при этом выдвинул следующие условия: 1.чтобы срок пребывания сына в аманатах не превышал трёх лет; 2.чтобы его сын содержался в аманатах не в Троицкой, а в Петропавловской крепости и ему пожалован был чин генерала; 3.чтобы ему, Абылаю и его потомкам, была дана охранная грамота и было прислано войско на случай неприятельского нападения[221]. Русское правительство не приняло этих условий, поэтому султаном не были выполнены требования правительства.

Тем не менее, в конце 60-х годов, несмотря на наличие серьёзных проблем и разногласий, царское правительство пришло к выводу, что султан Абылай, хотя и поддерживает с цинским двором отношения, но остаётся верен присяге о подданстве российской короне. По словам оренбургского генерал-губернатора, султан Абылай оказывал усердие по

отношению к Китаю лишь для получения с их стороны «прибытков», «но со всем тем находя для себя существенную от здешнего (российского - К.А.) подданства пользу», в которой «непоколебимо... пребывает»[222]. Эти же выводы подтверждал указанный выше писарь султана Абылая Мунасип Маметев, который в июне 1768 г. в Оренбурге заявил, что не может быть, «чтобы Абылай своею ордою, конечно, отстав от здешнего подданства, предался в китайскую сторону...»[223].

Таким образом, исследования показали, что присоединение Казахстана к России было длительным историческим процессом и уже на его начальном этапе в 1731-1781 гг. просматриваются элементы и добровольности (присяга султана Абылая в 1740 г.), и военно-казачьей колонизации в 1742-1781 гг. На взгляд автора, также нельзя однозначно оценивать последствия и историческое значение присоединения Казахстана к России.

Что касается роли хана Абылая в развитии казахско-российских отношении, то она была исключительной в национальном смысле. Он стоял у истоков казахско-русского сближения, последовательно выступал за расширение торгово-экономических и политических отношений двух народов. В то же время хан Абылай на протяжении всей политической деятельности добивался и практически отстоял политическую самостоятельность, территориальную целостность и государственность Казахстана. Безусловно, эта сторона деятельности хана Абылая противоречила целям имперской политики самодержавия в Казахстане, но она ни в коей мере не затрагивала интересы России, напротив, она объективно способствовала созданию здоровых и прочных основ дружбы и взаимопонимания между казахским и русским народами.

ГЛАВА 4. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ХАНА АБЫЛАЯ в 1771-1781 гг.

4.1 Экономическая политика хана Абылая

Султан Абылай был первым из правителей Степи, кто глубоко осознал необходимость перехода к земледелию. Он настойчиво побуждал свой народ к землепашеству, сенокошению и строительству стационарных жилищ. Это нашло отражение в народных преданиях[1] и в исторической литературе[2]. Так, посланные оренбургской администрацией к Абылаю башкирский старшина Шукур и другие чиновники сообщали, что «нынешнего лета он, Абылай-солтан, и просу сеел»[3].

Однако земледелие среди кочевников приживалось с большим трудом, не хватало знаний, опыта и особенно техники. Именно поэтому в 1764 г. султан Абылай обращается «к генерал-майору Деколонгу на новой линии в крепости Святого Петра находящемуся» с заявлением о том, что «хочет остаться безотлучно при речке, называемой Колчакле (Кылшакте - К.А.), где и пашню завести намерен, просил для показания и научения их киргизкого народа в производстве хлебопашества прислать к нему будущею весною русских людей десять человек с подлежащими к тому инструментами да к рыбной ловле сетей»[4]. Далее он также извещал генерала о том, что у него есть из казахов «два человека несколько в хлебопашестве знающие, два сошника»[5].

В одном документе, подписанном генерал-майором А. Тевкелевым и статским советником П.И. Рычковым, отмечалось, что некоторые казахи стали «телеги покупать и у себя в орде употреблять, також и траву косить начинают, чего у них прежде отнюдь не бывало, да и пище хлебной нарочито уже привыкли, и на каждую зиму оную запасать стали»[6]. Как было отмечено в предыдущей главе, 1723 г. был памятен для казахов не только нашествием джунгар, но и небывалым «джутом» (массовым падежом скота из-за бескормицы и засухи), поразившим почти всю территорию Казахстана.

Последствием страшной стихии было обращение к земледелию и сенокошению не только в Семиречье и Юге Казахстана, где издавна занимались этим видами хозяйственной деятельности, но и в северо-восточных и западных районах. Видимо, сказывался пример султана Абылая и некоторых других влиятельных владетелей, заводивших у себя в хозяйстве землепашество и сенокошение. Об этом, в частности, свидетельствует И.Г. Андреев: «Поблизости сей крепости Святого Петра вверх по реке Ишиму кочевья свои имеют волость Атыгайская.... В сей волости считаются 8000 человек, лошадьми и скотом весьма достаточны, и начало уже положили еще при покойном Абылай хане пахать землю,

которая время от времени размножается и оную производят как русские пленные люди, тож и завоеванные в 1771 г. калмыки, и сеют хлеб, пшеницу, ячмень и просо»[7].

В занятии земледелием и сенокошением казахи действительно использовали труд рабов. Однако, как отмечает исследователь Г.И. Семенюк, «случаи использования рабов в земледелии у казахов немногочисленны и относятся они в основном к южным районам Казахстана»[8]. Занимались земледелием в хозяйстве султана Абылая его толенгуты и кулы (рабы).

Абылай в зимнее время постоянно жил в стационарных домах, как свидетельствует документ от 24 октября 1764 г., «при горе Куче сибирских линей Петропавловской крепости, по примеру, в двухстах пятидесяти ... верстах»[9], т.е. в урочище Бурабай. В другом документе, составленном 15 лет спустя, также отмечается, что «теперь находится он, Абылай, в прежнем расположении близ горы, называемой Кукчетау»[10]. Он ввел новые виды и размеры налогов с подвластного ему населения, построил почтово-торговый тракт, известный в народе как «Абылайдың даңғыл жолы». Абылай построил несколько кузниц, завел разные промыслы, в том числе рыболовные, в многочисленных и богатых рыбой озерах окрестности Борового. Казахи ловили рыбу специальной сеткой, называемой «ау» или черпалками «сузгуш».

Другую усадьбу Абылаю поставили «близ реки Ишима в горах Енгизтау» (точнее - Жалгызтау) по личному распоряжению вице-канцлера графа Воронцова в 1765 г.[11] Она состояла из нескольких деревянных домов на каменном фундаменте и хозяйственных построек. И здесь Абылай завел землепашество и рыболовство на близлежащем озере Тарангул. По словам А. Левшина, построив Абылаю «дом со всеми нужными принадлежностями и помещениями, обнесли оный валом в виде крепости»[12].

За оказанные «услуги и доброжелательства» российской стороне от имени правительства «было велено производить денежное жалованье под именем подарка в год каждому по сто рублей» Кулеке, Кулсары батырам, старшине Байжигиту и некоторым другим старшинам, кроме того, им были выделены по 25 пудов ржаной муки и выстроены дома «для зимнего житья»[13].

Как справедливо отмечается в одном исследовании, «со второй половины XVIII в. вследствии ряда объективных экономических и политических причин происходит заметный подъем культуры земледелия по всей территории Казахстана. Это обстоятельство находило свое отражение в восстановлении ряда старых и постройке новых крупных ирригационных систем, в расширении площади орошаемых земель, в

переходе значительной части населения к относительно устойчивому занятию земледелием и т.п».[14]

Известно, что в 1779 г. Абылай переехал в г. Туркестан, где развернул борьбу по освобождению южных районов Казахстана от засилья правителей сопредельных государств. С целью выяснения позиций хана Абылая по отношению к «российской стороне» в 1780 г. оренбургской администрацией было направлено к нему посольство во главе с Мендияром Бекчуровым. По возвращении М. Бекчуров доносил, что Абылай хан расположился в шести днях пути от Ташкента «...и на том месте производит хлебопашество»[15]. В источниках имеются и другие сведения о развитии казахского земледелия в XVIII в.[16]

При всем том нет сведений, по крайней мере, мы не располагаем, о том, что земледелие стало самостоятельным и главным занятием населения какого-либо региона или района, оно в XVIII в. оставалось второстепенной отраслью хозяйства казахов. Этот вывод подтверждается наблюдениями участников первых научных исследований в Казахстане. «Скотоводство - писал, к примеру, Фальк, - у киргизов (казахов - К.А.) самый распространенный, почти единственный, в сущности, промысел. У них необыкновенно большие стада прекраснейшего скота»[17].

Одним из главных направлений политики Абылая была всемерная забота о развитии торговли с соседними странами. Как считает известный кочевниковед А.М. Хазанов, «кочевники в силу специализированности и односторонности своего хозяйства были больше заинтересованы в торговле, чем оседлые общества»[18]. К этому надо добавить и то, что для номадов помимо земледельческих продуктов, не меньший интерес в торговле с горожанами представляли ремесленные изделия. До 20-х годов XVIII в. центрами торговли кочевников с оседлым населением были города Туркестана и Средней Азии. Однако в связи с джунгарским нашествием эти города пришли в упадок и по своим возможностям не могли удовлетворять потребности кочевников в продуктах и изделиях. В этих условиях еще большее чем прежде, значение приобрела для казахов меновая торговля в городах российских регионов. «Все надобное...для житейских выгод, - писал Георги, - получают они (казахи - К.А.) через торги с Россией, Бухарою, Хивою и другими соседними странами»[19].

Не менее была заинтересована в торговле с казахами и русская сторона, ибо Степь представляла собой емкий рынок для сбыта продукции набиравшего темпы российского мануфактурного производства. А. Левшин отмечал, что торговля с казахами была «очень выгодной, особенно для Китая и еще более для России»[20]. Далее в своей книге «Геродот казахской истории» обстоятельно поясняет, почему указанным странам торговля с казахами была более выгодной, нежели хивинцам,

бухарцам, ташкентцам, кокандцам и жителям Восточного Туркестана, которые тоже торговали с кочевниками[21].

Как можно заметить из высказываний А.И. Левшина, и казахи, и народы соседних с ними стран в рассматриваемое время были заинтересованы во взаимной торговле, и она успешно развивалась. Эти вопросы в той или иной степени освещены в трудах как дореволюционных русских[22], так и советских[23] и современных казахских[24] авторов, что освобождает нас от необходимости подробного их рассмотрения. В данном случае нас интересует отношение хана Абылая к вопросам развития торговли казахов с соседними странами вообще, с Россией в особенности.

Принятие Младшим и Средним жузами российского подданства ознаменовало начало нового этапа в развитии казахско-русских отношений, что нашло свое отражение в значительном расширении торгово-экономических связей. Чтобы заинтересовать казахов в торговле «в первые три года (1736-1738) никаких пошлин брать было не повелено»[25]. Правда, с 1738 г. с казахов за меновую торговлю «правительство российское предложило брать, равно как с прочих иноземцев, таможенной пошлины»[26]. Но по мере роста заинтересованности в поступлении дешевого скота в российские города, особенно в Оренбург, «было положено ничего не брать с киргизов за мену»[27]. Важнейшим центром казахско-русской торговли стал Оренбург, где был выстроен меновый двор. Он расположился по описанию П. Рычкова «на степной стороне реки Яик...расстоянием от берега версты с две... Лавок вокруг всего двора 246, да анбаров 140. Внутри ж того двора построен особливы двор для азиатских купцов. На сем Азиатском дворе таких же лавок 98, да по углам по два, итого восемь анбаров»[28].

А. Левшин приводит точные данные о количестве выменянного на торге в Оренбурге скота за 75 лет. Воспользуемся некоторыми сведениями из этой таблицы. Так, если в 1745 г. казахи здесь продали 552 лошади, 2-х быков, 3053 барана и 52 козы, то в 1781 г. - соответственно: 5724, 437, 205616 и 8283[29]. По сведениям С.К. Ибрагимова, поголовье овец, реализуемых в Оренбурге, равнялось количеству овец, продаваемых казахами в Бухаре, Хиве и Ташкенте вместе взятых[30].

Уже с 40-х годов XVIII в. Оренбург становится центром торговли не только с казахами, но и с другими «азиатскими народами». В связи с этим генерал-губернатор Симбирского и Уфимского наместничества О.А. Игельстром предлагал учредить в Оренбурге две коммерческие конторы, которые могли бы специально заняться вопросами торговли со Средней Азией и Индией[31]. Становление Оренбурга как центра торговли со странами Востока явилось важным этапом в развитии казахско-русских экономических отношений. Однако проезд казахов Среднего жуза в

Оренбург был затруднен из-за дальности расстояния. Об этом султан Абылай говорил начальнику Оренбургской комиссии генерал-лейтенанту В. Урусову еще в 1740 г. во время переговоров. Он, в частности, заявил, что казахи Среднего жуза «кочевье свое имеют блиско к Сибири и за тем киргис-кайсаком владения их к Оренбургу с торгом приезжать далеко и не весьма способно, и просил, чтоб им позволено было с товарами своими в сибирские городы ездить»[32]. Но В. Урусов не поддержал султана, заявив «что Е.И.В. нарочно для новоподданных киргис-кайсацких народов указала построить Оренбург и тут всем торгам быть...»[33].

В 1743 г. султан Абылай вновь возобновляет переговоры с Оренбургской и Сибирской администрациями об открытии торгов[34].

Жизнь показала обоснованность пожелания казахского султана. Поэтому в 1743 г. казахам было разрешено вести меновую торговлю на Уйской линии, а с 1745 г. - в Орске. По просьбе султана Абылая в 1749 г. оренбургской администрацией было внесено на рассмотрение Правительствующего сената предложение о разрешении казахам Среднего жуза торговать в Троицкой крепости. В обоснование этого предложения в документе отмечалось, что от открытия торга в Троицке «вобще российскому купечеству ущербу не будет, но паче еще и приращение несумненно чаемо, ибо киргис-кайсацкая Средняя орда, которая пред Меньшою есть людняе и богатее»[35].

Весьма любопытные сведения о заинтересованности русских купцов в торговле с казахами Среднего жуза приводил в своей книге В. Витевский. «В Троицкую крепость, - писал он, - несмотря на отдаленность ее от центральной России и опасности в пути, съезжались для торга с киргизцами купцы московские, казанские, тульские, ростовские, ярославские, воронежские, курские, тюменские, сибирские, путивльские, уржумские и др.»[36]. И далее В. Витевский делает примечательный вывод: «вышепоименованные купцы достаточно уже свидетельствуют о выгодах меновой торговли в Троицкой крепости»[37].

Развитие меновой торговли с казахами в крепостях вдоль границ соответствовала интересам царского правительства и русского купечества. Об этом, в частности, отписывал Оренбургский губернатор И. Неплюев в марте 1750 г. в Коллегию иностранных дел. По словам И. Неплюева, в 1749 г. «из великороссийских городов привозных сюда товаров имелось по таможенным ценам на 734239 руб. 46 коп.»[38] На такую же сумму «от киргис-кайсак и от разных азиатских купцов российскими выменено и в российские ж города отпущено 156176 руб. 38 коп. да серебра, состоящего персидской монете, имянуемой абасы, по таможенной же записке, 1039 пудов 5 фунтов»[39].Только в виде пошлин от сделок получено казной 23990 руб. 83 коп.[40] Сбор пошлин с торгового оборота и за провоз товаров стал важной статьей государственного дохода. Помимо чисто

экономических причин царское правительство было заинтересовано в развитии торговли с казахами и по политическим соображениям. Оно рассматривало торговлю как средство укрепления своего влияния в казахской степи. Согласно Указу Коллегии иностранных дел (сентябрь 1747 г.) казахам разрешалось вести на русской территории беспошлинную торговлю скотом и продуктами скотоводческого хозяйства. С другой стороны, были снижены цены и отменены на 10 лет пошлины на хлеб, взимаемые у русских купцов[41].

Большую роль в расширении торговли с казахами Среднего жуза сыграло открытие «азиатской торговли» в Троицке. Об этом в марте того же 1750 года извещали султана Абылая И. Неплюев и А. Тевкелев. Они также сообщали, «что в Троицк приехали русские купцы, не расторговавшиеся в Оренбурге»[42]. На первых порах в Троицк по торговым делам приезжали только представители правящей элиты, в дальнейшем в торговлю все более и более вовлекались рядовые шаруа. Так, в 1787 г. сюда приезжало 11780 казахов[43].

В 50-60 гг. XVIII в. в Троицке в ценностном выражении на первом месте стояли казахские товары (161 851об.-39%), на втором - среднеазиатские (142 400 об-34,02%), на третьем - русские (97 386 об.-26,8%)[44].

На рынок казахи поставляли скот (овец, лошадей, крупный рогатый скот), продукты скотоводства (верблюжью и овечью шерсть, мерлушку, овчину), изделия из скотоводческого сырья (кошмы, ковры, тулупы) и меха (лисиц, корсаков, волков). Денег в обращении у казахов было крайне мало, поэтому торговля казахов носила меновой характер. Причем торговой единицей выступал сек - годовалый баран.

Основную массу привоза русских товаров составляли ткани, выделанные кожи и металлические изделия. Кроме того, русские купцы привозили европейские товары, в основном сукна. Значительную часть скота купцы выменивали на хлеб и железные изделия[45].

Ассортимент товаров среднеазиатских купцов был очень ограничен, в основном - это ковры, бархат, бахчевые и...скот. Дело в том, что они по пути в российские рынки выменивали у казахов на свои товары скот. Кроме того, бухарские, хивинские купцы и казахи на русский рынок поставляли золото и серебро. Речь идет, говоря словами А. Левшина, «о золоте и серебре, которые с 1748 по 1755 гг. в Оренбург и Троицк были привозимы киргиз-казаками вместе с бухарцами и хивинцами. Случайное и удивительное явление сие было кратковременным следствием смерти шаха Надира, после которой разграбленные сокровища его разошлись по всей почти Азии...»[46].

И вот что еще интересно. Нередко купцы из среднеазиатских городов Ташкента, Бухары торговали не только товарами, привозимыми из

Средней Азии, но нередко они выступали в роли посредников в торговле товарами из российских городов. «Бухарцы (так называли восточных купцов) составляли одну из категорий иногородных купцов сибирских городов, что было типично для XVIII в.»[47] Впрочем, на это обстоятельство указывали и авторы «Истории Сибири»: «В Тюмени, Тобольске, Таре, Омске также проживали иноземные купцы и ремесленники-бухарцы»[48].

По словам А. Левшина, торговыми центрами «куда они (казахи) приходят для мены следующие: на русской границе: Оренбург, Троицк, крепости Петропавловская, Пресногорьковская, Омская, Семипалатинская, Устькаменогорская и Уральск. Сверх того киргизы ведут меновый торг во многих других крепостях и даже форпостах»[49].

Опыт торговой организации менового торга в Троицкой крепости показал экономическую выгодность меновой торговли. Таможенные пошлины казахско-русской торговли значительно превосходили таможенные сборы от торговли со среднеазиатскими странами. Учитывая это обстоятельство, царское правительство убедилось в необходимости развивать торг именно с казахами в первую очередь, а не с купцами Средней Азии. Кроме того, торговля с кочевниками стимулировало рост российского текстильного производства[50].

Во второй половине XVIII в. в крупнейший торговый центр превратилась Петропавловская крепость. В открытии торгов здесь были заинтересованы обе стороны: и казахи, и русские. Об этом говорит переписка казахской знати с представителями колониальных властей. Так, к командиру Уйской военной линии подполковнику П. Родену в 1759 г. обратился султан Абылай: «...прошу же я и народ мой, чтоб дозволить в крепости Святого Петра киргизцам выменивать муку и крупу»[51].

По правительственному разрешению Петропавловская торговля началась в том же 1759 г. и уже в первые же годы она дала исключительные результаты. Сюда стали съезжаться купцы не только из городов России и Средней Азии, но из Восточного Туркестана. Число приезжавших казахов в течение одного летнего месяца в среднем составляло от 500 до 650 человек[52].

В журнале «Сибирские вопросы» за 1910 г. писали: «Петропавловск славился в степи своим базаром, своим меновым торгом. У самого Кызылжара еще в XVIII в. русские купцы открыли торг. Сюда съезжались купцы - Тобольские, Тюменские, Томские, Казанские, сюда же направлялись с караванами бухарские и ташкентские торговцы. Ярмарка ворочала миллионами»[53].

Как было уже отмечено, в Петропавловске, как и в других приграничных городах, сатовка (торговля с казахами) носила меновый характер. Другой особенностью русско-казахской торговли был ее

колониальный характер, заключавшийся в низком качестве и неэквивалентности товаров. Например, в 1760 г. «на сатовке было выменено тюменскими и тобольскими купцами: 7 аршин красного сукна - дана лошадь, 7 концов китайки - лисица, 8 аршин голи двуличный - лошадь». За 18 м холста, стоившего около 75 копеек, получили лошадь и быка, которые перепродавались за 12-15 рублей.[54]

По настоянию султана Абылая «азиатская торговля» открывалась и во многих сибирских городах, причем, она во многом определялась тем, что «уже в середине XVIII в. Западная Сибирь не только обеспечивает себя хлебом, но и во второй половине столетия производит избыточный хлеб. В 1788 г., по подсчетам М.М. Громыко, валовый сбор хлеба в Западной Сибири составил 2614 тыс. четвертей. За вычетом семенного фонда оставалось 2 млн. четвертей хлеба на потребление и продажу.[55]

До середины XVIII в. в Сибири велась беспошлинная торговля, но позже с ростом торговли, в городах создаются таможенные заставы. В документах также отмечается, что торговля казахов с русскими купцами носила характер неэквивалентного обмена. На это, в частности, обратил внимание еще П. Паллас. Он писал: «как киргизцы не очень искусны в торгу и берут при промене много худых товаров и всякой мелочи, то русским купцам приходит от них великая прибыль»[56].

В указанные выше города-крепости по северу и востоку Казахстана кроме среднеазиатских купцов приезжали с товарами и кашгарцы, яркендцы и ойраты. Царское правительство, заинтересованное в бюджетном поступлении в виде пошлинных сборов, всячески поощряло расширение торговых связей с сопредельными азиатскими народами. Большой урон этим связям нанесло обострение военно-политической обстановки в Центральной Азии из-за агрессивных действий ойратских феодалов.

После разгрома войсками Цинской империи Джунгарского ханства казахи и китайцы оказались соседями. В 1757 г. султан Абылай предпринял переговоры с цинскими послами об организации торга при местечке Иран-Каберга[57], а затем он направил свое посольство в Пекин[58]. В результате этих переговоров политические отношения между двумя странами нормализовались. По мере стабилизации обстановки в регионе стали налаживаться и торговые связи. Цинское правительство было заинтересовано в их развитии. Поэтому оно пошло навстречу предложениям султана Абылая о торговле на западных рубежах Цинской империи.

На первых порах интерес китайской администрации к торговле с казахами диктовался потребностью в лошадях для обеспечения войск. Изыскать их в разоренной Джунгарии не представлялось возможным, в самом Китае коней было мало. К слову, на начало 2002 г. в Китае

поголовье лошадей достигло 12 млн. голов. К сожалению, в Казахстане количество лошадей по сравнению с XVIII в. уменьшилось в 5 раз, сегодня едва превышает 1 млн. голов.

Заинтересованность китайцев в торговле с казахами определялась также тем, что у казахов лошадей в XVIII в. скупали по цене в два раза меньшей, чем они продавались в Монголии и Восточном Туркестане[59]. Казахи на скот обменивали товары ремесленного производства, коих в Китае было в избытке. Торговый обмен с казахами был выгоден цинам и в плане обеспечения войска, сосредоточенного на вновь завоеванных ими землях.

Помимо чисто экономических причин цинское правительство было заинтересовано в развитии торговли с казахами и по политическим соображениям. Оно рассматривало ее как средство укрепления своего влияния в казахской степи. Иными словами, через торговлю с казахами цинское правительство намеревалось решать задачи политического и экономического порядка. Прежде всего, укрепить свое влияние среди казахских владетелей, а также извлечь максимальную выгоду, сбывая на казахском рынке товары, перенасыщающие внутренний рынок Китая, в то же время обеспечить свою армию дефицитными средствами передвижения, покрыть потребности в лошадях.

Казахи проявляли заинтересованность в торговле с Китаем, так как рассчитывали на получение необходимых им товаров ремесленного производства и чая. Выступая за развертывание казахско-китайской торговли, Абылай полагал, что она будет выгодна казахам, как и торговля с Россией. Это видно, в частности, из письма султана Абылая оренбургским властям в начале 1758 г., где он выразил надежду, что китайцы будут «торг производить такой же, каков и в Оренбурге бывает»[60].

Вопрос о казахско-китайской торговле султаном Абылаем был поставлен уже на первых переговорах с цинскими чиновниками. На основе достигнутых договоренностей приезд казахов для торговли в Джунгарию ожидался в августе 1758 г. Чтобы ускорить их прибытие, местные власти направили в казахские кочевья своего представителя. Однако ожидаемые торги состоялись несколько позже. Как пишет В.Н. Кузнецов, «18 октября в Урумчи цинские власти купили более 300 лошадей»[61]. Это, по существу, явилось началом казахско-китайской торговли.

Казахско-китайская торговля в ее начальный период имела ряд специфических особенностей. На первых порах она велась только на территории бывшей Джунгарии. Поскольку гражданского населения Китая здесь не было, торговым обменом занимались исключительно военные или чиновники местной администрации, поэтому цены на товары

были монопольные: закупочные цены на скот предельно низкие, продажные цены на китайские товары максимально завышенные. Правительством запрещалось вести торговлю за пределами Джунгарии.

Жесткие условия торговли, установленные китайским правительством, вызвали у казахов разочарование, особенно их не устраивали несоразмерно низкие цены на скот. Поэтому султан Абылай выдвинул ряд предложений, причем вопросы торговли рассматривались на переговорах не только с высокопоставленными чиновниками, но ставились непосредственно перед императором.

Со временем некоторые искусственно возведенные цинским правительством барьеры были сняты, повышены закупочные цены на скот, несколько улучшилось качество китайских товаров, расширена зона осуществления торговли. Но, тем не менее, по данным, относящимся к концу XVIII в. торговля казахов с Китаем намного уступала по объему и ассортименту товаров казахско-российской торговле. Так, в торговле с Китаем принимало участие несколько родов Старшего и Среднего жузов, общей численностью 105 тыс. семей, против 300 тыс. казахских семей, ведших торговый обмен с Россией[62]. Торговля казахов со Средней Азией также уступала торговле с Россией. В торговле со среднеазиатскими странами принимало участие 127 тыс. казахских семей[63].

С 40-х гг. XVIII в. Казахстан превратился не только в емкий рынок сбыта товаров сопредельных стран, но и возросло значение транзитных караванных путей, которые шли через казахские степи и связывали города России со среднеазиатскими странами, а также с Восточным Туркестаном. В связи с этим особое значение приобретает обеспечение безопасности прохождения торговых караванов через казахские владения. Царское правительство предписывало начальникам оренбургского края, а с 60-х годов и Сибирского ведомства, следить за обеспечением безопасных торговых караванов, те в свою очередь возлагали охрану путей на казахских ханов, владетельных султанов и влиятельных старшин. Предусматривались также меры поощрения последних в виде вручения им подарков и наград. В документах отмечается, что наиболее безопасным считался торговый путь, пролегавший через владения Среднего жуза. В 60-ые годы XVIII в. главными рынками транзитной торговли становятся наряду с Оренбургом города Петропавловск и Семипалатинск.

Анализ многочисленных российских, китайских и собственно казахских источников показывает, что хан Абылай на протяжении всей своей политической деятельности последовательно и настойчиво добивался укрепления и расширения торговых связей казахов с Россией, Китаем и другими странами. Абылай хан придерживался этой политики не только потому, что для кочевников торговля с земледельцами была делом необходимым, но и потому, что она была составной частью его

стратегического курса на модернизацию экономической жизни номадов. Будучи дальновидным политиком, он осознавал, что время чистого кочевничества прошло, и поэтому хотел приобщить свой народ к опыту производственной и экономической деятельности народов соседних стран. Абылай хан отдавал отчет и в том, что кочевникам, чтобы извлекать выгоды из торговли с другими народами и странами необходимо сильное государство, способное контролировать территории, по которым проходили торговые караваны. Он также считал, что путем налаживания широких экономических связей можно добиться решения многих политических проблем, поддерживать тесные взаимоотношения с соседними странами.

4.2 Внутренняя политика хана Абылая

Как было отмечено выше, первая слава пришла к Абылаю во время Аныракайской битвы в 1730 г. По данным казахских источников[64] тогда же Абылай был избран ханом, но, тем не менее, до 1771 г. он официально ханом себя не называл. В переписках и на переговорах с царским двором и цинскими властями Абылай именует себя султаном. Так, в сентябре 1757 г. на переговорах с командирами цинских войск султан Абылай заявил: «Мы, казахи, составляем три родоплеменных объединения. Я являюсь тоуму[65] Среднего жуза. Киши и Улу жузы возглавляются также представителями нашего рода»[66]. Видный исследователь казахско-китайских отношений К.Хафизова перевела понятие «тоуму» как старшина[67]. Однако в своем послании султану Абылаю (от 30 августа 1757 г.) император Цяньлун писал: «Ты говоришь, что по званию являешься ханом. Если даже Мы пожалуем тебе звание, то оно не может быть выше того, которое имеешь теперь»[68]. В данном случае, на наш взгляд, допущена неточность и незнакомое для цин понятие «султан» переведено как «хан». Утверждение о том, что уже в 60-ые годы «Абылай начинает в официальной переписке именоваться ханом»[69] совершенно необоснованно.

Добившись власти в двадцать лет, Абылай полвека правил страной. Конечно, степень распространения его власти не была одинаковой во все время его правления. Начав государственную деятельность как султан родов племенного объединения аргынов, Абылай еще до официального избрания его общеказахским ханом стал ключевой фигурой в политической жизни не только своей страны, но и всей Центральной Азии. Победа над ойратами, положившая конец джунгарской угрозе, отражение цинской агрессии и возвращение земель на востоке и на юге Казахстана укрепили власть султана Абылая не только в Среднем, но и в Младшем жузах. Об этом свидетельствовало, в частности, следующее

признание А. Тевкелева и П. Рычкова: «по откочевании в Туркестан тамошняго Абулмамбет хана... и по смерти Бараксалтановой и известного Жанибек-тархана, весьма усилился помянутой Аблай-салтан. Он...ныне во всей Средней орде за главного владельца почитается, а притом гораздо смышлен и проворен...»[73].

К концу 50-х годов также стало реальностью распространение власти Абылая и на весь Старший жуз. Так, посланец оренбургской администрации М. Шихов, побывавший летом 1758 г. в улусах Абылая, доносил, что «Большая киргисская орда состоит ныне под владением своего хана Тюлеби, которой кочует близ...города Сайрама, а.... город Туркустан под властью имеет Убалмамет-хан, которой Аблай-салтану брат... и он, Абал-Мамет-хан, кочует во близости к Туркестану, а неретко живет и в самом городке Туркестане, и с которого от жителей и все подати збирает»[74]. Эти сведения, как писал в своем отчете Шихов, им были почерпнуты из бесед со старшинами и во многом не соответствовали действительности. К примеру, в 1758 г. Толе бия не было в живых, он умер в 1756 г.[75] Увы, такого рода недостоверные сведения встречаются в архивных документах не так уж редко.

Как было отмечено выше, летом 1757 г. цинские войска, разгромив Джунгарию, вновь вступили в казахские пределы. Абылай, учитывая создавшуюся ситуацию, вступил в переговоры с цинским двором, в результате которых были подписаны политические и экономические соглашения. Казахско-цинский прямой диалог вызвал серьезную обеспокоенность царского правительства и местных администраций. Особую подозрительность у русских властей вызвал отказ Абылая от принятия ханского сана. Для выяснения положения в Среднем жузе и взаимоотношений султана Абылая с Китаем в Степь из Оренбурга направлялись специальные посольства. Так, весной 1760 г. из Оренбурга выехали под предлогом «препровождения бывшего здесь посланца ево (Абылая - К.А.) Юлбарис-солтана оренбургского гарнизона поручик князь Ураков и... переводчик Гуляев».[76] По возвращении из поездки в улусы Абылая Ураков и Гуляев в отчете указали, что по-прежнему в Средней орде ханом является «Абулмамбет хан, которого...не только солтаны и старшины, но и сам он, Аблай-солтан, придерживаются и советам его следуют. Ибо хотя он, Абулмамбет хан, пребывание имеет в городе Туркестане, однакож в летния времяна и в ту орду приезжает...и знатные их киргис-кайсацкие дела производит, каковых Аблай-солтан без него собою решить не может»[77].

На самом деле показания Уракова и Гуляева, на наш взгляд, также не соответствовали действительности и вот почему.

Во-первых, султан Абылай принял оренбургских эмиссаров, «почитая за подсмоторщиков своих и возимев от них подозрение и в своем улусе содержать их не хотел»[78].

Во-вторых, сведения Уракова и Гуляева были почерпнуты у «благонадежных российской стороне» старшин Кульсары-батыра и Кулеке-батыра. Последние их уверяли, что «Абылай-солтан еще прошлого лета откочевать туда (в бывшие Джунгарские владения - К. А.) с улусом своим намерен был, но им, Кульсарою, от того удержан» был. Батыры также уведомляли, что в Средней орде они главные старшины и там без их «совета и делать ничего не могут»[79]. Очевидно, что указанные старшины, желая выслужиться у русских властей, давали явно несостоятельные сведения об Абылае, при этом необоснованно возвеличивали свои заслуги.

В-третьих, анализ имеющихся в нашем распоряжении источников свидетельствует, что Абульмамбет хан напротив утверждения Уракова и Гуляева, без предварительного согласования с Абылаем не принимал ни одного серьезного решения. А в 1761 г., когда Абульмамбет хан был изгнан из Туркестана своим двоюродным братом Ишим султаном, то он апеллировал Абылаю. Именно он, султан Абылай тогда примирил братьев и вернул Абульмамбет хану г. Туркестан «с уездным ведомства онаго городками»[80], поделив между братьями. Или вот другой пример. К Абылаю же обратился Абульмамбет в 1764 г., когда на владения Старшего жуза совершили нападение буруты (киргизы), от чего казахи «пришли в крайнее разорение»[81]. И тогда Абылай выступал в защиту казахов. Этот поход Абылая, завершившийся разгромом кыргизских феодалов, претендовавших на казахские кочевья Старшего жуза, воспет народом в «Песне об Абылае», записанной Ч. Ч. Валихановым.[82]

В-четвертых, показания Уракова и Гуляева полностью противоречат данным казахских источников. Возьмем хотя бы тот факт, что ставка султана Абылая находилась в урочище Бурабай (Боровое) посреди кочевий одного из многочисленных родов - караул, старшина которого Канай-бий был одним из верных и последовательных сподвижников Абылая[83]. Роды Атыгай и Караул расселялись смежно и всегда выступали заодно. Кроме того, Абылай постоянно опирался на поддержку выдающихся представителей и других родов Среднего жуза таких, как кара-керей Кабанабай батыр, Канжыгалы Богенбай батыр, Шакшакулы Жанибек батыр, Каракесек Казбек бий[84] и другие.

Думаем, что приведенные нами факты из документов в достаточной степени свидетельствуют о несостоятельности утверждений оренбургских эмиссаров в Средний жуз Уракова и Гуляева, о которых шла речь выше. Однако авторы многотомной «Истории Казахстана» на основе показаний Уракова и Гуляева сделали вывод, что Абульмамбет хан «продолжал

считаться верховным ханом и часто совершал инспекционные поездки по кочевиям Старшего и Среднего жузов»[85]. Повторимся, на наш взгляд, данный вывод не соответствует действительности.

Что касается Младшего жуза, то здесь в 50-60-е годы в Алшинских волостях независимым от Нуралы правителем был Батыр хан[86], всецело ориентированный на Абылая. Султан Досалы, владения которого располагались в Приаралье, также фактически был независим от Нуралы[87]. Союзником Абылая был и Ералы султан, имевший владения в смежных со Средним жузом районах. По некоторым сведениям, и сам хан Нуралы, несмотря на поддержку русского правительства, вынужден был считаться с мнением Абылая[88]. Уже в этот период «в разных местах имянуют его, Абылая ханом»[89] - писали А. Тевкелев и П. Рычков.

Фактически уже в 60-х годах султан Абылай стал единственным полноправным правителем в казахских землях. Не случайно Бухар жырау, знавший Абылая с первых шагов его политической деятельности, писал:

В пятьдесят твоих лет
Сделал привязь громадную ты, привязав к ней
Всех трех наших жузов коней.[90]

Следовательно, можно говорить, что к концу 60-х годов основная стратегическая цель Абылая - объединение казахов всех трех жузов в одно государство - осуществилась. Как отмечено в одном документе, «Китайской богдыхан пожаловал его, Абылая, над всеми киргисцами и салтанами начальником»[91].

Таким образом, в 50-60-е годы Абылай султану удалось укрепить верховную власть на большей части Казахстана. В результате этого внутриполитическое положение Казахстана стабилизировалось, прекратилась междоусобная борьба степной аристократии, была освобождена почти вся этническая территория казахов. Потеря пастбищных угодий и водных источников в связи с возведением царским правительством в пределах Казахстана линий военных укреплений компенсировалось возвращением земель на востоке, ранее отнятых у казахов ойратами. Постепенно налаживалась экономическая жизнь, восстанавливалось поголовье скота, распространение получило земледелие, возрождались экономические связи. В ходе общенародной борьбы против джунгарской агрессии и военных вторжений цинских войск наблюдался подъём чувства патриотизма, осознание казахами национальной идентичности. Формирование общенационального самосознания, символом которого стало понятие Алаш, нашло отражение в поэтическом творчестве выдающихся жырау Актамберды, Котеш, Умбетей и других. Особой популярностью в народе пользовались философские размышления толгау и патриотические песни Бухара жырау.

Все перечисленные и другие позитивные перемены в жизни казахского общества напрямую были связаны с успешной военно-политической и дипломатической деятельностью султана Абылая. Поэтому в 1771 году, когда умер в городе Туркестане престарелый Абулмамбет хан, не было проблем с выбором нового хана, они состоялись летом того же 1771 года. Собравшиеся в древней столице Казахского ханства городе Туркестане представители родов и племен всех трех жузов, ханы и султаны, в том числе сыновья Абулмамбет хана Абулфеис, Болат и другие, а также делегации Ташкента и городов Туркестанской провинции[92] при большом стечении народа, следуя древнему казахскому обычаю, подняли Аблая на белой кошме и провозгласили общеказахским ханом. Казахи, - писал А. Левшин, - избирали «в ханы только султанов»[93], т. е. чингизидов. Хорошо знавшие казахские традиции А. Тевкелев и П. Рычков в 1759 г. писали, что «в киргиз-кайсацком народе ханской чин и всегда был не наследственной и доставался обыкновенно таким салтанам, которые хотя б и не ханские дети были, только б к народным делам были способны и воинских случаях проворные...»[94].

Причины и церемонию избрания Абылая казахским ханом по записям очевидцев осветил Чокан Валиханов. Он писал: «После смерти Абульмамбета народ единогласно избрал его (Абылая - К.А.) в ханы, как более достойного из всех султанов, помимо наследственных прав, которые имели, по киргизским законам, дети Абульмамбета. Русский очевидец этого избрания говорит, что все собравшиеся родоначальники, подняв его на тонком войлоке, осыпали похвалами и пересказывали друг другу одержанные им победы... и провозглашали достоинство избранного хана»[95].

Действительно, на курултае (народном собрании) ни один чингизид не выступил с заявлением о своих притязаниях быть избранным в ханы. Разумеется, это не означало, что все султаны искренне были согласны с народным выбором. К примеру, один «из них, сын Барака султан Даир, жаловался оренбургскому губернатору, что Абылай несправедливо присваивает себе ханское достоинство[96].

Абылай вступил на стезю политической деятельности в 1731 г., когда Казахское ханство переживало острый кризис власти: каждое родовое объединение представляло собой самостоятельный улус и управлялось своими старшинами и биями практически автономно. Последние, по свидетельству современников, даже «владельцам своим прямо не подчиняются..., а принуждать их и самим ханом невозможно потому, что они не только штрафовать, но и под караул посадить никого не могут»[97]. С 1731 г. в течение 40 лет, по выражению известного историка Е. Бекмаханова, Абылай «правил страной от имени хана Абульмамбета.

Лишь после его смерти в 1771 г. Абылай стал ханом, официально признанным как Россией, так и Китаем»[98].

На протяжении сорока лет Абылай последовательно, шаг за шагом укреплял центральную власть, проводя гибкую политику, находя общий язык с родовыми старшинами и влиятельными биями. Последние в условиях реальной угрозы джунгарского, а позднее цинского порабощения полностью поддерживали политику султана Абылая по объединению страны, по отражению агрессии и укреплению власти. В числе его приверженцев в этот период были самые влиятельные бии всех трех жузов - Толе бий, Казыбек бий, Айтеке бий, Канай бий, а также прославленные батыры Богенбай, Кабанбай, Жанибек, Кожаберген, Сары, Баян, Наурызбай, Малайсары, Есет, Жанатай, Олжабай, Андыгожа, Койгельды, Саурык и другие. В круг близких Абылай хана также входили известные в Степи жырау и другие одаренные личности. В результате объединительной политики хана Абылая казахи превратились в доминирующий кочевой этнос XVIII века.

Однако, как только угроза со стороны Джунгарии отпала, а отношения с Цинской империей и Россией стабилизировались, бии и старшины родов стали тяготиться властью хана Абылая, вновь стала давать о себе знать застарелая болезнь сепаратизма родоплеменной знати. В этих случаях хан Абылай не церемонился, силой усмирял своеволие родоправителей. Были случаи, когда недовольные правлением хана пытались отделиться от него и уйти за пределы его владений. Известен случай, когда поколения одного из родов найманов во главе со старшиной Садыром пытались откочевать. На них Абылай направил вооруженный отряд с участием Бухара жырау. Нагнав беглецов, последний обратился к ним стихами, содержащими угрозу: «если не вернешься к Абылаю с повинной, то тебя ожидает разорение и гибель»[99]. В другой раз родовая знать кыпчаков в знак протеста хану хотела с подвластным населением уйти в Младший жуз. Однако Абылай, «собрав до тысячи пятисот человек своего войска для усмирения и себе покорения...», решительно пресек эту попытку уйти из-под его власти[100].

Став общеказахским ханом, Абылай стремился возродить государственность в масштабе всей страны, перестроить управление жузами и большими родовыми объединениями, вводя элементы автономности на основе традиционной казахской ментальности родоплеменного уклада всей жизни кочевого социума. Хан ограничил власть биев, запретил выборы общежузовых султанов и биев. С учетом того, что в предшествующий период истории в Казахском ханстве сформировалась целая страта людей, из представителей которых составлялся слой управленцев - чингизиды-торе. В отличие от биев и старшин последние не принадлежали к родовым и племенным

объединениям. Представители торе могли управлять регионом, включающим поколения разных родов и даже племен.

Ротацию управленцев хан Абылай производил из числа близких и преданных султанов. В 1774 г. Абылай дал по просьбе уйсунских старшин «для управления ими, сына своего Адиля, построив на реке Таласе городок, который населил трудолюбивыми каракалпаками»[101]. Кстати, как убедительно доказывает исследователь Б. Абильдаулы, этим городом был древний Тараз. Он пишет: «Тараз напоминает сказочную птицу Феникс, которая возрождалась из пепла. Город Аулие-Ата по повелению хана Абылая также был отстроен буквально на пепле Тараза, уничтоженного джунгарами[102]. В Северо-Восточном Жетысу и в районе Балхаша правили его сыновья Суюк и Шама, в Северном Казахстане - старший сын Вали, в Центральном Казахстане, включающем урочище Бурабай (Боровое), - Касым. Районы Баян-Аула Абылай отдал в управление своему двоюродному брату Султан Мамету и его сыну Урусу, а Восточный Казахстан - султану Абулфеизу, сыну Абулмамбет хана, а некоторые районы Центрального Казахстана - потомкам султана Барака. В Юго-Восточной части Младшего жуза правили потомки хана Каипа.

Правда, при хане Абылае в Казахском государстве не было разветвленной системы управления. Однако для решения необходимых проблем общества были созданы органы управления. Одним из них был совет при хане, он был создан для решения важнейших проблем еще задолго до официального избрания Абылая ханом. Сведения о том, что существовал при Абылае такой Совет и кто в нем принимал участие, мы находим в песне, посвященной смерти Богенбай батыра[103].Там есть такие строки:

Аруағына болысқан әділ билік қылысқан
Қашпаған қандай ұрыстан
Керейлі батыр Жәнібек,
Қаздауысты Қазыбек, қу дауысты Құттыбай
Қара керей Қабанбай, қанжығалы Бөгенбай,
Абылай сенің тұсында сол бесеуі
Кейі батыр, кейі би,
Тәңірім берген сондай сый.

Жырау называет имена членов ханского совета, ими были влиятельные батыры и старшины, которые последовательно поддерживали Абылая в его стремлении объединить под своей властью казахов всех трех жузов. К слову сказать, сам автор приведенных выше строк Умбетей жырау, как и знаменитый Бухар жырау, всецело поддерживал политику хана Абылая.

После избрания Абылая общеказахским ханом он периодически созывал для решения важнейших вопросов общенациональный мажилис, по словам Г. Сапаргалиева, напоминающий парламент. «Не будет

преувеличением, если сказать, что во времена Абылая в нашей стране был парламент», - заключает академик[104].

Говоря о внутриполитической деятельности хана Абылая, надо иметь в виду, что ему приходилось действовать в сложных исторических условиях борьбы с противниками усиления ханской власти как внутри страны, так и извне. Отсутствие регулярной армии, постоянных источников государственных доходов и государственного аппарата вынуждали его укреплять личную власть. Источники свидетельствуют, что хан Абылай добился почти неограниченной власти в пределах Среднего и Старшего жузов, с его мнением вынуждены были считаться ханы и султаны Младшего жуза. «Ни один киргизский (казахский - К.А.) хан, - писал Чокан Валиханов, - не имел такой неограниченной власти, как Аблай. Он первый предоставил своему произволу смертную казнь, что производилось прежде не иначе, как по положению народного сейма, и усмирил своеволие сильных родоначальников и султанов, которые ограничивали советом власть хана»[105]. Хан Абылай присвоил себе право приговаривать за преступления к смертной казни. По степным традициям эта прерогатива ранее была только у суда биев.

Известны случаи сурового наказания Абылаем провинившихся. За организацию нападения на караван, идущий в Петропавловск, хан Абылай двух зачинщиков этой акции приказал бросить в зиндан[106]. Один из заключенных, по имени Ботакан, покончил жизнь, распоров себе живот. Молодой акын (поэт-импровизатор) Котеш откликнулся на этот случай стихами, в которых содержалось обвинение Абылая в жестокости:

Ты Ботакана, Абылай, убил,
Честного мужа, зачем убил?
В спор недостойный ввязавшись с ним,
Ты о достоинстве хана забыл.[107]

Или другой случай. В 1779 г. к Абылай хану прибыл «от одного китайского губернатора посланник с объявлением, что...просились в китайское подданство найманского рода киргизцы; почему он, Абылай, приказал от сего оных отвратить, и, послав для сего своего шурина Даир-салтана, главных зачинщиков в сем деле велел перевешать, что он якобы и учинил»[108].

На основе анализа источников, известный советский историк М. Вяткин пришел к выводу, что «в отношении старшин Абылай в своем ханстве последовательно проводил политику их ослабления, в частности путем устранения от управления ханством»[109]. Недовольные действиями хана Абылая старшины пытались оказать сопротивление его «самоуправствам», даже подняли против него восстание. «Родоначальники, - писал Ч. Валиханов, - пытались по древнему обычаю, идти на хана войной, как в Польше ходили на короля, но были разбиты

Аблаевыми «теленгутами» и должны были подчиниться его железной воле»[110].

А.И. Левшин отмечал, что хан Младшего жуза Нуралы постоянно обращался к русским властям прислать войска, «отзываясь недостатком власти для усмирения буйных киргизов своих». «Напротив того, - писал он, - Аблай в то же самое время становился день ото дня сильнее. Превосходя всех современных владельцев киргизских летами, хитростью и опытностию, известный умом, сильный числом подвластного ему народа и славный в ордах сношениями своими и императрицею российскою и китайским богдыханом, Абылай соединял в себе все права на сан правителя Средней орды. Уверенный в своих достоинствах, он...признавал себя, смотря по нужде, то подданным русским, то китайским, а на самом деле был властитель совершенно независимый. Это сделалось более приметным после 1771 года»[111].

По примеру Абылай хана, хан Нуралы тоже пытался укрепить свою власть в той части Младшего жуза, которая относилась к его ведомству. Однако центристские тенденции в Младшем и Среднем жузах протекали далеко не одинаково как по содержанию, так и по форме. Различия обусловливались неодинаковой политической ситуацией, в которой эта тенденция протекала и, главное, несовпадением целей, которые стояли перед ханами. Если хан Нуралы был озабочен исключительно сохранением своей власти и своих выгод, то «Абылай, - по словам М. Вяткина,- преследовал цели создания крупного объединенного ханства, которое могло бы противостоять в борьбе со своими мощными соседями - Россией и Китайской империей»[112].

Необходимость объединения казахских жузов в одно государство Абылай осознал еще в начале своей политической деятельности. Будучи в ойратском плену, он еще более утвердился в этой мысли. Он обратил внимание на то, что, в общем-то, небольшая по численности населения Джунгария содержала многотысячные постоянные войска, и в военное время могла составить 100-тысячную армию. Наличие боеспособного войска - главное условие обороны страны и обеспечения ее независимости. Абылай понимал, что Джунгария превратилась в мощную державу благодаря созданному централизованному государству. В своей государственной деятельности хан Абылай, в первую очередь, занимался объединением казахских улусов в одно государство и многого достиг. Укрепление Казахского ханства обеспечивало освобождение его территории от захватчиков, способствовало улучшению внутриполитического положения, прекращению междоусобиц и барымты (угон скота), улучшению экономического положения населения, повышению международного престижа и авторитета казахского государства. Вместе с тем государство, которое с большим трудом создал

Абылай хан и его единомышленники, было непрочным и, как показали последующие события, недолговечным, так как во многом оно держалось благодаря авторитету и власти одного человека.

4.3 Внешняя политика хана Абылая

Установив более или менее стабильные политические и экономические отношения с могущественными соседями - Российской и Цинской империями, Абылай принялся решать проблемы южных районов Каазахстана, находящихся на рубеже со странами Центральной Азии. На юго-западе казахи граничили с туркменами, каракалпаками, юге - узбеками, южном Семиречье - киргизами. По-разному складывались отношения казахов с перечисленными родственными в этническом плане народами. Эти связи на протяжении веков были достаточно тесными и разносторонними. К XVIII в. они не претерпели существенных изменений: военные конфликты чередовались с длительными периодами мирного сотрудничества, развития торговли и культурных взаимоотношений. Через Казахстан шли торговые караваны среднеазиатских купцов в различные города России и Восточного Туркестана.

До начала XVIII в. на территории Средней Азии существовали два ханства - Хивинское и Бухарское. Политическое положение обоих государств характеризовалось крайней неустойчивостью, вызванной феодальными междоусобицами. От ослабленного распрями Бухарского ханства в первые десятилетия XVIIIв. отделилась Фергана, которая стала самостоятельным государством с центром в г.Коканде. Политическую обстановку в среднеазиатских государствах посол Петра I Флорино Беневени в 1729 г. кратко охарактеризовал так: «Дженерально между собою драки имеют»[113].

Социально-экономический кризис, охвативший государства Средней Азии, ещё больше обострился вследствие вторжения в 1723 г. джунгарских войск. Джунгары подвергли разгрому, как было отмечено выше, многие улусы Старшего и Среднего жузов, захватили города Туркестан, Сайрам, Ташкент. Имеется множество свидетельств чрезвычайной социально-экономической ситуации, сложившейся в Средней Азии в связи с нахлынувшими туда толпами казахов, киргизов и каракалпаков, преследуемых «свирепыми» джунгарами. Так, в одном документе той эпохи отмечается: «...Потеряв города и провинции контайше..., оною Большою ордою подошли к самой Бухаре и всех их, узбеков, разорили...»[114]. По другим сведениям, многие города совершенно опустели,[115] и население настолько обнищало, «что принуждены были человеческое мясо...есть»[116].

Выше было также отмечено, что во второй половине 20-х годов казахские жузы, объединившись, сумели одержать над джунгарскими захватчиками ряд важных побед. В 40-50-е годы к этой борьбе присоединились и выступали совместно с казахами киргизы, узбеки и каракалпаки. Уже в первой половине 50-х годов во многом благодаря военно-организаторской и дипломатической деятельности султана Абылая, джунгарская угроза была снята окончательно. Однако во второй половине 50-х годов над Казахстаном и всей Центральной Азией нависла новая, ещё более грозная, чем джунгарская, опасность. Она исходила от цинско-манчжурского Китая, войска которого, разгромив и почти поголовно истребив джунгарский народ, в 1756-1757 гг. вторглись в пределы Казахстана. Всю тяжесть агрессии мощнейшей в то время империи - цинского Китая принял на себя казахский народ во главе с султаном Абылаем. Организовав вооружённый отпор цинской экспансии, Абылай вынудил правителей «Поднебесного царства» пойти с ним на переговоры.

После подписания мирного договора дальнейшие отношения Казахстана с Китаем были связаны с решением двух основных проблем. Первая из них заключалась в возврате казахам их исконных земель на Тарбагатае, ранее захваченных и удерживаемых джунгарами, а после их разгрома опустевших. Вторая проблема заключалась в позиции Казахстана на случай войны цинов против России. В течение 7 лет (с 1757 по 1763 г.) император Цяньлун и его сановники тщетно добивались от Абылая обещания поддержать их в случае войны с Россией, однако, как отмечено в документе, «токмо-де на то он, Аблай, склонности не показал, а отозвался тем, что он, как в подданстве Ея И. В. находится, так на то и поступить ему не можно»[117]. Твёрдая позиция султана Абылая в данном вопросе сыграла немаловажную роль в предотвращении войны цинов против России.

Не решившись на войну с Россией, цинское руководство Китая тем не менее не отказалось от экспансионистских намерений. Сосредоточив на территории бывшей Джунгарии 180-ти тысячное войско[118], цины приступили к подготовке завоевания Средней Азии. «Успешное покорение Джунгарии и Малой Бухарии (Восточного Туркестана – К.А.), - писал Чокан Валиханов, - возбудило, кажется, в китайцах воинственный дух и жажду завоевания»[119]. Далее Валиханов отмечал, что «среднеазиатцы были очень встревожены» действиями цинов, что «падение сильной Джунгарии и завоевание единоверной Малой Бухарии навели на них панический и мистический страх, тем более по господствовавшему преданию, суеверные мусульмане верили, что перед окончанием света китайцы покорят весь мир»[120].

В марте 1759 г. генерал-майор А. Тевкелев и коллежский советник П. Рычков в донесении в Коллегию иностранных дел сообщали, что «от командира китайского в Джунгарии к Аблай-салтану посол в четырнатцати человеках» прибыли. Они «просили...в помощь им для взятия Самарханта, Ташкента, Бухарии и других городов киргизцев оружейных». Они также требовали лошадей, быков и баранов для предполагаемого похода, но казахи не только отказали в просьбе, «но и то объявили: если они вступать будут в оные завоевания, то разве-де и с ними, киргизцами (казахами - К.А.), уже не приятельски поступать желают...»[121]. Аналогичную попытку цины предприняли и в 1762 г., но Абылай был непреклонен[122]. По словам старшины Куляки, султан Абылай собрался послать в Среднюю Азию «нарочных людей, чтобы выяснить, «будут ли оные туркустанцы и самаркантцы против того китайского с ними киргисцами воевать»[123].

Перед лицом более грозной опасности, чем джунгарская, народы Средней Азии и Казахстана, забыв на время свои разногласия и «междоусобные раздоры, и составили союз, во главе которого стал знаменитый генерал Ахмет, владетель Кандагара и основатель династии дураниев»[124]. В этой чрезвычайной обстановке Абылай, не порывая связей с цинами и не прекращая торговлю, поддержал антицинский союз народов Средней Азии «и более того был одним из инициаторов и организаторов этой антицинской коалиции»[125]. Так общими усилиями мусульманских народов удалось тогда предотвратить вторжение цинских войск в Среднюю Азию. Во многом благодаря твёрдой позиции Абылая, а также из опасения антицинского выступления Восточного Туркестана, правители Пекина вынуждены были отказаться от этой авантюристической идеи. Во всяком случае, в дальнейшем о своих намерениях завоевания Средней Азии они не заявляли.

В 60-е годы XVIII в. осложнились отношения казахов Старшего жуза с южными соседями - киргизами. Причин конфликта было несколько. Прежде всего, кочевья в Семиречье, освободившиеся после разгрома Джунгарии цинами, которые те и другие считали своими. Казахи также сообщали приграничным властям факты, когда киргизы «у них, киргис-кайсаков, отгоняют лошадей и производят другие обиды»[126]. Особенно казахских владетелей беспокоило то, что отряды киргизских манапов нападали на торговые караваны, грабили и убивали купцов»[127].

В октябре 1764 г., возвратившись в Оренбург из поездки к султану Абылаю, Шукур Абзанов сообщил, что «в нынешнем году киргис-кайсаки Большой и Средней орды разных родов кочевья свои имели близ китайской границы, подле разорённой Калмыцкой земли, по речке Иле, и от троекратного киргисцами нападения, кои находятся в подданстве у китайского хана, разбитые были, отчего пришли в разорение. И во время

их разбития у них, киргис-кайсак, теми киргисцами увезено пленников многое число»[128]. В связи с этим событием хан Абульмамбет прислал к Абылай султану «сына своего Болата с таким резоном, чтоб Аблай-солтан, собрав своих киргис-кайсак, и ехал на оных киргисцов вооруженною рукою»[129].

Летом 1765 г. султан Абылай, собрав значительное войско, выступил против киргизов. Он вступил в киргизские земли, пройдя через трудный перевал Сарыбель, но там ему преградили путь отряды старшин Есенгула, Ерсадыра и знаменитого батыра Атеке-Жырык. В завязавшемся сражении Абылай разгромил киргизов и принудил их родоправителей к миру. Киргизский бий Карабута, «ему Аблай-солтану дал в аманаты сына своего родного...и семь семей со всем экипажем и скотом...причём и захваченных оными кыргызами ево, Аблаев, владения киргизцев из плену возвратил»[130]. Этот поход Абылая воспет в народной поэме «Песня об Аблае», записанной Ч. Валихановым[131]. Несмотря на одержанную Абылаем победу и достигнутое мирное соглашение, конфликт с киргизами был разрешен не до конца. И через некоторое время столкновения возобновились.

После победы, одержанной над киргизами, султан Абылай не спешил возвращаться в свою ставку в Кокшетау. Дело в том, что в 60-е годы всё чаще в города юга Казахстана стали вторгаться вооруженные отряды Кокандского Ирдана бия. При правлении последнего это государство значительно укрепилось, были расширены его границы. По сведениям Чокана Валиханова, Ирдана-бий предпринимал попытки по «отторжению от киргизских (казахских - К.А.) султанов Туркестана, городов между Чу и Ташкентом»[132]. Кроме того, кокандцы чинили препятствие торговым караванам, идущим в Троицк и Петропавловск «из бухарских городов»[133].

Чтобы мирно решить спорные вопросы, султан Абылай направляет в Коканд посольство, но Ирдана бий отказывается от переговоров. Тогда Абылаю ничего не остаётся, как готовиться к войне[134]. В целях выяснения боеготовности кокандцев Абылай направляет туда приёмного сына «Бурю-солтана в трёхстах киргизцах для просмотру силы и какая есть предосторожность»[135]. Однако отряд, попав в окружение превосходящих сил кокандцев, был взят ими в плен, но через два месяца Бурю и его сарбазы были отпущены. Пробыв около года в Ташкенте, султан Абылай на этот раз не рискует на военный поход в Коканд «и ис Ташкента со всем своим войском отправился в своё отечество и нынешней весной возвратился благополучно»[136].

По возвращении из похода против Коканда Абылай сообщал царским властям, что воевал против ирдинцев (кокандцев - К.А.) «для выручки завладевших усилно Ирденебеком у старшины Базылбека трёх, а ево, Абылаевых, четырёх городов, но Ирденебек на то не склонился, а

ташкентцы, бухарцы, самаркандцы и протчия живущая в тамошних других городках...поклонились под ево, Абылаеву, власть с тем, чтобы жить в тихости и обходиться как детям с отцом»[137].

В следующем году Абылай возобновляет поход против кокандцев. 23 марта 1768 г. казахи Б. Тураев и С. Мамбетов, будучи в Троицке, сообщали, что «Аблай-солтан в прошлом году ходил в поход на ташкентцов, ирденцов...хотя и склонить под свою власть и иметь войну, токмо, здався его воли без войны..., а ташкентцы все теперь состоят подвластными Абылаю»[138]. В том же году летом Ирдана бий направил к султану Абылаю посольство во главе с Фазыл-бием с изъявлением покорности и согласия на подписание мирного договора»[139]. Показания Тураева и Мамбетова подтверждаются фактами, которые приводит Чокан Валиханов. Он писал: «Война Аблая с Ташкентом и Ходжентом[140], в которой он проник до Джизака[141], увенчалась взятием семи городов и кончилась уступкою ему городов Азрета[142], Сайрама, Чишкента, Сузака и др. и обязательством Ташкента платить ему дань»[143].

Таким образом, в результате упорных военных и дипломатических действий, султану Абылаю удается вернуть присырдарьинские города, из-за которых казахские ханы вели длительную войну с шайбанидами и которые были закреплены в составе Казахского ханства лишь при Тауекель хане (1582-1598). Правители Коканда и Бухары признали юрисдикцию Казахского ханства на указанные выше города. Причём последний, желая закрепить договор с Абылаем династическими связями, засватал свою дочь за его сына. В письме оренбургскому губернатору Абылай писал: «Бухарский отправил ко мне своего посланника с навьюченными на 24 верблюдах имением и семью аргамаками с тем, чтобы мне быть с ним сватом, от которого уже и передовые ко мне прибыли»[144].

В конце 60-х годов вновь обострились казахско-киргизские отношения. На границе кочевых народов угон скота друг у друга случался нередко, поэтому такие факты не имели серьёзных последствий. Но, если дело доходило до разорения аулов, убийства и угона людей, то это приводило к военным столкновениям и жертвам. Чаще зачинщиками таких конфликтов выступали киргизские феодалы. Так, возвратившиеся из поездки в Средний жуз Кунгур Юсупов, Такай Каипов, Исерген Илкебаев сообщали в Оренбурге 8 июля 1768 г., что киргизские барымтовщики разорили несколько аулов казахов, кочующих при Сырдарье, при этом совершили «убийство одного киргизца (казаха - К.А.), отвоз одной девки и угон до пяти тысяч скота»[145].

Чтобы положить конец этим бесчинствам, в 1770 г. Абылай выступил против киргизских манапов, которые подвергали грабежу и насилию уйсунские и конратские кочевья в Семиречье и Туркестане, нанёс им

сильное поражение. Битва, получившая название «Джаилның қырғыны» - «Джаилово побоище», происходила в долине р.Чу при впадении в неё рек Кызылсу и Шамси. События эти нашли отражение в казахских и киргизских преданиях, в частности, в поэме «История Абылай хана»[146], они подробно описаны Чоканом Валихановым[147]. В этой битве, по его сведениям, участвовали все киргизские роды и племена в союзе против Абылая. Тем не менее, как писал Ч. Валиханов: «Остались победителями, хотя киргизы дрались насмерть. Киргизы понесли страшный урон...»[148]. В результате этой победы были впервые установлены границы между двумя родственными народами. По условиям мира киргизы «оставили Илю и заняли нынешние кочевья. По миру решили: от озера (вероятно, Иссык - К.А.) до Чу - кочевья киргизов, а от гор на Илю - кайсаков» (казахов). Киргизы освободили всех взятых в плен казахов, возвратили угнанный скот и впервые стороны «обязались не убивать друг друга и дали заложников: сам Исенгул - сына своего Наймана - от бугу, из рода арык - Джанбалу...»[149].

Однако, несмотря на одержанную Абылаем победу, киргизские манапы спустя время вновь возобновили свои разбои, грабя торговые караваны, нападая на казахские аулы. Поэтому хан Абылай вынужден был совершить новый поход в Киргизию летом 1779 г.[150] И этот поход хана Абылая завершился его убедительной победой над киргизскими манапами. Опять были взяты в качестве заложников дети знатных киргизов. «Из пленных киргиз, - писал Чокан Валиханов, - Аблай составил две волости под названием - Яна-Киргиз и Бай-киргиз, которые до сих пор существуют в Кокшетавском округе в составе атыгайских родов»[151].

Казахи и киргизы - самые близкие в этническом отношении народы Центральной Азии, их объединяла общность исторической судьбы, близость языка, культуры и образа жизни. Народы эти на протяжении веков совместно выступали против иноземных завоевателей, поддерживали между собой дружеские отношения. В начале XVIII в. казахи и киргизы объединялись против джунгарского нашествия, предпринимали совместные походы с целью возвращения утраченных кочевий на границе с Джунгарией[152]. Несмотря на это, в 60-70-е годы хан Абылай совершает в Киргизию три военных похода, которые некоторые исследователи квалифицируют как завоевательные[153]. Однако изученные нами документы не дают основания согласиться с такими выводами. Если походы хана Абылая в Киргизию действительно были бы завоевательными, то что мешало ему это сделать? Одержав победу над киргизскими манапами, он их земли не отторгал, наместников не оставлял, а добивался мира, признания границ, возвращения взятых в плен людей и угнанного скота.

Как выше было указано, на кочевья в долине реки Или претендовали и казахи, и киргизы. Нет нужды доказывать, что Семиречье вообще и долины реки Или в частности с древних времён принадлежали казахским родам уйсун, жалаири, ысты, шапрашты и другим. Об этом свидетельствуют как древнекитайские, так и средневековые персидские и арабские источники. Эти земли в начале XVIII в. были захвачены ойратами в ходе их военных вторжений, но были освобождены от джунгар войсками Абылая в начале 50-х годов, ещё до завоевания Джунгарии цинами.

Объясняя причины своего последнего похода в Киргизию, хан Абылай в письме оренбургскому губернатору И. Рейнсдорну указывал: «...Во владении ж моём состоит Большая и Малая орда, ис коих Большая расположена около г.Туркестана в Ташкении, где также находятся воюющие со мной, называемые кыргызы, которые в той области кочующим моим подчинённым киргизцам (казахам - К.А.) чинят несносные беспокойства и притеснения, то есть, делают во всегдашнее время военною рукою на них нападении и притом захватывают к себе жон, детей и имение их, которые, не стерпя таковому разорению вынуждены слёзно просить моего защищения, куда от меня направлены из детей моих и братьев с лучшими людьми, после коих и сам, сев на конь, для отечества нашего отправиться готовлюсь»[154].

Причины агрессивности киргизской кочевой знати по отношению к казахам во 2-ой пол. XVIII в. кроются в особенности социально-политического положения страны. Киргизские роды делились «на два отдела или крыла он (правой руки) и сол (левой руки)», из которых «большая часть родов... правой руки и весь отдел сол имеют кочевья свои во владениях Кокандского ханства...»[155]. Кокандский правитель Ирдана возвёл в Киргизии несколько крепостей, в том числе Пишнек (Бишкек), где и укрылся, потерпев поражение от Абылая в конце 1767 г. Укрепление Коканда в те годы историки связывают «главным образом благоприятными внешнеполитическими условиями»[156].

Другие южные соседи Казахстана Бухарское и Хивинское ханства во второй половине XVIII в. переживали упадок и социально-экономический кризис. В 40-е годы эти государства, ослабленные внутренними распрями, подверглись тяжёлым нашествиям персидского правителя Надир шаха. В последующие десятилетия не прекращались войны между самими этими государствами, равно как и усобицы в самих ханствах. Как было указано выше, бухарский хан искал покровительства Абылая. В хивинском ханстве во второй половине XVIII в. вспыхнула ожесточённая борьба между туркменской и узбекской знатью. Победившие в этой борьбе представители той или другой стороны в качестве хана приглашали казахских чингизидов и также легко их свергали. Например, хан

Младшего казахского жуза Абулхаир в 1741 г. на хивинском троне пребывал в течение 6 дней, а его сын Нуралы - чуть больше - несколько недель. Обстановка в Хиве несколько стабилизировалась во время правления энергичного казахского султана Каипа, сына султана, а с 1748 г. хана части родов Младшего жуза Батыра.

В XVII в. ближайшими соседями казахов были каракалпаки. Они расселялись по Сырдарье, но в результате джунгарского нашествия в 1723 г. они разделились на две части: одна часть ушла вверх по реке, другая в - низовья Сырдарьи. Последние в середине XVIII в. передвинулись в долины Кувандарии и Приаралье и признавали над собой власть казахских ханов. Нижние каракалпаки преимущественно были во владении султана Батыра, у которого власть над ними оспаривал хан Абулхаир, а после его гибели – Нуралы хан.

В 60-е годы XVIII в. началась ожесточённая борьба между казахской и каракалпакской феодально-родовой знатью из-за обладания пастбищами, расположенными в районе Сырдарьи. В 1762 г. султан Ералы, владения которого примыкали к землям, занятым каракалпаками, во главе значительной военной силы совершил набег на своих южных соседей и нанес им чувствительный урон[157]. В следующем году борьба продолжалась. Каракалпаки в отместку за набег 1762 г. перебили многих казахов, в том числе Бурю-султана (брата Каип-хана), который «выбран был в Нижния Каракалпаки ханом»[158]. Бурю был женат на дочери хана Абылая. По словам переводчика Гордеева, побывавшего в 1763 г. в ставке султана Абылая последний собирал войско для усмирения каракалпаков[159]. Но сведений о походе султана Абылая на нижних каракалпаков мы не обнаружили.

На западе соседями казахов Младшего жуза были Волжские калмыки, известные и как «тургуты». Торгоуты - одно из родовых объединений западных монголов или ойратов. Они мигрировали на запад после поражения от своих сородичей в начале XVII в. По сведениям А. Левшина, торгоуты, прикочевав в пределы России «в 1736 г... и быв приняты царём Михаилом Фёдоровичём в число его подданных, получили для кочевания своего обширные земли по обоим сторонам Волги»[160]. Основав своё государство под названием Калмыцкое ханство, торгоуты вели себя крайне воинственно. Они изгнали от Волги ногайцев, потеснили казахов, башкир и другие народы.

Источники содержат факты о многочисленных набегах калмыков в пределы Младшего жуза, сопровождавшиеся грабежом аулов, угоном скота. Казахи отвечали им тем же. В 1757 г. после разгрома цинами Джунгарии и последовавшего за тем поголовного истребления населения, большая группа ойратов в 10 тыс. кибиток во главе со старшиной Галдан-Шереном бежала в русские пределы и поселились на правом берегу

Волги[161]. Земли Джунгарии, прародины волжских калмыков, после массового истребления ойратов совершенно опустели и манили к себе. У калмыков зародилась мысль вернуться на землю отцов.

Осенью 1770 г. старшинами во главе с ханским наместником Убаши и упомянутым Шереном было принято решение переселиться в опустевшие земли своих предков. Калмыки известили китайские власти о своём намерении переселиться на земли предков, те согласились их принять. Зима в том году выдалась теплая, река не замерзла, инициаторы переселения напрасно прождав перехода на левый берег тех, кто жил на правом берегу Волги, решили отправиться в путь без них.

Причины бегства калмыков исследователи объясняют по-разному. А. Левшин считал, что оно явилось следствием происков Шерена, уговорившего посулами наивного Убаши[162], а К. Котёнков бегство объяснял необузданностью характера кочевников[163]. Другие исследователи как, например, А.С. Пушкин, объясняли уход калмыков непомерным гнётом со стороны царских властей[164]. Многие советские исследователи также связывали бегство калмыков с общим усилением колониального гнёта подвластных России народов в конце XVIIIв.[165]

5 января 1771 г. более 30 тыс. кибиток[166], или около 170-180 тыс. человек, в сопровождении 40 тыс. относительно хорошо вооруженного отряда, отправились в направлении своей исторической родины. Их путь пролегал через казахские степи. У казахов это событие известно под названием «Шаңды жорық» (пыльный поход)[167]. По пути следования калмыки нанесли большой урон казахским хозяйствам, грабили аулы, угоняли скот. Оренбургский губернатор И.Рейнсдорп предписывал казачьим войскам, применив оружие, вернуть беглецов. Он также направил письмо хану Нуралы с тем же предложением[168]. Первую преграду им должно было составить яицкое казачье войско, оно не смогло своевременно собраться, а многие казаки не пожелали исполнять указания властей, так как были недовольны условиями службы. Хан Младшего жуза, собрав, сколько смог, войско, выступил навстречу калмыкам, к нему присоединился отряд оренбургских казаков. Первая битва состоялась в середине февраля на берегу реки Эмбы. Преследователи, хотя и нанесли значительный урон беглецам, остановить их не смогли и вынуждены были вернуться. Не более успешными были и действия регулярных частей, направленных к царской крепости под командованием генерал-майора Траубенберга.

Понеся большие потери, калмыки к концу июня подошли к озеру Балхаш и остановились у р.Моинты. Здесь их настигло казахское войско под предводительством хана Абылая. В его состав входили отряды хана Нуралы, Адиля султана, султана Уруса и др. Осознав чрезвычайную опасность создавшейся обстановки, предводитель калмыков Убаши

отправил к Абылай хану послов. Послы на переговорах от имени Убаши обратились к хану Абылаю «с просьбой принять его вместе с подвластными людьми в своё подданство и отвести земли для кочёвок»[169].

Для обсуждения предложений Убаши хан Абылай созывает военный совет. Мнения участников совещания разделились, Абылай был склонен принять предложение калмыков, однако большинство батыров стояли за полный их разгром. Переговоры затянулись, было достигнуто перемирие на три дня. На третий день калмыки под покровом ночи, оставив для прикрытия почти всё оставшееся войско, ушли. Наутро началось сражение, по сведениям И.Г. Андреева закончившееся полным поражением калмыков. Они «разбиты были, - как он писал, - при великом озере Балхаш»[170].

После сражения казахские батыры продолжили преследование калмыков, нанося им большой урон. К исходу лета лишь десятая часть калмыков, снявшихся с берегов Волги, дошла до земли предков. Но и здесь их ожидало полное разочарование и суровое испытание[171].

Отношения казахов с башкирами были дружественные. Абылай султан предоставил убежище предводителю башкирского восстания 1740 г. Карасакалу. Как было отмечено выше, выдачи его требовали и русские власти и джунгарский правитель Галдан Церен, но Абылай этого не сделал. Он так же принял участников восстания Батырши в 1755 г., которые бежали от преследования после подавления восстания. Видимо поэтому, башкиры Катайской волости, притесняемые царскими властями, в 1758 г. «посылали от себя к Аблай-солтану нарочных людей... с просьбою, чтоб он принял их под свою протекцию и дал бы им для житья землю»[172]. В архиве сохранился и другой интересный документ о том, как Абылай султан склоняет башкир вступить в его подданство[173].

Анализируя международное положение Казахстана в 70-е годы, Чокан Валиханов отмечал: «Джунгары были уничтожены китайцами; торгоуты (волжские калмыки - К.А.), разграбленные киргизами...кое-как дотащились до Или, где и попались в хитрые сети китайской политики. Яицкие казаки, обессиленные пугачевским бунтом и принятые в руки правительства, не могли делать самовластных вторжений; оставались врагами киргизом (казахов – К.А.) только хитрые буруты и отчасти среднеазиатские владельцы...»[174]. Но и эти «оставшиеся враги» казахов были Абылай ханом нейтрализованы, с ними достигнуты мирные соглашения. Как бы ни были важны проблемы южных рубежей страны, все же приоритетными внешнеполитическими задачами для Абылай хана оставались вопросы взаимоотношений с Северным и Восточным соседями.

После установления в конце 50-х годов султаном Абылаем дипломатических отношений с Китаем, на казахскую землю, наконец,

пришел долгожданный мир. Вместе с тем, изменение геополитической обстановки в Центральной Азии и новый расклад военно-стратегических сил у границ Казахстана потребовали от Абылая выработки внешней политики соответствующей новым реалиям. Суть перемен заключалась прежде всего в том, что теперь Казахстан оказался между двумя могущественными империями: Россией и Китаем. Каждая из этих стран имела в Казахстане, да и во всем Центральноазиатском регионе, свои интересы, преследовала свои цели. Учитывая эти обстоятельства, хан Абылай строил свою внешнюю политику так, чтобы отвести угрозу целостности и независимости своей страны, исходящие от этих стран, и извлечь для нее определенные выгоды.

Приоритетным направлением внешней политики хана Абылая была забота об укреплении дружеских отношений с Россией. Политические связи с русским правительством и администрациями регионов осуществлялись через регулярно присылаемые посольства. Хан Абылай постоянно заботился о безопасности прохождения через степь торговых караванов, строго наказывая тех из своих подданных, кто совершал кражу скота или наносил российской стороне иной ущерб. В то же время хан Абылай остро реагировал на случаи нанесения обиды и несправедливости своим подданным со стороны линейного казачества и командиров. Он требовал от российских властей, чтобы «изволили жаловать российских и киргиз-кайсак как и прочих народов в равенстве, здешния б линейныя командиры делали справедливость, а обид бы и озлобления не чинили»[175].

После окончательного падения Джунгарии в 1757 г. султан Абылай вступил в переговоры и установил дипломатические отношения и торговые связи с Цинской империей, что вызвало в правительственных кругах России и у местной администрации серьезную озабоченность. Царское правительство опасалось, что султан Абылай, «предавшись» Китаю, может «поколебать» и Младший жуз и «как бы он (Китай - К.А.) через то России большим неприятелем не зделался»[176].

Установив связи с Цинской империей, Абылай не отказывался от признания российского протектората и заверял власти, «как он сперва при вступлении в подданство о пребывании в верности обещал, так, доколе в нем душа будет, дотоле в том пребывать имеет».[177] Переводчик Матвей Арапов, возвратившийся 13 августа 1764 г. в Оренбург из поездки в Средний жуз, где занимался и выяснением: «не поддается ли султан на прельщение, чиненное от соседняго китайского народа». В своей «скаске» о поездке Арапов отмечал: «И хотя-де он (Абылай - К.А.) с китайской стороны разным образом склоняем бывает, однако-де он прямого и точного в тое сторону ничего, кроме лестного, не учинил, а находится-де в непременном намерении быть в подданстве Е.И.В. и должность свою, сколько возможности его будет, отправлять»...[178]

Подданство российской короне казахскими правителями, в том числе ханом Абылаем, воспринималось как политический союз, накладывающий определенные обязанности обеим сторонам, но совершенно не допускалась мысль об ограничении суверенитета своей страны. Российская сторона не вмешивалась во внутреннюю жизнь Казахстана, но хотела бы ограничить свободу внешнеполитических сношений, к примеру, выражала неудовольствие связями хана Абылая с Цинской империей. Однако она не имела реальных рычагов воздействия на политику Абылай хана, а он до конца своей жизни не прекращал политические контакты и экономические связи с Китаем.

Абылай, как самый достойный из султанов, был избран общеказахским ханом в начале лета 1771 г. С этого момента резко сокращается обмен посольствами с оренбургской и сибирской ведомствами. По свидетельству Ч.Ч.Валиханова, Абылай, после избрания его ханом, «не хотел ехать на русскую границу для принятия присяги, говоря, что он давно утвержден в своем достойнстве народным избранием и грамотою «сына неба»[179].

То, что посольские связи Абылай хана с Оренбургом в начале 70-х годов были прерваны, отчасти объяснялось восстанием Е. Пугачева, державшего край в большом напряжении. Но после подавления восстания, по указанию Коллегии иностранных дел, Оренбургский губернатор возобновляет попытки склонить хана Абылая к обращению к русской императрице за утверждением «в новом своем достоинстве»[180].

С этой целью в январе 1776 г. в Кокшетау для переговоров с ханом Абылаем направляется капитан Брехов. Подробно докладывая о своем пребывании в ставке хана, Брехов описывает, что он был принят Абылай ханом на второй день по прибытии в одном из покоев выстроенного деревянного дома в присутствии детей. После чтения письма генерал-губернатора, где содержалось предложение, чтобы Абылай обратился к императрице об утверждении его в звании, хан «ответствовал: ханское титло приобрел еще прошлого 1771 года... чрез трех орд ханов, солтанов, старшин киргисцов, ташкентцов и туркестанцов самолутчих людей с общего согласия с тем, чтоб ему, солтану, быть над всеми ханами главным, будучи в городе Туркестане при гробе Святого Ходжи Ахмета. Причем-де по обычаю их и по образу прежде возведенных ханов прочтена утвердительная молитва, а ныне действительно на ханство возведен поднятием пред всем собранием на белой кошме».[181]

На предложение капитана Брехова хан Абылай дал согласие и «объявил, что пошлет в Петербург сына своего султана Тугума».[182] Возникает вопрос, почему Абылай спустя пять лет после своего избрания ханом дает согласие на обращение к русской императрице с просьбой об утверждении его в этом звании? Мнения исследователей расходятся, к примеру, рассматривая этот вопрос, историк Ж. Касымбаев отмечает, что

Абылай, удостоившись звания хана по исламским канонам, «домогался юридического узаконения своих функций теперь уже правительницей обширной империи».[183] Другого мнения по данному вопросу придерживаются авторы учебного пособия по истории Казахстана. Они считают, что обращение Абылая к русской императрице объясняется «в первую очередь» главным образом его желанием получить от местных командиров русские регулярные войска для покорения тянь-шаньских кыргызов и оседлого населения присырдарьинских городов»[184]

Разумеется, обе точки зрения имеют право на существование, однако принять их мы не можем, и вот почему. Во-первых, султан Абылай был избран ханом не по канонам ислама, а как объяснял сам Абылай «по обыкновению нашему», то есть по тюрко-монгольской традиции, восходящей к Чингисхану, который, как известно, не был мусульманином. Во-вторых, Абылай не «домогался[185] юридического узаконения своих функций», а напротив, «уступая настойчивым просьбам оренбургской администрации»[186] обращается к русской императрице, чтобы добиться признания его полномочий, а не узаконения. Ибо хан Абылай в своем письменном обращении к императрице кратко и в то же время всесторонне обосновывает полную легитимность своей власти.

Что касается второй точки зрения, то следует отметить, что Абылай хан действительно обращался к оренбургскому губернатору К. Рейнсдорпу предоставить в его распоряжение небольшой контингент русских войск. Таких обращений было два. Впервые этот вопрос Абылаем ставился в 1769 г. в связи с требованием царского правительства в качестве аманата (заложника) одного из его сыновей. Такая практика давно была введена в отношениях с ханами Младшего жуза.

И во втором письме к И. Рейнсдорпу, и в обращении к императрице Екатерины II хан Абылай просил войско на случай нападения на Казахстан «дальних» неприятелей и воинской отряд, хотя бы в 300 человек для поддержания внутреннего порядка. Разумеется, отряд в 300 человек не такая уж большая сила, но он, видимо, нужен был хану Абылаю как символ поддержки со стороны российского правительства проводимой им политики.

И еще. К 1777 году, когда хан Абылай обращался к Екатерине II, необходимости в «русских регулярных войсках для покорения тянь-шаньских кыргызов» уже не было. К тому времени Абылай совершил против киргизов три похода, в двух сражениях он одержал решительную победу, а третье выступление не дошло до военных действий, стороны пришли к соглашению без боя. Что касается присырдарьинских городов, то они были возвращены Абылаем казахскому ханству еще до избрания его ханом.

На наш взгляд, хан Абылай, уступая настойчивым просьбам оренбургской администрации, обратился к русской императрице с целью сохранения с Россией тесных политических и экономических отношений, а также, как было отмечено выше, для получения признания его полномочий хана всех трех казахских жузов. Об этом красноречиво свидетельствует весь текст послания хана Абылая Екатерине II.[188]

Однако объединение казахских жузов под властью одного главного хана противоречило стратегическим целям российской империи. Об этом совершенно определенно писал еще первый Оренбургский губернатор И.Н. Неплюев. «В киргизском народе, - писал он, - между прочими особливому главному хану быть не только не полезно, но вредительно быть может.[189] Поэтому вполне «естественно», что коллегия иностранных дел в своем представлении императрице Екатерине II указала, что «он (Абылай - К.А.), сказывая себя таким образом избраньем вообще от всех киргиз-кайсак, видиться присваивать себе напрасно больше преимущества, нежели сколько в самом деле ему принадлежать может...»[190]. На этом основании императрица Екатерина II в Грамоте султанам, старшинам и всему казахскому народу отметила, что «за благо и за справедливо могли удостоить его императорской нашей конфимации в приобретенном достоинстве... ханом в помянутой Средней орде...»[191]

Когда для торжественного вручения грамоты императрицы Абылай хана пригласили в Оренбург, он в знак протеста за то, что Екатерина II утвердила его ханом только Среднего жуза, а не всего казахского народа, отказался прибыть туда. Тогда Абылаю предложили прибыть в Петропавловск, и от этого он отказался. Как писал по этому поводу А. Левшин, «раздраженное дерзостью Аблая правительство русское прекратило ему выдачу жалованья и потом искало средств унизить его власть поддержанием и усилением кого-нибудь из султанов, находившихся с ним во вражде. Некоторые меры к тому уже были приняты, даже думали взять его в плен и отправить внутрь России...»[192]. Одной из этих мер явилось инспирированное заявление сына Барак султана Даира о том, что якобы Абылай незаконно узюрпировал власть хана, по закону принадлежащую ему. Была предпринята также попытка противопоставить Абылаю одного из близких ему людей - султана Абулфеиза, сына Абульмамбет хана. Однако эти интриги ничего не дали, так как авторитет и власть Абылай–хана среди казахов были непререкаемы. Чтобы удерживать Абылая в сфере своего влияния, русскими властями были предприняты новые попытки склонить его к принятию грамоты императрицы. С этой целью Абылаю с 1979 г. была восстановлена выплата жалованья в сумме 300 рублей и 200 пудов хлеба, к нему направлялись посольства.

Будучи дальновидным политиком и тонким дипломатом, хан Абылай понимал возможные негативные последствия для своего народа от конфронтации с Российской империей. Особенно большое значение для казахов приобрели торгово-экономические отношения с северным соседом.

Учитывая все эти обстоятельства, хан Абылай возобновляет связи с оренбургской администрацией, однако принять царскую грамоту категорически отказывается. По имеющимся у нас сведениям, «предназначенная ему (Абылай хану-К.А.) грамота, равно как и прочие знаки ханского достоинства, остались в Петропавловской крепости..."[193]

В поведении хана Абылая царская администрация и местная власть усматривали происки цинского двора. Действительно, Абылай хан до конца своей жизни не прекращал сношения с Цинской империей. На этом основании в дореволюционной российской,[194] советской[195] историографии, в трудах некоторых современных исследователей утвердилось мнение, что хан Абылай в одно и то же время был подданным и России и Китая,[196] то есть проводил политику двоеданства или тому подобное или лавирования между двумя империями. Выше нами приводились аргументы,[197] доказывающие, что хан Абылай на подданство цинскому двору не присягал.

Говоря о политике «лавирования», приписываемое хану Абылаю, надо иметь в виду следующее. После принятия российского подданства в 1740 году Абылай до последних дней своей жизни, хотя и поддерживал отношения с царским правительством и местными администрациями Оренбурга и Сибири, ни разу, несмотря на настойчивые приглашения, не приезжал ни в один из российских городов, ни разу не встречался с высокопоставленными представителями властей. То же самое можно сказать и в отношении цинского руководства. Султан Абылай только однажды в 1757 году имел встречу с командирами китайских войск, вступивших в восточные пределы Казахстана.

Констатируя подобные факты, историк В.А. Моисеев писал: «О каком лавировании может идти речь в такой ситуации? Другое дело, что Аблай, понимая насколько несоизмерима мощь России или Китая с Казахским ханством, стремился поддерживать с обеими империями нормальные межгосударственные отношения, используя последние как козырь в борьбе со своими внутренними противниками, а также в войнах против Коканда, киргизских манапов»[198]. Мы полностью разделяем данное высказывание В.А. Моисеева.

4.4 Личная жизнь хана Абылая

Вопросы личной жизни хана Абылая не стали пока темой самостоятельного исследования ученых, однако отдельные сведения о ней имеются в исторической литературе.[199] Родословная хана Абылая нами освещена в первой главе, здесь же только отметим, что все казахские ханы происходят от старшего сына Чингисхана - Джучи,[200] а не от трех его сыновей, как ошибочно считают некоторые исследователи.[201] Ближайшие предки Абылая - прославившийся в войне с джунгарами хан Жангир, его сын Вали, его сын Абылай (Канигер) и есть дед Абылай хана. После гибели в 1723 г. отца Вали султана, правителя Ташкента, Абильмансур (настоящее имя хана Абылая) остался совершенно один, испытав все тяготы и лишения сиротской жизни.

Общепринятая казахстанскими учеными дата рождения хана Абылая - 1711 год, с этим, однако, согласны не все. Так, известный писатель исторического жанра Мухтар Магауин пишет: «Абылай-бахадур-хан родился в 1713 году... в литературе ошибочно принят 1711-ый. Ни в одном историческом документе нет сведений о том, что Абылай родился в 1711 г.»[202] Следует заметить, что в исторических источниках нет и указаний о том, что Абылай родился в 1713 г.

На наш взгляд, хан Абылай все же родился в 1711 году. В пользу этой версии говорят следующие обстоятельства. На основании анализа исторических документов, в начале 1860-х годов Чокан Валиханов отмечал, что в 1723 г., когда погиб Вали султан, «жизнь тринадцатилетнего сына его, Аблая... спасла преданность одного из рабов».[203] Это во-первых. Во-вторых, старший сын хана Абылая Вали в обращении к Екатерине II (август 1781 г.) писал: «... Отец мой, Аблай хан, по достижении в жизни шестидесяти девяти лет скончался.[204] Если учесть, что Абылай хан умер весной 1781 н. и ему исполнилось 69 лет, шел седьмой десяток, то вполне реально, что он родился в 1711 году. В-третьих, А.И. Левшин опять-таки на основе сопоставления документальных фактов пришел к выводу: «В 1781 г. Аблай возвращался к границам России, но в дороге, на 70 году от рождения умер и похоронен в Туркестане»[205] Думаю, приведенные факты дают полное основание считать, что хан Абылай родился в 1711 году.

Как было отмечено в первой главе данной работы, слава и известность Абылаю пришли в возрасте 20 лет, тогда же состоялась его женитьба. Представления и традиции казахов о брачно-семейных отношениях того периода позволяли иметь нескольких жен, многоженство разрешалось и мусульманской религией. Разумеется, количество жен зависело от сугубо индивидуальных особенностей человека, его материальных и других возможностей, но в отношении правителя, по понятиям той эпохи считалось, чем родовитее хан, тем основательнее его власть. Поэтому

большинство титулованных особ имели не одну, как в христианских странах, а несколько жен, к примеру, у Абульмамбет хана были две жены, у Абулхаира - три. Последний от трех жен имел 7 сыновей.

Хан Абылай был оригинален и в смысле семейной жизни, у него были 12 жен и все знатного происхождения. Первая жена, Карашаш ханум, была, по сведениям Ч. Валиханова, дочерью Абулхаира или Каина хивинского»[206] В действительности, как уже было указано, Абылай был женат не на дочери, а на родной племяннице хана Абулхаира. Вторая жена Абылая, Сайман ханум, мать старшего его сына Вали, была дочерью каракалпакского бека, третья - Бабак ханум - дочь кашгарского правителя, пятая - Топыш ханум была родной племянницей джунгарского повелителя Галдан Церена. Топыш ханум родила Абылаю нескольких дочерей и двух сыновей, в том числе и Касыма торе,[207] наиболее последовательного борца за политику Абылая по объединению всех трех жузов и созданию независимого централизованного государства.

В 1820-е годы Касым султан первым из числа правящей казахской элиты начал борьбу против колониальной политики царизма в Казахстане. Именно сын Касым султана Кенесары возглавил самое крупное антиколониальное национально-освободительное движение в Казахстане в 1837-1847 годы.

Из других сыновей Абылай хана заметный след в истории Казахстана оставил султан Вали, который при жизни отца был ему первым помощником в делах по управлению страной. Характеризуя окружение Абылая и его отношение к близким ему людям, писарь Ягуда Усманов говорил, что «у него первые любимцы и во всех делах верные советники» сыновья Вали и Чингис, а также старшина Дат батыр. После смерти Абылая ханом был избран Вали султан.

Всего от 12 жен хан Абылай имел 40 дочерей и 30 сыновей.[208] Чоканом Валихановым в своем исследовании приводятся имена 19 сыновей[209] Абылай хана, нами обнаружены имена еще трех его сыновей.[210] Разросшаяся, большая семья Абылая была на редкость дружной и составляла ему социальную опору в осуществлении его многогранной деятельности. Дочери хана Абылая были выданы замуж за представителей казахской правящей элиты и за принцев соседних стран. Наряду с собственными детьми разносторонние услуги Абылаю оказывали дети его близких родственников: такие как Урус султан, Жолбарс султан, Даулеткерей султан, Керей султан, Бурго султан и др. В последние годы жизни Абылая окружали и уже взрослые внуки от его многочисленных детей. Последовательными борцами за дело, которому посвятил свою жизнь хан Абылай, зарекомендовали себя, кроме наследника престола Вали хана, и сыновья: Касым, Суюк, Чаша, Адиль.

Борьбе по объединению казахского народа, освобождению его от колониального ига и возрождению независимого Казахстана посвятили свои жизни и приняли героическую смерть внуки хана Абылая, дети Касым султана: Саржан, Есенгельды, Кенесары, Наурызбай, внучка Бопай, правнуки Ахмет, Садык и другие. Заметный след в истории Казахстана и казахско-русских отношениях оставили сыновья Валихана Губайдулла и Чингис. Обессмертил имя своих предков великий просветитель-демократ, ученый, исследователь истории Казахстана и Центральной Азии Чокан Валиханов. Все познается в сравнении. К примеру, у хана Абулхаира в разное время в регионах Младшего жуза и так называемой Внутренней Орды ханами были три сына, 9 внуков и 5 правнуков.[211] Но ни один из них не поднялся до уровня общенационального масштаба, не выдвигал общенациональные задачи, а ограничивался лишь своими клановыми интересами.

По описанию современников, Абылай был выше среднего роста, плечист, обладал большой физической силой. Его храбрость, отвага и ловкость воспеваются в многочисленных героических песнях и поэмах. До последних дней жизни Абылай хан не сходил с боевого коня, делил со своими воинами тяготы походной жизни, дважды был ранен. О разносторонних дарованиях и высоком интеллекте Абылая писали русские исследователи А.И. Левшин, П. Рычков, А. Тевкелев, М. Кроссовский и др. Он говорил на семи языках, в том числе - на китайском.[212] Согласно историческим сведениям, Абылай был остроумен, находчив[213] и, вопреки утверждению некоторых историков, не был жаден, захваченную в походах добычу он отдавал своим воинам. А. Тевкелев и П. Рычков в донесении в Коллегию иностранных дел от 19 мая 1758 г. отмечали, что Абылай «в воинских случаях, по киргисскому обыкновению, ни себя ниже иждивения своего не жалеет, и что где вдобычь достанет, то ничего себе не оставлял, в народ раздает и тем у них весьма властительным учинился».[214]

Из духовных пристрастий хана Абылая исследователи отмечают его увлеченность игрой на домбре, с которой не расставался даже в походах. Он не только хорошо играл на домбре, но и сочинял кюи[215]. Известны около двух десятков таких произведений, автором которых считается Абылай, наибольшую известность получила его музыкальная драма «Шангы жорык» (пыльный поход).

Что же двигало действиями Абылая? По-видимому, большая любовь и преданность своему народу, служению которому он посвятил всю сознательную жизнь. В письмах и посланиях он ни разу не допускал по отношению к народу пренебрежительного отзыва, а с гордостью писал «мой народ», «мои казахи».

Последние два года жизни хан Абылай провел на юге. В августе 1779 г. хан Абылай в письме к оренбургскому губернатору И. Рейнсдорпу сообщал, что он собирается в поход против киргизских манапов, которые, будучи под влиянием кокандского бека, совершали нападения на казахов Старшего жуза. Абылай писал: В поход «отправлены из детей моих и братьев с лучшими людьми, после коих и сам, сев на конь, для отечества нашего отправиться готовлюсь»[216].

Достоверность этой информации подтвердил и капитан Р. Лилингрейн, специально посланный к хану Абылаю, чтобы склонить его к принятию грамоты императрицы об утверждении его ханом Среднего жуза. Он в своем отчете о поездке указал, - «что Аблай-хан в Петропавловскую крепость для получения на ханское достоинство знаков ни под каким видом не хочет, а только представляет в резон, что будто бы он, Аблай, збирается ехать на воюющих с его, Аблай-хана подчиненными киргизцами киргизцов, где-те и пробыть может лет семь...»[217]

Другой оренбургский эмиссар, побывавший в конце того же года в ставке хана Абылая, башкирский старшина К. Казанбаев, доносил, что Абылай «4000 человеках киргис-кайсаков с пятью своими сыновьями и с двумя женами отправился в поход...- а хотел пребывание свое иметь в городе Туркестане...»[218]

Действительно, последние два года жизни хан Абылай с частью своего семейства провел в Туркестане, оставив орду в Кокшетау на попечение старшего сына Вали. По сведениям Р.Б. Сулейменова и В.А. Моисеева: «скончался он (Абылай - К.А.) осенью 1780 года под Ташкентом.»[219]

Нам представляется более достоверной дата смерти хана Абылая май 1781 год., ибо 23 мая его сын Вали через нарочных извещает командующего войсками сибирских линий генерал-майора Н. Огарева о смерти отца. Тот же султан Вали в августе 1781 года в послании на имя Екатерины II писал: «Отец мой Аблай-хан по достижении в жизни шестидесяти девяти лет скончался»[220] Чокан Валиханов также писал, что хан Абылай «по принципу своих родоначальников, остался жить в Туркестане, где и умер в 1781 году и похоронен в фамильном склепе, под мечетью хаджи Ахмета-Ясави».[221] Вот еще один исторический источник: «Памятная книжка Западной Сибири». Там указано, что умер Аблай хан, кочуя около г.Туркестана в 1781 году и погребен в мечети хаджи Азрет Яссави».[222] Выше нами приводилось высказывание на этот счет А.И. Левшина, который также считал, что хан Абылай умер в 1781 году «на 70 году от рождения».[223] Думаю, что приведенные нами документальные сведения - достаточное основание считать, что хан Абылай умер в 1781 году на 70 году жизни.

Похороны хана Абылая состоялись в Туркестане при большом стечении народа и съехавшихся со всех регионов Казахстана

представителей родоплеменной знати и султанов. Обстоятельства смерти и похорон хана Абылая нашли отражение в народных преданиях, в частности, в одной из поэм отмечается, что в качестве надгробного камня установили мраморную плиту, купленную в Самарканде за 300 степных скакунов. По преданиям, мраморная плита необычной красоты в свое время была завезена эмиром Тимуром и подарена своей дочери царевне Хатам.[224]

По казахскому обычаю через 40 дней в Туркестане вновь собрались султаны, бии, батыры, старшины и родственники на поминки почившего хана Абылая. Тогда же состоялись и выборы нового хана, им стал старший сын хана Абылая султан Вали (1781-1819 г). Так завершился жизненный путь славного хана Абылая.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В истории любого народа есть периоды, которые называют переходными или переломными. В такие моменты общество переживает процесс перехода от одного качественного состояния в другое и адаптации к новым условиям. На основе исследования автор пришел к выводу, что именно такой период в своей истории переживал Казахстан в начале XVIII века. Правда, переходный характер того периода не был связан со сменой формации, но, тем не менее, он был насыщен многими событиями, определившими судьбу народа на столетия вперёд. Это такие события, как распад единого государства на ряд мелких владений, глубокие потрясения, связанные с джунгарским нашествием, вынужденное признание российского протектората и, наконец, борьба с экспансионистской политикой Цинской империи. Необходимость решения этих сложнейших проблем и обусловила появление на исторической арене неординарной и яркой личности Абылая.

Как показали исследования, находясь в эпицентре всех указанных исторических событий, хан Абылай оказал на их исход решающее воздействие, добился освобождения исконных казахских земель от иноземных захватчиков, объединения их в одно государство и сохранения фактической независимости своей страны. Именно поэтому в исторической памяти казахского народа XVIII век отложился как «Абылай заманы» - эпоха Абылая. Естественно, перечисленные выше жизненно важные для страны вопросы Абылай решал не в одиночку.

Цели и идеи, за которые боролся Абылай хан, находили всенародную поддержку в лице самых влиятельных и авторитетных его представителей, таких, как поэт-мыслитель Бухар жырау, мудрые Толе бий Алибеков, Каздаусты Казбек бий, Айтеке бий, прославленные батыры Канжагалы Карт Богембай, Кара-Керей Кабанбай, Шакшакулы Жанибек, известные ханы и султаны Абулхаир, Абульмамбет, Барак, Батыр и многие другие. Однако и среди этой плеяды исторических деятелей разносторонние дарования Абылая делали его фигуру ключевой. Историческая заслуга Абылая в том и состоит, что в критический момент, когда остро встал вопрос быть или не быть Казахстану самостоятельным государством, он сумел преодолеть сословные предрассудки, сплотить вокруг себя все здоровые силы народа и возглавить борьбу против чужеземных завоевателей.

В первые десятилетия XVIII в. казахское общество переживало резкий экономический спад, связанный с кризисом всей системы производства, основанного на кочевой форме скотоводства. Кочевничество, обеспечивавшее в предшествующие столетия определённые преимущества номадам, позволявшее им осваивать громадные

пространства аридных зон Евразии, к началу нового времени превратилось в фактор, консервирующий примитивные виды орудий труда, тормозящий технический прогресс.

Как считают ученые, в период первоначального накопления натуральная система производительных сил кочевников оказалась неспособной составить конкуренцию новым формам организации труда. Открытие морских торговых путей со странами Востока вело к постепенному отмиранию Великого Шёлкового пути, что отрицательно сказывалось на экономическом состоянии городов. Особенно сильно города пострадали и пришли в упадок вследствие разрушительных нашествий джунгар. Упадок городской жизни в Туркестане привел к полному расстройству экономической системы казахского общества. Тяжёлый экономический кризис находил свое отражение в политическом положении Казахского ханства, а также способствовал обособлению его отдельных регионов и росту сепаратизма знати.

В начале 30-х годов, когда начинал свою деятельность султан Абылай, Казахстан не представлял собой единое государство. Он был разделён на три самостоятельных жуза, которые в свою очередь распадались на мелкие владения: улусы и аймаки, во главе каждого из которых стояли свои ханы и султаны, совершенно независимые друг от друга. Отсутствие экономических связей отдельных регионов, кочевой быт и сложная родоплеменная система организации казахского общества порождали центробежную тенденцию. Её носителями выступала родовая знать. При слабом общеказахском хане родовые старшины отдельных регионов провозглашали ханом кого-нибудь из числа честолюбивых и незадачливых представителей правящей элиты. Именно так случилось после смерти Тауке хана при его приемниках Болат хане и его сыне Абульмамбете, когда в 1720-1730 годы одновременно ханами были Абулхаир, Самеке, Турсун, Кучук и другие.

Ослаблением Казахского ханства не преминули воспользоваться правители соседних стран. Особенно угрожающий характер приобретают агрессивные действия джунгарских феодалов. Событием, потрясшим всё казахское общество, явилось джунгарское нашествие в 1723-1730 гг., имевшее трагические последствия. В этих условиях альтернативой полному джунгарскому порабощению могло быть только объединение усилий всего народа, возрождение государства и укрепление центральной власти. Но для этого нужен был общенациональный лидер, способный взять на себя ответственность за судьбу своей страны. К сожалению, в тот конкретный исторический момент такого лидера, пользующегося поддержкой всего казахского общества, среди правящей элиты не оказалось. Хан Младшего жуза Абулхаир, избранный главнокомандующим объединённым войском всех трёх жузов, на роль

политического лидера не мог претендовать, так как не принадлежал к клану правящего дома джадиковичей.

В такой сложной внутриполитической и международной обстановке хан Абулхаир от имени родов Младшего жуза принимает подданство России, желая с ее помощью укрепить свое политическое положение. Тема присоединения Казахстана к России является традиционной в казахстанской историографии. В разные периоды исследователи давали этому акту противоположные оценки: от признания его добровольности и исключительно прогрессивного значения до рассматривания этого процесса как завоевания и абсолютного зла для казахского народа. Как показали исследования, присоединение Казахстана к России было длительным историческим процессом, и уже на его начальном этапе в 1731-1781 гг. просматриваются как элементы добровольности (признание сюзеренитета России ханом Абулхаиром в 1731 г. и султаном Абылаем в 1740 г.), так и военно-казачьей колонизации (строительство линий военных крепостей на казахской земле в 1735-1781 гг.). На наш взгляд, также нельзя однозначно оценивать последствия и историческое значение присоединения.

Что касается роли хана Абылая в развитии казахско-российских отношений, то она была исключительной. Он стоял у истоков казахско-русского сближения, последовательно выступал за расширение торгово-экономических и политических отношений двух народов. В то же время хан Абылай на протяжении всей государственной деятельности добивался и практически отстоял политическую самостоятельность, территориальную целостность и государственность Казахстана. Безусловно, эта сторона деятельности хана Абылая противоречила целям имперской политики самодержавия в Казахстане, но она ни в коей мере не затрагивала подлинные интересы России, напротив, она объективно способствовала созданию здоровых и прочных основ дружбы и взаимопонимания между казахским и русским народами.

В критической ситуации начала 1720-х годов многие дальновидные представители народа стали осознавать необходимость объединения жузов и отдельных владений. Единство народной воли нашло свое воплощение в личности Абылай хана. Хотя родоплеменные старшины Среднего жуза еще в начале 30-х годов избрали Абылая своим правителем, он отказывался именовать себя ханом. Абылай считал, что страной должен управлять один хан, поэтому постоянно заботился об укреплении власти хана Абульмамбета, который официально считался его сюзереном. В 1762 году, когда чиновники царского правительства предложили провозгласить Абылая ханом при жизни хана Абульмамбета, он решительно отказался от этого. Будучи сторонником объединения Казахстана в единое централизованное государство, Абылай после его

избрания общеказахским ханом в 1771 г. последовательно и беспощадно боролся против засилья и сепаратистских действий родоплеменных вождей и старшин и они, по словам Валиханова, вынуждены были «подчиниться его железной воле».

Имея в виду борьбу Абылая со своеволием родоначальников, М. Вяткин отмечал прогрессивность этой стороны деятельности Абылая. Такая оценка внутриполитической деятельности хана Абылая ученым была дана в 1947 году. В последующие годы в связи с принятием ЦК ВКП (б) постановлений по так называемым «идеологическим вопросам» отношение советских историков к историческому прошлому казахского народа в корне изменилось. С 1950-х годов в исторической науке Казахстана прочно утвердилось положение о том, что якобы «время правления Абылая запечатлелось в памяти народа, как период произвола и насилия».

Совершенно иная оценка дается хану Абылаю в современной казахстанской историографии. Так, Президент Казахстана Н.А. Назарбаев в своей книге «В потоке истории» отметил, что стремление народа к единству нашло отражение в деятельности хана Абылая. «Подвиги Абылай хана-объединителя, - пишет Н. Назарбаев, - который вместе с батырами творил чудеса героизма, стали одной из опор возрождения казахского духа в тот жестокий век»[1]. Такова вкратце оценка деятельности хана Абылая в настоящее время.

В числе важнейших сторон деятельности хана Абылая в диссертации отмечены его действия по возрождению государственности укреплению центральной власти. С этой целью Абылай осуществил реформу системы управления, введя элементы централизации властных структур взамен традиционной казахской ментальности, заключавшейся в родоплеменной организации управления. Исторический опыт показал, что носителями центробежных тенденций и сепаратистских настроений была родоплеменная знать: некоторые влиятельные бии, укрепив свою власть в жузе, соперничали с ханом. С учетом этого Абылай запретил выборы общежузовых биев, беспощадно пресекал их своеволие. За биями были оставлены только арбитражно-судейские функции.

Ротацию управленцев хан Абылай производил из числа близких и преданных ему султанов, в числе которых были его сыновья Вали, Адиль, Шама, Тогум, Суюк, Касым, а также родственники Абулфеиз, Султанмамет, Бури, Болат, Ишим и другие. Они управляли регионами или районами, куда входили общины разных родов и даже племен. Сами же султаны-торе не входили в родоплеменную структуру простых казахов-карасуек.

Важнейшей политической опорой хана Абылая выступали военачальники-батыры, социальное значение которых в эпоху Абылая

сильно возросло. Это было связано с задачами национально-освободительной борьбы против джунгарского нашествия, а с конца 1750-х годов и против агрессии цинского Китая.

Отсутствие устойчивых доходов лишало Абылая возможности содержать большое регулярное войско, но это в значительной степени компенсировалось тем, что его батыры Богенбай, Кабанбай, Жанибек, Кулсары, Жапек, Есет Наурызбай, Малайсары, Баян и другие постоянно занимались военным делом, содержали при себе отряды обученных сарбазов (воинов), готовых выступить по первому требованию. Нередко батыры, как и некоторые султаны, по поручению Абылая возглавляли дипломатические миссии. Кроме того, в целях упрочения своей власти Абылай расширил функции института толенгутства. Численность этой категории служилых людей, выполнявших функции личной охраны и гвардии при особе хана, увеличилось до несколько тысяч.

Численность войск Абылая во время войны с джунгарами и цинами доходила до 50-60 тысяч человек. Источники свидетельствуют о том, что Абылай постоянно занимался вопросами вооружения войск. По историческим сведениям, войска Абылая «сражались копьями, саблями, стрелами, ружьями и чаканами, а для защиты от неприятельских ударов надевали на себя панцири и иногда шлемы»[2]. Ружья приобретали в городах Средней Азии, Персии и Кашгара, а порох делали сами.

В 1730-е годы большая часть Семиречья и Восточного Казахстана была захвачена ойратами, города Туркестана также были под властью джунгарского правителя, в 50-е годы XVIII в. ими завладели кокандские беки, долины нижнего течения Сырдарьи были заняты каракалпаками, а междуречье Волги и Урала - калмыками. Все эти исконно казахские земли к 70-м годам были полностью освобождены и возвращены Казахскому ханству. Эти факты свидетельствуют о том, что военно-политическая деятельность хана Абылая была плодотворной. Все роды и племена, населявшие Великую Степь - Сары-Арка и Семиречье, вновь стали осознавать себя детьми Алаша, то есть казахами. Во всем этом большая заслуга хана Абылая. Он был не только выдающимся организатором и главным героем всенародной борьбы казахов против джунгарских захватчиков и цинских экспансионистов, но вместе с тем выступил объединителем казахов, выразителем их чаяний. Эта деятельность хана Абылая пользовалась всенародной поддержкой. Видимо, поэтому в казахских преданиях Абылай носит какой-то поэтический ореол, век Абылая запечатлелся в народной памяти как век казахского рыцарства.

Как внешняя, так и внутренняя политика хана Абылая была полностью подчинена его стратегической цели - объединению казахских жузов в единое централизованное государство. Вместе с тем, при осуществлении этой стратегии Абылай вынужден был считаться с геополитическим

положением созданного им государства. Правитель Казахского ханства, расположенного в центре Евразийского континента, граничащего на севере с Россией и на востоке с Китаем, волею судьбы занявшего это стратегическое положение, был обречен осуществлять многовекторную ориентацию. С учетом этих обстоятельств и строил свою внешнюю политику хан Абылай. Прежде всего, он проявлял большую заботу об укреплении политических и экономический отношений с Россией. В то же время акт о подданстве Российской короне он воспринимал как политический союз, накладывающий определенные обязательства для обеих сторон, но не как реальное подчинение.

Продолжая признавать сюзеренитет Российской империи, Абылай хан в то же время установил прямые дипломатические и торговые связи с Китаем, систематически обменивался с Цинским двором посольствами. Хан глубоко осознавал, что его страна оказалась между двумя крупнейшими империями: Россией и Китаем, каждая из которых стремилась укрепить свои позиции в Казахстане, а через него во всем Центрально-Азиатском регионе. В этих условиях, вступив в навязанную ему «дипломатическую игру», Абылай строил свои отношения с этими державами так, чтобы использовать обстоятельства в интересах своего народа, сохраняя целостность и независимость своего народа и извлекая при этом определенные выгоды.

Хан Абылай также устанавливал дипломатические и торговые отношения с ближайшими соседями - странами Центральной Азии, определял границы и закладывал основы дружеских отношений с народами этих стран.

Хан Абылай осуществлял независимую от Российской империи внутреннюю и внешнюю политику: по своему усмотрению и решением ханского совета объявлял войну, заключал мир, устанавливал дипломатические отношения. Поражает то, как Абылай внимательно отслеживал и глубоко вникал в военно-политическое и экономическое положение соседних стран. К примеру, Ф. Гордеев, посланный к Абылаю в июле 1761 года, в своем отчете о поездке указывал, что султан Абылай интересовался взаимоотношениями России с Пруссией, Китаем и Турцией.

Факты свидетельствуют, что талант государственного деятеля и искусство политика особенно ярко проявились в дипломатических взаимосвязях Абылая с соседними государствами. Вызывает восхищение то, с каким мастерством он вел переговоры с опытными и изощренными дипломатами России и Китая. В этом можно убедиться, ознакомившись с письмами и посланиями хана Абылая к правителям соседних стран. С этой целью тексты некоторых писем приводятся в приложении к данному исследованию. Правда, эти документы даны в переводе, но, тем не менее,

они в какой-то мере дают представление о стиле и содержании посланий автора.

Активные посольские и торговые связи хана Абылая с царским правительством и цинским двором, одержанные им победы на поле брани, а также его усилия по укреплению государственности казахов повысили международный авторитет Казахского ханства и роль самого Абылая в политической жизни народов Центральной Азии. За выдающиеся заслуги представители всех родов и племен, а также самоуправляющихся округов Ташкент и Туркестан единогласно избрали его общеказахским ханом. Признали Абылая казахским ханом Цинская и Российская империи, правда, Россия это сделала с оговоркой, признав его ханом только Средней Орды. К Абылаю обращались за помощью в борьбе против Цинской империи правители Восточного Туркестана, Средней Азии и Афганистана. Покровительства хана Абылая искали каракалпаки и башкиры, признала свою зависимость часть родовых объединений киргизов.

Таким образом, вся полувековая государственная деятельность хана Абылая, его внутренняя и внешняя политика была подчинена одной цели - объединению казахских жузов в одно независимое государство. Эта цель была прогрессивна, она отвечала чаяниям всех слоев общества и пользовалась поддержкой народа и самых авторитетных и влиятельных его деятелей. Вместе с тем, надо признать, что государство, созданное ханом Абылаем, не было прочным и долговечным, а после его смерти оно опять распалось. Тому были причины как объективного, так и субъективного свойства.

Прежде всего, возьмем экономическую сферу. Действительно, при хане Абылае были созданы благоприятные условия для ее развития, увеличилось поголовье скота, в северных районах Абылай культивировал земледелие, сенокошение, велось строительство стационарных жилищ. То же самое делал он и на юге последние 2-3 года своей жизни. Но эти инновации с большим трудом пробивали себе дорогу. Переход к землепашеству был для номадов нелегким выбором, ибо он означал отказ от привычного образа жизни и связанных с ним ценностных ориентаций. Именно поэтому земледелие в тот период все еще было второстепенной отраслью хозяйства. В целом экономика оставалась отсталой, основанной на натуральном хозяйстве, внутренний общенациональный рынок не сложился, торговля продуктами скотоводческого хозяйства была ориентирована на внешний рынок, поэтому интегрирующей роли не сыграла.

С другой стороны, крайне негативную позицию по отношению к действиям Абылай хана в деле объединения казахских жузов под своей властью заняло царское правительство. Именно поэтому хан Абылай до

конца жизни не принял «жалованную грамоту» Екатерины II, где императрица от имени России признала его ханом только Среднего жуза. В то же время Цинский император Цяньлун еще в 60-е годы признал Абылая общеказахским ханом. Наверное, поэтому хан Абылай, «в наставлении своим детям советовал более сближаться с Китаем, но хранить согласие с Россией». Китайцы, по его мнению, не могли быть опасны для ханской власти, между тем как в русском правительстве он видел сильнейшую оппозицию туземной власти[3].

Многие исследователи отмечают, что Казахстан при Абылай хане стал централизованным государством, где власть осуществлялась не через удельных владельцев и биев как прежде, а посредством назначаемых и подвластных хану султанов. Султаны, как правило, были представлены собственными сыновьями Абылая или близкими родственниками, влиятельными батырами, разделявшими идею укрепления центральной власти. Однако вся эта властная структура во многом держалась на огромном авторитете хана Абылая, а после его смерти стала приходить в упадок. Тем не менее, это не дает основания для вывода о том, что у казахов в XVIII веке был «низкий уровень государственности»[4].

Периоды подъема и спада есть в истории любого государства. К примеру, кто может утверждать, что у России в XVI веке низкой была государственность на том только основании, что после смерти Ивана Грозного страна переживала так называемые «смутные времена»? Думаю, никто не возьмется делать подобные выводы. Государство, созданное ханом Абылаем, после его смерти переживало процесс постепенного ослабления власти хана. Другое дело, Казахское ханство как государство кочевников, базирующееся на родоплеменной организации социума, имело ряд особенностей, которые не соответствовали европейскому представлению о структуре власти.

И еще. Отмечая неординарность личности хана Абылая, подчеркивая несомненные его заслуги в истории Казахстана, мы не вправе идеализировать этого деятеля. Абылай был сыном своего времени, выдвинулся из среды правящего сословия торе. Он придерживался принципов своей эпохи. Для Абылая, как представителя высшего сословия, были характерны и жестокость, и стремление к верховной власти, к обогащению. Он также советовал своим детям «никогда не решать межродовых дел..., ибо только несогласие и раздоры могут быть незыблемою опорою ханской власти»[5], - подчеркивал он. Тем не менее, мы не вправе ожидать от него другой психологии. Как раз в том и состоит величие Абылай хана, что он поднялся выше узкосословных интересов, выразил чаяния всего народа в столь ответственный период истории. Именно сложный и переломный характер той эпохи, смертельная угроза

порабощения вывели на историческую арену неординарную личность Абылай хана и его выдающихся сподвижников.

Научный анализ документов и материалов, привлеченных к данному исследованию, позволяет сделать следующие выводы:

Во-первых, жизнь и деятельность хана Абылая - «самого выдающегося из казахских ханов XVIII века» (В.В. Бартольд) - в советской историографии освещалось необъективно, тенденциозно, а его имя предано забвению совершенно несправедливо.

Во-вторых, вся полувековая государственная деятельность хана Абылая, его внутренняя и внешняя политика были подчинены одной цели: объединению казахских жузов в одно независимое государство. Эта цель была прогрессивна, она отвечала чаяниям всех слоев общества и пользовалась поддержкой всего народа.

В-третьих, как показывают исследования, совершенно беспочвенно утверждение советской историографии о том, что хан Абылай в отношениях с Россией и Китаем придерживался политики «двоеданства» и «лавирования» между этими державами. В действительности хан Абылай вел независимую внешнюю политику: по своему усмотрению объявлял войну, заключал мир, устанавливал дипломатические и торговые отношения с другими странами.

В-четвертых, исследования подтверждают вывод о том, что в кочевых странах в большей степени, чем в оседло-земледельческих, состояние государства зависело от личности правителя. Казахское ханство, к примеру, укреплялось и возвышалось при таком сильном хане, как Тауке, и, напротив, оно приходило в упадок и распалось на уделы при ханах Абульмамбете, Самеке, Абулхаире и вновь укрепилось, обрело независимость и получило международное признание при хане Абылае.

В-пятых, исторический опыт времен Абылай хана поучителен и ценен в сегодняшних условиях, когда Казахстан возрождает свою государственность, развивает дружеские отношения с Российской Федерацией, Китайской народной республикой, странами Центральной Азии.

Таким образом, ратные подвиги, одержанные Абылаем, победы на поле брани, его усилия по укреплению государственности казахов, активные дипломатические и торговые связи с Россией, Китаем и другими соседними странами повысили международный авторитет Казахского ханства и роль самого хана Абылая в политической жизни народов Центральной Азии. Современники, высоко оценив деятельность Абылая, избрали его ханом, потомки с признательностью назвали его Великим, и он вполне заслуживает этого звания за все то, что он сделал для своего народа.

Вместе с тем надо признать, что Казахское ханство, возрожденное Абылаем, не было прочным и долговечным, а после его смерти оно, во многом державшееся на личном авторитете самого хана, стало терять свои позиции, усилилась его зависимость от Российской империи и в начале 20-х годов XIX в. перестало быть самостоятельным государством. Однако заложенная ханом Абылаем идея о единстве казахского народа и независимости его государства продолжала жить. Она нашла свое воплощение в антиколониальных национально-освободительных движениях XIX в.. Эта идея единства и свободы казахского народа продолжала жить в устном народном творчестве, в поэзии великого Абая, в научных трудах Чокана Валиханова, в политической деятельности лидеров движения «Алаш». Эта идея, возродясь, вызвала восстание 1916 года и выступление молодежи против тоталитарного режима в декабре 1986 года в г. Алма-Ате. А воплотилась она в жизнь 16 декабря 1991 года принятием Верховным Советом закона о государственной Независимости Республики Казахстан. Именно поэтому в сегодняшнем Казахстане Абылай не просто имя прославленного хана, а символ единства и независимости.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

1. См.: Волобуев П.В. О советской исторической науке // Вопросы истории (ВИ). 1989. №4. С.98; Искендеров А.А. Историческая наука на пороге XXI в. // ВИ. 1996. .№4. С.5-27; Чубарьян А. О кризисе российской исторической науки // Отан тарихы. Отечественная история (РК). 1999. №4. С.33-38; Козыбаев М. К разработке проблем истории Казахстана XX века // Отан тарихы. 1999. №4. С.21-32.
2. Бартольд В.В. Состояние и задачи изучения истории Туркестана // Соч.Т.9.М.,1969.С.512.
3. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. СПБ., 1832. Изд. 2-е. Алматы, 1996.
4. Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. Т.4. Алмата, 1985. С.81.
5. Радлов В.В. Из Сибири. М., 1989. С 249.
6. Сибирь в составе феодальной России // История Сибири. Т.2. Л., 1968.
7. Кызласов Л.Р. Древнейшие города Сибири // Преподавание истории в школе. 2002. №4. С.8-9.
8. Гумилёв Л.Н. Древние тюрки. М., 1993. С.5.
9. Мир философии. Т.2. М.,1991. С.247.
10. Гегель Г.В. Философские истории // Соч. М.-Л., 1935. С. 30.
11. Конституция Республики Казахстан. Алматы, 1998. С.4.
12. Валиханов Ч.Ч.Собр.соч. Т.2. Алма-Ата, 1985. С.157.
13. Абылай хан. Т.1. Алматы, 1993; Тарихи жырлар. Т.1. Алматы, 1996.
14. Бес ғасыр жырлайды. Т. 1. Алматы,1989. С.57-111.
15. Там же. Т.1. С.98.
16. Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. Т.4. Алмата, 1985. С.111.
17. Там же. Т.1. С.216-223.
18. Там же. Т.4. С.173-177.
19. Халид Курбангали. Тауарих хамса. Казань, 1910.
20. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. СПб., 1762; Рычков Н.П. Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в киргиз-кайсацкой степи в 1771 году. СПб., 1772; Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Т.1, 2. СПб., 1773; Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве. Ч.2. СПб.,1799; Фальк И.П. Записки путешествия // Полное собрание путешествий по России. СПб., 1818; Бурнашев Т. Путешествия от Сибирской линии до города Бухары в 1794 году и обратно в 1795 году // Сибирский вестник. Ч.2-3. СПб., 1818; Спаский Г.И. Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой орды // Сибирский

вестник, Ч. 2-3. СПб., 1818; Броневский С.Б. Записки о киргиз-кайсаках Средней Орды // Отечественные записки. Ч.41, 42, 43. 1830.
21. Рычков П.И. Топография Оренбурской губернии. СПб., Он же. История Оренбурская (1730-1750). Оренбург,1896.
22. Жузы (орды) - этнотерриториальные образования, в XVIII в. их было три.
23. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. СПБ., 1832. Изд. 2-е. Алматы, 1996.
24. Андреев И.Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков. Изд.2-е. Алматы, 1998. С.36.
25. Бичурин Н.Я. Средняя Азия и Восточный Туркестан. Алматы,1997.
26. Вельяминов-Зернов В.В. Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношения России со Средней Азией со времен кончины Абулхаир хана (1748-1765). Т.1-2. Уфа, 1853-1855; Он же. Исследование о Касимовских царях и царевичах. Ч.1. СПб., 1868. С.382; Красовский М. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Область сибирских киргизов. Ч.1. СПб., 1868; Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюрских племен и народностнй и сведения об их численности // Живая старина. Вып. 3-4. СПб.,1772; Радлов В.В. Тюркские степные кочевники // Из Сибири. Страницы дневника. Т.1. Лейпциг, 1884. (Русский перевод. М.,1989. С.247-254); Витевский В.Н. Неплюев и оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Т.1-3. Казань, 1897.
27. Энциклопедия. Ред. Гримм Э.Д; Клосовский А.Д., Хлопин Г.В. СПб., 1911; Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб.,1890.
28. Чулошников А.П. Очерки по истории казах-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюрских племен. Оренбург, 1924.
29. Бартольд В.В. Очерк истории Семиречья // Соч. Т.2. Ч.1. М.,1963. С.23-105.
30. Там же. Т.9. С.404-521.
31. Тынышпаев М. История казахского народа. Алматы, 1993.
32. Там же.
33. Дулатова Д.И. Историография дореволюционного Казахстана. Алма-Ата, 1984. С.240.
34. Асфендиаров С.Д. История Казахстана (с древнейших времён). Алма-Ата, Москва, 1935. С.174-175.
35. Галузо П.Г. Туркестан - колония. Ташкент, 1935. С. 225; Лебедев В. Из истории сношений с царской Россией в XVIII в. // Красный архив, 1935. Л.5; Рыскулов Т. Собр.соч. Т.2. Алматы, 1997. С.226-232.
36. Левшин А.И. Указ. Соч. С. 167-168.
37. Вяткин М.П. Очерки истории Казахской ССР. М., Л., 1942. С.131.

38. Вяткин М.П. Батыр Срым. М., Л., 1947. С.152.
39. Бекмаханов Е. Казахстан в 20-40 гг. XIX в. Алма-Ата , 1947. С.386.
40. История Казахской ССР с древнейших времён до наших дней. Т.1. Под общей редакцией И.О.Омарова и А.М.Панкратовой. Алма-Ата, 1949. С.271-273.
41. Бекмаханов Е. Присоединение Казахстана к России. М.,1957; Аполлова Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII - начале XX вв. М., 1960.
42. Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII - начале XX вв.: политико-экономический анализ. Алма-Ата, 1971; Сулейменов Б.С., Басин В.Я. Казахстан в составе России в XVIII - XX вв. Алма-Ата, 1981; Шоинбаев Т.Ж. Добровольное вхождение казахских земель в состав России. Алма-Ата, 1982.
43. Басин В.Я. Россия и казахские ханства в XVI - XVIII вв. Алма-Ата, 1971. С.235.
44. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. М., 1964; Он же. История Джунгарского ханства. 1635-1758. Изд. 2-е. М., 1983; Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII - первой половине XVIII вв. М., 1983; Кузнецов В. С. Амурсана. Новосибирск, 1980.
45. Кузнецов В.С. Амурсана. С. 71,100,105,126.
46. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. 1635-1758. Изд. 2-е. М., 1983. С.297-298; Сулейменов Р.Б., Моисеев В.А. Из истории Казахстана XVIII в. Алма-Ата, 1988. С.138.
47. История Казахской ССР. Алма-Ата, 1957. С.261.
48. Сулейменов Р.Б., Моисеев В.А. Указ. соч. С.128-129.
49. Там же. С.138.
50. Моисеев В.А. Джунгарское ханство и казахи в XVI - XVIII вв. Алма-Ата, 1991. С.114.
51. Абылай хан. Кенесары. Алматы, 1993.
52. Абылай хан. Алматы,1993. С.410; Тарихи жырлар. Т.1. Алматы, 1995. С.286.
53. Зиманов С. Россия и Букеевское ханство. Алма-Ата, 1981; Пищулина К.А. Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV - XVIII вв. // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983; Артыкбаев Ж. Казахское общество: традиции и инновации. Караганда, 1993; Козыбаев М.К. История и современность, Алма- Ата, 1991; Жауды шаптым ту байлап. Алматы, 1994; Абдиров М. История казачества Казахстана. Алматы, 1994; Нурпеисов К. Алаш. Алматы, 1995; Масанов Н. Кочевая цивилизация казахов. Алматы, 1995; Кузембайулы А. История Республики Казахстан. Алматы, 1999.

54. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан: летопись трёх тысячелетий. Алматы, 1992.
55. История Казахстана. Т.3. Алматы., 2000.
56. Касымбаев Ж. Государственные деятели казахских ханств XVIII в. Алматы, 1993.
57. Ерофеева И.В. Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик. Алматы, 1999.
58. Там же. С.14.
59. Хафизова К.Ш. Китайская дипломатия в Центральной Азии XIV - XIX вв. Алматы, 1995.
60. Из истории Средней Азии и Восточного Туркестана X - XIX вв. Ташкент, 1987.
61. Мухамбетханулы Н. Исторические исследования. Алматы, 1994.
62. См.: Отан тарихы. Отечественная история. 1998. №1.С.108.
63. Есенберлин. И. Отчаяние // Кочевники. Алма-Ата, 1986.
64. Сулейменов Р.Б., Моисеев В. А. Указ.соч. С.4.
65. См.: Ремнёв А.В. История образования Омской области // Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII - XX вв.). Омск, 1998. С.12; Каратаев Т. Абылай хан хакында (о хане Абылае) // Саясат - Политика. 1998. №12. С.87-94; Жанузаков М.Н. История края глазами учёного. Рецензия на книгу К.К.Абуева Кокшетау. Исторические очерки // Вестник Евразийского университета. 1999. №1. С.124-126.
66. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т.32. СПб., 1830; Памятники Сибирской истории XVIII в. Кн.1. 1700-1713. СПб., 1832; (Красовский М.) Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Область сибирских киргизов Ч.1-3. СПб., 1868; Памятная книжка Западной Сибири. Омск, 1881; Материалы по истории и статистике Омска. Ч.1. Омск, 1886; Крафт И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898.
67. Бантыш-Каменский Н.Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792. Казань, 1882; Русско-китайские отношения в XVIII в. 1700-1725. М., 1978; Валиханов Ч.Ч. Архивные материалы о русско-джунгаских и китайских отношениях // Валиханов Ч.Ч. Т.4. Алма-Ата, 1985; Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII - первая треть XIX в. Сборник документов и материалов. Ч.1-2. Подготовили К.Ш.Хафизова, В.А. Моисеев. Алма-Ата, 1989; 100 кужат (100 документов). Составитель К.Салгарин. Алматы, 1998.

68. Унковский И. Посольство к Зюнгорскому хунтайчжи Цэван-Рабтану капитана артилерии ивана Унковского и путевой журнал его за 1722-1724 гг. Записки ИРГО по отдел. Этнографии. Т.10. Вып.2. СПб., 1887.
69. Рычков Н.П. Указ. соч.
70. Кэстль Дж. Дневник путешествия в году 1736-м из Оренбурга к Абулхаиру, хану Киргиз-кайсацкой орды. Изд. 2-е. Алматы, 1998.
71. Сиверс И. Письма из Сибири; Фальк И. Описание всех национальностей России. Перевод с нем.Изд. 2-е. Алматы, 1999.
72. АВПРИ. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп.122/1. 1741 г. Д.4. Л.1-25.
73. Там же. Л.65-75.
74. Шежире - генеологическое древо.
75. Тынышпаев М. Материалы к истории киргиз-казахского народа. Ташкент. 1825.
76. Валиханов Ч.Ч. Киргизское родословие // Собр. соч. Т.2. С.158.
77. Аристов Н. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казахов Большой Орды и кара-киргизов // Живая старина. СПб., 1896. С.394
78. Кудайбердиев Ш. Родословная тюрков, киргизов, казахв и ханских династий. Алма-Ата, 1990.
79. Тынышпаев М. Материалы к истории киргиз-казахского народа. Ташкент. 1825.
80. Валиханов Ч.Ч. Киргизское родословие // Собр. Соч. Т.2. С. 158.
81. Литературная газета. 1991. 26 июня.
82. Валиханов Ч.Ч. Абылай // Собр. соч. Т.4. С.116.

Глава 1.

1.Поляков С.П. Историческая этнография Средней Азии и Казахстана. Изд. Московского университета. 1980. С.44
2. Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов. Алма-Ата - Москва, 1980. С.64.
3. Валиханов Ч.Ч. Сбор.соч. Т.2. Алма-Ата, 1985. С.28.
4. Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Алматы, 2000. С.88-89.
5. Хозяйство казахов на рубеже XIX-XX вв. Алматы, 1980. С.93.
6. Паллас П. Путешествия по разным провинциям Российской империи. Т.1. СПб., 1773.С.58.
7. Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Сб. Алматы, 1998. С.196.
8. Тамже. С.227.
9. Дулати М.Х. Тарих-и Рашиди. Алматы.1999. С.226-227.
10. Хозяйство казахов...С.197.
11. Валиханов Ч.Ч.Сбор.соч. Т.4. С.106.

12.Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. Изд. 2-е. Алматы, 1996. С.377.
13. Там же. С.377; Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т.18. СПб., 1903. С.242.
14. Прошлое Казахстана в источниках... С.189.
15. Там же
16. Хозяйство казахов... С.99.
17. Прошлое Казахстана в источниках... С.193.
18. Означает в буквальном смысле - доение березы, т.е. питались берёзовым соком.
19. Хозяйство казахов... С.154.
20. Артыкбаев Ж. Казахское общество: традиции и инновации. Караганда. 1993. С.150.
21. Абуев К.К. Кокшетау. Исторические очерки. Кокшетау. 1997. С.9.
22. Левшин А. И. Указ. соч. С.380.
23. Там же.
24. Там же.
25. Там же.
26. Там же.
27. Прошлое Казахстана в источниках... С.198.
28. Паллас П.С. Указ.соч. С.571.
29. Вяткин М. Батыр Сырым. 2-е изд. Алматы, 1998. С.68.
30. Левшин А.И. Указ.соч. С.384.
31. Прошлое Казахстана в источниках... С.197.
32. Левшин А.И. Указ.соч. С.385 .
33. Хазанов А.М. Указ.соч. С. 228-229.
34. Всемирная история. Т.5. М., 1958. С.253.
35. КРО-1. Док.№50. С.110-111.
36. Левшин А.И. Указ.соч. С.167.
37. КРО-1. Док.№50. С. 110.
38. Дулати М.Х. Указ. соч. С.324.
39. История Казахстана. Т.2.Алматы, 1997. С.306.
40. Левшин А.И. Указ.соч.С.288.
41. История Казахстана. Т.2. С.311.
42. Татимов М. Қазақ әлемі. Алматы, 1993. С.49.
43. РГАДА.Ф.122, Оп.1. Д.3; АВПРИ. Ф.Киргиз-кайсацкие дела.122/1. 1733 г. Оп.122/3. Д.1. Л.28-30; ЦГА РК. Ф.4. Оп.1. Д.2336; КРО-1.С.62, 107.
44. Андреев И.Г. Описание Средней Орды Киргиз-кайсаков. 2-е изд. Алматы, 1998.С.32-33; Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб, 1799. Т.2. С.119-126; Рычков П.И. История Оренбургская. Оренбург. 1786. С.70; Левшин А.И.

Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб. 1832. Ч.3. С.4-18; Валиханов Ч.Ч. Киргизское родословие. Собр.соч. Т.II. С.148-166; Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности// Живая старина. Вып. 3-4. СПб., 1772.

45. Кудайбердиев Ш. Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий. Алматы, 1990; Копеев М.Ж. Қазақ шежіресі. Алматы, 1996; Тынышпаев М. Материалы к истории киргиз-казахского народа. Ташкент, 1927; Муканов М.С. Этническая территория казахов в XVIII - нач. XX веков. Алма-Ата, 1991; Пищулина К.А. Казак. Алматы, 1994. С.47-65.
46. История Казахстана. Т.2. Алматы,1997.С.301.
47. Валиханов Ч.Ч. Собр.соч.Т.2.С.151.
48. Там же.
49. Народы Средней Азии и Казахстана.Т.2. М., 1963. С.326.
50. Тынышпаев М. История казахского народа. Алма-Ата, 1993. С.139.
51. Цитата по: История Казахастана. Т.2. Алматы, 1997. С.301.
52. Материалы по истории русско-монгольских отношений 1607-1636. Сб. документов. М., 1959. С.53.
53. История Казахстана.Т.2.Алматы.1997.С.303.
54. РГАДА. Ф.122. Оп.1. Д.3; АВПРИ. Ф. Киргиз-кайсацкие дела.122/1. 1733 г. Оп.122/3. Д.1. Л.28-30; ЦГА РК. Ф.4. Оп.1. Д.2336; КРО. Алматы, 1961. С.62,107.
55. Тевкелев М. Из журн. записи // КРО-1. Док. №33. С.62.; Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887; Левшин А.И. Указ. соч. С.170,178; Аристов Н.А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-кайсаков Большой Орды и каракиргизов // Живая старина. Вып. III-IV. Т.VI. СПб., 1896. С.363-364.
56. Султанов Т.И. Сословие султанов в Казахском ханстве XVI-XVII в. // Казахстан в эпоху феодализма. Алма-Ата, 1981.
57. Левшин А.И. Указ.соч. С.291.
58. П.С. Паллас. Указ. соч.С.579.
59. Цит. по: Чулошников А.П. К истории феодальных отношений в Казахстане в XVII-XVIII вв. // Известие АН СССР, серия обществ.наук, 1936, №3. С.504.
60. А. Леонтьев. Обычное право киргиз // Юридический вестник. Т.5. М., 1890. С.118.
61. Броневский С.Б. Записки генерал-майора Броневского о киргиз-кайсаках Средней орды // Отечественные записки. Ч.41, 42, 43. СПб., 1830.
62. Бес ғасыр жырлайды. Алматы, 1989. 135-б.
63. Бартольд В.В. Соч. Т. 5. С. 539.

64. См.: Русско-монгольские отношения. 1636-1654., М., 1974. С. 239 ; Левшин А. И. Указ. соч. С. 160-161; Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. С.130-131.
65. Левшин А. И. Указ. соч. С. 161-162.
66. См.: Всемирная история. Т.2. М., 1956. С. 39.
67. Русско-монгольские отношения. М., 1974. С.239.
68. Международные отношения в Центральной Азии (далее: МОЦА). XVII-XVIII вв. М., 1989. Кн.1. С. 104.
69. Русско-монгольские отношения. С. 239-240; Златкин И.Я. Указ. соч. С. 130-131.
70. См.: Мамырулы. Қазақ халқының жоңғар шапқыншыларына қарсы күресі. Алматы, 1994. 78-84 с.
71. РГАДА. Ф. Правительствующий Сенат. Оп. 113/1. 1731 г. Д. 743. Л.250.
72. Подробнее см.: Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. 1635-1758. Изд. 2-е. М., 1983.
73. Материалы по истории казахских ханств XV-XVII веков. Извлечения из персидских и тюркских сочинений. Алма-Ата, 1969, С. 85.
74. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трёх тысячелетий. Алма-Ата, 1992.С. 304
75. Дулатов М. Избранные произведения. Алматы, 1981,С. 231.
76. Материалы по истории казахских ханств. С. 385.
77. Моисеев В.А. Джунгарское ханство и казахи в XVI-XVIII вв., Алма-Ата, 1991.С.55.
78. История Казахстана. Т.2. Алматы. 1997. С. 425; Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Указ. соч. С.304.
79. Левшин А.И. Указ. соч. С.165.
80. Ерофеева И.В. Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик. Алматы.1999.С.53; Касымбаев Ж. Государственные деятели казахских ханств (XVIII в.).Алматы, 1999. С.14.
81. Левшин А.И. Указ. соч. С.165.
82. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Указ.соч. С. 356; История Казахстана. Т.2. С.425.
83. Дахшлейгер Г.Ф. История Казахской ССР. Алма-Ата, 1957. С.175; Султанов Т.И. Россия, Запад и мусульманский Восток в колониальную эпоху. С.14; История Казахстана. Т.2. Алматы. 1997. С.425; Сулейменов Р.Б., Моисеев В.А. Из истории Казахстана XVIII века. Алма-Ата. 1988. С.12; Аманжолов К. Түрік халықтарының тарихы. Алматы. 1999. С.43.
84. Левшин А.И. Указ. соч. С. 166.
85. Там же.

86. Басин В.Я. Россия и казахские ханства в XVI-XVIII вв. Алма-Ата, 1971. С. 124.
87. КРО-1. С. 428.
88. Левшин А.И. Указ. соч.С.161; Тынышпаев М. Ақтабан шұбырынды. Ташкент,1927.С.5.
89. Там же.
90. Левшин А. И. Указ. соч. С. 165.
91. Валиханов Ч.Ч. Собр.соч. Т.4.С.112-113
92. Абельгазы. Родословное древо тюрков. Алматы, 1992. С.118; Левшин А.И. Указ. соч. С.161,164; Валиханов Ч.Ч. Собр.соч. Т.1. С.165. Т.4. С.175; Тынышпаев М. История казахского народа. Алматы, 1993. С.170.
93. Валиханов Ч.Ч. Собр. соч.. Т.4. С.111 .
94. Кудайбердиев Ш. Родословная летопись. Оренбург, 1911.2-ое изд. Алматы, 1990. С.50.
95. РГАДА. Ф.122. 1718 г. Оп.2. Д.2. С.13
96. Тарихи жырлар. Алматы, 1995. С.154
97. Муканов С. Промелькнувший метеор. Кн.1. Алматы, 1973. С.11.
98. Дулатов М. Указ.соч. Алматы, 1991, С.219.
99. Түп-Тұқияннан өзіме шейін. Алматы, 1993.
100. Подробнее см: Ел бірлігі елдігімізге сын // Кокшетау. 1994, 25 янв.
101. Туп-Тукияннан озиме шейн. С.372-373.
102. Андреев И.Г. Указ. соч. С.102.
103. АВПРИ.Ф. Киргиз-кайсацкиие дела,Оп,122/1, Д.4, Л.11-19об.
104. Валиханов Ч.Ч. Т.4. С.111; Бекмаханов Е. Казахстан в 20-40 гг. XIX в. Алматы, 1994. С.208; Валиханов Ш. Қазақ Әдебиеті. 1992, 18 декабря.
105. Цит. по: История казахской литературы. Т.2. Алма-Ата, 1979.С.41.
106. Там же.
107.Сулейменов Р.Б., Моисеев В.А. Из истории Казахстана XVIII века. Алма-Ата, 1988.С.24.
108. Левшин А.И. Указ. соч. С.167.
109. Андреев И.Г. Указ. соч. С.34.
110. Сулейменов Р.Б, Моисеев В.А. Указ. соч. С.24.
111. Левшин А.И. Указ. соч. С.165.
112. Бартольд В.В. Соч. Т.5. С.539.
113. Валиханов Ч.Ч. Собр.соч. Т.4.С.111.
114. Бес ғасыр жырлайды. Т.1, Алма-Ата, 1989. С.76.
115. Есенберлин И. Кочевники. Алма-Ата.1986. С.269.
116. Абуев К.К. Қазақстан тарихының ақтаңдақ беттерінен. Алматы, 1994. С.35.
117. Тарихи жырлар. Т.1. Алматы, 1995. С.96,132.

118. Бес ғасыр жырлайды. Т.1. С.77.
119. Валиханов Ч.Ч. Собр.соч. Т.4. С.111.
120. Абылай хан. Алматы, 1993. С.104.
121. Валиханов Ч.Ч. Собр.соч. Т.4. С.112.
122. Там же. С.111.
123. АВПРИ. Ф.Зюнгарские дела. Оп.113/1. 1733-1734 гг. Д.3. Л.2.
124. Посольство к зюнгарскому хун-тайчжи Цэван-Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722-1724 годы. Документы, изданные с предисловием Н.И. Веселовского. СПб., 1887. С.101.
125. Вибе П.П., Михеев А.П, Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь. М., 1994. С.191-192.
126. МОЦА. С.361; Тынышпаев М. Указ.соч. С.90.
127. Посольство к зюнгорскому хунтайчжи... С.102.
128. См: Моисеев В.А. Указ.соч. С.99.
129. Левшин А.И. Указ.соч. С.166.
130. См.: Златкин.И.Я. Указ. соч. М., 1983. С.217.
131. Левшин А.И. Указ.соч. С.167.
132. Посольство к зюнгорскому хунтайчжи... С.102.
133. Бес ғасыр жырлайды. Алма-Ата, Кн.1. 1986. С.77; Машир Жусуп Копеев. Абылай хан. Алматы, 1993. С.305.
134. Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. Т.4. С.113.
135. КРО-1. Алма-Ата, 1961. С.243.
136. Тынышпаев М. Указ.соч. С.93.
137. Бес ғасыр жырлайды. Т.1. С.78.
138. История Казахстана. Т.3. Алматы, 2000. С.146.
139. Кудайбердиев Ш. Указ. соч. С.53-54.
140. Тынышпаев М. Великие бедствия... С.93.
141. Там же. С.148.
142. История Казахстана. Т.3. С.146-147.
143. Там же.

Глава 2.

1. Рычков П.И. История Оренбургская. Оренбург,1896.С.5.
2. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. М.,1983.С.248.
3. АВПРИ. Ф.Сношение России с Китаем. Оп.62/1.1736 г.Д.3.Л.27 об.,37.
4. АВПРИ.Ф.Зюгорские дела. Оп.113/1. 1741. Д.2. Л.44 об.; Моисеев В.А. Джунгарское ханство и казахи в XVI-XVIII вв. Алма –Ата, 1991.
5. Там же.
6. Моисеев В.А.Уакз. соч. С.118.

7. Шоинбаев Т.Ж. К вопросу о присоединении Среднего жуза к России // Труды института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т.15. 1962. С.48-49.
8. Там же. С.49.
9. Моисеев В.А. Указ.соч. С.114.
10.Там же. С.115.
11.См.: Ерофеева И. Хан Абулхаир. Алматы, 1999. С.240; Валиханов Е.Ж. Военно-политическое искусство Абылай хана // Исторический опыт защиты Отечества. Алматы,1999.С.72.
12. КРО-1. Док.№10. С.13.
13. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. Изд.2-е. Алматы, 1996. С.198-200; Златкин И.Я. Указ. соч.; Чимитдоржиев Ш.Б. Взаимоотношения Монголии и Средней Азии в XVII-XVIII вв. С.43-46.
14. Памятная книжка Западной Сибири. Омск.1881.
15. АВПРИ. Ф. Киргиз-кайсацкие дела.122/1. 1740 г. Д.3. Л.23об.-74.
16. Там же. 1742 г. Д.4. Л.95, КРО-1. С.297.
17. КРО-1. Док.70. С.160.
18. Подробнее см.: Левшин А.И. Указ.соч. С.198, 494; Валиханов Ч.Ч. Шуна-батыр. Собр.соч. Т.4. С.8-13: КРО-1. С.181.
19. Левшин А.И. Указ.соч. С.201.
20. КРО-1 Док.76.С.181.
21. Бартольд В.В. Соч.Т.9.С.407.
22. АВПРИ. Ф.Киргиз-кайсацкие дела.122/1. 1742 г. Д.5. Л.5 и об.
23. Там же. Д.4. Л.3-4 об.
24. Вопросы истории Казахстана и Восточного Туркестана. Алма-Ата, 1962. С.49.
25. АВПРИ.Ф.Киргиз-кайсацкие дела. Оп.122/1. 1741 г. Д.4. Л.73 об.
26. Там же.
27. Там же. Зюнгорские дела.Оп.113/1.1741 г. Д.1. Л.41-41об.; Моиссев В.А. Джунгарское ханство и казахи. С.119-120.
28. Там же.
29. Там же.
30. Там же. С.120-121.
31. Абылай хан. Алматы, 1993.С.341.
32. АВПРИ. Ф.Зюнгорские дела. Оп.113/1. 1741 г. Д.1. Л.41об.
33. Левшин А.И. Указ. соч.С.203.
34. Попов И.А. Татищев и его время. М.,1961.С.171-172.
35. АВПРИ. Ф.Киргиз-кайсацкие дела.122/1. 1742 г. Д.2. Л.8-об.
36. Левшин А.И. Указ.соч. С.198.
37. Там же. С.206-207.

38. АВПРИ. Ф.Киргиз-кайсацкие дела.122/1.1742 г. Д.6. Л.2: КРО-1. Док.№ 114.С.292.
39. Там же. Д.4. Л.195.
40. КРО-1. Док.№ 94.С.224.
41. АВПРИ. Ф.Киргиз-кайсацкие дела.122/1.1742 г. Д.4. Л.50-об.; КРО-1.Док.№ 207. С.204.
42. Там же. С.203.
43. АВПРИ. Ф.Киргиз-кайсацкие дела122/1. 1742 г. Д.4. Л.52об.
44. КРО-1.Док.№ 87. С.204.
45. Там же.Док.№ 83. С.195.
46. Там же.Док.№ 87. С.204.
47. Там же.
48. РГАДА.Ф.Правительствующий сенат. Оп.113.1742 г.Д.14/145. Л.43 - об.
49. Моисеев В.А. Указ.соч. С.126.
50. АВПРИ.Ф.Киргиз-кайсацкие дела.122/1. 1742 г. Д.4. Л.203 об.
51. КРО-1. Док.№105. С.270.
52. Там же.
53. АВПРИ. Ф.122. Киргиз-кайсацкие дела.Оп.122/1.1742 г. Д.4. Л.302-208-об.
54. Там же. Д.2. Л.7 об.
55. Там же.
56. Левшин А.И. Указ.соч.С.203.
57. Там же. С.204.
58. КРО-1. Док.№105.С.272.
59. Там же.
60. Там же. Док.№ 98.С.254.
61. Там же. Док.№ 94.С.222-223.
62. Там же. Док.№ 99.С.258.
63. Там же. Док.№ 94.С.225.
64. Там же. Док.№ 99.С.258..
65. Тарихи жырлар.Т.1.Алматы, 1995.С.50-63.
66. Там же.
67. Бес ғасыр жырлайды.Т.1.Алматы, 1989. С.77,91.
68. АВПРИ. Ф.Киргиз-кайсацкие дела.122/1.1742 г.Д.2. Л.23-69: КРО-1. Док.96. С.243.
69. АВПРИ. Ф.Зюнгорские дела.Оп.113/1.1743 г.Д.2.Л.39 об-40.
70. Тарихи жырлар.Т.1.С.55.
71. Левшин А.И.Указ.соч. С.206.
72. История Казахской ССР. Т.3. Алма-Ата, 1979. С.72: Шоинбаев Т.Ж. Добровольное вхождение казахских земель в состав России. Алма-Ата, 1982. С.66.

73. АВПРИ. Ф.Киргиз-кайсацкие дела.122/1. 1742 г. Д.4. Л.235 об.
74. Там же.
75. Моисеев В.А.Указ.соч. С.157.
76. Тарихи жырлар.Т.1.С.226.
77. Моисеев В.А. Указ соч. С.161.
78. Валиханов Ч.Ч. Собр.соч.Т.4.С.175. Бес ғасыр жырлайды.Т.1.С.98.
79. АВПРИ. Ф.Киргиз-кайсацкие дела.122/1.1743 г. Д.3. Л.122.
80. Кудайбердиев Ш. Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий. Алма-Ата, 1990. С.56.
81. КРО-1. Док.№116. С.297.
82. Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. Т.1. СПб., 1906. С.58.
83. КРО-1.Док.№49.С.99.
84. Вяткин М. Батыр Срым. Алматы,1998.С.145.
85. РГАДА. Сношение России с киргиз-кайсаками 1733 г. Д.1. Л.117.
86. АВПРИ Ф.Киргиз-кайсацкие дела.122/1.1742 г. Л.12; КРО-1.С.196.
87. Ерофеева И. Указ.соч. С.271.
88. Левшин А.И. Указ.соч. С.205.
89. Там же С.215.
90. Там же.
91. АВПРИ.Ф. Киргиз-кайсацкие дела.122/1.1748 г. Д.8. Л.28-29; КРО-1.С.125 .
92. Там же.
93. Вяткин М.П. Указ.соч. С.134.
94. Там же.
95. Тынышпаев М. Ақтабан шұбырынды. Алма-Ата,1992. С.138.
96. Левшин А.И. Указ.соч. С.165.
97. Тынышпаев М. Указ.соч. С.147.
98. Там же С.148.
99. Там же С.147.
100. Кудайбердиев Ш. Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий. Оренбург. 1911 г. Алма-Ата,1990. С.52.
101. См: Тынышпаев М. Указ.соч. С.149.
102. АВПРИ. Ф. Киргиз-кайсацкие дела.Оп.122/1. Д.1. Л.123.
103. КРО-1. С.148.
104. КРО-1.С.268.
105. Левшин А.И. Указ.соч.С.205.
106. Там же. С.209.
107. См: Тынышпаев М. Указ.соч. С.148.
108. Там же.
109. АВПРИ. Ф. Киргиз-кайсацкие дела.Оп.122/1.1738 г. Д.3. Л.2.
110. Там же.1743 г., Д.8. Л.3.

111. КРО-1,С.431.
112. КРО-1.Док.№119. С.305.
113. Там же Док.№178. С. 469.
114. Там же.
115. КРО-1.Док.. №127. С.325.
116. Там же. Док.178. С.469.
117. Паллас П. Путешествия по разным провинциям Российской империи. СПб.,1773. Т.2. Ч.1. С.380-381.
118. АВПРИ. Ф. Киргиз-кайсацкие дела.Оп.122/1.1743 г. Д.3. Л.102.
119. РГАДА. Киргиз-кайсацкие дела.Оп.122.1743 г. Д.3. Л.124.
120. Там же.
121. КРО-1. Док.№156. С.407.
122. Левшин А.И. Указ.соч. С.206.
123. АВПРИ. Ф.Зюнгорские дела. Оп.133/1. 1745 г. Д.2. Л.64-об.
124. Там же. 1744 г. Д.1. Л.306; Моисеев В.А. Указ.соч.С.135.
125. Там же.
126. АВПРИ. Ф. Киргиз-кайсацкие дела.Оп.122/1.1745 г. Д.3. Л.72-об.; КРО-1. Док.№123. С.316.
127. См.: Бартольд В.В. Соч., Т.9. М., 1968. С. 405.
128. Левшин А.И. Указ.соч. С.165.
129. См.: Суйншалиев Х. История казахской литературы (на каз.яз.). Алматы,1997. С.301-332.
130. См.: КРО-1. С.728,731.
131. Валиханов Ч.Ч. Собр.соч..Т.4. С.87-89; Тынышпаев М. Указ.соч. С.307-332.
132. Левшин И.А. Указ.соч.С.165.
133. См.: КРО-1.С.728
134. Там же. С.426.647.
135. АВПРИ. Ф. Киргиз-кайсацкие дела.122/1. 1745 г. Д.3. Л.86 об.
136. Там же. 1748 г. Д.8. Л.29 об.
137. Валиханов Ч.Ч. Собр.Т.4.С.57.
138. Бес ғасыр жырлайды.Т.1. Алматы, 1989. С.70,77.
139. Там же. С.91.
140. Там же. С.97.
141. Кудайбердиев Ш. Родословная тюрков. Алматы, 1990.С.54.
142. Дулатов М.Соч. Алматы.1991.С.220.
143. См.: Валиханов Ч.Ч.Собр.соч.Т.1.С.281.
144. Там же. Т.4.С.114.
145. Копеев Машхур. Абылай хан дәуірі // Абылай хан. Алматы, 1993. С.304.
146. Бекмаханов Е. Казахстан в 20-40 годы XIX в. Алма-Ата,1992. С.209.
147. Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. Т.4. С.239.

148. АВПРИ. Ф. Киргиз-кайсацкие дела.122/1. 1749 г. Д.6. Л.7-8.
149. КРО-1. Док.№236. С.607.
150. Курбангали Халид. Тауарих Хамса. Казань,1910. С.104.
151. КРО-1. Док.№124. С.321.
152. Там же. С.316.
153. АВПРИ. Ф. Киргиз-кайсацкие дела.Оп.122/1. 1743 г. Д.3. Л.104.
154. Там же.
155. Там же. Зюнгорские дела. Оп.133/1. 1744 г. Д.1 Л.306.
156. КРО-1.Док.№98.С.255-256.
157. КРО-1.Док.№127.С.326.
158. Там же.
159. Моисеев В.А. Указ.соч. С.129.
160. Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. Т.5. С.170-171.
161. КРО-1. Док.№120. С.309.
162. АВПРИ. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп.122/1. 1743 г.Д.3. С.125об.
163. Левшин А.И. Указ.соч. С.172.
164. Там же. С.209.
165. КРО-1. Док.№119. С.305.
166. АВПРИ. Ф.Зюнгорские дела. Оп.133/1. 1745 г. Д.2. Л.83.
167. Там же.
168. Моисеев В.А.Указ.соч.С.173.
169. Там же.
170. Валиханов Ч.Ч.Собр.соч.Т.2.С.323.
171. Там же. С.324-325; Златкин И.Я. Указ.соч.С.281.
172. Валиханов Ч.Ч. Собр.соч. Т.2. С.325.
173. Моисеев В.А. Указ.соч.С.184.
174. Позднеев А.М. Монголия и монголы. СПб.,1886.
175. ГАОО.Ф.Военно-походная канцелярия. Оп.1. Д.10. Л.426.
176. АВПРИ. Ф.Киргиз-кайсацкие дела. Оп.122/1.1747 г.Д.3.Л.173.
177. См.: Абуев К.К.Великий казахский хан Абылай // Кокшетау. Исторические очерки. Кокшетау,1997.С.127.
178. АВПРИ.Ф.Зюнгорские дела. Оп.113/1.1751 г.Д.4.Л.17 об.
179. Моисеев В.А. Джунгарское ханство и казахи XVI -XVIII веках. Алма- Ата, 1991. С.210.
180. Там же.
181. Витевский В.Н. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Т.3.Казань.1897.С.741.
182. Там же.
183. Левшин А.И. Указ.соч. С.230.
184. АВПРИ.Ф.Зюнгорские дела. Оп.113/1. 1755-1757 гг. Д.4. Л.316.
185. Витевский В.С. Указ.соч. Т.3. С.743.
186. АВПРИ.Ф.Зюнгорские дела. Оп.113/1. 1755-1757 гг. Д.4. Л.316.

187. Витевский В.С. Указ.соч. Т.3. С.748.
188. Там же.
189. АВПРИ. Ф. Сибирские дела. Оп. 130/2. 1746-1754 гг. Д.1. Л.80-80об.
190. Моисеев В.А.Указ.соч.. С.219.
191. Витевский В.Н.Указ.соч.Т.3.С.746.
192. Там же. С.747.
193. Моисеев В.А.Указ.соч.219.
194. Витевский В.Н. Указ.соч. Т.3.С.748.
195. Моисеев В.А.Указ.соч.С.222.
196. История Казахстана. Т.3. Алматы, 2001. С.248.
197. Витевский В.Н. Указ.соч. Т.3. С.748.
198. Там же.
199. Там же.
200. Моисеев В.А. Указ.соч. С.226-227.
201. АВПРИ.Ф.Зюнгорские дела. Оп.113/1.1754 г.Д.5.Л.46-47 об.
202. Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII - первая треть XIX в. Сб. документов и материалов. Алматы, 1989. Ч.1. С.46.
204. Златкин И.Я.Русские архивные материалы об Амурсане // Филология и история монгольских народов. М., 1958. С.295.
205. Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVI- первой пол. XIX в. М., 1983. С.105.
206. Златкин И.Я. Указ.соч. С.288.
207. Там же.
208. РГАДА.Ф.248.1-и департамент Сената.1754 г.Оп.113.Д.1230.Л.22.
209. Цитата по: Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII- первой пол. XIX в.М.,1983.С.105-106.
210. Левшин А.И.Указ.соч. С.229
211. Цинская империя и казахские ханства. С.47.
212. Златкин И.Я. Указ.соч. С.290; Гуревич Б.П. Указ.соч. С.106.
213. Гуревич Б.П. Указ.соч. С.106.
214. Там же. С.107.
215. Златкин И.Я. Указ.соч С.295. Гуревич Б.П. Указ.соч. С.106-107.
216. Гуревич Б.П.Указ.соч. С.107.
217. Златкин И.Я.Указ.соч.С.295.
218. Цинская империя и казахские ханства.Ч.1.С.75.
219. Там же. С.64.
220. Там же. С.65.
221. Там же. С.63.
222. Там же.
223. Витевский В.Н. Указ.соч. Т.3. С.749.

224. Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII - первая треть XIX вв. Сб.документов и материалов. Алматы, 1989. Ч.I. С.56.
225. См.: Кузнецов В.С. Цинская империя на рубежах Центральной Азии. Новосибирск,1983.С.20
226. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства (1635-1758). М., 1983. С.295
227. Цинская империя и казахские ханства. Ч.I.С.96.
228. Абылай хан. Тарихи жырлар. Т.I. Алматы., 1993.С.308
229. Цинская империя и казахские ханства. Ч.I.С.133.
230. Златкин И.Я. Указ.соч. С.297.
231. Там же.
232. Гуревич Б.П. Указ.соч. С.111.
233. Моисеев В.А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая XVII в. М., 1983. С.211; КРО-1.Док.№ 223.С.568-569.
234. Магауин М.Кобыз и копье. Алматы; Валиханов Ч.Ч. Собр.соч. Т.1. С.216; Бес ғасыр жырлайды. Алматы, 1989. Т.1. С.70.
235. Цинская империя и казахские ханства. Ч.1.С.138.
236. Там же. С.90.
237. Там же. С.138.
238. Там же. С.166.
239. Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Сб.1. Алматы, 1997. С.313.
240. АВПРИ.Ф.Зюнгорские дела.1755-1757 гг. Оп.113/1. Д.4. Л.556.
241. АВПРИ.Ф.Зюнгорские дела.1757 г. Оп.113/1. Д.2. Л.232.
242. Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. М - Л., 1953. С.179.
243. См.: Басин В.Я. Россия и казахские ханства.Алма-Ата, 171.С.207.
244. Златкин И.Я.Указ.соч. С.303.
245. АВПРИ. Ф. Киргиз-кайсацкие дела.Оп.122/1.1758 г.Д.4.Л.2.
246. Потанин Г.Н. материалы по истории Сибири. ЧОИДР. кн.4. М., 1866. С.103,108; История Сибири. Т.2. Ленинград, 1968.С.185.
247. Витевский В.Н. Указ.соч. Т.3 С.750; Златкин И.Я. Указ.соч. С.302.
248. Хафизова К.Ш. Китайская дипломатия в Центральной Азии (XIV-XIX вв.). Алматы, 1995.С.135.
249. Кузнецов В.С.Цинская империя на рубежах Центральной Азии. С.22.
250. Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Алматы, 1997. Сб.1. С.313
251. Цинская империя и казахи. Ч.1.Док.№ 92.С.171.
252. Гуревич Б.П. Указ.соч. С.134.
253. Прошлое Казахстана в источниках. б.1. С.314: Цинская империя и казахские ханства... Ч.1. С.96.

254. ГАОО. Ф.366. Оп.1.Д.334. Л.9-10: Валиханов Ч.Ч. Собр. соч.Т.4. С.114; Левшин А.И. Указ.соч. С.230.
255. АВПРИ. Ф. Киргиз-кайсацкие дела.122. 1761 г. Д.4. Л.150; 100 құжат. Сб. док. Алматы, 1998. Док.№ 20. С.29.
256. Мұхамбетқанұлы Н. Тарихи зерттеулер. Урумчи, 1989. Алматы, 1994. С.82
257. АВПРИ. Ф.122. 1761 г. Д.4. Л.150 об-151
258. Там же.
259. Валиханов Чокан. Избранные произведения. М., 1986. С.358
260. Левшин А.И. Указ.соч. С.235.
261. Сулейменов Р.Б., Моисеев В.А. Из истории Казахстана XVIII века. Алма-Ата. 1988. С.69
262. Цинская империя и казахские ханства. Док.№38. С.86.
263. Дай Цин Гаоцзун Чуньхуанди шилу (Хроника правления Гаоцзуна Чуньхуанди великой династии Цин). Цз.Токио, 1937. 543. Л.17
264. КРО-1. Док.240. С.621.
265. КРО-1. Док. № 240. С.621
266. Цинская империя и казахские ханства. Ч.II.С.12
267. Валиханов Ч.Ч.Собр.соч.Т.4.С.114
268. Левшин А.И. Указ.соч. С.
269. 100 құжат. Сб.док.на каз.яз. Алматы, 1998.Док. 3 70.С.72-73
270. Абдильдин Ж. Абылай-тарихи тұлға // Абылай хан. Кенесары. Алматы, 1993 г. С.36
271. Казахстанская правда.16 февраля 2002.

Глава 3.

1. История СССР с древнейших времен до 1961 года. М.,1989.С.56.,
2. Бартольд В.В.Соч. Т.9. С.362.
3. Сулейменов О. Азъ и Я. Алма-Ата, 1975.С.186.
4. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящиеся к истории Золотой Орды. Т.1. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. С.235.
5. Аджи М. Полынь половецкого поля. М., 1994.С.3.
6. Каратеев М. Русь и татары // Железный хромец. Возвращение. М., 1992. С.379.
7. Валиханов Ч.Ч.Собр.соч. Т.4.С.81.
8. См.: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедиции Императорской Академии наук. Дополнены и изданы Высочайше учрежденного комиссиею. Т.1. СПб., 1836. № 289. С.339.
9. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.1. М., 1937. С.190.

10. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1990. Т.1.С.528; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.1. М., С.190.
11. Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Т.I. 2-е изд. Алматы., 1997. С.162.
12. КРО-1. С.3
13. Там же.
14. Там же.
15. РГАДА.Ф.122.Оп.1.1595 Д.3.Л.2.
16. КРО-1. Док.№ 6.С.8.
17. Там же. С.13.
18. Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соч. Книга 3. М., 1989. С.314.
19. Всемирная история. Т.5. М., 1958. С.313.
20. Басин В.Я. Россия и казахские ханства в XVI-XVIII вв. Алма-Ата, 1971.С.107.
21. КРО-1. Док.№13.С.15.
22. Там же. С.16.
23. Россия, Запад и мусульманский Восток в колониальную эпоху. СПб., 1996. С.8.; Карамзин Н.М. История государства Российского. Т.10. С.259.
24. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы, 1996. С.158.
25. КРО-1. Док.№166. С.428.
26. Басин В.Я. Указ.соч. С.104.
27. КРО-1. С.16,21,25,27,28.
28. Там же. Док.№18. С.22.
29. Бартольд В.В. Соч. Т.9., ч.2. С.393.
32. Павленко Н.И. Пётр Великий. М., 1990. С.427.
31. ГАОО. Ф.366. Оп.1.Д.2. Л.4.
32. История Туркменской ССР. Т.1. Ашхабад, 1955.С.417.
33. История СССР. Наука. М., 1967. С.7,338; Басин В.Я. Указ. соч. С. 107.
34. Бартольд В.В. Соч. Т.9. Ч.2. С.392-393.
35. Басин В.Я. Указ.соч. С.107.
36. Бартольд В.В. Соч. Т.9. М., 1967. С.391.
37. КРО-1. Док.24. С.31.
38. Очерки истории СССР. XVIII в., Первая четверть. М.1954. С.599.
39. Там же. С.600.
40. Там же. С.601.
41. См.: Басин В.Я. Указ.соч. С.104.
42. КРО-1. Док.№22. С.28-29.
43. Там же. С.30.

44. История Казахстана. Очерк. Алматы, 1993. С.177.
45. КРО-1.Док.№ 14,15,18,20,22.
46. КРО-1.Док.№ 21. С.28.
47. Вяткин М. Батыр Срым. М.-Л., 1947. Цит. по изд.2-е. Алматы, 1998. С.144.
48. Там же.
49. АВПРИ. Ф.Киргиз-кайсацкие дела. 1726 г. Картон 1. Л.38об-39об; ГИА РФ. Ф.1374. Оп.2. Д.1823. Л.24.
50. Басин В.Я. Указ.соч. С.131.
51. АВПРИ. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп.122/1. 1730-1731 гг. Д.б/н. Л.45об; КРО-1. Док №25. С.35,41.
52. Там же. Док.№29. С.41. Полное собрание законов Российской империи. Т.8. С.570.
53. См.: История Казахской ССР. Т.3. Алма-Ата, 1979. С.35.
54. Ерофеева И. Хан Абулхаир. Алматы, 1999. С.94.
55. Там же. С.112.
56. Там же. С.109, 110.
57. КРО-1. Док.№ 21. С.28.
58. Левшин А.И. Указ.соч.С.168
59. АВПРИ. Ф. Киргиз-кайсацкие дела.122/1. 1733 г. Д.1. Л.152.
60. РГА ДА Ф.Сношения России с киргиз-кайсаками. Оп.122. 1733 г. Д.1. Л.23 об.
61. Там же.
62. РГА ДА. Ф.Сношения России с киргиз-кайсаками. Оп.122. 1733 г. Д.1.Л.117.
63. Бартольд В.В. Соч.Т.9. С.405.
64. КРО-1. Док.№ 85.С.199.
65. РГАДА. Ф.122.1746 г. Д.3. Л.8.
66. АВПРИ. Ф. Киргиз-кайсацкие дела.122/1. 1734 г. Д.4. Л.7-7 об.
67. Там же. 1736 г. Д.2. Л.13.
68. Там же. Л.14.
69. КРО-1. Док.№ 40. С.94-95.
70. КРО-1. Док.№ 32. С.46-86.
71. Там же. Док.№ 82. С.189. Док.№ 98. С. 254.
72. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб., 1900. Т.69. С.230.
73. Рычков П.И. Топография Оренбургская. Оренбург, 1887.С.102.
74. Фальк И.П., Т.3. С.541-542. Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Изд. 2-е. Алматы, 1997. Сб.1. С.185.
75. Валиханов Ч.Ч. Собр.соч. Т.4. С.113.
76. Первое упоминание о султане Абылае относится к 1738 г. См.: КРО-1. С.128.

77. АВПРИ.Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп.122/1. 1739. Д.4. Л.2.
78. Там же.
79. КРО-1. Док.№ 38. С. 91-92, № 53. С.117-118.
80. КРО-1. Док.№ 70. С.148.
81. Там же. Док.№ 26. С.35-36.
82. АВПРИ. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп.122/1. Д.3. Л.75-75 об.
83. КРО-1. С.148.
84. Материалы по истории политического строя Казахстана. Т.1.Алма-Ата, 1960. С.38.
85. КРО-1.С.164.
86. Там же. С.190.
87. История Казахстана. Т.3. Алматы, 2000.
88. Там же. С.165.
89. АВПРИ. Ф.Киргиз-кайсацкие дела. Оп.122/1. 1740 г. Д.3. Л.23 об., 74; КРО-1. С.152.
90. АВПРИ. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп.122/1. 1738 г. Д.3. Л.2.
91. КРО-1. Док.№ 16. С.18-20; Док.№ 18. С.21.
92. АВПРИ. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп.122/1. 1745 г. Д.3. Л.155.
93. Султанов П.И. Россия и Центральная Азия // Россия, Запад и мусульманский Восток в колониальную эпоху. Петербург, 1996. С.29.
94. Сорокин Ю.А. К вопросу о политике российского государства в Казахстане // Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII-XIX вв.). Международная конференция. Омск, 2001 г. С.39.
95. Ерофеева И. Указ.соч. С.259.
96. Неплюев И.И. Записки Ивана Ивановича Неплюева. СПб., 1793г. С319.
97. Ремнев А.В. Естественные границы империи // Степной край: зона взаимодействия.... Омск, 2001. С.4.
98. Абдиров М. Завоевание Казахстана царской Россией. Алматы, 2000. С.16.
99. Хорошхин М. Казачьи войска. СПб., 1891. С.34; Никтин Н.И. Начало казачества Сибири. М., 1996. С.38-40; Ерофеева И. Указ. соч.С.264.
100. История Сибири. Т.2. Л., 1968. С.182.
101. АВПРИ.Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп.122/1.1733 г. Д.1. Л.144-145 об.
102. Аполлова Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII- начале XX вв. М., 1960. С.128.
103. Ерофеева И.Указ.соч. С.262.
104. См.: Путинцев Г.Н. Хронологический перечень событий по истории Сибирского казачьего войска. Омск, 1891. С.7.
105. Бекмаханова Н.Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е гг. XIX в.- 1917 г.). М., 1986. С.72;

Фиалков Д.Н. Следы на Прииртышской земле // Иртыш (Омск) - 1994. №7. С.11.
106. См.: Бенюх М.И. Горькая линия // Из истории Западной Сибири. Омск, 1974. Вып.79. С.79-108.
107. ГАОО. Ф.1. Оп.1. Д.29. Л.525, С.930-931; Горбань Н.В. Из истории строительства ни юге Западной Сибири // Вопросы географии. М., 1953. Сб.31. С.210.
108. ГАОО. Ф.1. Оп.1. Д.177. Л.833.
109. Черников В.С. Вместе с Россией // Северо-Казахстанская область. Алматы, 1993. С.25.
110. Путинцев Г.Н. Указ.соч. С.18-20; Абдиров М. Завоевание Казахстана царской Россией и борьба казахского народа за независимость. Астана, 2000. С.196.
111. Абдиров М. Указ.соч. С.136.
112. ГАОО. Ф.336. Оп.1. Д.30. Л.5-7.
113. Там же. Л.11.
114. Абдиров М. Указ. соч. С.111.
115. КРО-1. Док.№100. С.263.
116. Там же. С.189. Док.№100, С.263. Док. №213, С547. Док.214. С.548.
117. Киргизское хозяйство в Акмолинской области. Т.3. СПб., 1910. С.33.
118. Цитата по: Абдиров М. Указ.соч. С.112.
119. Энциклопедический словарь. Т.29. СПб., 1885. С.97.
120. КРО-1. Док №222. С.567.
121. Путинцев Н.Г. Указ.соч. С.18-20; Абдиров М. Указ.соч. С.196.
122. Вяткин М.П. Батыр Срым. Алматы, 1998. С.163.
123. АВРПИ. Ф.Киргиз-кайсацкие дела. Оп.122./1. 1734 г. Д.4. Л.9.
124. КРО-1. Док.№43. С.100.
125.Там же. С.99-100.
126.Там же. Док.№114.С.292.
127. Бартольд В.В. Соч.Т.9.С.407.
128. Прошлое Казахстана в источниках и материалах. СПб., Изд.2-е. Алматы, 1998. С.71.
129. Вяткин М. Указ.соч. С155.
130. Там же.
131. Витевский В.Н. Указ. соч. Т.3. С.877.
132. АВПРИ. Ф. Киргиз-кайсацкие дела.Оп.122/1.1743 г.Д.6.Л.5-7.об.; КРО-1. Док .№118. С.300.
133. Там же.
134. Там же. Док.№87. С.205.
135. Вяткин М. Указ.соч. С.155.
136. Там же. С.160.
137. Там же. С.163.

138. Бартольд В.В. Соч. Т.2. Ч.2. М., 1968 г. С.407.
139. Там же.
140. Записки И.И. Неплюева. СПб., 1853 г. С.157.
141. КРО - 1. Док. №153. С.401.
142. Там же. Док. №181. С.479.
143. АВПРИ. Ф. Киргиз-кайсацкие дела.Оп.122/1. 1748 г. Д.8. Л.15 об.-16 об.
144. КРО - 1. Док..№ 173. С.443.
145. Рычков П.И. История Оренбургская. Оренбург, 1896. С.89.
146. КРО - 1. Док. № 152. С.394.
147. КРО - 1. Док. № 219. С.555.
148. КРО - 1. Док. № 121. С.313.
149. АВПРИ. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп.122/!, 1758 – 1759 гг. Д.10. Л.80 об.
150. Там же. 1745 г. Д. 7. Л. 4-5.
151. Там же. Д.4. Л.186,188-189; См.: Аполлова. Экономические и политические связи с Россией в XVIII – нач.XIX в. М., 1960 г. С.415.
152. КРО - 1. Док.3 120. С.308.
153. Там же.
154.АВПРИ. Ф.Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1745 г. Д. 3. Л.50-50об.
155.Там же.Л.7.
156. Там же.
157. АВПРИ.Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1763-1767 гг. Кн. 15.Л.291.
158. Там же. Ф. Зюнгорские дела. Оп.113/1. 17755-1757.Д.4.Л.322.
159. Витевский В.Н. Неплюев И. Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Т.3. Казань, 1897.С.748.
160. В цинскую армию было мобилизованно около 70 тыс. монголов. См.: Сулейменов Р.Б., Моисеев В.А. Указ.соч. С.84.
161. КРО - 1. Док. № 225. С. 576-577
162. Там же. С. 576.
163. Там же. С. 572
164. АВПРИ. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1758 г. Д.4. Л.3.
165. КРО – 1. Док. № 219. С. 557.
166. Там же. Док. № 217. С. 551.
167. АВПРИ, Ф.Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1758 г. Д.4. Л.1.
168. Там же. Д.10. Л.18.
169. Там же. Д.4. Л.88.
170. Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898 г.// Из истории казахов. Сб. Алматы, 1999 г. С. 443.
171. АВПРИ. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп.122/1. 1758 г. Д.4. Л.162.
172. КРО - 1. Док.№ 220. С.562.

173. Цинская империя и казахские ханства. Сб. Ч.1. Док.№ 92. С.170.
174. Там же. Док.№96. С.187.
175. Там же. Л.86.
176. АВПРИ. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп.122/1.1759 г. Д.4. Л.120.
177. Там же. Л.187.
178. Там же.
179. Там же. 1758-1759 гг. Д.10. Л.9.
180. Там же. Л.19.
181. Там же. Л.80-80об.
182. Там же. Л.53.
183. Там же. Л.19.
184. Там же. Л.84-84об.
185. Там же. Д.7. Л.1-1об.
186. Там же. 1960 г. Д.3. Л.61.
187. КРО - 1. Док..№ 236. С.607.
188. АВПРИ. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп.122/1. 1759 г. Д.4. Л.450.
189. Там же. Л.451.
190. КРО - 1.Док.№ 236. С.607.
191. Там же.
192. Там же.
193. Там же. С.609.
194. Там же.
195. КРО - 1. Док..№ 222. С.567.
196. Речь идёт о джунгарском нойоне Шерене, бежавшем с пятью тысячами подвластных семей через Сибирь к волжским калмыкам в 1757 г.
197. АВПРИ. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп.113/1. 1759 г. Д.3. Л.40 - 40об.; См.: Сулейменова Р.Б., Моисеев В.А. Указ.соч.С.95.
198. См.: Крафт И. Указ. соч. С.453; КРО - 1. Док.№ 236.С.608., Док.№ 247. С.632-635; Басин В.Я. Россия и Казахские ханства в XVI – XVIII вв. Алма-Ата., 1971. С.223
199. Там же.
200. АВПРИ. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп.122/1. 1762 г.
201. Там же. 1762-1775 гг. Кн.14. Л.30-30об.
202. Крафт И. Указ. соч. С.455.
203. Там же.
204. КРО-1.Док.№236. С.607.
205. КРО-1.Док.№255. С.646.
206. Апполова Н.Г. Указ. соч. С.419.
207. Там же.
208. КРО-1. Док.№274. С.696.
209. Вяткин М. Указ.соч. С.164-165.

210. КРО-1.Док.№219. С.557.
211. Аполлова Н.Г. Указ.соч. С.422.
212. См.: Сулейменов Б.С., Басин В.Я. Казахстан в составе России в к. XVIII–начале XX вв. А.-А., 1971.С.83.
213. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп.122/1. 1763-1769 гг. Д.18. Л.184; Аполлова Н.Г. Указ.соч. С.417.
214. Там же.
215. Гуревич Б.П. Указ.соч. С.144.
216. Труды Оренбургской учёной архивной комиссии. Вып.16. Оренбург, 1906. С.128-129.
217. Потанин Г.Н. О караванной торговле с Джунгарией, Бухарой // Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском Университете. Отд. Смесь. 1868 г. №2. С.57-58.
218. ЦГА РК. Ф.1. Д.5. Л.272-281.
219. Труды Оренбургской учёной архивной комиссии. 1906 г. Вып.16. С.146; Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799. С.136-138.
220. Путинцев Н.Г.Указ.соч. С.18,20.
221. Аполлова Н.Г.Указ. соч. С.420-421.
222. ГАОО. Ф.3. 1823 г. Д.423. Л.117; Известия казахского филиала АН СССР, серия историческая. Вып.1. 1940 г. С.96.
223. АВПРИ. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп.122/1, 1766-1769 гг. Д.18. Л.290. Цит. по: Сулейменов Р.Б., Моисеев В.А. Указ.соч. С.101.

Глава 4.

1. Абылай хан. Тарихи жырлар.Т.1. Алматы, 1993. С.359.
2. Аполлова Н.Г.Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII-начале XIX в. М., 1960. С.175-177.
3. КРО-1. Док.№260. С.668.
4. КРО-1. Док.№257. С.661.
5. Там же.
6. КРО-1. Док.№225. С.576.
7. Андреев И.Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков. Изд. 2-е. Алматы, 1998. С.111-112.
8. Семенюк Г.И. Рабство в Казахстане в XV-XIX вв // Труды института истории, археологии и этнографии. Т.6. Алма-Ата, 1959. С.178.
9. КРО-1. Док.№260. С.668.
10. КРО-2. Док.№47. С.94.
11. КРО-2. С.91; Андреев И.Г. Указ. соч. С.38.
12. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. Изд. 2-е. Алматы, 1996.С.241.

13. Там же. С.39.
14. См.: Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сб.3. М., 1969. С.103.
15. КРО-2. Док.№54. С.102.
16. См.: Хозяйство казахов на рубеже XIX-XX веков. С.156.
17. Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Сб.1. Изд. 2. Алматы, 1997. С.188.
18. Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Алматы, 2000. С.328-329.
19. Прошлое Казахстана в источниках... С.201.
20. Левшин А.И. Указ. соч. С.388.
21. Там же.
22. См.: Прошлое Казахстана в источниках... Сб.1. С.200-233; Левшин А.И. Указ.соч. Ч.3. С.388-400; Витевский В.Н. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Т.3. Казань, 1897.
23. Аполлова Н.Г. Указ. соч.; Шоинбаев Т.Ж. Добровольное вхождение казахских земель в состав России. Алматы, 1982.
24. Артыкбаев Ж. Кочевое общество: традиции и инновации. Караганда, 1993.
25. Рычков П.Н. Топография Оренбургская. СПб., 1762.
26. Левшин А.И. Указ.соч. С.394.
27. Георги И. Торговля, торговые пути // Прошлое Казахстана в источниках. Сб.1. С.201; Левшин А.И. Указ.соч. С.394.
28. Рычков П.Н.Указ. соч. С.248.
29. Там же. С.391.
30. Ибрагимов С.К. Из истории внешнеторговых связей казахов в XVIII в. // Ученые записки Института востоковедения АН СССР.Т.19. М., 1958. С.47.
31. Шоинбаев Т.Ж. Указ. соч. С.73.
32. КРО-1. Док.№70. С.163.
33. Там же.
34. Там же. Док.№120. С.308.
35. Там же. Док.№192. С.500.
36. Витевский В.Н. Указ. соч. С.729.
37. Там же.
38. КРО-1. Док.№195. С.508.
39. Там же.
40. Там же.
41. Шоинбаев Т.Ж. Указ. соч. С.72.
42. АВПРИ. Ф.Киргиз-кайсацкие дела. Оп.122/1. 1750 г. Д.3. Л.26-26об.
43. Аполлова Н.Г. Указ. соч. С.299.
44. Там же. С.304.
45. АВПРИ. Ф.Киргиз-кайсацкие дела. Оп.122/1. 1763-1775 гг. Д.9. Л.179.

46. Левшин А.И. Указ.соч. С.390.
47. Климова Н.Ф. Торговля среднего Прииртышья в конце XVIII - начале XIX вв. // Известия Омского Государственного историко-краеведческого музея. №3. Омск, 1994. С.89.
48. История Сибири. Л.,1968. Т.2. С.414.
49. Левшин А.И. Указ.соч.С.389.
50. Аполлова Н.Г. Указ.соч. С.331.
51. Гагемейстер Ю.А. Статистическое описание Сибири. Ч.2. СПб., 1854. С.323.
52. ГАОО. Ф.1. Оп.1. Д.179. Л.468.
53. См.: Бексеитова А.Т. Экономическое развитие и хозяйственные связи Омска и городов Северного Казахстана // Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII-XIX вв.). Омск, 2001. С.65.
54. Государственный архив Северо-Казахстанской области. Ф.158. Оп.1. Д.1. Л.54.
55. Материалы по истории Сибири. Сибирь периода феодализма. Новосибирск, 1965. Вып.2. С.175.
56. Прошлое Казахстана в источниках...С.211.
57. КРО-1.Док.№215.С.548.
58. Там же. С.551.
59. Хафизова К.Ш. К вопросу о казахско-китайской торговле во второй половине XVIII в. // Общество и государство в Китае. М.,1973.С.133.
60. КРО-1.Док.№215.С.548.
61. См.: Кузнецов В.С. Казахско-китайские торговые отношения в конце XVIII в.// Вопросы истории Казахстана и Восточного Туркестана. Алма-Ата, 1962. С.139.
62. Ибрагимов С.К. Указ. соч. С.47, 53.
63. Там же.
64. См.: Абуев К.К. Қазақстан тарихының «актаңдак» беттерінен. Алматы, 1994. С.19.
65. Цинская империя и казахские ханства. Ч.1. Док.№73. С.130.
66. Там же.
67. Там же.
68. Цит. по: Кузнецов В.С. Цинская империя на рубежах Центральной Азии. Новосибирск, 1983. С.24.
69. КРО-1.Док.№236.С.607.
70. Аполлова Н.Г. Указ.соч. С.416.
71. См.: Сулейменов Р.Б., Моисеев В.А. Из истории Казахстана XVIII века. Алма-Ата, 1988. С.94.
72. КРО-1. Док.№219. С.557.
73. Цинская империя и казахские ханства. Ч.1. Док.№92. С.171-172.

74. Қазақ совет энциклопедиясы. II т. Алматы, 1977. С.123.
75. КРО-1. Док.№236. С.607.
76.Там же.
77. Там же. С.608.
78. Там же.
79. Там же. Док.№255. С.649.
80. Там же. Док.№260. С.668.
81. Валиханов Ч.Ч. Т.1. Алма-Ата, 1984. С.265.
82. Тарихи жырлар. Т.1. Алматы, 1995. С.131.
83. Жумабаев М. Соч. Алматы, 1989. С.234; Абылай хан. Тарихи жырлар. Т.1. Алматы, 1993. С.304.
84. Тарихи жырлар. Т.1. С.131.
85. История Казахстана. Т.3. Алматы, 2000. С.251.
86. КРО-1. Док.№255. С.651.
87. Вяткин М. Казахское общество в середине XVIII в. // Известия Казахстанского филиала АН СССР. Сер. ист., вып.1. Алма-Ата, 1946. С.16.
88. Сулейменов Б.С., Басин В.Я. Казахстан в составе России в XVIII - начале XX века. Алма-Ата, 1981. С. 84-85.
89. КРО-1. Док №225. С. 582.
90. Магауин М. Кобыз и Копье. Алма-Ата, 1970. С. 82.
91. АВПРИ. Ф.Киргиз-кайсацкие дела. Оп.122/1. 1766-1769 гг. Д.18. Л.279.
92. Казахско-русские отношения в XVIII-XIX веках (1771-1867 годы) (Сборник документов и материалов). Алма-Ата, 1964. (Далее: КРО-2) Док.№42. С.87.
93. Левшин А.И. Указ. соч. С.366.
94. КРО-1. Док №225. С.579.
95. Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. Т.4. Алма-Ата, 1985. С.116.
96. Левшин А.И. Указ. соч. С.254.
97. КРО-2. Док №225. С.583.
98. Бекмаханов Е. Казахстан в 20-40 годы XIX века. Алматы, 1992. С.209.
99. Бес ғасыр жырлайды. Т.1. Алматы, 1989. С.95.
100. Цит.по: Сулейменов Р.Б., Моисеев В.А. Указ. соч. С.122.
101. Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. Т.4. С.115.
102. Абильдаулы Б. По велению хана Абылая...// Казахстанская правда. 4 июня. 2002 г.
103. Бес ғасыр жырлайды. Т.1. С.77.
104. Сапаргалиев Г. Абылай и казахская государственность // Абылай хан. Кенесары. Алматы, 1993. С.42.
105. Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. Т.4. С.116.
106. Вместо тюрьмы казахские владетели использовали глубокую яму - зиндан.

107. Мухтар Магауин. Указ. соч.С.102.
108. Андреев И.Г. Указ. соч. С.35.
109. Вяткин М. Батыр Срым. Изд. 2-е. Алматы, 1998. С.152.
110. Валиханов Ч.Ч. Собр.соч. Т.4. С.116.
111. Левшин А.И. Указ. соч. С.254.
112. Вяткин М. Указ. соч. С.152.
113. Цит. по: Всемирная история. Т.5. М., 1958. С.254
114. КРО-1. Док.№50. С.110-111.
115. Бартольд В.В. К истории орошения Туркестана. СПб., 1914. С.20.
116. Чехович О.Д. О некоторых вопросах истории Средней Азии XVIII-XIX вв. // Вопросы истории. 1956. №3. С.88.
117. АВПРИ. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп.122/1. 1758. Д.4. Л.88об-89.
118. КРО-1. Док.№221. С.565.
119. Валиханов Ч.Ч. Собр.соч. Т.4. С.114 .
120. Там же.
121. АВПРИ. Ф.Киргиз-кайсацкие дела. Оп.122/1. Д.4. Л.119об.
122. Валиханов Ч.Ч. Собр.соч. Т.4. С.114.
123. АВПРИ. Ф.Киргиз-кайсацкие дела. Оп.122/1. 1762 г. Д.2 Л.4.
124. Там же.
125. Сулейменов Р.Б., Моисеев В.А. Указ. соч. С.105.
126. Сапаргалиев Д.Б. Из истории киргизско-казахских взаимоотношений (вторая половина XVIII в.) // Советский Киргизстан: страницы истории и современность. Фрунзе, 1984. С.154.
127. См.: Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 г. // Вестник РГО. Ч.1. Кн.1. 1851. С.53-54.
128. КРО-1. Док.№260. С.668.
129. Там же.
130. Цит. по: Сулейменов Р.Б., Моисеев В.А. Указ. соч. С.108.
131. Валиханов Ч.Ч. Собр.соч. Т.1. С.265-272.
132. Там же. С.115.
133. АВПРИ. Ф.Киргиз-кайсацкие дела. Оп.122/1. 1762-1775 гг. Д.14. Л.252об.
134. Там же. Л.252.
135. КРО-1. Док.№268. С.685.
136. Там же.
137. Цит. по: Сулейменов Р.Б., Моисеев В.А. Указ. соч. С.112.
138. КРО-1. Док.№270. С.688.
139. АВПРИ. Ф.Киргиз-кайсацкие дела. Оп.122/1. 1766-1769 г. Д.18. Л.382об.
140. Ходжент - современный Душанбе - один из древнейших городов Средней Азии.

141.Джизак – город областного подчинения и центр одноимённого района Узбекистана.
142.Азрет - искаженное название арабского - Хазрет - ныне г.Туркестан.
143.Валиханов Ч.Ч. Собр.соч. Т.4. С.114.
144.КРО-2. Док.№51. С.100.
145.АВПРИ. Ф.Киргиз-кайсацкие дела. Оп.122/1. 1766-1769. Д.18. Л.282об.
146.Тарихи жырлар. Т.1. Абылай хан. Алматы, 1995. С.191-211.
147.Валиханов Ч.Ч. Собр.соч. Т.2. С.77-79.
148.Там же.С.78.
149.Там же.
150.КРО-2. С.100.
151.Валиханов Ч.Ч. Собр.соч. Т.4. С.115.
152.Бартольд В.В. Очерки истории Семиречья // Соч. Т.2, Ч.1. С.99.
153.Сулейменов Р.Б., Моисеев В.А. Указ.соч. С.106.
154.КРО-2. С.100.
155.Валиханов Ч.Ч. Собр.соч. Т.2. С.83.
156.Всемирная история. Т.V. М., 1958. С.261.
157.Вяткин М. Указ.соч. С.171.
158.КРО-1. Док.№255. С.651.
159.Там же. С. 649-650.
160.Левшин А.И. Указ.соч. С. 247.
161.Там же. С.248.
162.Там же.
163. Котенков К. Исторические и статистические сведения о калмыках. СПб., 1870. С.10.
164. Пушкин А.С. Собр.соч. в 10-ти томах. Т.7. М., 1976. С.13-14.
165. Сулейменов Р.Б., Моисеев В.А. Указ.соч. С.115.
166. Пушкин А.С. Указ.соч. С.14; Левшин А.И. Указ.соч. С. 249.
167. Валиханов Ч.Ч. Исторические предания о батырах XVIII в. // Собр.соч. Т.1. 1984. С.221-222.
168. Левшин А.И. Указ.соч. С. 250.
169. Сулейменов Р.Б., Моисеев В.А. Указ.соч. С.117.
170. Андреев И.Г. Указ. соч. С.33.
171. Подробнее см.: Санчиров В.П. Приволжские калмыки в составе Цинской империи в конце XVIII в. // Общественный строй и социально-политическое развитие дореволюционной Калмыкии. Элиста, 1983.
172. КРО-1. Док.№221. С.565-566.
173. ГАОО. Ф.366. Оп.1. Д.334. Св.9. Л.11.
174. Валиханов Ч.Ч. Собр.соч. Т.4. С.115.
175. КРО-2. Док. № 272. С.694.

176. КРО-1. Док. №219. С.554.
177. АВПРН. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 1221/1. 1759 г. Д.4. Л.120 об.
178. КРО-1. Док. №259. С.666.
179. Валиханов Ч.Ч. Собр.соч. Т.4. С.115.
180. Левшин А.И. Указ. соч. С.255.
181. АВПРИ. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп.122/3. 1776. Д.1. Л.52 об-53.
182. Левшин А.И. Указ. соч. С.255.
183. Касымбаев Ж.К. Государственные деятели казахских ханств (XVIII в.). Алматы, 1999. С.106.
184. История Казахстана. Народы и культура. Алматы, 2000. С.158
185. Домогаться - назойливо добиваться. См.: Словарь русского языка. М., 1953.
186. Сулейменов Р.Б., Моисеев В.А. Указ. соч. С.121
187. КРО-1. Док. №272. С.694-695
188. Текст послания хана Абылая Екатерине II приводится в приложении.
189. КРО-1. Док.№ 153. С.401.
190. КРО-2. Док.№43. С.88
191. КРО-3. Док.№45. С.90-91.
192. Левшин А.И. Указ. соч. С.255-256.
193. Левшин А.И.. Указ. соч. С.255; КРО-2, Док.№50. С.99.
194. Там же.
195. История Казахской ССР. Т.3. Алма-Ата, 1979. С.80,82.
196. Касымбаев Ж. Указ. соч. С.122, 133
197. См.: 2 главу настоящей работы.
198. Моисеев В.А. Роль Аблая в укреплении и развитии международных связей казахского ханства // Абылай хан. Кенесары. Алматы, 1993. С.50.
199. Левшин А.И. Указ.соч.; Валиханов Ч.Ч. Абылай. Родословная казахских ханов и султанов // Собр. соч. Т.4; Касымбаев Ж. Ему салтану быть над всеми ханами главным // Указ.соч.
200. См.: Жалайыр К. Шежірелер жинағы. Алматы, 1997; Абильгазы. Түрік шежіресі; Валиханов Ч.Ч. Собр.соч. Т.4. С.173; Кудайбердиев Ш. Родословная. Алматы, 1990. С.94-101.
201. Касымбаев Ж. Указ. соч. С. 109.
202. Магауин М. Азбука казахской истории. Алматы, 1997. С.105.
203. Валиханов Ч.Ч. Собр.соч. Т.4. С.111.
204. АВПРИ. Ф.Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122. 1781-1784 гг. Д.2. Л.41.
205. Левшин А.И. Указ.соч. С.256.
206. Валиханов Ч.Ч. Собр.соч. Т.4. С.175.
207. См.: Бес ғасыр жырлайды. Т.1. Алматы, 1989. С. 98.
208. КРО-2. Док. № 55. С.103.

209. Валиханов Ч.Ч. Родословное древо казахских ханов и султанов // Собр.соч. Т.4. С.177.
210. КРО-2. Док. №42. С.87, Док. №55. С.105.
211. Ерофеева И. Хан Абулхаир: полководец, правитель, политик. Алматы, 1999. С.295.
212. Левшин А.И. Указ.соч. С.254.
213. Валиханов Ч.Ч. Исторические предания о батырах XVШ в. // Собр.соч. Т.1. С.218.
214. КРО-1. Док.№ 219. С.557.
215.Кюй - музыкальное произведение, исполнявшееся на домбре - национальном музыкальном инструменте.
216. КРО-2. Док. №51. С.100.
217. КРО-2. Док. №49. С.96.
218. АВПРИ. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1779-1780. Д.1. Л. 263об - 264.
219. Сулейменов Р.Б., Моисеев В.А. Указ. соч. С.132.
220. КРО-2. Док. №55. С.103.
221. Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. Т.4. С.115.
222. Памятная книжка Западной Сибири. Омск, 1881.
223. Левшин А.И. Указ. соч. С. 256.
224. Шади Жангир улы. Тарихат // Абылай хан. Т.1. Алматы, 1993. С.182.

Заключение

1. Назарбаев Н. В потоке истории. Алматы, 1999. С.284.
2. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. Изд.2. Алматы, 1996. С. 312.
3. Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. Т.4. Алма-Ата, 1985. С.116.
4. Сулейменов Р.Б., Моисеев В.А. Из истории Казахстана XVIII века. Алма-Ата, 1988. С.138.
5. Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. Т.4. С.116.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1772 г. сентября 19. - ПИСЬМО АБЛАЯ ОРЕНБУРГСКОМУ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ И.А. РЕЙНСДОРПУ С ПРОСЬБОЙ ПРИСЛАТЬ ВОЙСКА.

Перевод с татарского письма Средней орды от Аблай-солтана, при ординарной почте в Оренбурге сентября 19 дня 1772 года полученного.

Высокопоставленному и высокодостойному господину генерал-порутчику, кавалеру и губернатору Ивану Андреевичу Рейнсдорпу от меня, Аблай-хана, поздравление.

За тем вам, господину генералу, доношу, что орда наша не так, как ваша Россия, в пределах, но рассеянно находится, так что продерзатели и воры киргис-кайсаки не скоро в руки мои попадаются, ибо земля наша пространна, следовательно, где кто кочует, знать почти неможно.

С китайским богдыханом зделал я условно в такой силе: буде бы с которой стороны и какой бы ни был государь причинил нам неприятельское действо или наглость, то против него стоять и естли б от него богдыхана силы потребовал, то б ему по тому моему требованию воинских людей хотя тысяч до десяти или до дватцати // И так в какое б время я с китайской стороны воинских людей ни потребовал, всегда мне готовы.

Вследствие сего я вас, господина генерала, прошу, когда с какой стороны на нашу Киргис-кайсацкую орду неприятель возстанет и когда я будучи в сообществе ея И.В., против того неприятеля силы просить буду, тогда ея величество силы мне дать изволит ли? И на сей конец прошу вас ея И.В. донести и что от ея величества воопоследует, меня чрез письмо ваше уведомить.

А между тем вас, господина генерала, прошу, есть ли можно, то с тысячу или с пятьсот, а по последней мере с триста человек для воздержания Средней моей орды злодействующих киргис-кайсак ко мне прислать, ибо когда мы с Российским // государством соединимся и воров киргис-кайсак в страх приведем, то б они /ни/ в нашей орде, ни в вашем государстве воровства и насильства делать они не стали, и я б с находящимися на границах ея величества генералитетом находился в согласии, следовательно, между двумя жилищами и никакого б худа быть не могло. Ради того я от вас пятисот человек и требую с тем, в который день они вознадобятся, мне дать прикажите и я тех ваших воинских людей в даль не поведу, как только на пять дней, где воры киргис-кайсаки находятся, и с теми воинскими людьми я вместе быть имею, а буде не я, то сын мой с ними будет, почему и не может им приключится никакого вреда, но возвращены будут со всем их оружием и одежею, как и с запасом в целости.

И так по содержанию сего моего или пятьсот или триста человек со всем их воинским оружием во время требования моего конечно дать прошу. И сие мое последнее требование ея И.В. доносить не изволите, ибо мы такое мало дело между собой знать можем. И буде тех воинских людей дадите или не дадите, прошу чрез крепость Святого Петра меня уведомить немедленно.

В заключении сего, желая вам со всеми лутчими при вас находящимися, многолетнего здравия, пребываю Аблай-хан, и во уверение печать мою приложил.

Которая под оным чернильная и приложена. Переводил речи отратор Михаил Войнов и под подлинным подписался.

АВПР, ф. ККД, 1769-1773 г. Оп.122/1. Д.19. Л.363-364 об. Копия.

1778 г. февраля 28[17]. – Представление султана Аблая имп. Екатерине II с просьбой об утверждении его в ханском звании, о посылке в Петербург посланников.

Перевод с листа киргиз-кайсацкой Средней орды от Аблай-солтана, с сыном его Тугум-солтаном отправленного, в Оренбурге февраля 28 дня 1778 г. учиненнаго.

Всепресвятлейшей, державнейшей, великой государыне императрице Екатерине Алексеевне, самодержице всероссийской и пр., и пр, и пр.

Верноподданного Вашего величества киргиз-кайсацкой орды Аблай-солтана.

Всеподданнейшее представление.

Хотя тому уже минуло сорок шесть лет, как мы, солтаны, всегда в высочайшем В. И.В. усыновлении, а подвластные наши во услужении, будучи удостоены пользоваться высочайшим Вашего величества милосердием, изливаемыми ко всем верноподданым щедротами и милосердию, со всем верноподданным киргиз-кайсацким народом пребывание наше имеем со всех сторон безвредное, со всем тем, однако, лет тому назад с не имел я случая к высочайшему двору В. И.В. для всеподдайнешаго поколения людей моих посылать, а ныне оной случай чрез старание господ оренбурскаго губернатора генерал-порутчика и разных орденов кавалера Ивана Андреевича Рейнсдорпа, а с повеления его и правящаго должность губернаторскую генерала Мансурова получил, ибо к высочайшему двору В. И.В. со всеподданнейшим моим представлением сына моего отправить всемилостливейше повелено, чем я предоволен.

Итак, для донесения всеподданнейшего моего представления к высочайшему двору Вашего величества отправил я от трех моих больших

сыновей, имянуемых Вяли, Чингиз и Гумер солтанов, меньшаго, Тугум-солтана, с присовокуплением к нему хороших людей. А вышепомянутые дети мои большие все троя находятся всегда между верноподданною Вашего величества киргиз-кайсацкою ордою во всеусерднейших услугах.

Впротчем, ко всевысочайшему двору В. И.В. всеподданнейшие доношу: Абулхаир и Абульмамбет ханы скончались, которые предкам моим были родственники. Как они от сего света отошли, так чреда ханского достоинства досталась мне. По кончине их, всех киргиз-кайсацких орд, то есть Большей, Средней и Меньшей, ханы и солтаны купно с большими и меньшими города Ташкента и провинции Туркестанской с общаго согласия в прошлом 1771 г. в городе Туркестанте при гробе мусульманского нашего святого Ходжи Ахметя, по обыкновению нашему, прочтя молитву, наименовали меня всех трех киргиз-кайсацких орд ханом, в которое звание и действительно возвели. Однако, хотя и по обыкновению состояния нашего в том звании и нахожусь, только В. И.В. всеподданнейше прошу, то мое ханское звание пожалованием из благословенных рук В. в. за золотою печатью высочайшей грамоты всемилостивейше подтвердить. А кроме того, и высочайшаго Вашего величества повеления ханом имяноваться я за непристойно и недостойно признаю. Итак, я в моем уповании остаюсь, что по высочайшей милости Вашего величества, то мое ханское звание подтвердится. Причем особливо и всенижайше В. И.В. прошу, когда я пожелаю к высочайшему двору Вашего величества паки из детей моих посылать, то дабы тогда оным в том препятствия не было, и о том бы ближних к нам губерний господам губернаторам и крепостным комендантам и протчим начальникам все милосливейшее повеление с отправленным ныне от меня к высочайшему двору В. И.В. сыном моим ко мне прислано да и к тем господам губернаторам и к протчим начальникам предложено было.

Хотя и пребывание мое при границах Ваших некоторых губерней и крепостей издавна и без всяких ссор, но согласно продолжаю. Однако ж прошу В. И.В. высочайше повелеть, дабы в случающихся между нами малых делах правосудие и справедливость чинили. Еще В. И.В. прошу, ежели бы между нашими киргиз-кайсаками случились когда в собрании изменники и плуты, для воспрепятствования злаго их предприятия к России вреда, а при том и воздержания их в потребные мне времяна высочайше повелеть из находящихся на границах войск Вашего величества мне на короткое время давать столько, сколько когда вознадобится, и о том бы находящимся вблизости к стороне нашей крепостным комендантом и протчим начальникам наслан был Вашего величества высочайшей указ, чрез что б мы в состоянии были всех тех злодеев воздерживать.

С сим моим всеподданнейшим представлением отправлены от меня к высочайшему двору В. И.В. сын мой Тугум-солтан, да из хороших людей двое старшинских детей. А именно: Дат-батыр Карабатырев, да Тявяккуль-батыр Минглибаев, да хороших же людей дети, Мамет Бекчин, Рыскельди Абдулзялилев, да Тангут Сатыпалдыев.

Во уверение чего своеручно печать мою приложил.

Под оным листом печать, Ю со изображением имени его, Аблай солтана, на сургуче, приложена.

Переводил коллежский асессор Петр Чучалов.

АВПР, ф.122, д.1, лл. 42-46. Перевод.

1778 г. мая 24. - Грамота имп. Екатерины П султанам, старшинам и всему казахскому народу от утверждении султана Аблая ханом Среднего жуза.

Грамата Средней киргиз-кайсацкой орды и солтанам и протчим старшинам.

Божиею милостию мы, Екатерина Вторая, императрица и самодержица всероссийская и пр., и пр., и пр.

Нашего И.В. подданным Средней киргиз-кайсацкой орды солтанам, беям, старшине и всему народу наша императорская милость.

К нашему высочайшему императорскому престолу представлено было всеподданнейшее прошение начальствующаго в Средней киргиз-кайсацкой орде Аблай-солтана, поданное чрез нарочно присланного сына его Тугум-солтана с старшинами, которым он, Аблай-солтан, донесши по долгу своего подданства о воспоследовавшем избрании и наречении его, Аблай-солтана, ханом, по древнему киргиз-кайсацкому обыкновению, просил на то монаршего нашего подтверждения.

А как о должной к нам великой государыне верности его, Аблай-солтана, и о всегдашнем рачении к содержанию в порядке и спокойстве подвластных киргиз-кайсак неоднократныя засвидетельствовании были от оренбургских и сибирских губернаторов, равно как и от воинских на сибирских линиях начальников, о чем и нам, великой государыне, нашему И.В., по всеподданнейшим докладам нашего министерства довольно известно, и такое его доброе поведение ко всемилостивейшему нашему императорскому благоволению касается, то мы, великая государыня, снисходя на прошение его, Аблай-солтана, в воздаяние должной его верности и в засвидетельствование императорского нашего к нему удовольствия за благо и за справедливо почли удостоить его императорской нашей конфирмации в приобретенном им вновь ханском достоинстве. И вследствие того, по установленному обыкновению, повелели дать ему и приличныя на ханство знаки, как то: жалованную

граммату за императорскою нашею печатью, саблю с надписью, шубу соболью и шапку черной лисицы.

А между тем сим дается знать о таком нашем монаршем высочайшем соизволении всем солтанам, беям, старшинам и народу Средней киргиз-кайсацкой орды о присовокуплении точным нашим повелением ему, Аблаю, как признанному и подтвержденному от нашего императорского престола ханом в помянутой Средней орде отдавать надлежащее почтение и послушание во всем том, что будет следовать и касаться в пользе и лучшему киргиз-кайсацкого народа благоустройству и к нашей императорской службе.

Впротчем, мы, великая государыня, наше И.В., ко всем солтанам, беям, старшинам и ко всем вообще, к Средней орде принадлежащим племенам и народу и впредь, по мере добраго их к спокойнаго обращения, нашею императорскую милостию благосклонны пребудем.

Дана в С.-Петербурге, нашей столице, 25 майя 1778 г.

АВПР, ф. 122, 1791 г., д.1, лл.93-94 об.

1779 г. не позднее августа 13. - Из письма хана Аблая оренбургскому губернатору И.Рейнсдорпу о взаимоотношениях с киргизами.

Копия с письма киргис-кайсацкой Средней орды от Аблай-хана к оренбургскому губернатору г-ну генерал-порутчику и кавалеру Рейнсдорпу присланнаго.

Я с Вашим выс-вом желал было возиметь свидание, но только тому повстречались немалыя препятствии:

...Во владении ж моем состоит Большая и Малая орда, ис коих Большая расположена около г. Туркестана в Ташкении, где также находится воюющие со мной, называемые кыргызы, которые в той области кочующим моим подчиненным киргисцам чинят несносные беспокойства и притеснения, то есть делают во всегдашнее время военною рукою на них нападении и притом захватывают к себе жон, детей и имение их, которые, не стерпя таковому раззорению, принуждены слезно просить моего защищения, куда от меня отправлены из детей моих и братьев с лутчими людьми, после коих и сам, сев на конь, для отечества нашего отправиться готовлюсь.

От давнего уже времяни я с Вашим выс-вом имею знакомство, так потому и к высочайшему е. и. в. двору попрежнему нахожусь в должном моем послушании. Они и мои секреты я никак от Вашего выс-ва не таю, надеюсь притом на Ваши ко мне дружбы.

Вашего выс-ва прошу на меня не гневаться, что я не возимел свидания. Хотя я сам отсель и отправлюсь, но только из детей моих одного с лутчими людьми в здешнем моем пребывании оставлю.

...Вашему выс-ву доношу, уведомился я, что бухарской хан отправил ко мне своего посланника с навьюченным на двадцати четырех верблюдах мнением и осмью аргамаками с тем, чтоб быть мне с ним сватом, от котораго уже и передовые ко мне прибыли, коего во ожидании и нахожусь.

Отрпавленной от Вашего выс-ва переводчик Мендияр Бекчурин с тправленным г-ном начальствующим при нес с достойностным почтением письмо Вашего выс-ва мне доставил, на которое в вышеписанных терминах я и отвечал, на что прошу не погневаться.

Впротчем, при желании Вашему выс-ву со всеми Вашими подкомандующими многолетнаго здравия остаюсь, во уверение сего Аблай-хан печать мою приложил, которая под оным со изображением ево имени, чернильная, и приложена.

В протчем же, помянутой переводчик Ваш в дополнение словесно Вашему выс-ву донесть может.

Переводил переводчик Мендияр Бекчурин.
И под подлинным подписал секретарь Фадей Чекалов.

АВПР, 1. 122, 1779-1780 гг., д. 1, лл. 252-253. Перевод.

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ

1. АВПРИ - Архив внешней политики Российской империи.
2. РГАДА - Российский государственный архив древних актов.
3. ЦГА РК - Центральный государственный архив Республики Казахстан.
4. ГАОО - Государственный архив Омской области.
5. ГАСКО - Государственный архив Северо-Казахстанской области.
6. КРО-1 - Казахско-русские отношения в XVI-XVIII вв. Сборник архивных документов. Алма-Ата, 1961.
7. КРО-2 - Казахско-русские отношения в XVIII-XIX вв. Сборник архивных документов. Алма-Ата, 1961.

Часть вторая
Абылай хан и его наследники

ХАН ВАЛИ (ВАЛИХАН)

Знать историю своей страны, помнить и чтить её главных действующих лиц - наша обязанность. Но, к сожалению, стараниями советских историков наша история обезличена, имена многих правителей Казахского ханства забыты. В «Истории Казахской ССР» любого издания вы не найдете ни строки о хане Среднего жуза Вали. А между тем он правил этой частью Казахстана без малого сорок лет.

Да что говорить об Вали хане, если даже о его великом предшественнике - хане Абылае - мало что можно узнать из учебников. Допустим, в советскую эпоху историкам не позволялось писать правду о ханах, но как объяснить тот факт, что в «Истории Казахстана», изданной в 1993 году, сведения о хане Абылае исчерпываются лишь одной сакраментальной фразой: султан Абылай высказался за принятие российского подданства?[1]

Разумеется, у нас нет никаких оснований ставить на одну доску эти две личности: хана Абылая и Вали, хотя речь идет об отце и сыне. В отличие от своего великого предка, Вали хан был заурядным правителем. Это тот случай, когда полностью оправдывается мудрое высказывание о том, что природа, много потрудившись над выдающейся личностью, отдыхает на его детях. В подтверждение своих рассуждений сошлемся на Чокана Валиханова. Он писал, что «хан Абылай, выступая, смотря по обстоятельствам, то в подданство России, то Китая, сумел сохранить фактическую независимость своей страны до самой своей смерти, то есть до 1781 года». И далее: «Слабый преемник Абылая, сын его Валихан, беспрекословно подчинился России».[2] На то, что хан Вали был правителем заурядным и слабым, указывает и друг Чокана - Г.Н. Потанин. «Дед Чокана - Валихан, - писал он, - по преданиям, не отличался способностями народноправителя, как прадед Чокана - Абылай хан, прославившийся отдельными походами и дипломатическими сношениями с соседними государствами. Вали хан любил жуировать и был поклонником прекрасного пола...»[3]. Впрочем, и сам хан Абылай не считал Вали самым способным из сыновей. О чем, в частности, свидетельствует такой факт. Как повествуется в одном из народных жырау, на склоне лет Абылай решил при жизни осуществить избрание своего наследника. По установившейся традиции наследовать престол должен старший сын. Но Абылай остановил свой выбор на младшем - султане Касыме, предложив на курылтае (народном собрании) избрать его ханом после себя.

Однако против кандидатуры султана Касыма выступили многие влиятельные родоначальники и батыры, обвинив его в заносчивости и грубости. По-видимому, не это было главное, а то, что Касым торе

активно выступал за укрепление центральной власти, за жесткий контроль над действиями степных воротил. Те из султанов и биев, которые после устранения непосредственной угрозы порабощения со стороны ойратов и Цинской империи, стали тяготиться усилением авторитета и власти хана Абылая.

Мудрый хан не мог допустить открытого столкновения сторон, он понимал, что угроза агрессии снята не окончательно, что Россия и Китай не отказались от своих намерений полного подчинения Казахстана своей власти. Поэтому, чтобы не допустить раскола в обществе, он на время отложил избрание наследника престола.

Выборы нового хана состоялись, но уже после смерти Абылай хана, в мае 1781 года. О смерти Абылай хана извещал правительство России султан Вали в письме на имя императрицы. В ответной грамоте от 23 августа 1781 г. Екатерина II разрешила «султанам, старшинам и всему народу избрать по обыкновению достойного и нашему и в благонамеренного хана».

Для обнародования грамоты императрицы Оренбургский губернатор князь Хвабулов направляет в ханскую ставку в урочище Бурабай миссию коллежского асессора Чучалова.

В рапорте на имя губернатора Чучалов писал, что после вручения грамоты Императрицы Вали султану, «его известили, что у них со общаго всей Средней орды солтанов, старшин и всего народа согласия прежде, нежели вышеупомянутая высочайшая грамота получена, избрание на ханство достойного по их национальному обыкновению уже учинено для тех резонов, чтоб в народе их без начальника не произошло смятения и злополучия. Причем, выбран на то ханское достоинство реченой Вали - солтана в рассуждение того, что он большей сын умершего Абылай хана»...[4] Далее Чучалов сообщает, что выборы хана состоялись на поминовальной по хану Абылаю тризне (Здесь и далее в текстах цитат сохранена прежняя орфография - автор).

По свидетельству известного востоковеда А. Левшина, хан Абылай вел совершенно независимую внутреннюю и внешнюю политику. Подтверждением тому может служить и рассуждение того же Чучалова о том, что «подданство Средней орды российскому скипетру не прямое, но притворное и лицемерное для того, чтоб...пользоваться теми выгодами, коими доныне пользуется».

В своей политической деятельности на первых порах Вали хан старался во всем подражать отцу, по крайней мере, внешние атрибуты ханствования соблюдались неукоснительно. К примеру, в упомянутом документе есть такие строки: «Впрочем, что касается Вали-солтана ... то он почти такого же состояния, какого отец его, Абылай хан был, то есть

горд, взмерчив, упрям, нагл и непостоянен, словом, во всем такого же расположения».

Однако не остались незамеченными покладистость и пророссийское настроение молодого хана в отличие от прежнего. В документе упоминается о том, что хан Абылай в свое время отказался прибыть в Оренбург для торжественного оглашения Грамоты императрицы об утверждении его в ханском достоинстве. И далее с удовлетворением отмечено, что «Вали-солтан, когда высочайше е. и. в. благоволение о пожаловании его ханским достоинством последует, то он к принятию знаков приехать соглашается больше поблизости его кочевья в Петропавловскую крепость или где соизволено будет».

25 февраля 1782 года императрица Екатерина II подписала «Повелительную грамоту» об утверждении Валия солтана ханом Средней орды.

Торжества по случаю возведения Вали султана в ханское достоинство и приведения его к присяге состоялись 1 ноября 1782 г. в крепости Святого Петра (ныне г. Петропавловск). Этот торжественный акт был записан в журнале. Вот текст этой записи: «1782 г. ноября 1 дня во исполнение высочайшей ее императорского величества конфирмации, последовавшей на всеподданнейшее прошение киргиз-кайсацкой Средней орды султанов, старшин и всего народа в 14 день февраля сего года, избранный ими на место умершего Абылай султана в ханы его сына Вали-султана генерал- поручиком, правящим должность уфимского и симбирского генерал-губернатора и кавалером Якобием, через ахуна и депутата мурзу Яаушева сего ноября числа 1 на сибирской линии в крепости Святого Петра приведен на ханское достоинство, всеподданнейшей присяге и торжественно утвержден в сем звании».[5]

В своей практической деятельности, особенно в политике и дипломатии, как уже было сказано, хан Вали старался во всем подражать отцу. Во внутренней политике по управлению жузом он проявил активность в сборе повинностей с подвластного населения, по своему разумению и на основании традиции распределял кочевья, выступал в качестве высшего арбитра в решении крупных спорных вопросов между родами.

Первое десятилетие правление хана Вали характеризовалось относительным спокойствием в жузе. Видимо, сказывался авторитет ханской власти времен Абылай хана. Однако уже с середины второго десятилетия правления Вали стало заметным ослабление значения ханской власти. Многие факты говорят о том, что хан не контролировал ситуацию в Степи, участились случаи грабежа и барымты (самосуд в виде угона скота ответчика - автор).

Вот как описывают положение в Степи члены миссии МИДа России, направлявшейся в 1803 г. в Бухару и обратно через Казахстан. Они отмечали, что «законоположения хана Тауке» зачастую нарушались. Народную же доверенность получают ныне храбрые только наездники, успешные грабители и богатые семьянины, почему родоначальники, солтаны и ханы, не имея сил обуздать своевольство и привести народ к себе в повиновение, с частью семей своих приближались к линии под покровительством России, а роды разделясь с новым биями, удалились в степь, где живут теперь без всякого согласия».[6]

Ослабление власти хана было на руку колониальной администрации. Она, намереваясь упразднить институт ханства и ввести прямое российское управление Степью, всячески стремилась дискредитировать хана. Подтверждением тому может служить рапорт генерал-поручика Штрадмана графу П. Зубову по поводу жалобы старшин Среднего жуза на хана Вали. Он откровенно писал: «Со времени командования моего Сибирским корпусом и линиями я всегда предметом себе поставлял склонить Средней орды киргиз-кайсаков под настоящее российское правление, дабы через то самое усовершенствовать их верноподданичество, которого они до сих пор одно только название носили»...[7]

Штрадман не скрывает, что для осуществления своего намерения он привлек начальника Тобольской и Ишимской линий бригадира и кавалера Шрейдера. « Чтобы тот принял меры для дискредитации хана Вали, - пишет генерал, - я препоручил ему всевозможные употребить к тому старания».

Далее Штрадман с радостью сообщает: «Оное предприятие ныне возымело счастливый успех, что на сих днях представлено ко мне от вышеупомятого г-на бригадира и кавалера прошение, следующее от киргизских султанов и старшин на высочайшее имя. Содержание оного заключается в нижеследующем: собственноручно подписавшиеся султаны (два) и старшин (двенадцать) с подвластным себе изъясняют, что утеснены несправедливостью хана Вали, который наглым похищением их имения причиняет совершенное им разорение».

Генерал Штрадман уверяет Зубова (фаворита Екатерины II), а через него и Императрицу, что казахи просят об «ограждении их единственным российским управлением». «А это, - пишет он далее, - открывает нам легчайший способ распространить пределы обширного нашего государства присовокуплением без малейшего насилия новой богатой стороны».

После такого компромата, казалось, судьба хана была предрешена, но история распорядилась по-иному. Вскоре в самой метрополии разыгрались нешуточные политические события: смерть Екатерины II,

дворцовые перевороты, война с Наполеоном... В этих условиях правительству России было явно не до хана Вали.

Вопрос об упразднении института ханства в Казахстане и введения прямого российского управления вновь на повестку дня встал после окончания Отечественной войны 1812 года. Для того чтобы окончательно дискредитировать ханскую власть и показать ее ненужность, царское правительство прибегло к новой уловке, утвердив в 1815 году в Среднем жузе, точнее, восточной его половине, еще одного хана - престарелого Бокея султана. Процарствовал Бокей хан всего три года и в 1817 г. скончался.

Что касается внешней политики хана Вали, то она тоже не отличалась оригинальностью. Подражая отцу, он установил сношения с китайским императорским двором, добиваясь признания его ханом Среднего жуза. И, надо сказать, Вали хан добился-таки признания цинского двора.

По случаю смерти хана Абылая китайский император Чиан-Лун по восточному обычаю направил в Кокшетау миссию для выражения соболезнования родным хана и исполнения поминального обряда. После завершения этих процедур в торжественной обстановке Вали была вручена грамота императора об утверждении его в ханском звании. На следующий год Вали хан направил в Пекин ответную миссию во главе со своим братом султаном Сыгай. Обмен документациями продолжался и в последующие годы. Политика, которой придерживался хан Абылай, была вынужденной мерой. Она была связана с усилением военных акций царизма в регионе и угрозой вторжения цинских войск и отвечала жизненным интересам Казахстана. Причем, проводя политику лавирования между двумя могущественными империями, Россией и Китаем, хан Абылай опирался на собственную военную силу и поддержку своего народа. Поэтому он осуществлял, говоря словами того же А. Левшина, «совершенно независимую политику».

В отличие от своего предшественника хана Вали принял присягу на верноподданство России и то же время признал сюзеренитет Китая, чтобы тем самым укрепить свою власть в Степи. Однако это удавалось хану Вали очень плохо, поскольку у него не было ни военной силы, ни политического влияния, ни личного авторитета. Поэтому как раз в годы его правления значительная часть южных районов Казахстана подпало под иго Кокандского и Хивинского ханств.

Зато более удачно складывалась личная жизнь хана Вали. Точная дата его рождения до недавнего времени была неизвестна, однако на основании косвенных данных можно предположить, что он родился во второй половине 30-х годов XVIII века, но не позднее 1740 г. Дело в том, что у хана Абылая до того, как он попал в 1741 году в плен к джунгарам,

было четыре жены. От первой жены у хана Абылая были две дочери. Вали родился от второй жены Сайман ханум, дочери каракалпакского бека, и был старшим из сыновей хана.

В традициях казахских ханов было обучать своих детей грамоте, знанию семи языков и владению пятью видами оружия. Надо полагать, что чаша сия не миновала и султана Вали. По крайней мере известно, что он понимал и немного говорил по-русски, знал арабский и персидский языки.

В преклонном возрасте, где-то к 60-ти годам, Вали хан женился на молодой и очень красивой девушке по имени Айганым. По одним данным, до этого брака у хана Вали было три жены, по другой версии - одна.[8] Но так или иначе, Чокан Валиханов в схеме «Родословное древо Вали хана»[9] называет имена 14 сыновей его.

Младшая жена хана Вали Айганым была дочерью простого казаха по имени Саргалдак из рода атыгай. Он был известен как богослов, окончивший высшую духовную семинарию в Бухаре, и как наставник, обучавший детей в медресе. Наряду с другими детьми это учебное заведение окончила и его дочь Айганым, что было в те годы редкостью.

Когда на нее обратил свое царственное внимание Вали хан, ей шел 19 год. Разница в возрасте в 43 года не очень смущала хана, и он заслал сватов к ее отцу. Разумеется, Саргалдак не мог отказать хану. Узнав о намерении отца, Айганым заявила, что даст согласие на брак с ханом только в том случае, если он оставит первую жену и переселится в новое именье. Приняв все ее условия, хан Вали переехал с молодой женой в урочище Сырымбет, где и прожил до своей кончины в 1821 году.

Долгое время было неизвестно, где похоронен хан Вали. По традиции казахских ханов хоронили в г. Туркестане, но там могилы Вали хана нет.

Отыскалась могила Вали совершенно случайно. Летом 1995 года в с. Казахстан, расположенном в 30 км восточнее г. Кокшетау, шли торжества по случаю присвоения местной школе имени Сулеймена Актаева, известного журналиста, уроженца этого села. На той, как водится, съехались гости из Кокшетау, Алматы и других городов. Торжества шли к завершению, когда к собравшимся обратился почтенный аксакал по имени Кадыр. Он рассказал, что на сопке, которая виднелась из села, находятся неизвестные захоронения, и что в народе их называют ханскими.

Заинтересовавшись рассказом деда Кадыра, гости тут же сели в машины и поехали к указанной сопке, на гребне которой действительно обнаружили захоронения. Надгробные камни некоторых могил были разворочены, по-видимому, трактором. Один надгробный камень был гораздо значительнее по размерам и форме и отличался от других, но он был расколот. Вскоре нашелся сколок, и когда их собрали вместе, то

обнаружили надпись, выбитую арабским шрифтом. Позже удалось прочесть ее, там было написано - хан Вали Абылайханулы. На камне также была высечена дата 1737-1821 гг.

Конечно, хан Вали не был такой выдающейся личностью как хан Абылай или Кенесары, но, тем не менее, с его именем связана целая эпоха истории Казахстана. Он был последним избранным казахским ханом, которого признали и Россия, и Китай.

Его сыновья, Губайдулла и Чингис, были первыми старшими султанами Кокшетауского и Кушмурунского округов. Имя хана Вали прославил его внук, ученый-просветитель Чокан Валиханов.

После смерти хана Вали, с 1821 года по 1824 год, то есть до упразднения института ханства в Степи и образования округов, фактическим правителем в Среднем жузе была ханша Айганым. Именно с ней сносились русские власти по делам казахов сибирского ведомства. При этом ханша Айганым не только твердо придерживалась пророссийской ориентации, но и высказывала усердие в осуществлении планов по учреждению внешних округов. Она помогала русским ученым и инженерам в геодезическом исследовании казахской степи. Учитывая ее заслуги, генерал-губернатор Западной Сибири генерал-лейтенант П. Капцевич исходатайствовал у царя Александра I разрешение на строительство в Сырымбете усадьбы для семьи ханши Айганым.

Будучи образованной женщиной, Айганым-апа большое значение придавала обучению детей и внуков. Она устроила старшего сына Чингиза в Сибирское войсковое училище в г. Омске, позже это же училище, преобразованное в кадетский корпус, окончил ее внук - Чокан Валиханов. Ханша Айганым так же исходатайствовала зачисление в Азиатскую школу пасынка Туреджана.

По словам известного казахского ученого-чокановеда, академика А. Маргулана, Айганым «была умная, дальновидная и для того времени образованная женщина. Она знала несколько восточных языков, интересовалась русской культурой». Поклонница восточной литературы, тонкий знаток устного народного творчества, Айганым сумела с самого раннего возраста привить своим детям интерес к устной поэзии, истории своего народа. Ведь не случайно, что именно ее гениальный внук Чокан Валиханов стал первым ученым-этнографом. Справедливости ради надо сказать, что зачинателем этого дела все же был отец Чокана - Чингис Валиханов.

Таким образом, семья Валихановых - Чокан Валиханов, Губайдулла Валиханов, ханша Айганым и Чингис Валиханов - сыграла важную роль в политической и культурной жизни нашего народа. Основателем этой большой прогрессивной семьи был хан Вали.

Хотя гениальный внук хана Вали Чокан критически и сурово оценивал своего деда как правителя, в то же время он не чурался его. Больше того, Чокан имя Валихан избрал в качестве своей фамилии, вопреки традициям казахов записываться на имя отца.

Примечания

1. История Казахстана. Очерк. Алматы,1993, с.182.
2. Валиханов Ч. Ч. Собр. Соч., т. 4, с.201.
3. Потанин Г. Н. Биографические сведения о Чокане Валиханове. – Валиханов Ч. Ч. собр. Соч., т. 5, с. 347
4. Архив внешней политики Российской империи Ф. 122 (Киргизские дела), д.2, л. 35-36.
5. ЦГА РК, ф. 338, оп1, д. 764, лл. 30-31
6. Казахско- русские отношения вXYIII-XIXвв. Алма-Ата , 1964, с. 157.
7. Там же.
8. «Акикат»,1994, № 6, С.34
9. Валиханов Ч. Ч. Собр. соч, т.4, с.177

Хаиша Айганым
(1783-1853)

АЙГАНЫМ Саргалдак-кызы (1783, Кокшетауский окр. - 1853, ур. Сырымбет Кокшетауский окр.), младшая жена хана Вали, бабушка Шокана Валиханова. Принимала активное участие в обществ.-политич. жизни Сев. Казахстана. А. была передовым человеком своего времени, владела несколькими вост. языками. Переписывалась с Сибирским комитетом в Петербурге, Азиатским департаментом МИДа России, имела связи с чиновничьим аппаратом Омска, Тобольска и Петропаловска. Айганым была для Чокана неисчерпаемым источником народной

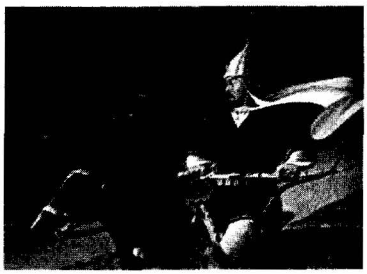
мудрости. Она рассказывала ему старинные легенды, предания, читала наизусть поэмы о деяниях хана Абылая.

После смерти Вали хана (1821), все его наследство было разделено между сыновьями. Ставка «Ханның қызыл ағашы» перешла старшему сыну Вали хана Губайдулле, урочище Сырымбет - детям младшей жены, т.е. Айганым. В год смерти Вали хана отцу Чокана - Чингису Валиханову было всего 10 лет. После смерти Вали хана управление народом перешло в руки Айганым, вдовы Вали. Она в течение ряда лет фактически была правительницей обширного округа, пользовалась большим авторитетом у местного населения и у русс. администрации. Как свидетельствуют архивные документы, ни одно сколько-нибудь важное событие в Центральном и Северном Казахстане не проходило без ее участия.

Усадьба Айганым в Сырымбете

Айганым стремилась к укреплению дружественных отношений между разными социальными и родоплеменными прослойками в степи, между казахами и русскими. Она помогала ученым и инженерам, занимавшимся геодезич. и этнографич. исследованиями в Казахстане. П.П. Семенов-Тян-Шанский писал: «Айганым, вдова хана Вали со своими детьми, осталась верной России... Александр I с большим вниманием отнесся к вдове... и велел выстроить ей в Сырымбете дом, в котором родился Чокан Валиханов». При усадьбе Айганым была школа, где дети получали не только религиозное, но и светское образование, а также мечеть, дом для гостей, мельница, баня, хоз. постройки, привязь для лошадей и т.д. В 1828 г., встретившись в Кызылжаре (Петропавловск) с представителями Сената В.К. Безродным и Б.А. Куракиным, которые прибыли для проверки территории Западной Сибири, Айганым вручила им письмо с изложением народных нужд. Своего сына Чингиса отправила на учебу в Омское военное уч-ще. 12-летнего Чокана, несмотря на протест его матери Зейнеп, также отправила учиться в Омск. Айганым оказала большое влияние на формирование литературного пристрастия Чокана. В романе «Промелькнувший метеор» С. Муканова создан яркий и привлекательный образ Айганым.

ХАН КЕНЕСАРЫ

Имя, полная героизма и драматизма жизнь и смерть Кенесары Касымова (1802-1847 гг.) хорошо известны из казахского устного творчества. На протяжении веков для казахов свобода и независимость были главной целью. А отстаивавший эти ценности хан Кенесары - олицетворение идеала героя, носитель духа свободы и чести (намыс).

Кенесары родился в 1802 г. на Кокшетауской земле, в урочище Бурабай. Он из ханского рода, внук знаменитого хана Абылая, сын султана Касыма. Письменных свидетельств о детских годах Кенесары нет. Видимо, он обучался и воспитывался, как и прочие дети ханского рода тюркской и арабской грамоте, иностранным языкам и искусству владения различными видами вооружения. Во всяком случае известно, что Кенесары умел читать и писать по-арабски, по-узбекски, по-татарски, довольно сносно говорил по-русски, был метким стрелком и отличным наездником, хорошо владел шашкой.

Кенесары от природы был наделен незаурядными способностями, современники отмечают такие его качества, как смелость, решительность, государственный ум и рассудительность. На формирование его политических взглядов решительное влияние оказало то, что он был внуком хана Абылая. Как говорится, с молоком матери Кенесары впитывал народные предания о славных деяниях знаменитого деда. Особенно запали в сердце юного султана идеи Абылай хана о единстве и независимости казахского народа. Кенесары гордился своим дедом Абылаем и неоднократно подчеркивал, что является продолжателем его дела и законным наследником его прав.

Большое влияние на формирование Кенесары оказал его отец Касым, вся жизнь которого прошла в неустанной борьбе за продолжение дела Абылай хана. Он первым из числа султанов решительно выступил против колонизаторских действий царизма. В одном из официальных документов, где перечислялись имена сопротивлявшихся колониальной политике

царизма, отмечалось: «Во главе всех беспокойных стало семейство Касыма Абылай ханова».[1] Действительно, в антиколониальном движении казахского народа приняли участие все братья, сестры, племянники и собственные дети Кенесары. Рано, еще в юношеские годы, включился в политическую борьбу сам султан Кенесары. Первое упоминание об его участии в вооруженном восстании Саржана относится к 1825 г.

После смерти Саржана именно он, Кенесары, возглавил национально- освободительное движение казахского народа. Вкратце остановимся на предыстории и причинах национально-освободительного движения в Казахстане в 20-40-е годы XIX века.

Экономические реформы, начавшиеся в России, развитие новых способов производства стали толкать российских правителей к поискам новых рынков сбыта товара именно в Азии, так как соперничать с Европой было еще невозможно. Имперские амбиции российских политиков были огромны: через казахские степи, покорив Хиву и Бухару, пойти дальше, до естественных границ, то есть до Индийского океана. Такие экспансионистские устремления породили длительное российско-британское соперничество за преобладание в Средней Азии и Ближнем Востоке. В связи с этим Россия активизировала свою политику по колонизации Казахстана.

После смерти Абылай хана в 1781 году царское правительство взяло курс на ослабление, а в перспективе - ликвидацию ханской власти. С этой целью в зависимых от России Младшем и Среднем жузах царизмом созданы четыре ханства, - т.е. проверенная на практике формула: «Разделяй и властвуй». Вместо единой власти - четыре ханства, а потом уже начинается упразднение остатков ханской власти, по сути - упразднение самостоятельности и института государственности. Такая реформа начинается со Среднего жуза. Было введено новое административное устройство и выборная система согласно «Уставу о сибирских киргизах», составленному в 1822 г. М. М. Сперанским.

По новому «Уставу» область сибирских киргизов разделилась на три внутренних и восемь внешних округов (во главе с назначенными старшими султанами), подчиненных Омскому областному управлению. Позднее упраздняется ханская власть и в Младшем жузе, где вводится так называемое дистанционное управление.

По большому счету, именно с политико-административной реформы и начинается колонизаторский период. Заботясь об укреплении своего влияния в казахских степях, царское правительство стремилось образовать местное оседлое население. Начинается форсированное строительство военных укреплений, создается местное линейное казачье войско, и оно наделяется землей. Уже в 20-х годах казачье войско заняло лучшую горную часть Кокшетауской возвышенности.

По мере образования внешних округов в 30-е годы правительство приступило к обложению казахов податью. Был введен так называемый ясачный, или кибиточный сбор в размере полтора рубля с кибитки. Были установлены и другие поборы, к примеру, поленные сборы за пользование лесом и сбор за вывозку соли.

Пожалуй, больше всего казахские аулы страдали от так называемых военных поисков. Под видом поисков провинившихся вооруженные отряды казаков совершали глубокие рейды в степь, при этом подвергали грабежу казахские аулы. В 1830 году, в ходе таких «поисков», в Байборинской волости были насильственно угнаны 12 тысяч овец, 2000 лошадей, 1500 коров и 700 верблюдов.[2]

Захват лучших земель, вытеснение местного населения в засушливые районы, введение ясачных налогов и различных монополий - все это резко ухудшило положение казахского народа, вызвало недовольство колониальной политикой царизма. Волнения начались в Среднем жузе, охватили районы Кокшетау и Улытау. Во главе повстанцев стал Саржан Касымов (старший брат Кенесары), который с 1824 по 1836 г. вел борьбу против колонизаторской политики царизма.

На подавление восстания Омской администрацией посланы были крупные отряды регулярных частей и казаков. После нескольких кровавых стычек повстанцы были вынуждены отступить вглубь степи. Карательные отряды, не сумев уничтожить повстанцев, всю ярость обрушили на мирных жителей. Были убиты десятки людей и угнаны сотни голов скота. Вот что писал по этому поводу русский историк Е. Т. Смирнов в книге «Султаны Кенесары и Сыздык». «Из Акмолинска вышел русский отряд и три раза громил аулы султанов и им подчинившихся киргизов (казахов), после чего дети Касыма откочевали от Кокчетава. Вместе с ними ушли подвластные им роды Средней орды: Алтай, Тока, Керей, Уак и др. Всего в количестве 40 000 кибиток».[3]

Массовая откочевка населения была одной из форм протеста. Султан Саржан со своими приверженцами поселился в южных районах Среднего жуза. К тому времени эти районы Казахстана были зависимы от Кокандского ханства. В целях объединения усилий против царизма Саржан вступает в переговоры с кокандским ханом и на первых порах находит его поддержку.

К отряду Саржана стали стекаться все недовольные политикой царизма казахи Кокшетауского и Каркалинского округов. С 1832 г. Саржан вновь переходит к активным боевым действиям против царской администрации. Он рассылал по степи воззвания и письма, призывая казахов восстать против царских властей. В последующие годы Саржан совершает ряд походов, нападает на аулы верных царским властям

султанов и биев, уничтожает пикеты и разъезды, строит на р. Сары-су крепости.

Усиление влияния Саржана в районах, подвластных кокандскому ханству, встревожило наместника хана в г. Ташкенте. Последний, призвав Саржана в г. Аулие-Ата якобы для переговоров, вероломно убивает его. Вместе с Саржаном погибли сопровождавшие его два сына и брат Есенгельды. Несколько позже кокандцы убивают и самого Касыма, отца Саржана, впоследствии Кенесары в отмщение за смерть своих родственников приказал казнить за одну ночь сорок ташкентских вельмож. После смерти Саржана возглавил движение его брат Кенесары Касымов.

Кенесары в надежде мирно договориться направляет несколько посланий Западносибирскому генерал-губернатору князю Горчакову с предложением переговоров. Но его послания остаются без ответа. Позже, в письме на имя начальника Оренбургской пограничной комиссии Г. Генса, Кенесары приводил вопиющие факты насилия, чинимые вооруженными отрядами и султанами над мирными аулами. Он писал: «Множество начальников отрядов с подобными, как султан-правитель Жумантай Букеев и разбойничьими майорами, без вины подвергли опустошительному разгрому множество аулов. За период с 1825 по 1840 год они предали наши аулы 15 грабежам. Поэтому мы, казахи, не выдержав подобных притеснений, грабежей и убийства, вынуждены были перекочевать в неизвестном направлении. Однако и здесь они не дали нам покоя. Потому я, Кенесары Касымов, вооружившись, поднялся во главе великой борьбы».[4] И решил начать с севера, с белого царя.

Было много причин для того, чтобы начать с севера первые боевые действия. Главная причина - народ созрел для борьбы именно на севере, где казахи изгоняются со своих кочевий, где вольготно чувствовали себя каратели и процветали султаны и бии, сотрудничавшие с чиновниками белого царя.

Здесь надо отметить абсолютную беспочвенность утверждения о том, что Кенесары «был врагом России». Он в своих посланиях царю и генерал- губернаторам постоянно подчеркивал, что «он не против русского народа и не воюет с Россией», а добивается признания прав на самоуправление, протестовал против постройки укреплений и захвата казахских земель, против карательных экспедиций и так называемых поисков, разоряющих казахов. То есть, Кенесары выступал против произвола самодержавия с его системой колониальной экспансии.

Война, объявленная Кенесары за освобождение родины от колониального рабства, началась весной 1837 года, с нападения на отряд хорунжего Рыкина, сопровождавшего торговый караван из Петропавловска в Ташкент. В завязавшемся сражении погибли хорунжий

Рыкин и три урядника, в плен попали 21 казак. Кенесары достались оружие и другие трофеи.

Особенно большой резонанс вызвал разгром 5000 отрядом Кенесары Акмолинской крепости в мае 1838 года. Это известие быстро разнеслось по степи и новые сотни казахских джигитов встали под знамена Кенесары. После этого, совершив еще несколько военных операций, Кенесары со своими приверженцами перебазировался в районы Тургая и Иргиза, тем самым заняв стратегически выгодную позицию на стыке границ Среднего и Младшего жузов. Здесь к его отряду присоединились или выразили готовность его поддержать предводители многих родов Младшего жуза.

В степях центрального Казахстана Кенесары обосновался надолго, перемещаясь по необходимости то на юг, в пределы Кокандского ханства, то на север, в пределы Оренбургского ведомства. В том и в другом случае он последовательно добивался своей основной цели - объединения страны в одно государство, освобождения казахских земель, как от колонизации царизма, так и от засилья Кокандского ханства. Авторитет и влияние Кенесары в степи быстро росли. В сентябре 1841 года казахи Среднего и Младшего жузов с участием отдельных представителей Старшего жуза избрали его общеказахским ханом и по традиции подняли на белой кошме.

Встав во главе казахского ханства, Кенесары проявил незаурядные способности государственного деятеля. В целях возрождения национальной государственности провел административную и судебную реформы, упорядочил сбор налогов с населения и пошлин с торговых караванов. Кенесары всячески поощрял хлебопашество, торговлю, ремесленное производство.

В 1844 году, когда национально-освободительное движение достигло наивысшего подъема, оно охватило все основные регионы Казахстана. К этому времени Кенесары удалось создать внушительную и боеспособную армию в 20 тысяч бойцов. Армия была дисциплинированна, сарбазы проходили постоянное обучение военному делу, на вооружении были пушки и ружья, налажено производство пороха, предпринимались попытки отливать пушки. Оружие покупали или добывали в бою.

В 1844 году царское правительство на подавление восстания Кенесары вынуждено было направить значительные военные силы во главе с опытными генералами и офицерами генерального штаба. Войска выступили из трех пунктов, в сходящемся направлении, чтобы окружить и уничтожить военные силы и кочевья Кенесары. В этих боях он проявил себя как военный стратег, как выдающийся полководец. Заблаговременно создав агентурную сеть, Кенесары внимательно следил за передвижением царских войск, умело разъединял их, пуская по ложному следу. Для

маневренных действий он создал небольшие подвижные конные отряды, которые совершали быстрые переходы, выступали как ударная сила или как заслон. А сам Кенесары во главе основных сил, избегая фронтальных сражений, наносил ощутимые удары войскам там, где его не ожидали. Понеся большие потери, правительственные войска вынуждены были вернуться в Оренбург и Омск.

Царское правительство, убедившись в невозможности победить Кенесары с помощью военных экспедиций, вынуждено было искать другие пути. В 1845 г. оно заложило среди кочевий Кенесары два мощных укрепления: одно на реке Иргиз, другое - на Тургае. Постройка этих укреплений послужила опорными пунктами наступления на кочевья Кенесары и сильно затруднила положение повстанцев. Кенесары был вынужден покинуть пределы Центрального Казахстана и перенести центр освободительного движения в районы Туркестана и Семиречья. Здесь он намеревался вовлечь в борьбу казахов Старшего жуза и присоединить киргизов для совместных действий против Коканда и русского царизма.

Кенесары в 1846 году освободил казахское население юга от засилья кокандского хана, взял ряд его крепостей. В частности, Кенесары совместно со знаменитом Джанкожа батыром осадили и взяли штурмом кокандские крепости Джана-Курган, Жулек и Сузак. Другую часть войск Кенесары направил против Туркестана и Ташкента, а сам с основной силой осадил Акмечеть (ныне Кызыл-Орда). Однако, вследствие охватившей его войска эпидемии холеры, пришлось снять осаду и откочевать в район озера Балхаш и реки Или.

Царское правительство, продолжая преследовать Кенесары, направило против него объединенные войска русских частей и отрядов казахских султанов. Во главе объединенных сил был поставлен генерал-майор Вишневский. Однако и эта операция царских властей провалилась, Кенесары с боями прорвал блокаду, ушел в центральный район Старшего жуза. Здесь он, пополнив свои войска, начал подготовку к борьбе с Кокандским и русским царизмом.

Желая привлечь к этой борьбе и алатауских киргизов, Кенесары направил к ним своих представителей. Однако эти переговоры не дали результатов. Ряд киргизских манапов, находясь на службе у кокандского хана и подкупленные русской администрацией, заняли враждебную к Кенесары позицию. Они подстрекали киргизских манапов к нападению на казахские аулы, строили козни и провокации, распространяли ложные слухи о Кенесары.

Весной 1847 года Кенесары вступил в пределы Киргизии. Преследуя продажных манапов, повинных в грабежах казахских аулов, Кенесары дошел до местности Май-Тюбе, близ кокандских крепостей Токмак и Бишкек. Здесь и завязалось то известное сражение, которое в силу

роковых стечений обстоятельств, явилось для хана Кенесары последним. Исход этого сражения был заранеее предрешен... Царское правительство, вступив в переговоры с Кокандским ханом и киргизкими манапами, договорилось совместными усилиями покончить с движением Кенесары. Для этого Кокандское ханство снарядило отряд киргизских манапов под командой Урмана. Царское правительство выделило два отряда. В их задачу, по словам генерала Горчакова, входило «удержание от присоединения к Кенесары уйсунских дружин и подавать руку помощи его неприятелям, в числе коих были дикокаменные киргизы ».[5]

Около четырех дней длилось сражение отряда Кенесары с превосходящими по численности силами противника. Накануне решающего сражения часть войск Кенесары, поддавшись уговорам агентов неприятелей дезертировала, а другая часть во главе с султаном Рустемом и бием Сыпатаем перешла на сторону противника. Русские отряды под командованием сотника Абакумова и Нюхалова преградили путь уйсунским дружинам, спешащим на помощь к Кенесары. Брат Кенесары Науырызбай батыр во главе небольшого отряда решил пробить брешь в строю киргизских манапов, чтобы вырваться из окружения. Но попытка кончилась неудачей: все смельчаки в неравной борьбе были убиты. Кенесары был захвачен в плен и погиб.

«Так кончил свою жизнь,- писал Н. Середа,- этот выдающийся человек. ... Голова беспокойного султана или, правильнее, его череп попал каким – то образом впоследствии в руки князя Горчакова, который приказал хранить эту голову в главном управлении Западной Сибири при деле «О бунте Кенесары».[6] Недавно, будучи в Омском областном архиве, автор этих строк просмотрел многие дела, связанные с восстанием Кенесары, однако записей относительно черепа не обнаружил. Директор архива и сотрудники заявили, что, возможно, череп Кенесары перевезли в историко-краеведческий музей. Чтобы отработать эту версию, мы посетили музей, ознакомились с реестром фондов, беседовали с сотрудниками, но увы ничего не обнаружили.

Таким образом, национально-освободительное движение казахского народа против царских колонизаторов, длившееся более 20 лет, закончилось поражением. Это движение приобрело широкий размах и организационный характер, когда возглавил его Кенесары Касымов. Личная храбрость, полководческий талант предводителя казахов были признаны всеми и вызывали восхищение и уважение даже у его противников.

«Кенесары умел быть достойным повелителем своих дружин, - писал Н. Середа. - Духу, которым они были одушевленны, позавидовал бы любой полководец европейских войск!...» Не менее яркую характеристику Кенесары дает и другой русский исследователь -

полковник генерального штаба М. Красовский. Он пишет: «Уступая своему деду (т.е. Абылай хану - К. А.) в уме, но превосходя и его, и своего отца Касыма энергией характера, Кенесары становится известным во всей Сибирской степи с 1836 года».[7]

Во многом благодаря качествам султана Кенесары, хорошо вооруженные, превосходящие многократно силу повстанцев войска царского правительства не могли на протяжении целых десяти лет победить его армию.

Но, тем не менее, национально-освободительная, антиколониальная война казахского народа под предводительством хана Кенесары не увенчалась успехом. Иного исхода в тех конкретных исторических условиях не могло быть. Тому много причин, главные из них - технико-экономическая отсталость страны, феодальная раздробленность, предательство части султанов и биев, неодновременность выступления разных районов. Другая важная причина поражения восстания заключалась в неблагоприятной внешнеполитической обстановке: ни одно из соседних государств не было заинтересовано в объединении казахских земель в одно крепкое государство. Национально-освободительная война была длительной, изнурительной и велась на два фронта: против российской империи и среднеазиатских ханств. Все эти причины, вместе взятые, не позволили на том этапе осуществить основную стратегическую цель борьбы. Но идея борьбы за национальное единство и независимость, которую заложил Абылай хан и вновь зажёг Кенесары, не угасло, каждое поколение казахстанцев вносит свою лепту.

Примечания

[1] Бекмаханов Е. Казахстан в 20-40 годы XIX в. Алма-Ата, 1992, С.209.
[2] Центральный государст. Архив Российской Федерации, Ф.391, Оп. Д. 239, л.17.
[3] Кенесарин А., Смирнов Е.Т. Султаны Кенесары и Сыздык. Ташкент, 1889, С. 8
[4] Меер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб, 1865, С.60
[5] Гос.архив Омской области, Ф.366, Оп.1, Д.224, л.19
[6] «Вестник Европы», 1871, №9, С.690
[7] Красовский М. «Область Сибирских киргизов», ч. 1, СПб, 1868, С.105

НАУРЫЗБАЙ БАТЫР

Как было отмечено в предыдущем очерке, национально-освободительное движение под предводительством хана Кенесары Касымова имеет богатую историографию. Однако несмотря на наличие многочисленной литературы на эту тему, пока, к сожалению, нет ни одного самостоятельного исследования, посвященного одному из лидеров этого движения, любимому герою устного народного творчества - Наурызбай батыру. Поэтому наша задача сказать историческую правду, возвратить народу имя его славного сына, в буквальном смысле сложившего голову за свободу и независимость Отечества.

Так было угодно истории, что в год рождения Наурызбая в 1822 г. царем Александром I был подписан «Устав о сибирских киргизах» (казахах - К.А.). На основании этого документа на его родине, в Кокшетау был учрежден первый на казахской земле внешний округ и в 1824 г. заложено военное поселение - «Кокчетавский диван» (дуан)[1]. По новому «Уставу» область сибирских казахов принято разделять на восемь округов во главе с избранными старшими султанами, которые утверждались генерал-губернатором. Упразднение ханской власти было равносильно уничтожению самостоятельности и института государственности.

По большому счету, именно с политико-административных реформ 20-х гг. XIX в., в сущности, и начался колонизаторский период. Захват лучших земель для строительства военных укреплений и казачьих станиц, введение ясачных налогов и различных монополий - все это резко ухудшило положение казахского народа. Аулы страдали и от десятиверстных ограничений, то есть от запрета приближаться на расстояние ближе десяти верст к рекам Урал. Тобол, Ишим, Иртыш. Пожалуй, больше всего протест вызывали так называемые воинские «поиски». Под видом поисков провинившихся вооруженные отряды казаков совершали глубокие рейды в степень, грабя казахские аулы. Ужесточение колониальной политики царизма вызвало массовое

недовольство народа. Антиколониальным восстанием в Младшем жузе руководили Исатай Тайманов и Жоламан Тленшиев. Волнения начались и в Среднем Жузе, охватив районы от Кокшетау до Заилийского Алатау. Активное участие в народном движении против колонизаторской политики царизма принял Наурызбай батыр.

Чингизид, внук знаменитого казахского хана Абылая, Наурызбай был самым младшим в семье Касыма торе. Об этом сын Кенесары Ахмет Кенесарин писал следующее: «Касым султан был самым младшим из тридцати сыновей хана Абылая, у него были две жены. От первой жены были шесть сыновей: Саржан, Есенкелди, Агатай, Бопы, Кишик и Кенесары, от токал (второй жены - К.А.) Наурызбай был один»[2]. По другим версиям у Касыма было десять сыновей: девять - от первой жены, Наурызбай один - от второй жены по имени Кужак ханум. В список Ахмета Кенесарина не вошли Усен, Муса и Абильгазы[3].

Одно не вызывает сомнения - Наурызбай был младшим в семье Касыма и родился от второй его жены. В поэме «Наурызбай-Ханшайым» есть такие строки:

Наурызбай бір анадан қалған екен,
Қолына Кенесары алған екен.
Науанның өзгесінен жасы кіші,
Жанына жолдас-жора алған екен.[4]

В переводе это означает: Наурызбай был у матери один и взял его к себе Кенесары. Науан был моложе всех и возглавил боевую дружину. Действительно, как указано в поэме, через 2 месяца после рождения у Наурызбая умерла мать и взяла его на воспитание Кунумжан ханум, жена Кенесары.

Родился Наурызбай в 1822 году в урочище Бурабай. Письменных сведений его детских годах пока нет. Но, надо полагать, что он учился, как и прочие дети ханского рода, тюркской и арабской грамоте, иностранным языкам и искусству владения пятью видами вооружения.

В литературе имеется несколько подробных описаний внешности Наурызбая батыра. Вот как его описывает в романе «Хан Кене» Ильяс Есемберлин: «Высокого роста был Наурызбай, плечи - косая сажень, белое продолговатое лицо, всегда залитое здоровым румянцем. Нос, рот, глаза, брови и ресницы - все у него крупнее, чем обычно у казахов. Особенно глаза были другие, какие-то странные, чуть раскосые, они смотрели на мир с подкупающим доверием...»[5]. Данный портрет полностью совпадает с тем, каким Наурызбай батыр изображается в героических песнях и поэмах. В одной из них автор отмечает, что он был высок ростом, как боевое копье, лицо светлое с румянцем, глаза, искрящиеся огненным блеском, прямой нос, плечи - косая сажень, узкая талия. В другой народной поэме «Наурызбай - Ханшаим»[6] повествуется не только о подвигах батыра, но и о его трогательной и трагической любви к

степной красавице Ханшаим. Из народных поэм Наурызбай предстает как эпический герой, чудо-богатырь, воплощение народного духа и воинской доблести. С особой силой звучат эти мотивы в народной песне «Наурызбай-батыр» в поэме М. Жумабаева «Оқжетпес қиясында», а также в пьесе Мухтара Ауэзова «Хан Кене»[7].

Султан Наурызбай был внушителен и красив не только внешне. Природа щедро наделила его талантом. Он был поэтом, композитором - кюйшы, виртуозным исполнителем. В этом, впрочем, как и во многом, он был похож на своего деда - знаменитого хана Абылая. И это неудивительно: в семье Касыма торе существовал культ Абылай хана. Наурызбай с молоком матери впитывал народные предания о славных деяниях своего деда и стремился быть похожим на него во всем.

Большое влияние на формирование Наурызбая, как и Кенесары, оказал его отец Касым султан. Он первый из числа султанов еще в начале 20-х гг. решительно выступил против колонизаторских действий царизма. В одном из официальных документов отмечалось: «во главе всех беспокойных стояло семейство Касыма Абылайханова»[8]. Действительно, в антиколониальном движении казахского народа участвовали все дети Касыма. Так что Наурызбай с малых лет был в курсе всех политических событий, которые разворачивались в казахской степи.

Наурызбай, как свое кровное дело, воспринимал великую патриотическую идею своего знаменитого деда Абылая и брата Кенесары о целостности, государственной независимости Казахстана и последовательно, самозабвенно боролся за это.

Еще подростком Наурызбай вступил в политическую борьбу, находясь в отряде своего отца. В 1837 г., когда восстание возглавил Кенесары, герою нашего очерка шел шестнадцатый год, а он уже зарекомендовал себя мужественным воином. Первое упоминание о его участии в восстании относится к 1938 г. в связи со штурмом Акмолинской крепости.

В героических поэмах Науан (*так ласково называли его родные и* близкие), добрый и сердечный в обычной жизни, преображался в бою[9]. Он появлялся всегда на белом коне со светло-рыжим отливом шерсти. В боевых схватках правую руку держал свободной, обнажая ее почти до локтя, а рукав спускал под туго затянутый ремень... Наурызбай был грозой своих противников. Ни один киргиз не видел, чтобы он хоть раз действовал пикой. Он управлял во всех ситуациях только одной рукой, что говорило о его действительно богатырской силе[10]. А ведь нашему герою в те годы едва исполнилось 20 с небольшим.

Отряду Наурызбая Кенесары поручал самые ответственные задания, направлял на самые опасные участки сражения, и он всегда выходил победителем, нанося самые болезненные удары по колониальным войскам. Описывая военные действия 1844-1845 гг. между царскими

войсками и отрядом Кенесары, Е. Бекмаханов писал «В этих боях отличился своей храбростью брат Кенесары Наурызбай. Обладая богатырской силой, он в одном рукопашном бою зарубил более десяти солдат, несмотря на то, что его несколько раз ранили. Не покидая поля боя, раненый Наурызбай бросался на самые опасные участки, увлекая своей храбростью людей»[11].

Конечно, для военных действий одной храбрости и силы недостаточно. Искусству ведения войны Наурызбай учился у своего брата. Военный талант Кенесары проявился как в борьбе с колониальными войсками царского правительства, так и при освобождении южных районов казахской территории от засилья кокандских правителей. Здесь примечательно взятие летом 1841 г. Крепости. Войско кокандцев, охранявшее крепость, было разгромлено отрядом Кенесары, насчитывавшим 4 тысячи сарбазов.

Но талант полководца с особой силой проявился у Кенесары в военной кампании 1844-1845 гг., когда восстание достигло пика, а численность его войска насчитывала 20 тысяч обученных сарбазов. На подавление восстания по приказу военного министра были направлены регулярные отборные войска и казачьи отряды Сибирского губернаторства под командованием полковников Дуниковского и Ковалевского, а также отряд полковника султана-правителя Жантюрина.

Войска выступили из трех пунктов в сходящемся направлении, чтобы окружить и уничтожить военные силы и кочевья повстанцев. В этих боях Кенесары вновь проявил себя как военный стратег. Заблаговременно создав агентурную сеть, он внимательно следил за передвижением царских войск, умело разъединял их, пуская по ложному следу. Для маневренных действий он создал небольшие мобильные конные отряды[12], которые совершали быстрые переходы и, смотря по обстоятельствам, выступали как ударная сила или как заслон. А сам Кенесары во главе основных сил, избегая фронтальных сражений, наносил ощутимые удары войскам там, где его не ожидали.

Наурызбай был ближайшим помощником Кенесары в организации военных маневров, в проведении самых дерзких операций. Возглавляемые им отряды 14 августа 1844 г. штурмом взяли крепость Екатерининскую и пленили около 100 солдат, а также взяли большое количество трофеев[13]. Правительственные же войска, измотанные бесплодными переходами, понеся большие потери в мелких стычках, вынуждены были вернуться в Оренбург и Омск.

Как свидетельствуют источники, Наурызбай батыр был надежным сподвижником Кенесары не только в военном деле: Урядник Оренбургского казачьего полка Андрей Иванов, который, попав в плен, некоторое время находился в отряде Кенесары, писал «Кенесары

советуется больше всех с Наурызбаем, который добрее и умнее прочих и всегда защищает русских»[14].

Рано, в 25 лет, ушел из жизни Наурызбай батыр. Погиб он в 1847 году на киргизской земле. А было это так. Царское правительство, убедившись в невозможности победы над Кенесары посылая войска в его владения, вынуждено было искать другие пути. В 1845 г. оно заложило среди кочевий Кенесары два мощных укрепления: одно на реке Иргиз, другое - на Тургае. Постройка этих крепостей сильно затруднила положение повстанцев. Кенесары был вынужден покинуть пределы Сары-Арки и перенести центр освободительного движения в районы Туркестана и Семиречья. Здесь он намеревался вовлечь в борьбу казахов Старшего жуза и присоединить к себе киргизов для совместных действий против Коканда и русского царизма.

В Семиречье Кенесары с отрядом расположился в долине реки Или, здесь о поддержке его движения заявили старшины многих родов Старшего жуза. В конце 1846 г. Кенесары передислоцировал свой отряд с реки Или в долину Чу, где обитали поколения ряда казахских родов, подвластных Кокандскому хану. Есаул Нюхалов в рапорте генералу Вишневскому от 15 декабря 1846 г. доносил, что «... К.Кенесары присоединились киргизы Большой Орды родов Чимыр, Джаныз, Сарыуйсун и Сейкым в огромном числе, так что их полагают 20 тысяч кибиток, бывших в подданстве Ташкинии...»[15]. В другом документе, составленном месяцем раньше, сообщалось о том, что «Наурызбай и султан Худайменды с шайкой около 100 человек разграбили киргизов (казахов - К.А.) сарыуйсунского рода, кочующих по ту сторону Каратау (в Ташкенте)». Если это действительно было так, то вряд ли бы эти рода через месяц присоединились к Кенесары.

Желая привлечь к своей борьбе и алатауских киргизов, Кенесары направил к ним своих представителей. Однако переговоры не дали результатов. Подстрекаемые и подкупленные, с одной стороны, правителями Коканда, с другой, - командованием царских войск, киргизские манапы заняли враждебную к Кенесары позицию и подбивали к этому подвластных им простых киргизов. Тот же есаул Нюхалов в своем рапорте сообщал о намерении киргизских манапов выступить против Кенесары хана. Он писал: «В поощрение их в этом намерении я послал письмо известнейшим из них к истреблению Кенесары как врага их и русского правительства»[16].

Планы и действия К. Касымова вызывают беспокойство царского правительства. Продолжая преследование, оно направило против него регулярные войска и казачьи отряды. Во главе объединенных карательных частей был поставлен генерал-майор Вишневский. Он выделил два мобильных карательных отряда под командыванием есаула Нюхалова и сотника Абакумова. К тому же в целях их усиления в районе Аягуза был

размещен резервный отряд сотника Карбышева со 125 казаками при двух орудиях. [17].

Весной 1847 г. Кенесары хан, султаны Наурызбай, Худайменды и другие вступили в пределы Киргизии. Преследуя продажных манапов, повинных в разграблении казахских аулов, Кенесары дошел до местности Май-Тобе, близ кокандских крепостей Токмак и Бишкек. Здесь и завязалось известное в истории сражение, которое в силу роковых стечений обстоятельств явилось для хана Кенесары и султана Наурызбая последним. Исход этого сражения был предрешен. Царское правительство, вступив в сговор с киргизскимим манапами, а через них с кокандцами, договорилось совместными усилиями покончить с движением Кенесары. Для этого Кокандское ханство снарядило отряд киргизских манапов под командой Ормана. Царское правительство выделило два отряда. В их задачу, по словам губернатора Западной Сибири Горчакова, входило «удержать от присоединения к Кенесары уйсунские дружины и подать руку помощи его неприятелям, в числе которых были дикокаменные киргизы» [18].

Около четырех дней длилось сражение отряда Кенесары с превосходящими по численности силами противника. Накануне решающей битвы, ночью часть войск Кенесары, поддавшись уговорам султана Рустема и бия Сыпатая, ушла с поля боя. Об их предательском сговоре путем тайной переписки говорится в поэме участника этих событий Нысанбай жырау. [19].

В гибели отряда Кенесары определенную роль сыграло и то, что царские отряды Нюхалова и Абакумова преградили путь уйсунским дружинам, спешащим на помощь хану. В критический момент Наурызбай батыр решился на отчаянный шаг. Во главе небольшого отряда он пробил брешь в строю киргизских манапов, но вывести Кенесары от наседавших врагов не удалось. Он попал в плен и погиб. Вместе с Кенесары ханом пали двое его сыновей, Наурызбай батыр и еще 15 султанов. Так закончилась полная героизма и драматизма борьба хана Кенесары и султана Наурызбая за национальную независимость своего народа, но их подвиги остались в народной памяти и вдохновляли на борьбу последующие поколения.

Как отзывались о Кенесары его современники? Документы свидетельствуют об уважительном отношении к К. Касымову подполковника [20] российского военного губернатора В. Перовского и многих других. Историк Н.Я. Коншин в 1903 г. писал: «Это был выдающийся во всех отношениях человек стоявший выше таких вождей волновавшихся киргизов, как Худайменды Газин, Сыбанкул Ханкожин и другие. Все они не были способны выйти из узкой сферы родовых киргизских отношений, и только в лице Кенесары Касымова мы встречаем

в истинном смысле народного киргизов без различия племен и даже орд»[21].

Так же лестно отказывались исследователи и о брате Кенесары Наурыз-батыре. Вот что писал, к примеру, Е.Т.Смирнов: «Самым замечательным не только из перечисленных султанов, но и из всех сподвижников Кенесары был султан Наурызбай. Это храбрый, отчаянный наездник, подвиги которого воспеты киргизскими певцами (олянчи)»[22].

Трудно заподозрить в необъективности русских офицеров и историка, служивших на благо России.

И последнее. В 2002 году исполнилось 180 лет со дня рождения замечательного патриота своей страны Наурызбай батыра. В связи с этим и с целью увековечить память о нем, думаю, было бы справедливо присвоить его имя одному из военных учебных заведений и одной из улиц городов Астаны и Кокшетау.

Примечания

1.Олкотт Марта Брилл. Казахи. Алматы, 1999.
2.Центральный гос. архив РФ. Ф.1264. Д.330.Л 46-47
3.Кенесары ұлы. Кенесары және Сыздық сұлтандар.
Алматы, Жалын, 1992. - С.8б.
4.Бекмаханов Е. Казахстан в 20-40 годы XIX века. - С.212, 214;
Валиханов Ш. - А. Хандар, сұлтандар әмірлер шежіресі. Алматы.
Ана тілі. 1993. 122б.
5.Тарихи жырлар. Т.3. - С.106 б.
6.Есенберлин И. Хан Кене // Кочевники. Алта-Ата. 1986. - С.519
7.Тарихи жырлар. Т.3.- С22 б.
8.Там же. С-97-104, 105-171; Жумабаев М. Батыр Баян. Алматы, 2000. -
С191; Ауэзов М7 Хан Кене. Алматы, Жалын, 1993. - С.149
9.Центральный гос. архив древних актов Российской империи. Ф.1845.
Д.1217. Л.12
10.Тарихи жылдар. Т.3. - С.22, 91 б.
11.Бекмаханов Е. Казахстан в 20-40 годы XIXвека. - С213
12.Бекмаханов Е. Восстание хана Кенесары. Алматы, 1992. - С.29
13.Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф.366. Оп.1.
Д.228. Л. 1-2
14.ЦГА РК. Ф.374. Оп.1. Д.3396. Л.30
15.ЦГА РК. Ф.4. Оп.1. Д.4352. Л.205-206
16.Там же. Д.2909. Л.203
17.Там же. Д.2902. Л. 126
18.Там же. Д.2909. Л. 118
19.ГАОО. Ф.366. Оп.1. Д.224. Л.19

20.Тарихи жырлар. Т.3. –С.33 б.

21.Коншин Н.Я.

22.Смирнов Е.Т. Султаны Кенесары и Садык. Биографические очерки султана Ахмета Кенесары, Ташкент, 1889, // Хан Кенесары. Уральск, 1992. - С.121.

ГУБАЙДУЛЛА ВАЛИХАНОВ

Мысль об уничтожении ханской власти и об управлении казахами на общих основаниях с остальными частями империи, по свидетельству А. Левшина, существовала уже в царствование императрицы Екатерины II.[1] Но в силу исторических обстоятельств осуществить эти замыслы тогда не удалось.

Благоприятные условия для упразднения института ханства в Казахстане сложились к концу второго десятилетия XIX века. Было решено начать реформировать со Среднего жуза, управление которым осуществлялось через Сибирское ведомство. 7 августа 1819 г. в связи со смертью хана Вали, главным управлением Западной Сибири было решено: «Избрание нового хана отклонить» и «ни в коем случае не должно допускать, чтобы султаны и старшины сами собою без дозволения и без руководства нашего приступили к выбору хана».[2]

Опасения эти были не напрасны, ибо выборы хана все же состоялись. Им был избран султан Губайдулла. Документальных подтверждений о дате проведения выборов нет, но, вероятнее всего, они состоялись на поминальной тризне по хану Вали. Однако царское правительство отказалось признать выборы состоявшимися на том основании, что «нельзя предполагать, что выборы, составленные на поминках покойного хана среди обыкновенных пиршеств, мог быть основателен, и что могли в нем принять участие все султаны и старшины Средней Орды...»[3]

В связи с этим вполне уместен вопрос, кто же такой Губайдулла, какое место он занимает в нашей истории?

Султан Губайдулла - старший сын хана Среднего жуза Вали, родился в урочище Кызыл Агаш, близ Бурабая. Точная дата рождения пока неизвестна, но на основе сопоставления косвенных сведений полагаем, что он родился не позднее 60-х годов XVIII века, а умер в середине 50-х годов XIXв. По крайне мере, в Центральном государственном архиве РФ (ф. 1343, оп. 18, д. 125, л.19) сохранились документы от 12 июня 1852 года, где стоит подпись Губайдуллы Валиханова. Губайдулла, как и его брат Аббас (Габбас), обучался в мусульманской школе - медресе, где выказал немалое старание. Хан Вали имел намерение направить старших сыновей в Китай на учебу. Чокан

Валиханов приводит документ, где упоминается, что «дети Валихана - Аббас и Губайдолла - ездили на днях в Кульджу для отправления в Пекин, но цзянь-цзюнь (наместник китайского императора - К. А.) объявил, что по смутным обстоятельствам это сделать нельзя, и они возвратились обратно на сих днях».[4] Есть достоверные сведения, что такая поездка в Пекин все же состоялась позже.

О том, что Губайдулла Валиханов был избран ханом, есть несколько исторических свидетельств. Одним из них является очерк друга и однокашника Чокана по Омскому кадетскому корпусу, видного исследователя-этнографа Г. Н. Потанина «В юрте последнего киргизского царевича». Потанин писал: «У хана Вали было две жены: от старшей жены был сын Губайдулла и другие; у младшей ханши, Айганым, старший сын назывался Чингис, у него было два брата: Чепе и Альджан. После смерти Вали хана киргизы объявили ханом Губайдуллу, но сохранение ханской власти в орде не входило в расчеты русского правительства. Губайдулла был арестован и отвезен в ссылку в Березов, так и кончилась ханская власть в орде»[5].

Получив отказ от российской стороны о признании ханом, Губайдулла не стал настаивать, ибо знал, чем это могло обернуться. Он был наслышан о случившемся с влиятельным султаном Арынгазы Абулгазиевым, избранным ханом Младшего жуза в 1816 году без соизволения русского правительства.

В 1821 г. А. Абулгазиев был вызван в Петербург, якобы для утверждения, но был по дороге задержан и сослан в Калугу, где и умер при загадочных обстоятельствах. Это акция была продиктована желанием устранить влиятельного хана, а затем отменить вообще институт ханства.

Учитывая все эти обстоятельства, султан Губайдулла принимает решение попытаться утвердиться ханом с помощью китайского императора.

После отказа российской стороны, Губайдулла решил воспользоваться предложением высокопоставленных китайских чиновников утвердиться в ханстве с помощью цинского двора. О том, что инициатива в этом вопросе исходила от китайской стороны, свидетельствуют архивные документы, в частности, тексты трех писем. Письма эти, адресованные Губайдулле, были написаны китайским наместником в Кульдже и родственником султана Чамой Абылайхановым. Корреспонденции эти были перехвачены через тайных агентов комендантом Семипалатинской крепости подполковником Кемпенем[8]. Тексты этих писем, переведенные на русский язык, 10 ноября 1823 г. генерал- губернатором Западной Сибири П. Капцевичем были отправлены министру иностранных дел графу Нессельроде.

В сопроводительном письме генерал Капцевич писал: «Ведут китайцы деятельную переписку с султанами влиятельными, особенно с

внуком (неверно, сыном - К. А) хана Валия старшим в роде султаном Губайдуллой Валихановым, которого китайцы, дабы показать зависимость от них киргизцев, домогаются возвести со стороны своей на ханское достоинство». Далее генерал, уведомляя министра, пишет, что высылает письма в переводе, а оригиналы по запечатании их по-прежнему сколь можно искуснее, имеют быть отправлены по принадлежности».[9]

Здесь, видимо, комментарии излишни, однако заметим, что Губайдулла Валиханов, ни о чем, не подозревая, продолжал оживленную переписку с китайцами. Поэтому русским пограничным службам стало известно намерение китайского Двора направить к султану Губайдулле большое посольство с тем, чтобы утвердить его в ханском достоинстве.

В другом письме, адресованном в «Комитет высочайше учрежденный по сибирским делам», генерал отмечает, что в деле открытия внешних округов, главное препятствие - это, как пишет, «недостаточное представление наше о киргизских (казахских) степях». Поэтому он предлагает для проведения «съемки и составления карт отправить в степь 18 партий по 20 человек пеших и 10 казаков». И далее: «чтобы не вызвать подозрений и сопротивлений, надо предварительно уведомить султанов, биев и старшин о том, что эти съемки нужны, чтобы предотвращать междоусобные несогласия».[10] Оперативно проводя подготовительную работу, русские власти приступили к осуществлению открытой колонизации края, отбросив всякие условности.

А Губайдулла под влиянием Касыма Абылайханова и Сартая Чингисова, пытается сохранить самоуправление в Казахстане, наивно полагая, что поможет им в этом цинский Двор.

С этой целью он в Пекин направляет посольство во главе со своим родственником султаном Жанторе. В столице Китая миссию Жанторе тепло встретили и с почестями проводили, заверив, что в недалеком времени китайцы направят делегацию для исполнения обряда поминовения по покойному хану Вали и утверждению нового хана. Между тем прошел год, вестей из Пекина не было.

В это время был обнародован, подписанный 22 июля 1822 г. императором Александром I Указ, который получил название «Устав об управлении Сибирских киргиз» (казахов - К. А.), автором его проекта был известный политический деятель той эпохи М.М. Сперанский. В соответствии с положениями этого документа в Среднем жузе институт ханства упраздняется и вводится новая система управления, приближенная к общероссийским нормам.

В такой вот обстановке неопределенности, с Губайдуллой начал переговоры губернатор Западной Сибири Капцевич на предмет избрания его старшим султаном в одном из двух открывавшихся в Среднем жузе округов. Г. Валиханову ничего не оставалось, как согласиться на предложение Капцевича. Об этом, в частности, упоминается в

официальном представлении генерал- губернатора Сибирскому комитету о том, что открытие в Степи двух внешних округов намечено «на основании предварительно изъявленного желания от киргизских султанов Газы Букеева и Губайдуллы Валиханова, детей бывших тамошних ханов и по личному с ним объяснению».[11]

Торжественное открытие Кокчетавского внешнего округа состоялось 29 апреля 1824 г., первым ага султаном или, как еще называли, председателем дивана (дуана) был избран Губайдулла Валиханов. Теперь султан Губайдулла, внук великого хана Абылая, законный наследник Валихана, в чине майора превратился в чиновника окружной администрации. Всеми делами округа фактически ведал начальник отряда стражи войсковой старшина А. Лукин и коллежский асессор А. Путинцев, назначенные заседателями приказа от российской стороны. Им по мере надобности помогали избранные так же заседателями от местного населения старшины М. Жанибеков и З. Байтокин. В документах особо подчеркивается усердие последнего. Г. Валиханов, рассчитывающий с избранием старшим султаном получить реальную власть, был разочарован. Он тяжело переживал двусмысленный характер своего политического положения.

В таких вот условиях султан Губайдулла возобновляет свои контакты с Пекином, точнее, с его наместником в г. Кульдже. Однако об этом, как было указано выше, через лазутчиков становится известно в Омске. В результате власти усилили надзор за деятельностью Г. Валиханова, фактически отстранив его от дел по управлению округом. В знак протеста он выехал из Кокшетау в свои летние кочевья на берегу реки Ишим.

Как раз в это время, а точнее в начале июля, в Омске было получено известие о том, что со стороны Семипалатинска в направлении Баянаула движется китайская миссия из 10 чиновников, возглавляемая амбанем (высший китайский титул чиновника в Восточном Туркестане - К.А.) в сопровождении военного отряда из трехсот солдат. Наперерез им выступил отряд казаков под командованием сотника Карбышева. На вопрос Карбышева о цели визита китайский генерал без обиняков заявил, что прибыли по традиции азиатов на поминки хана Вали, а также по просьбе султана Губайдуллы намерены возвести его в ханское достоинство. С этой целью они направили своего представителя к Г. Валиханову.

В связи с этим по распоряжению генерал-губернатора в Баянаул направляется председатель областного правления полковник Григоровский, который должен был предотвратить встречу Г. Валиханова с китайскими послами. Ему предписывалось в случае, если Губайдулла будет настаивать на встрече с китайцами, то взять его под стражу и препроводить в Омск, а послов попросить, чтобы они покинули пределы

Среднего жуза. Однако китайские чиновники заявили, что, не выполнив своей миссии, они не имеют права покидать казахскую землю.

В это самое время чиновник по особым поручениям генерал-губернатора Путинцев и командир 3-го казачьего полка Лукин уговорили султана Губайдуллу отказаться от встречи с китайскими эмиссарами, так как он уже в качестве чиновника присягнул на верность русскому царю. В противном случае, как изменник понесет соответствующую кару. Но Г. Валиханов был непреклонен, заявив что он уже ничего изменить не может, и в сопровождении нескольких десятников верных ему людей отправился в Баянаул на встречу с китайцами.

Когда до намеченной цели оставалось расстояние в один переход, султан Губайдулла, расположившись на ночлег, выслал вперед гонца, чтобы известить китайцев о своем прибытии. Однако гонец был перехвачен и под покровом ночи отряд казаков под командованием сотника Карбышева, окружив шатер Губайдуллы, взял под стражу претендента на ханство с его товарищем, бием Торайгыром. После переговоров, длившихся всю ночь, султан Губайдулла вынужден был отказаться от намерения утвердиться в ханском достоинстве. Это он подтвердил в письме китайским послам.

Однако эмиссары Пекина настаивали на личной встрече с Г. Валихановым. Такая встреча с участием русских офицеров вскоре состоялась. На встрече султан Губайдулла подтвердил, что, будучи подданным России, он не имел права принять ханство от китайского правительства. Он также признал, что в Пекин направил послов по незнанию Российских законов, а приехал в Баянаул, якобы для того, чтобы отказаться от утверждения в ханстве. 12 июля китайская делегация, сопровождаемая отрядом казаков, отправилась назад, не исполнив свою миссию. А султан Губайдулла с бием Торайгыром под конвоем препровожден в Омск и содержался под усиленной охраной.

Арест султана Губайдуллы, вопреки ожиданиям сибирских властей, привел к усилению сопротивления населения округа нововведениям. Особенно большую активность проявляли дядя Г. Валиханова султан Касым Абылайханов и его сын Саржан батыр. Вскоре после ареста Губайдуллы 17 сентября 1825 г. султан Касым обращается к генерал-губернатору Капцевичу с гневным письмом с требованием немедленного освобождения Губайдуллы. «Еще по наследству отца моего Абылая и брата Валия утвержден на ханство Губайдулла, который насильственно захвачен с его товарищем Торайгыром. По какой причине сие сделано и почему волость его кочевок уведена? Если Вы о поступке того родственника моего не известие, то мы найдем случай о сем просить (видимо самого императора - К. А.) и тогда на нас уже не гневайтесь».[12]

Но султан Касым этим не ограничивается, от имени народа требует дать ответ на волновавшие население вопросы: «1) почему притесняют

ваши наши народы? 2) почему в пределах наших заведены строения? 3) в водах наставлены ловушки и 4) почему запрещают брать киргизам с озер соль, которые русские сами пользуются?» Далее султан предупреждает: «Обитающим в пределах наших неверноподданым киргизцам вреда не делать, ибо по миролюбивому согласию государыня императрица и отец мой хан Аблай учредил черту линии. Если же не будет здесь уничтожено строение и не перестанется, чиниться киргизцам вред, то, в таком случае, на нас не прогневайтесь. Что же касается до пределов российских, то мы ко вреду никакого намерения не имеем. Если же с вашей стороны произойдут военные действия, то мы по возможности своей глядеть не будем и не в состоянии терпеть чинимые от России в пределах наших народам вреда, притеснений и всякие обманы».[13]

Не получив ответа на это письмо, султан Касым 24 октября 1825 г. обращается к Оренбургскому военному губернатору Эссену с просьбой донести до сведения государя-императора протест казахского населения в связи с тем, что «генерал Капцевич учредил присутственные места при горе Кокшетау...» на что «наши ордынцы с султанами и старшинами не согласны». Султан просил «великого государя разрешить нам жить в дальнейшем точно так же, как мы жили при моем родителе хане Аблайе, т. е. по нашим собственным обычаям».[14]

Думаю, Касым Валиханов понимал, что новая система управления в казахской степи вводится с ведома императора, он, тем не менее, делает еще одну отчаянную попытку политическими методами разрешить возникший конфликт. Генерал Капцевич, оставивший без внимания письмо султана Касыма, адресованное ему, не мог так же поступить с его письмом, адресованном через генерала Эссена самому императору. Поэтому генерал-губернатор направляет письмо султана Касыма на рассмотрение Омского областного управления. Последнее, как ожидалось, вынесло решение «просьбу Касыма Абылайханова, как несостоявшего в управлении округа, не заслуживающего никакого уважения, и поэтому полагает оставить оную без всякого движения».[15]

Однако вернемся к дальнейшей судьбе Г. Валиханова. Не приняв самостоятельного решения по поводу инцидента с Губайдуллой, обо всем случившемся в Баянауле омский областной начальник доносил генерал-губернатору. Однако и генерал-губернатор Капцевич, из осторожности не приняв окончательного решения, обращается по делу султана Губайдуллы к Министру иностранных дел К. Нессельроде. Министр, в свою очередь, информировал Александра I и лишь после встречи с ним передал администрации Сибири высочайшее соизволение о необходимости поддерживать с китайским правительством дружественные отношения. Министр иностранных дел, объявив о прекращении «дела Губайдуллы», распорядился, чтобы С. Броневский освободил султана из-под стражи и направил его исполнять прежнюю должность. Больше того, Губайдулле, в

порядке исключения, был пожалован чин подполковника русской армии, так же он удостаивался высоких наград и ценных подарков.

В 1832 г. в связи со скоропостижной кончиной старшего султана Абылая Габбсова, султан Губайдулла вновь выставляет свою кандидатуру на эту должность. Он почти единогласно избирается старшим султаном. Новый генерал-губернатор Западной Сибири И. Вельяминов утверждает избрание Г. Валиханова старшим султаном Кокчетавского внешнего округа. Султан Губайдулла успешно справляет эту должность до 1838 года, он первым из казахов удостаивается чина полковника.

К этому времени восстание под руководством Кенесары, начавшееся в Кокшетау, охватило значительную часть Среднего и Младшего жузов. Царское правительство, обвинив Губайдуллу в пособничестве Кенесары Касымову, арестовало и сослало его в Березов (городок в Сибири, где отбывал ссылку сподвижник Петра I А. Меньшиков). О невиновности Губайдуллы султана Кенесары Касымов уведомлял в прошении на имя Оренбургского генерал- губернатор графа В. А. Перовского от 22 февраля 1841 года. «В 1838 году, - писал он, - находясь в неприязненных отношениях к начальникам Сибирской линии, я увлек потомков Куандыка и Суюндука, а также Атыгай и Караула (название родов). С этим родом мы захватили и увели Губайдуллу хана Валиева, которого впоследствии, по поступившей к нам просьбе и желанию народа и Омского начальства возвратили его на родину. Начальство же Кокчетавского приказа, оклеветав его в мнимых сношениях с султаном Кенесары, сослало его на ссылку, т. е. на каторжные работы. Губайдулла хан Валиев невиновен, с нами никаких сношений не имел и пришел не своевольно, но был захвачен нами».[18] В заключение Кенесары Касымов просил Перовского исходотайствовать в правительстве об освобождении Губайдуллы Валиханова.

Но царское правительство не спешило, Губайдулла был освобожден из сибирской ссылки лишь в 1847 году после подавления восстания Кенесары Касымова. Об этом писал Николай Середа в своей статье «Бунт киргизского султана Кенесары». [19] Другим свидетельством о том, что султан Губайдулла вернулся на родину в 1847 году, является песня-посвящение знаменитого поэта-импровизатора Орынбая Бертагина. Песня начинается такими строками: «Хан келді Ғұбайдолла сегіз жыл жатып, Бұйырған ризығын жүріп татып», что означает: «Вернулся хан Губайдулла через восемь лет, испив предназначенную судьбой чашу».

Как видим, знаменитый акын называет точный срок пребывания султана Губайдуллы в ссылке, причем он называет его ханом. Вполне вероятно, что акын Орынбай был участником церемонии избрания Губайдуллы ханом. Однако песня посвящена не только Губайдулле, но и его жене Улбобек, которая через год отправилась за мужем в Сибирь и разделила его печальную участь. Поэт восторгается мужеством Улбобек,

отправившейся за своим мужем из Сары-Арки в «итжеккен», т.е. где ездят на собачьих упряжках, и считает, что женщины, равной ей, нет. А что касается Г. Валиханова, то он через несколько лет (но не ранее 1851г.) после возвращения умер. [20]

Чтобы ответить на поставленный вначале очерка вопрос: какое место занимает Губайдулла Валиханов в истории Казахстана, надо бы выяснить, что двигало им в стремлении утвердиться ханом. Или не мог примириться с тем, что у него отняли власть хана, или выражал стихийный протест народа против усиления колониального ига? Как видно из приведенных выше фактов, трудно однозначно ответить на поставленный вопрос.

Самое существенное то, что султан Губайдулла одним из первых в степи выступил против усиления колониального гнета царизма. Если бы он заботился лишь о своем благополучии, разве не продолжал бы службу старшим султаном, спокойно приняв чины и награды властей? Однако, справедливости ради, надо подчеркнуть, что у нас нет оснований считать султана Губайдуллу такой выдающейся исторической личностью, как его дед хан Абылай или легендарный Кенесары Касымов. По нашему мнению, движение, начатое султаном Губайдуллой, переросло в национально-освободительную борьбу казахского народа под руководством Кенесары Касымова против усиления колониального гнета царизма.

Но, так или иначе, через судьбу Г. Валиханова можно проследить одну из малоизученных страниц истории Казахстана. Интересно сложилась судьба его потомков. Сын Болат жил в родовом имении Валихановых на берегу озера Котырколь. В 1849г. там была основана казачья станица Котуркульская. Внук Губайдуллы, Султан - Газы Валиханов, окончив в 1863 г. Сибирский кадетский корпус в г. Омске, служил в русской армии. В 1901 г. в чине полковника вышел в отставку и остался жить в Санкт-Петербурге, где закончил службу.

Примечания

1. См.: Румянцев П. П. Киргизский народ в прошлом и настоящем. СПб. 1910, с. 34.
2. Казахско-русские отношения в XVIII-XIX вв. Алма - Ата, 1963, с.182.
3. Там же, т. 5, с. 314.
4. Валиханов Ч.Ч. Собр. соч., Алма - Ата, 1985, т. 2, с. 346.
5. Там же, т. 5, с. 314.
6. Там же, т. 3, с. 367.
7. Там же. с. 367-368.
8. Гос. Архив РФ, ф. 1264, оп. 1, э 323, л. 44.
9. Там же, л. 12.
10. Там же, л. 33.
11. Там же, д. 330, л.62.

12. Казахско-русские отношения, с. 214.
13. Там же, с. 215.
14. Материалы по истории политического строя Казахстана. Алма - Ата, 1960, т. 1, с. 6.
15. Там же, с. 140-141.
16. РО РНБ.Ф.731.(М.М.Сперанский .№503.Л.1-4.
17. Кенесарин А., Султаны Кенесары и Сыздык. Ташкент, 1889, с. 10.
18. Центр. Гос. Архив РК, ф. 4, оп. д. 2009, л. 18.
19. Середа Н. Бунт киргизского султана Кенесары Касымова ж. «Вестник Европы». №9, 1870.
20. Государственный Архив РФ, ф, 1343, оп. 18, д. 125, л.19.

ЧИНГИС ВАЛИХАНОВ

Безусловно, Чокана Валиханова породила конкретная историческая эпоха середины XIX века в казахской степи, которая характеризовалась взаимодействием двух культур - Восточной и Западной. Вместе с тем, феномен Чокана стал возможен благодаря той домашней обстановке, которая царила в семье Чингиса Валиханова. Душой, ангелом-хранителем семьи, бесспорно, была знаменитая бабушка Чокана - ханша Айганым. Но надо отдать должное и отцу - Чингису Валиханову, к которому Чокан питал искреннее сыновнее чувство. Например, письмо от 21 августа 1857г. из Омска начинается словами: «Вам, дорогому и любимому отцу... пламенный привет». Однако в исторической литературе роль Чингиса Валиханова в формировании личности Чокана недооценивалась. В «Истории Казахской ССР» в разделе, посвященном Чокану Валиханову, есть такие строки: «Большое значение в формировании научных интересов Чокана имели связи его отца Чингиса с представителями русской интеллигенции». Получается как-то странно: «связи Чингиса с представителями русской интеллигенции» имели значение в

формировании научных интересов Чокана, а сам отец, который был связан со многими известными учеными, не имел. На наш взгляд, все же решающее влияние на формирование научных интересов юного Чокана оказал его отец - Чингис Валиханов.

С этих позиций весьма интересным представляется личность и общественная деятельность самого Чингиса Валиханова.

Чингис Валиханов (1881-1895) родился в семье хана Среднего жуза Валихана. Валию за долгие годы правления (1781-1819) не только не удалось удержать наследие Абылая, которого признавали всеказахским ханом во всех трех жузах, но власть его в последнее десятилетие не распространялась даже на весь Средний жуз. В 1814 г. царское правительство наряду с Валихановым назначило в Среднем жузе второго хана - Букея, который умер в 1817 году. В личном плане, пожалуй, самое выдающееся, что совершил Валихан, так это то, что он на склоне лет женился на прекрасной и юной девушке Айганым, дочери знатного казаха по имени Саргалдак.

Айганым (1783-1853 г.г.) родилась не только на 43 года позже своего царственного супруга, но и была образованной, что было большой редкостью, знала несколько восточных языков, интересовалась русской культурой. Именно она пробудила в сыновьях и внуках живой интерес к литературе Востока, к историческому прошлому своего народа. После смерти мужа в 1819 году, вплоть до образования первых внешних округов в 1824 году, ханша Айганым была практически правительницей в Среднем жузе. Как раз в этот период, точнее в 1822 году, она исходатайствовала у императора Александра I строительство усадьбы в Сырымбете. Вот что писал по поводу этой усадьбы выдающийся русский ученый П.П. Семенов Тян-Шанский: «Александр I с большим вниманием отнесся к вдове хана Валия и велел выстроить ей первый в киргизской степи дом, в котором родился Чокан Валиханов».[1]

Кстати, судьба этой усадьбы была драматичной, после Октябрьского переворота 1917 года все деревянные строения были разобраны и использованы на хозяйственные нужды. Часть одного из домов до сих пор стоит в поселке Саумалколь Володарское, где размещается районный отдел культуры. В 1895 году, в связи с 150-летним юбилеем Чокана Валиханова, было решено восстановить усадьбу Айганым в прежнем виде. Это означало, ни много – ни мало, заново отстроить из сруба около 15 домов коттеджного типа. К чести руководства бывшей Кокшетауской области, несмотря на большие трудности, строительные работы были завершены в 1993 году. Надеялись, что к 160-летию Чокана Валиханова усадьба Айганым будет функционировать и примет гостей, приехавших из разных уголков нашей и других стран, почтить память ученого-просветителя. Но, к сожалению, надежда эта не оправдалась.

Однако вернемся к личности султана Чингиса, который и была старшим сыном хана Вали от второй его жены Айганым. В 1827 году ханше Айганым с немалым трудом удалось устроить Чингиса, подающего надежды своим прилежанием к учебе, в Омское казачье войсковое училище. В 1834 году по окончании училища Чингис Валиханов был избран старшим султаном открывавшегося в тот год Аманкарагайского округа с присвоением звания майора. В том же году он женился на Зейнеп Чормановой, сестре известного Баянаульского старшего султана Мусы Чорманова. От этого брака в октябре 1835 года и родился наш гениальный земляк Чокан Валиханов. В 1844 году центр приказа был переведен в укрепление Кушмурун, в связи с этим с 1845 года и округ стал называться Кушмурунским.

В 1853 году Кушмурунский приказ был упразднен, пять его волостей вошли в состав Кокчетавского округа,[2] и старший султан Чингис Валиханов уже в чине подполковника был переведен в Омск советником областного правления сибирскими казахами. В 1857 году[2], а не в 1860 году, как указано в «Казахской советской энциклопедии», он избирается старшим султаном Кокчетавского округа. В этой же должности Чингис Валиханов проработал до 1868 года, то есть до упразднения окружной и введения новой системы управления в Казахстане. Чингис в чине полковника вышел в отставку и больше в административной работе не участвовал.

Хотя долгие годы Чингис Валиханов и проработал старшим султаном, но, в отличие от других чиновников из казахской среды, он проявлял неподдельный интерес к истории и культуре родного края. Будучи знатоком быта, обычаев, экономической и политической жизни казахского общества, он оказывал постоянное содействие русским ученым и научным учреждениям в исследовании Северного Казахстана. Известен был Чингис Валиханов своей работой по сбору и исследованию ценных статических, юридических и этнографических сведений о нашем крае. Эти данные были использованы исследователями казахского обычного права И.И. Ибрагимовым, А.К. Гейнсом, Л.К. Крохалевым. По рекомендации и просьбе научных учреждений и отдельных ученых всерьез занялся сбором фольклорных материалов, а также сведений по антропологии и передавал их известным этнографам М.В. Ладыженскому, Н.Ф. Костылецкому, Г.Н. Потанину.

Деятельность Чингиса Валиханова по сбору этнографических сведений и экспонатов способствовали росту его популярности в среде ученых и в научных учреждениях Москвы и Петербурга. В архивах сохранились документы, содержащие перечень вещей казахского быта, образцов памятников культуры, которые высылал в адрес научных учреждений старший султан Чингис Валиханов. Большой материал он передал Московской промышленной выставке, организованной в 1867 году. Отдельные предметы, собранные им для этнографических

коллекций, ныне хранятся в музеях Москвы, Санкт-Петербурга, Омски и Гамбурга.

Русские исследователи Казахстана продолжали обращаться к Чингису и после того, как он ушел в отставку. К примеру, в апреле 1876 г. в ответ на письмо известного художника Знаменского М.С., который просил Чингиса выслать предметы казахского быта для выставки в Санкт-Петербурге, он с огорчением и сожалением писал: «К несчастью моему, в настоящее время не имею таких вещей, которые бы могли обратить взгляд публики.. ибо замечательные и любопытное костюмы древних казахов, в особенности бывшего хана, покойного отца моего Валихана, кольчуга, шлем и прочие, были переданы мною приезжавшему сюда, в степь, с комиссией в 1865 г. генерал-майору Гейнсу, другие же, не менее любопытны и ценные вещи доставлены были также на Московскую выставку, бывшую в 1867 г.». Далее он продолжает: «Затем, сохранившиеся доселе у меня некоторые предметы, я при особом списке с ним же вместе для отсылки г-ну военному губернатору передал кокчетавскому уездному начальнику, копию с того списка при сем прилагаю».[3]

Список этих вещей, отосланных полковником Ч. Валихановым на выставку в Санкт-Петербург (август 1876 г.) через Кокчетавского уездного начальника, сохранился в архиве. В этом списке предметы 17 наименований, напротив каждого проставлена цена. Оценка предметов, в большинстве своем уникальных, была занижена но, тем не менее, их общая цена составляла 515 рублей, сумма по курсу того времени приличная.

К слову сказать, эти уникальные этнографические памятники по общепринятым нормам международных соглашений должны быть возвращены хозяину или его наследникам. Тем более, перевозка вещей и оплата командировочных расходов сопровождавшему груз волостному правителю Казыхожину производилась за счет казахского населения, с которого собрано для этих целей 800 рублей.[4]

Таким образом, Чингис Валиханов своей общественно-политической и научной деятельностью многое сделал, чтобы ознакомить русскую общественность с жизнью, бытом казахского народа. В то же время он выступал неустанным поборником русской культуры, пропагандистом лучших традиций в образе жизни русского народа в родной степи. Он выступал за оседлую жизнь, хотя в летнее время до глубокой старости выезжал с семьей на джайляу. В 50-е годы заново отстроил фамильную усадьбу в Сырымбете, помогал сыновьям в строительстве домов. Он и его сыновья, а также приближенные туленгуты занимались землепашеством и в Кушмуруне, и в Сырымбете. Будучи человеком просвещенным, исправляя должность старшего султана, то есть председателя двух указанных выше приказов, уделял внимание делу образования, строительству школ. Причем три начальные школы в крепости Кушмуруне и урочищах Чок-карагай и Сырымбете были построены на его личные средства.

В рапорте от 1 июня 1842 г. на имя начальника областного округа управления старший султан Аман-Карагайского округа писал: «В настоящем году желаю устроить собственным коштом (расходами на содержание) в аулах школы для обучения как своих, так равно изъявивших желание к сему похвальному поступку кайсацких детей...»[5] К слову сказать, областной начальник полковник Н.Ф. Вишневский охотно поддержал идею султана Чингиса и выразил готовность помочь подыскать учителя.[6]

В другом рапорте областному начальнику Кушмурунский окружной приказ ходатайствует за старшего султана Ч. Валиханова разрешить ему строительство «постоянной зимовки, где бы можно было выстроить деревянный дом и заняться хлебопашеством ... что будет служить примером немалым для здешних кайсаков к постоянной оседлости». В рапорте выражена просьба прикомандировать к нему 5 «надежных плотников, которым плата и содержание будут выдаваться из собственности его, г. Валиева».[7] Помимо всего прочего, эти документы характеризует султана Чингиса как человека кристально честного, ибо по инструкции дом для чиновников округа должен быть выстроен за казенный счет.

Весьма интересным представляется описание фамильной усадьбы и обстановки в доме Валихановых, сделанное видным этнографом А.К. Гейнсом (1834-1892), который принимал участие в работе комиссии по изучению обычного права и хозяйственной деятельности казахских аулов в 1865-66 г.г. Он писал: «Две живописные горы, покрытые бором, закрывают его усадьбу (в Сырымбете - К.А.); пронесшись по каменистому подъему и спуску, мы увидели несколько домиков во вкусе наших помещичьих средней руки, а посередине мечеть. В середине дома, занимаемого Чингисом с женою, убранство подходит к помещичьему. В зале орган, играющий до двенадцати пьес; зеркала в простенках, бронзовые канделябры с хрустальными подвесками, такие же бра; маленькие шелковые портьеры, сбитые тонким, но широким орнаментом. В гостиной вместо гарднеровских или корниловских ваз стоят китайские; лампа на столе, диван и прочее. Все полы выложены ташкентскими и персидскими коврами; на мебель накинуты тигровые, барсовые и медвежьи шкуры. *Общее впечатление приятное* ».[8] *То, что домашняя обстановка произвела* приятное впечатление на интеллигентного человека, воспитанного в аристократической среде, тоже положительно характеризует вкусы и эстетические запросы хозяина.

Что касается общественно-политических взглядов Чингиса Валиханова, то они были противоречивы. Будучи внуком великого хана Абылая, он, конечно, разделял идею единства и независимости Казахстана, возрождения его государственности. С другой стороны, как человек прагматичный, понимал несбыточность этих идей в той конкретно-исторической обстановке, осознавал необходимость и преимущество укрепления казахско-русских отношений. Как патриот своей страны, Чингис не мог не видеть усиление национального и социального гнета, с

сочувствием относился к борьбе соотечественников за попранные права, за восстановление хотя бы внутреннего самоуправления в составе Российской империи, с другой стороны, будучи офицером и чиновником российского государства, стремился честно и добросовестно нести службу.

Противоречия в политических взглядах Чингиса Валиханова проявилась в его практической деятельности. Вот несколько примеров. К концу 30-х годов, когда в Степи развернулась национально-освободительное движение под руководством султана Кенесары Касымова (1837-1847), Чингис с пониманием и сочувствием отнесся к восставшим. Тем не менее, его общественное положение и классовые предрассудки, видимо, не позволили решительно порвать с колониальной администрацией и стать на сторону повстанцев, об этом свидетельствуют, в частности, следующие документы. 30 июля 1839 г. Омский областной начальник направил султану Аман-Карагайского округа Ч. Валиханову следующее предписание. «Из-за беспорядков, - указывалась в нем, - происходящих в степи признавая присутствие Ваше в приказе необходимым, к чему обязывает Вас и должность Ваша, я предлагаю Вам с получением сего прибыть в приказ не оставлять его без моего на то разрешения ».[9] В следующем документе тот же начальник предписывал чиновникам приказа по приезде старшего султана Валиханова установить «за ним тайный бдительный надзор».[10]

Видимо, Чингис Валиханов не спешил прибыть в приказ, ибо 7 августа того же года он получает грозные предписания уже от самого генерал-губернатора князя Горчакова. В нем генерал обвинял Чингиса в том, что «во все почти лето Вы уклонялись от соседства с войсками нашими, от требуемой от Вас высылки проводников и назначения от Вас людей для нахождения при джаргаинагачаском отряде, вынуждаюсь объявить Вам, что поведением Вашим подаете Вы повод сомневаться в вашей верности и усердии к службе». И в заключение губернатор предупреждает, что время излишнего снисхождения уже прошло, и в противном случае остается мне только назначить на ваше место человека более благонадежного».[11]

Похоже, угроза генерал-губернатора возымела действие. В последующем султан Ч. Валиев не только поддерживает военные предприятия против национально-освободительного движения Кенесары Касымова, но и выказывает при этом большое усердие, за то что он был удостоен высокой награды.

В грамоте было указано, что старший султан Аман-Карагайского округа майор Чингис Валиев награждается золотой медалью «За усердие» на александровской ленте за благоразумное управление означенным округом и постоянную преданность правительству».[12] Позже султан Ч. Валиханов был удостоен еще несколько наград, возведен в достоинство дворянина Российской империи, и в декабре 1855 г. произведен в полковники и награжден орденом Св. Станислава второй степени.

Однако, вскоре правительство усомнилось в лояльности Ч. Валиханова. Это было связано, видимо, с процессом над участниками нелегальной организации «Общества независимости Сибири». Члены этой организации в Омском кадетском корпусе в 1865 г. распространили прокламацию «К патриотам Сибири!». В связи с делом «сибирских сепаратистов» и арестом друзей Валихановых - Г.Н. Потанина, Ядринцева, Ф.М. Усова и др. Чингису Валиханову было предъявлено политические обвинение, за ним устанавливается особое наблюдение. Так, в предписании генерал-губернатора Западной Сибири Омскому областному начальнику указывалось на то, что султан Чингис Валиханов вынашивал «преступные мысли против правительства» и в связи с этим просил «вытребовать его (Чингиса - К.А.) в Омск для личных объяснений».

Как видим, взаимоотношения Чингиса Валиханова с властями колониальной администрации были не столь однозначны, как это представлялась до сих пор. Он не был слепым орудием колониального управления Степью, в меру своих возможностей старался облегчить положение своих соотечественников, помочь им адаптироваться к новым условиям. Будучи весьма просвещенным человеком своего времени, Ч. Валиханов заботился об образовании казахских детей, способствовал распространению среди соотечественников русской культуры, оказывал большие услуги русским ученым и научным учреждениям в изучении различных сторон жизни казахского народа. Думаю, что приведенные выше факты достаточное основание считать султана Чингиса незаурядной личностью, благодаря влиянию и заботам которого и раскрылся гений Чокана Валиханова.

Примечания

1. Семенов-Тян-Шанский П.П. Путешествие в Тянь-Шань. Мемуары. Т. 11, М., 1946, с. 54.
2. Валиханов Ч.Ч. Собр.соч., т. 5, с. 43.
3. Там же, с.
4. Там же, с. 50.
5. Там же, с. 32.
6. Там же.
7. Там же, с. 34.
8. Гейнс А.К. Собрание литературных трудов. Т. 1, СПб, 1895, с. 265.
9. Валиханов Ч.Ч. Собр. Соч., т. 5, с. 28.
10. Там же, с. 30.
11. Там же.
12. Там же, с. 37.

ЧОКАН ЧИНГИСОВИЧ ВАЛИХАНОВ

Чингизид, потомок славного хана Абылая, Чокан (настоящее имя Мухаммед Канафия) Валиханов (1835 – 1865 гг.) был рожден для великих свершений и исполнил эту высокую миссию блистательно. Природа наделила его феноменальными способностями, однако судьба к нему была не милостива, отпустив всего лишь неполных 30 лет жизни. «Как блестящий метеор, промелькнул над нивой востоковедения»[1] - писал о нем Н.Н. Веселовский. Это сравнение известного петербургского ученого справедливо лишь отчасти. Ибо хотя жизнь Чокана Валиханова была до обидного коротка, но его творческое наследие неподвластно времени, оно как яркая звезда продолжает освещать «ниву востоковедения» и теперь. Труды его не потеряли актуальность, сохранили научную ценность. По крайне мере можно с уверенностью сказать, что и сегодня ни один серьезный исследователь истории Казахстана и Центральной Азии не может обойти имя Чокана Валиханова.

Широк и разнообразен был круг его научных интересов. Великий ученый-просветитель, отважный путешественник, художник, фольклорист, этнограф, публицист человек феноменальной эрудиции и «взглядов истинно гуманных» - таким сохранился Чокан Валиханов в памяти современников, таким он вошел в историю Казахстана и России.

До обидного короткой была жизнь Чокана Валиханова, в то же время она была исключительно содержательной, наполненной как творческими исканиями, так и яркими и значимыми событиями. Исследование его жизни и творчества ведутся уже более 140 лет.

Первыми к изучению биографии и творческого наследия Чокана Валиханова обратились его друзья и близкие. Первый некролог П.П. Семёнов Тян-Шанский составил в 1865 г. как отмечал А.Н. Пыпин, в дальнейшем биографы Валиханова составляли его жизнеописание «На основании сообщения П.П. Семёнова». Один из друзей Чокана

Валиханова, видный исследователь, открывший орхоно-енесейские надписи, Н.М. Ядринцев, находясь в тюремных застенках, нашел способ выразить горечь утраты друга в большой статье, опубликованной в газете «Сибирский Вестник» 17 февраля 1866 года «Чокан Чингизович Валиханов». В энциклопедических изданиях опубликовали статьи и воспаминания о Чокане Валиханове видные учёные-востоковеды И.Н. Березин, Г. Грум-Гржимайло.

Особенно остро переживал смерть Чокана Валиханова его самый близкий друг и соратник Г.Н Потанин. На протяжении всей своей долгой жизни Григорий Николаевич много раз обращался к воспоминаниям о рано ушедшем из жизни друге. Это по его инициативе и деятельном участии начались поиски и сбор трудов Чокана Валиханова. Однако в силу разных обстоятельств первое издание его Сочинений в виде отдельного тома «Записок Русского географического общества»[2] было осуществлено под редакцией профессора Н.И. Веселовского только в 1904г.

Таким образом, в дореволюционное время была опубликована лишь небольшая часть сочинений Ч. Валиханова, а в первое десятилетие советской власти вопрос о публикации его научных трудов не рассматривался вообще Лишь благодаря усилиям академика К. Сатпаева изучение жизни и деятельности Ч. Валиханова было признано актуальной и приоритетной задачей института истории АНКазССР, для практического осуществления которого создали специальную комиссию. Однако долгое время работа комиссии не налаживалась. Дело сдвинулась с мёртвой точки лишь после того, как 1957 году по поручению академика К.Сатпаева её работу возглавил Алкей Моргулан, но об этом расскажем в отдельном очерке.

Кроме А. Моргулана исследованием жизни и деятельности Чокана Валиханова в разное время занимались многие известные деятели науки и культуры в их числе М. Ауезов, К. Сатпаев, Е. Бекмаханов, А. Алимжанов, К. Салыков. Образ Чокана Валиханова удалось воплотить в художественной литературе известному писателю Сабиту Муканову, написавшему роман-дилогию «Промелькнувший метеор».[3] 1983 году в издательстве «Молодая гвардия» в серии ЖЗЛ выпустила книгу «Валиханов»[4] московская писательница Ирина Стрелкова. Годом раньше в Алма-Ате была издана повесть Сергея Маркова о Чокане Валиханове «Идущие к вершинам».[5]

Первым монографическим исследованием, посвященным жизни и деятельности Ч. Валиханова была книга Х.Г. Айдировой «Чокан Валиханов»,[6] изданная в Алма-Ате в 1945 г. Важным вкладом в научное чокановедение явилось опубликование материалов Всесоюзной научной конференцией, посвященной 150-летию Ч.Ч. Валиханова. Разным

сторонам научной и общественно-политической деятельности Ч.Ч. Валиханова посвятили свои работы О.Сегизбаев, С.Зиманов и А.Алтынсарин, К.Бейсембиев, Р.Сулейменов и В. Мойсеев, О. Султаньяев,С. Отениязов и Н. Канафияулы. В исследованиях этих авторов нашли отражение многие ранее неизвестные страницы творческой биографии Ч.Ч. Валиханова.

Однако наличие обширной литературы о Чокане Валиханове не означает, что все проблемы его биографии, научной и общественно-политической деятельности уже разрешены и не возникает никаких вопросов. Напротив, имеется ещё немало «белых пятен» и проблем, требующих научного исследования, либо переосмысления с современных концептуальных методологических концепций. В частности, явно недостаточного изучены воспоминания современников Ч. Валиханова, слабо осуществлён сопоставительный анализ архивных источников и материалов его переписки с учёными, поэтами, писателями и другими деятелями культуры. Тем более, определение его места в истории Казахстана невозможно без изучения среды, из которой он вышел, без всестороннего исследования этапов его жизни.

Чокан родился в ноябре 1835 г. в семье старшего султана Аман - Карагандинского округа Чингиса Валиханова. Однако до сих пор нет единогласия у исследователей относительно места его рождения. Хотя вполне закономерен и вопрос: имеет ли принципиальное значение, где родился тот или иной человек? Уверен, имеет и немалое, ибо из подобных «мелочей» и деталей состоит подлинная, а неугодливая история. Ведь история существует не сама по себе. «Носителем» ее выступает человек, личность. Поэтому в воссоздании правдивой истории, в патриотическом воспитании подрастающих поколений непреходящую ценность представляет любой эпизод, любая деталь жизни и деятельности великого просветителя Ч. Валиханова. К слову, автор этих строк обратился к исследованию данной проблемы по просьбе своих земляков – жителей села Сырымбет, в частности, З.К. Атыгаевой, директора мемориального музея Чокана Валиханова в Сырымбете. Это ее энтузиазму и неустанному поиску мы обязаны открытием в 1985 году к 150-летию Чокана Валиханова данного музея. Как-то после моего выступления с докладом на юбилейных торжествах, посвященных Чокану Валиханову, Зейкен Какеновна обратилась ко мне: «Вот Вы в докладе сказали, что Чокан родился в Кушмуруне, а наши аксакалы (буквально, седобородые - К.А.) утверждают, что слышали от своих родителей, что он родился здесь, в Сырымбете». Вопрос этот меня очень заинтересовал.

Многие исследователи, в их числе А. Маргулан, С. Муканов, С. Марков, И. Стрелкова, Р. Сулейменов, М. Моисеев, считают, что Ч. Валиханов родился в крепости Кушмурун, находившейся на территории

нынешней Кустанайской области. Однако никто не дает никаких документальных подтверждений этому.

Наибольшим авторитетом в исследовании биографии Чокана, несомненно, был академик Алкей Маргулан. Он писал: «В 1835 г. центр Аман-Карагайского округа был переведен в Кушмурун. Семья Валихановых поселилась в ней. Неподалеку, в северо-восточной дубраве, у Кушмурунского озера, в широкой лесной тени была построена летняя ставка, которую Валихановы называли «Кун тимес». На карте Чокана она названа «біздің үй»[7] - наш дом.

«В Кушмуруне Чингис прожил 20 лет. Здесь он обзавелся большой семьей. У него было семь сыновей и пятеро дочерей, из которых только Сахиб-Керей (Козыке) родились в Сырымбете, все остальные - в Аман-Карагае и Кушмуруне».[8]

Эта цитата из «Очерка жизни и деятельности Ч.Ч. Валиханова», написанного А. Маргуланом. В том же «Очерке», через 8 страниц автор пишет: «Чокан Валиханов.. родился в ноябре 1835 г. в крепости Кушмурун».[9] Если старшие родились в Аман-Карагае, а Чокан был самым старшим, то он никак не мог родиться в Кушмуруне. Не соответствует действительности и утверждение, что Чингис прожил в Кушмуруне 20 лет.

Дело в том, что Чингис Валиханов был избран старшим султаном Аман-Карагайского округа 30 августа 1834 г. Центром округа оставался поселок Аман-Карагай, по одним данным до 1844г.[10], по другим - до 1846 г.[11] Во всяком случае, он таковым оставался до 1 июня 1842 г. Это известно точно, потому что именно эта дата стоит в документе, подписанным Чингисом Валихановым в Аман-Карагае.[12]

Таким образом, Чокан родился не в Кушмуруне, а где же тогда? Мне представляется более основательным утверждение о том, что Чокан Валиханов все же родился в Сырымбете (Кокшетауская область), где находилось зимовье хана Вали. В 1824 г. по решению Сибирского комитета была построена усадьба со школой и мечетью по просьбе ханши Айганым, матери Чингиса Валиханова. Например, тот же А. Маргулан пишет: «В июне 1853 г. Чингис с семьей возвратился в Сырымбет, в усадьбу своей матери, где и провел большую часть своего детства Чокан Валиханов».[13]

Теперь в подтверждение своей версии сошлемся на ряд авторитетных источников. Так, близкий друг и однокашник Чокана по кадетскому корпусу Г.Н. Потанин пишет: «Где он (Ч. Валиханов - К.А.) родился, мне не известно. Родовая зимовка Валихановых находилась в Кокшетауском округе... в местности Сырымбет».[14]

П.П. Семенов-Тян-Шанский и вовсе был убежден, что Чокан родился в урочище Сырымбет. Он писал: «Александр I с большим вниманием отнесся к вдове хана Вали и велел выстроить ей первый в

киргизской степи дом, в котором родился Чокан Валиханов».[15] Думаю, что такой выдающийся ученый, как Семенов-Тянь-Шанский, не мог без оснований утверждать так однозначно. Его точку зрения разделили и другие - Н.М. Наумов, а также выдающийся казахский поэт-публицист Мыржакып Дулатов.

В пользу данной версии можно привести еще ряд высказываний, но ограничимся ссылкой на одно авторитетное издание. Речь идет об «Истории Казахской ССР», вышедшей в свет в 1949 г. под редакцией И. Омарова и А. Панкратова и при деятельном участии профессора Е. Бекмаханова. В ней указано, что «Чокан Валиханов родился в 1835 г. в местности Сырымбет Кокчетавского округа, у подножия горы, заросшей густым сосновым бором».[16]

И последнее. Думаю, ни у кого не должно вызывать сомнения, что султан Чингис привез свою жену, ожидавшую ребенка из Баянаула в Сырымбет - родовое поместье Валихановых, как того требовали обычаи. Напротив, мало вероятно, что он ее в таком положении повез в незнакомый и необжитый поселок Аман-Карагай, а не оставил на попечение своей матери до разрешения беременности.

Дед Чокана по отцу Вали был последним ханом Среднего жуза, признанным и Россией и Китаем. Мать Чокана Зейкен также была знатного происхождения - дочь знаменитого бия Чормана и сестра Мусы Чорманова, старшего султана Баянаульского округа. Родословная Валихановых уходила в глубь веков - к Азь Жанибек хану, основателю Казахского ханства (2-я половина половина XV в.). Далее его родословная продолжалась в такой последовательности: Жадик султан, Шигай хан, Ер-Есим хан, Жангир хан, Салкам Вали султан, Абылай хан, Вали хан, Чингис султан - Чокан.

По давней казахской традиции Чокан с раннего детства выучил имена своих предков до седьмого колена. Высокое происхождение, знакомство с деяниями предков сыграли не последнюю роль в раннем пробуждении у Чокана интереса к истории. Он внимательно слушал и записывал образцы устного народного творчества, повествующие о героической борьбе народа за свободу. Особенно запали в душу юного Чокана поэмы и легенды о подвигах и свершениях своего прославленного прадеда Абылай хана. «Чокан Валиханов, - писал Нурсултан Назарбаев в книге «В потоке истории», - прямой потомок хана Абылая, нес в своей родословной богатейший духовный заряд предков»[17] О том, что Чокан Валиханов постоянно ощущал духовный заряд предков, свидетельствует вся его короткая, наполненная творческим поиском, жизнь.

Начальное образование Чокан получил в крепости Кушмурун и в Сырымбете, в школе, организованной в усадьбе его бабушки ханши Айганым. Под влиянием бабушки Айганым, большого знатока восточной литературы, и отца, султана Чингиса, зачинателя этнографических

исследований в Казахстане, Чокан еще в детские годы стал проявлять большой интерес к истории родного края, устному народному творчеству. Уже в те годы им были записаны образцы многих казахских героических песен и поэм, таких как «Козы-Корпеш и Баян-Сулу», «Еркокше», «Едиге» и др.

Отец Чокана Чингис Валиханов, сознавая значение русского образования, осенью 1847 г. повез своего одаренного сына в Омск. Здесь по его просьбе Чокана зачислили в Сибирский кадетский корпус, считавшийся лучшим учебным заведением Сибири. Однокашниками и друзьями Чокана стали впоследствии известные ученые Г.Н. Потанин и Н.Ф. Анненский.

Годы пребывания в Омске были для Чокана годами интенсивной учебы. Он много читал, особенно увлекался произведениями Пушкина, Лермонтова, Шекспира, Гете, Теккерея. Получив доступ в омскую фундаментальную библиотеку, Чокан, основательно ознакомился с трудами В.Г. Белинского, А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского, Ж.Ж. Руссо, Т. Карлейля.

Решающее влияние на формирование мировоззрения Чокана оказали преподаватели кадетского корпуса И.В. Ждан-Пушкин, Н.Ф. Костылецкий, Г.В. Гонсевский, К.К. Гутковский, К.П. Померанцев. Заметив способности воспитанника, они всячески поощряли его увлечение историей, географией, литературой и живописью, давали из личных библиотек книги. Преподаватель географии К.К. Гутковский ввел Валиханова в семью Капустиных где он познакомился с И.О. Ивановой (дочь декабриста И.А. Анненкова) и ее мужем К.И. Ивановым. В доме у Ивановых Валиханов встретился в 1854 г. с петрашевцами: Ф.М. Достоевским и С.Ф. Дуровым, а в доме Гутковских с известным путешественником П.П. Семеновым (Тян-Шанским).

Уже тогда, в стенах кадетского корпуса, Чокан стал готовиться к роли исследователя истории и культуры своего народа и всей Центральной Азии (в то время мало известной для европейской науки). С этой целью он тщательно изучает труды иностранных и русских исследователей-востоковедов. «Уже на школьной скамье - писал Г.Н. Потанин, - Валиханов стал готовиться к роли путешественника, тогда же перечитал Палласа, Рычаков, Левшина, Вельяминова-Зернова и массу других книг».

В 1853 году Ч. Валиханов окончил курс обучения в кадетском корпусе, был произведен в корнеты и направлен на службу в Сибирское линейное казачье войско. В октябре 1854 года, получив назначение на должность адъютанта генерал-губернатора Западной Сибири Г.Х. Госфорта, возвращается в Омск. Здесь он возобновляет свою работу по сбору материалов по истории казахов сибирского ведомства. С этой целью

работает с документами в архиве Пограничного управления сибирских казахов.

Летом 1855 г. Валиханов сопровождает генерал-губернатора в поездке по Семипалатинской области и в Залийский край. Самостоятельно путешествует по Семиречью. Во время этих поездок он занимался исследованием истории, географии, устного народного творчества этого края. В 1956 г. за отличие в службе Валиханов был произведен в поручики, награжден бронзовой медалью на Владимирской ленте. 27 февраля 1857 г. по рекомендации П.П. Семенова (Тян-Шанского) Валиханов был избран действительным членом Российского географического общества (РГО). Это было признанием большого вклада Чокана в географическую науку.

Во второй половине XIX в. в правительственных кругах России возрос интерес к соседним азиатским станам. Наряду с политическими это было обусловлено и существенными экономическими обстоятельствами. Рост промышленного производства, развитие капитализма обуславливали поиски и освоение новых рынков сбыта, в том числе такого, как Восточный Туркестан, считавшийся в то время одним из перспективных. Этими обстоятельствами и была вызвана необходимость сбора достоверных сведений об этой неизведанной для европейцев стране.

Широкую известность и славу бесстрашного путешественника принесла Валиханову поездка в 1858 г. в Кашгарию, или Восточный Туркестан. Этот район, заселенный уйгурами, казахами, дунганами и киргизами, около ста лет до того был завоеван Китаем, но как раз в 50-е годы прошлого века там происходили антицинские выступления. В связи с этим китайские власти запретили под угрозой смертной казни поездку в Кашгарию европейцев. Известный немецкий путешественник Адольф Шлагенвейт, проникший в Кашгарию годом раньше Чокана, был казнен. Достоверные сведения об этой трагической гибели ученого привез Ч. Валиханов. Идею включения Чркана в состав купеческого каравана под видом проводника подал П.П. Семенов.

Поездка в Кашгар была чрезвычайно сложной, Чокан много раз рисковал жизнью, но она, к счастью закончилась благополучно. Как и ожидалось, Чоканом были собраны богатейшие материалы по истории, географии, экономическому состоянию Восточного Туркестана. Для отчета о своей поездке в Кашгарию Чокана Валиханова вызвали в Санкт-Петербург. Специалисты высоко оценили исследования Валиханова, считая его важным вкладом в географическую науку. Заслуги Чокана были отмечены 7 апреля 1860 г. награждением его орденом Святого Владимира 4-ой степени, он также был произведен досрочно в штабс-ротмистры. В том же году Валиханов назначается на службу в Азиатский

департамент Министерства иностранных дел. Для отчета о своей поездке в Кашгарию он был вызван в Санкт-Петербург.

Годы пребывания Ч.Ч. Валиханова в Петербурге (1859-1861 гг.) были одним из ярких периодов его биографии. Приехав в Петербург он выступил с сообщением о путешествии и опубликовал в «Записках ИРГО» труды по истории и культуре народов Казахстана, Средней Азии и Западного Китая. В Санкт-Петербурге много и плодотворно работал в Азиатском департаменте, редактировал карты Средней Азии и Восточного Туркестана в Военно-ученом комитете Генерального Штаба, слушал лекции Н.Н. Костомарова в университете, занимался литературной деятельностью, посещал собрания студентов сибирского землячества у Г. Потанина. Здесь он не только встречался со своими старыми друзьями, но и заводил новые знакомства со многими выдающимися представителями русской интеллигенции: А.Н. Бекетовым, А.Н. Майковым, С.Т. Аксаковым, Н.П. Игнатьевым, Н.И. Веселовским, Н.М. Ядринцевым, Ф.Н. Усовым и другими.

К числу «белых пятен» в биографии Чокана Валиханова относится один интересный факт из петербургской жизни Чокана. Именно во время пребывания в Петербурге, Чокан Валиханов совершил поездку в Париж. Во всяком случае, известно, что он намеревался туда ехать. В письме отцу 4 ноября 1860 г. он писал: «Бог даст, через месяц выеду из Петербурга в Париж, деньги на поездку займу у одного человека».

Долгое время этот вопрос: занял ли деньги Чокан Валиханов, если да, то у кого оставался открытым. В 1985 г. выдающийся казахский писатель и общественный деятель Ануар Алимжанов в статье, посвященной дружбе Ч.Ч. Валиханова и Ф.М. Достоевского писал: «Очевидно, что деньги на дорогу он мог занять «у этого человека» (А. Врангеля - К.А.) только при содействии и поручительстве Достоевского или же этим «человеком» мог быть сам Достоевский»[18]

Нами точно установлено, что «этим человеком» был не А. Врангель и не Ф.М. Достоевский, а был студент Петербургского университета Н.М. Ядринцев. В своих воспоминаниях о Ч. Валиханове Николай Михайлович писал: «С Чоканом Валихановым я познакомился в Петербурге в 1860 г. через Григория Николаевича Потанина. Сначала я просто встречался с ним, а потом представился мне случай сделать небольшое одолжение».[19] Одолжение это заключалась в том, что Ядринцев дал взаймы Валиханову сравнительно крупную сумму.[20]

Чтобы расплатиться с этими долгами, Чокан в январе в 1862 г. был вынужден просить профессора А.Н. Бекетова как редактора «Записок РГО» «известить его, на каких условиях ИРГО может купить его «заметки о Кашгаре». В конце письма Чокан сообщал Бекетову о том, что он брал в долг у своих друзей - Ядринцева и Усова деньги. В связи с этим он просил

Бекетова: «Если заметки мои будут Вами куплены, то нельзя ли будет Вам удовлетворить того и другого. Ядринцову я должен 300 рублей серебром, а Усову – 50 р.».

Если Валиханов не совершал поездку в Париж, то зачем было ему брать в долг такую крупную сумму денег? Ведь он получал приличное жалование – 739 рублей (Там же. С.146.), для того времени деньги немалые. Пока единственным документом, подтверждающим пребывание Ч.Ч. Валиханова в Париже, является свидетельство А.Е. Врангеля, друга Ф.М. Достоевского. В своих воспоминаниях о Ч.Ч. Валиханове он пишет: «Мне он (Ч. Валиханов - К.А.) очень понравился, и Достоевский очень был рад повидать его. Впоследствии я встречал его в Петербурге и в Париже» (Врангель А.Е. Приятель Ф.М. Достоевского в Сибири 1854-1856 гг. СПБ, 1912, С.72.).

Таким образом, у нас есть всякие основания полагать, что Чокан всё же был в Париже. В таком случае естественен вопрос: зачем ему понадобилось влезать в долги, чтобы поехать в Париж. Тем более, зная, что финансовые возможности родителей к тому времени были весьма ограничены. На рубеже 50-60 годов в России назревала революция, чтобы её предотвратить, готовилась отмена крепостного права. На умонастроение демократической общественности большое влияние оказывали А.И. Герцен и Н.П. Огарев, которые подвергали резкой критике самодержавно-крепостнические порядки в России. Чокан был весьма осведомлен об их общественной и политической деятельности, читал все номера «Полярной звезды» и «Колокола», издававшиеся в Лондоне и тайно доставлявшиеся в Россию. Многие друзья и единомышленники Ч. Валиханова имели нелегальные связи с Герценом. Так вот, единственной причиной поездки Ч. Валиханова в Париж могла быть встреча с издателями оппозиционной самодержавию газеты «Колокол» - Герценом или Огаревым. Веским аргументом в пользу этого предположения может служить то, что, начиная с 1861 г., на страницах «Колокола» появились статьи о Казахстане. В них острой критике подвергалась колониальная политика царизма по отношению к казахской Степи, разоблачались произвол и лихоимство чиновников, бесчинства и грабежи со стороны казачества. Особенно примечательна в этом отношении статья в 131 номере «Колокола» от 1 мая 1862 г. Вот несколько фрагментов из этой статьи: «Известно, что киргизы (т.е. казахи - К.А.) Средней Орды платят ясак, т.е. определенную часть своего скота». Далее в статье освещается как при сборе налогов путем злоупотреблений «составляют себе состояние не только члены приказов, но и первоприсутствующие лица областных правителей, особенно в Омске».

Автор статьи считает, что другой «причиной разорения Степи служат казаки». Он пишет: «Это разбойничье население (т.е. казаки -

К.А.) показало себя везде... Знаете, как казак обходится с киргизом? До крайности просто. Вся его собственность кажется ему, казаку, своей собственностью и отнять у него быка или лошадь считается молодечеством и ничем больше...» и в заключении делается вывод: «Можно было бы сказать, что за счет киргизов живет, все сибирское войско». («Колокол». Прибавочный лист № 131. 1 мая 1862 г.).

Конечно, такую статью в то время мог написать только Ч. Валиханов. Это легко могли установить и жандармы, поэтому, чтобы не навлечь беду на Ч. Валиханова, издатели газеты делают ссылку на статью г. Валиханова, опубликованной в легальной печати. Таким образом, встреча с Врангелем Чокана Валиханова в Париже, так сказать, имела место. По вполне понятным причинам Чокан совершил поездку в Париж конфиденциально. Поэтому в архивах нет других подтверждений об этой поездке.

Пребывание в Петербурге, знакомство и тесное общение с видными представителями демократических слоев России, встречи в Париже с издателями «Полярной звезды» обогатили Ч. Валиханова духовно, укрепили в нем прогрессивный образ мыслей.

Таким образом, Россию, Ч. Валиханов познавал через людей ярких и неординарных, с которыми судьба свела его как на окраине империи - в Омске, так и в центре - Петербурге. Круг общения с ними был достаточно широк. К примеру, его отношения с великим писателем Ф.М. Достаевским, с которым связывало духовная и просто человеческая близость: демократизм, гуманизм, не терпимость ко всякому унижению человеческого достоинства. Общими были научные и литературные интересы Ч. Валиханова и известного учёного П.П. Семёнова Тян-Шанского, поэта Дурова, не говоря о его близких друзьях - Г.Н. Потанине, Н.М. Ядринцеве.

Примечательным представляется его переписка с замечательным Петербургским поэтом А.Н. Майковым. Например, вот что он писал Ч.Валиханову в ответном письме (10 февраля 1863г.): «...Если б Вы, любезнейший друг, знали, какую радость доставили Вы мне ...Вы бы, верно, писали мне и больше и чаще. Мы немного провели времени вместе но, я так полюбил Вас...у меня в семействе вспоминают Вас часто, не только жена, но и дети. Об Вас у нас одна фраза: что он там у себя делает? И отчего бы ему не основаться в Петербурге. Я к этому присоединяю ещё вот такое рассуждение: ведь Вы, собственно говоря, учённый, не знаю, что Вы можете сделать у себя, но для себя и для Европы несказанно много! А уж об России говорить нечего!». Не правда ли, эти слова высочайшей оценки крупнейшим литератором позволяет уточнить содержание и характер, вообще уровень научной деятельности Ч. Валиханова.

Думой о будущем своего народа Ч. Валиханов был озабочен всегда, о чем свидетельствуют его труды, написанные еще в ранний период. После возвращения из Петербурга он все острее задумывается над тем, чем он может быть полезен своему народу, что он должен сделать, чтобы облегчить его участь. С этими мыслями он делиться с Ф.М. Достоевским, который не замедлил ответить: «...Не великая ли цель, не святое ли дело, быть чуть ли не первым из своих, который растолковал в России, что такое есть степь, ее значение и ваш народ относительно России, и в то же время служить своей Родине просвещенным ходатаем за нее у русских. Вспомните, что вы первый киргиз - образованный по-европейски вполне. Судьба же вас сделала вдобавок превосходнейшим человеком, дав вам душу и сердце ».[21]

С этой целью - быть ходатаем за свой народ перед русскими, Ч. Валиханов баллотируется в старшие султаны Атбасарского округа и с большим перевесом избирается на эту должность. Но, увы, колониальной администрации не нужны были просвещенные ходатаи за народ, генерал-губернатор не утверждает его избрание. Но, несмотря на это, Ч. Валиханов продолжает настойчивый поиск путей воздействия на общественно-политическое положение в Казахстане. С этой целью едет в Омск, где шла разработка судебной реформы в степном крае. Ознакомившись с проектом реформы, Ч. Валиханов пишет свою работу «Записка о судебной реформе»[22], где нашли отражение его прогрессивные идеи и социальные взгляды. В «Записке» он подверг острой критике авторов проекта, которые при его разработке учитывали только мнение «волостных управителей, старшин, султанов и богатых киргиз, т.е. ордынских чиновников». Ч. Валиханов подчеркивает, что интересы феодальной знати не только не совпадает с нуждами и чаяниями простых людей, но и глубоко враждебны им. Он писал: «На мнения же привилегированных классов общества следует смотреть не иначе, как на отрицательные выражение истинных народных нужд, ибо интересы знатных и богатых людей, даже в обществах высоко цивилизованных, бывают, большей частью, враждебны интересам массы, большинства».

Вместе с тем Ч. Валиханов считает, что при проведении социальных, в том числе судебных реформ, надо учитывать национальную специфику казахов. Он осуждает, к примеру, проект судебной реформы, который предусматривал телесное наказание за провинность и замечает: «У киргиз (казахов - К.А.) телесные наказания никогда не существовали. А законы родовые, по которым члены рода ответствуют за своего родича, при родовых отношениях приносят много практической пользы». Он предлагал сохранить суд биев, учитывающий традиции казахского народа. Очень интересна мысль Ч. Валиханова о возрождении казахской традиции выборности чиновников. «Самый капитальный недостаток

Оренбургского степного управления, - пишет он, - конечно, заключается в том, что ордынские чиновники назначаются там не по выборам народа, а *по усмотрению пограничного начальства».*[23] *Не правда ли,* эти высказывания звучат злободневно и теперь?

Влияние русской демократической мысли на Ч. Валиханова несомненно, об этом пишут все исследователи его творческого наследия. Вместе с тем, справедливости ради надо заметить, что и Чокан Валиханов оказывал определенное воздействие на тех представителей русской интеллигенции, с кем он близко общался. Об этом, в частности, не раз писал Г.Н. Потанин. Также, на наш взгляд, является бесспорным и то, что и Ч. Валиханов во время пребывания в Петербурге оказывал влияние на процесс становления русского востоковедения. Видимо, не случайно, что именно в 60-е годы этот процесс здесь получил особую динамичность. Ч. Валиханов, будучи в Петербурге читает курсы лекции в университете и в Азиатском департаменте, преподает тюркские языки, делится своими богатейшими познаниями о народах Центральной Азии. К нему за консультациями о Восточном Туркестане обращается видный востоковед В.В. Григорьев, который позднее при написании книги об этой стране использовал сведения, доставленные Ч. Валихановым. К нему за советом обращались и другие востоковеды, к примеру, В.В. Вельяминов-Зернов, Д.И. Романовский.

Другим источником силы, демократизма и духовности Ч. Валиханова были народные традиции, обычаи, культурные ценности, которые вселяли оптимизм, научный взгляд на природу и человеческую жизнь. Его взгляды на государственное устройство и перспективу своего народа сформировались под влиянием идей своего прадеда великого хана Абылая, вся жизнь которого была посвящена борьбе за независимость и территориальную целостность Казахстана.

Рассматривая общественно-политические взгляды Ч. Валиханова некоторые исследователи считают, что «Евразийство, как направление мысли, противоположно западничеству». В связи с этим ставят вопрос, кто же в действительности Ч.Ч. Валиханов: западник или евразиец? На наш взгляд, противопоставление двух начал, двух культур - традиционной казахской и русской, то есть - западной, не совсем обоснованно. Напротив, именно симбиоз двух культур породил феномен Чокана Валиханова и других казахских просветителей.

Кстати, о термине «просветитель», он емок и значителен. Как писали М.Т. Иовчук и А.Х. Касымжанов, «он (просветитель - К.А.) относится к людям, стремящимся культивировать разум, просвещать, к людям, страстно ненавидящим ложную «мудрость»... Если к разряду просветителей относят Вольтера и Руссо, Дидро и Гольбаха, Джефферсона и Франклина, Радищева и Чернышевского, то внесение в

этот список Чокана Валиханова является само по себе красноречивым»[24] Особенность Ч. Валиханова в том, что он впервые предпринял попытку экстраполировать просветительство к потребностям казахского общества.

Не менее спорным до сих пор остаются обстоятельства смерти Чокана Валиханова. Официальная версия о том, что он умер от туберкулеза, еще современниками была встречена с недоверием. Вот, что, к примеру, писал видный ученый А. Гейнс: «Администрация Сибири обиделась, что без посредства ее Чокана представили в Петербурге Государю, и он обласкал его. Начался ряд оскорблений и придирок, уложивших Чокана в настоящем году в гроб».[25]

Как известно, летом 1864 года Ч. Валиханов был включен в состав военной экспедиции, направлявшейся для «присоединения» Южного Казахстана и Средней Азии к России. Возглавлял ее полковник Черняев, который был «прислан из Петербурга с готовым завоевательным планом».[26] В соответствии с этим планом Черняев огнем и мечем добивался «добровольного» вхождения народов Средней Азии в состав России. Когда попытки Ч.Валиханова предотвратить кровопролитие, грабежи и насилие на родной земле не увенчалось успехом, он, рассорившись с Черняевым, уехал в Верное. Действия Черняева не без участия Валиханова получили огласку и вызвали негодование у всех честных людей России. Черняев и его подручные не простили этого Чокану. С их подачи военному министру Д.А. Милютину было доложено «о вредном влиянии, производимом на умы киргизов (казахов) Семиречинской области штабс-ротимистом Валихановым». (Стрелкова И. «Валиханов». М. ЖЗЛ, 1983, с. 176.) Пребывание Чокана в Семиречье, по мнению властей, стало опасным и вредным и поэтому его поспешили перевести вглубь империи. Но, увы... Валиханов уже был мертв. Весть о кончине Ч.Валиханова была для его знакомых неожиданной, так как он незадолго до этого женился. Как пишет писательница И. Стрелкова «существует версия, что Валиханов умер не от туберкулеза, его убили» (Там же).

В биографии Ч. Валиханова есть и другие не до конца выясненные обстоятельства. К примеру, вне поля зрения исследователей до сих пор остается и вопрос об отношении Ч. Валиханова к национально-освободительному движению 1837-1847 годов под предводительством Кенесары Касымова. Вполне допустимо, что Чокан этой выдающейся исторической личности посвятил отдельный труд. Но так как с 40-х годовXX в. в советской историографии о Кенесары утвердилась однозначно отрицательная оценка, исследователи Ч. Валиханова обходили эту деликатную тему. А между тем на то, что он собирал материалы о восстании Кенесары, указывал в своих воспоминаниях Г.Н. Потанин. Он писал: «Рассказы Чокана о киргизах (казахах - К.А.) были очень

интересны. Конечно, он мог бы очень занимательно написать историю киргизских восстаний под предводительством его дядей Саржана и Кенесары. Рассказы об этой истории он оживлял отрывками из киргизских песен, пояснениями посредством поговорок, народных обычаев и обрядов».[27]

Кроме того, в трудах Чокана Валиханова есть строки, посвященные движению Кенесары. Причем относился к нему он с явной симпатией: «Кенесары, отважнейший из мятежников, преследуемый отовсюду казачьими отрядами, бежал в горы Кунгей Алатау и пал в ужасной стычке», - писал Чокан в статье «О Баян-Аульском округе». В другой работе он называет Кенесары «замечательной, энергической личностью», который «во что бы ни стало, желал утверждать независимость кайсацкого народа» (Там же, т.2., с.365). и все же, хотя Ч.Валиханов относился к движению Кенесары с симпатией, он не считал вооруженную борьбу единственным средством борьбы за свободу. В его трудах нет призыва к восстанию против колониальной политики самодержавия, которою он решительно осуждает. Будущее своего народа великий гуманист связывал с распространением знаний, организацией народного посвящения. Как писал Н.М. Ядринцев, «Чокан считал необходимым создание в родном краю серьезного народного воспитания не в виде школ для толмачей и других административных потребностей, а в виде целой системы органов распространения европейской науки и гуманности» (Там же, т.5, с.278).

Так что можно без всякой натяжки сказать, что Чокан был предтечей ненасильственной национально-освободительной революции, идеи, которую в начале века всесторонне обосновал Махатма Ганди.

Мною здесь затронуты лишь некоторые проблемы биографии Чокана Валиханова, а таких спорных и мало изученных вопросов еще немало. Их решение невозможно без новых научных исследований и написания на этой основе фундаментальной работы о жизни и деятельности славного сына казахского народа. Предстоит многое сделать также и в плане поиска и издания неопубликованных научных трудов и художественных произведений.

Кокшетауцы гордятся своим великим земляком. Именем Чокана Валиханова названы Кокшетауский университет, один из сельских районов, улицы городов и многих поселков. В центре г.Кокшетау в его честь воздвигнут памятник, а на родине Чокана, в Сырымбете организован его мемориальный музей. Однако все это лишь внешние проявления в почитании памяти Чокана. Думаю, что настала пора переходить от лубочного, картинного проявления обожания, почитания и славословия по поводу величия Чокана Валиханова к его постижению, изучению его трудов, пропаганде его наследия.

Примечания

1. Валиханов Ч.Ч. Т.1. С.
2. «Записки РГО» № 29. 1904г.
3. Муканов С. «Промелькнувший метеор» Т.1. Алматы, 1969
4. Стрелкова и Валиханов. М. «Молодая гвардия» ЖЗЛ. 1983 г.
5. Марков С. «Идущие к вершинам», Алма-Ата, 1982г.
6. Айдарова Х.Г. Алм-Ата, 1945г.
7. См: Валиханов Ч.Ч. Сбор. Соч. Т.1. Алма-Ата, 1985г. С.8.
8. Там же
9. Тамже С.17.
10. Там же Т.5.
11. Памятная книга Западной-Сибири, Омск. 1981г.
12. Валиханов Ч.Ч. Сбор. Соч. Т.5.С.32.
13. Там же Т.1. С. 13.
14. Там же Т.5. С. 347.
15. Там же, С. 241.
16. История Казахской ССР. Алма-Ата, 1949г.
17. Назарбаев Н.А. В потоке истории. Алма-Ата 1999г. С. 206.
18. «Литературная газета», 4 декабря 1985.
19. Ядринцев Н.М., Воспоминания. Записки ИРГО, т. XXIX, СПб, 1904, с.35.
20. Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. Алма-Ата, 1985, с. 360.
21. Там же, т. 5, с. 146.
22. Там же, с. 85.
23. Врангель А.Е. Приятель Ф.М. Достоевского – Валиханов – «Воспоминания о Достоевском в Сибири 1854-1856 гг». СПб, 1912, с. 72.
24. «Колокол». Прибавочной лист» №131, 1 мая 1862г.
25. Валиханов Ч.Ч. Собр. Соч. т. 1, с. 12-13.
26. Там же, с.17.
27. «История Сибирского казачьего войска», Омск, с.119.
28. «Памятная книжка Западной Сибири», Омск, с.114.
29. Валиханов Ч.Ч., с., т. 5, с. 32.
30. Там же, т.1, с. 13.
31. – 16 Там же, с. с. 347, 241, 257.

17. Стрелкова И. «Валиханов». М. ЖЗЛ, 1983, с. 276.
18. Валиханов Ч.Ч. Собр. Соч. т. 5, с.365.
19. Там же, т. 2, с. 312.
20. Там же, т.5, с. 278.

Казахстанская правда. 03.12.2005.

СУЛТАН-ГАЗЫ ВАЛИХАНОВ

Одной из актуальных проблем истории Казахстана является необходимость ее персонифицирования, объективное освещение деятельности исторических лиц. В числе преданных забвению имя и Султан-Газы Валиханова. Сведений о нем в казахстанской историографии нет, по крайней мере, мы не встречали. Его имя не упоминается даже в таком фундаментальном издании, как «Қазақ Совет энциклопедиясы».[1] И лишь в исторической беллетристике имя Султан-Газы Валиханова упоминается в двух произведениях, посвященных жизни и деятельности более известного его родственника - Чокана Валиханова. Это - дилогия классика казахской литературы Сабита Муканова «Промелькнувший метеор»[2] и книга московского писателя Ирины Стрелковой «Валиханов».[3] Следовательно, естествен вопрос: кто такой Султан-Газы Валиханов и чем примечательна его личность?

Судьба С. Валиханова была интересна уже тем, что он был первым казахом, удостоившимся чина полковника не по должности, а на действительной службе в русской армии. Дело в том, что в первой половине XIX в. в связи с упразднением института ханства и введением в степи окружной системы управления старшим султанам округов присваивались военные звания майоров и подполковников, а со временем они за службу удостаивались и чина полковника. Но стать полковником на армейской службе казахам, как правило, не было дано. Опасаясь антиколониального выступления казахов, царское правительство не призывало их в армию. Даже в кадетских корпусах Омска и Оренбурга, куда принимались отдельные представители казахской знати, запрещалось допускать их к занятиям по сугубо военным дисциплинам. Как писал Г.Н. Потанин: «Чокана выпустили годом раньше, чем его сверстников. Как инородца его нашли неудобным оставлять на тот курс, на котором читаются специальные военные науки: тактика, артиллерия, фортификация и др.»[4]

Но судьба Султан-Газы интересна не только тем, что он дослужился до высшего офицерского звания, но и тем, что его жизнь напрямую была связана с важнейшими событиями в политической жизни Казахстана во второй половине XIX - начале XX веков. К тому же он был весьма неравнодушен к судьбе своего народа, по мере возможности помогал соотечественникам, приезжавшим в столицу империи Петербург в поисках правды и справедливости. В силу указанных выше обстоятельств сочли небезынтересными жизнь и судьбу Султан-Газы Валиханова.

Чингизид, потомок знаменитого казахского хана Абылая, правнук Вали хана, деда Чокана Валиханова. Султан-Газы родился в семье султана Болата, сына Губайдуллы Валиханова - первого старшего султана

Кокчетавского округа. Хорошо осведомленный в семейной хронике Валихановых Г. Н. Потанин - однокашник и друг Чокана Валиханова, писал: «У хана Вали было две жены: от старшей жены был сын Габайдулла и другие; у младшей ханшы Айганым старший сын назывался Чингиз. После смерти Валихана киргизы (казахи - К.А.) объявили ханом Габайдуллу, но сохранение ханской власти в Орде не входило в расчеты русского правительства; Габайдулла был арестован и отвезен в ссылку в Березов, так и кончилось ханская власть в Орде».[5] Действительно, Губайдулла, обвиненный в связи с Кенесары Касымовым, был в 1839 г. сослан в Березов, откуда вернулся лишь в 1847 году.[6]

Точная дата рождения и смерти Султан-Газы Валиханова пока не известна, но если учесть то, что в 1857 г. он учился на первом курсе Сибирского кадетского корпуса в г. Омске, что можно предположить, что он родился в 1843-1845 гг. Дело в том, что с 1853 г. в корпусе устанавливался 7-летний (с подготовительным годичным классом) курс обучения.[7] В корпус принимались дети в возрасте 12-14 лет, поэтому можно считать наше предположение вполне обоснованным. Он учился весьма прилежно и был на хорошем счету у администрации кадетского корпуса. В 1857 г. Султан-Газы обращается к руководству учебного заведения с просьбой об официальном «именовании его султаном».[8] Просьба была удовлетворена. Этот эпизод позволяет судить об его честолюбивом характере и высокой самооценке.

С. Валиханов окончил кадетский корпус в 1863 году. В том же году началась национально-освободительное восстание в царстве Польском, входившем в состав Российской империи. Восстание было направлено против засилья царизма и за восстановление независимости Польши. Демократическая часть России глубоко сочувствовала восставшей Польше. Но царское правительство принимает решительные меры по подавлению восстания. Летом 1863 г. царизм усилил своё наступление на повстанцев. Против партизанских отрядов, действовавших на территории царства Польского, Литвы и Белоруссии, были двинуты крупные военные силы[9]. В составе русских войск был и молодой офицер Султан - Газы Валиханов. Как пишет И. Стрелкова: «Газы (т.е. Султан-Газы К.А.) успел отличиться при подавлении польского восстания в 1863 году.»[10]

В следующем, 1864 г. Султан-Газы принимает участие в походе русских войск над командованием полковника Черняева, направлявшегося, на завоевание юга Казахстана. Как известно, в этом походе, точнее в его начальном этапе, принимал участие и Чокан Валиханов. Но после визита г.Аулие-Ата (Тараз) ничем не оправданным штурмом с помощью артиллерии, Чокан Валиханов прерывает отношения с Черняевым и покидает отряд .

В своих воспоминаниях Г.Н. Потанин писал: «При взятии Аулие-Ата зверства русских войск над единоверцами Чокана или, может быть, и над соплеменниками его, т.е. над киргизами, огорчили его. Он увидел, что он не может более участвовать в военном походе, разошёлся с Черняевым и уехал в Верный...»[11]

Как пишет И. Стрелкова: «После взятия Аулие-Аты подал в отставку поручик Газы Валиханов.»[12] Но, в отличие от Чокана Валиханова, Султан -Газы, как пишет та же И. Стрелкова, «вновь окажется на службе. И где? В лейб-гвардия Атаманском его императорского величества наследника цесаревича полку.»[13]. К этому надо добавить, что служить в таком элитном, расквартированном в столице империи полку, возможно, было только по окончании военной Академии. По-видимому, это учебное заведение Султан-Газы окончил в начале 70-х годов. Но, так или иначе к 90-м годам он служил в указанной выше воинской части в чине полковника. По некоторым сведениям, он вышел в отставку в 1903г. в чине генерал-майора.

В своей книге И. Стрелкова в лице Султан-Газы Валиханова вывела образ отрицательного героя, эдакого карьериста, чинуши. Вот что он писала: «В поход на Аулие-Ата выпросился у своего начальника и поручик Гази Валиханов. К этому времени шустрый родич стал ёще более неприятен Чокану.»[14] Книга И. Стрелковой - художественное произведение, а не историческое хроника, поэтому она имела право на вымысел. И это ничуть не умоляет достоинство замечательной книги .

Тем не менее, мы думаем, что у Чокана и Султан-Газы Валихановых не было неприязненного отношения друг к другу. То, что Султан-Газы после ухода из отряда Черняева Чокана Валиханова подал в отставку и тоже подался в аул султана Тезека, говорит о многом. Султан-Газы женился на дочери Тезека, того самого султана Тезека, на сестре которого, по имени Айсары, женился Чокан Валиханов.

Положительно характеризуют Султан - Газы и архивные документы, включённые в «дело муллы Наурзбая Таласова».В своей докладной записке на имя военного губернатора Акмолинской области от 3 апреля 1903 г. крестьянский начальник Кокчетавского уезда Троицкий писал: «В Санкт-Петербурге в 1899г. я встречался с полковником гвардии Вали ханом (ныне в отставке). Приезд его в Кутуркульскую волость в места своей родины, где имеется его дом, ознаменовался целым рядом бесчинств и приглашением всех представителей народа на свидание ... Понятно, что игрой в заступничество за права народа, за религию его, попираемые православием».[15] Далее он называет в числе друзей С. Валиханова Мамбет-Али Сердалина, известного учёного, политического деятеля, находившегося под негласным надзором полиции; Айдархана Турлыбаева, в 1902 г. окончившего юрфак Петербургского университета,

в будущем одного из лидеров движения «Алаш»; Наурыз Хитрета, ученого-теолога, выступавшего против политики правительства по христианизации казахов; Шаймердена Кощигулова, будущего общественного деятеля, депутата Госдумы 1,2 созывов от Акмолинской области[16]. Следовательно, С. Валиханов пользовался большим авторитетом в среде известных общественных деятелей.

По записям известной писательницы Марии Свентицкой Г.Н. Потанин вспоминал: «...Раз, в глухую осень, к воротам подъехали лошади со звонками. Я подумал: «.... Ну еще куда-нибудь повезут!» (Г.Н. Потанин находился в ссылке в Вологодской области - К.А.). Но слышу, спрашивают Потанина, и хозяйка ведет кого-то ко мне...И что же? Чокан Валиханов!..

Я даже потерялся от радости.

Всю ночь мы просидели, не ложась, и говорили, и говорили... Чокан должен был на другой же день уехать, - так сложились его служебные дела (он был киргизским полковником).[17]

Если учесть то, что Г.Н. Потанин был осуждён в 1865 г. и содержался сначала в тюрьме, а в 1871-1874 гг.-в ссылке, то очевидно, что Чокан Валиханов, который умер в 1865г.никак не мог приехать к Потанину в Вологодскую область. А приезжал к нему, на наш взгляд, никто иной как Султан-Газы Валиханов, который был весьма похож на своего дядю - Чокана Валиханова. При виде Газы, вполне естественно, на Г.Н. Потанина нахлынули воспоминания о своём друге - Чокане Валиханове, и был он очень растроган.

Воссоздание биографии и деятельности Султан-Газы Валиханова требует своего дальнейшего исследования. Сведения об этапах его жизни, которыми мы располагаем, отрывочны и неполны, что не позволило реконструировать всю его военную и общественно-политическую деятельность. Однако, даже эти немногочисленные факты позволят судить о Султан-Газы Валиханове, как неординарном человеке, как патриоте своей страны.

Примечания

1. См. Қазақ Совет энциклопедиясы. II т. А., 1977.
2. Муканов С. Промелькнувший метеор: А., 1976,т.II.С.381.
3. Стрелкова И.Валиханов.М., Молодая гвардия.ЖЗЛ.1983.С.264.
4. Потанин Г.Н. Биографические сведения о Чокане Валиханове.// Валиханов Ч.Ч собр.соч.Т.5.А.-А.,1985.
5. Потанин. Г.Н. В юрте последнего киргизского царевича. Русское богатство.1896,№8.С.61.Подробнее о нём читайте: Абуеев.К.К. Кокшетау исторические очерки. Кокшетау.1997.С.159-171.

6. Марков С.И. Идущие к вершинам. А.,1982.Є148.
7. Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачев Н.М.Омский историко-краеведческий словарь. Омск 1994.С243.
8. Госархив Омской области. Ф.19.Оп 1.Д.87.Микросфич.
9. См: История СССР. Т II.М.,1954.С.445.
10. Стрелкова И.Указ. Книга. С.264.
11. Потанин Г.Н.Биографические сведения о Чокане Валиханове. //Валиханов Ч.Ч.Собр. соч.Т.5. С364.
12. Стрелкова И.Указ. Книга. С.270.
13. Там же. С.270.
14. Там же. С.270.
15. ЦГА РК.Ф.369. Оп.I. Д.871. Л.91.
16. Там же. Л.92-93.
17. Свентицкая.М. Воспоминания о Г.Н.Потанине. Ж.Северная Азия.1927.Кн.5-6.С117.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение..... 3

Часть первая. Абылай хан и его современники

Глава 1.Казахстан в начале XVIII века

1.1 Хозяйство..... 22

1.2 Население: этнический и социальный состав..... 30

1.3 Азь Жанибек - дальний предок хана Абылая..... 35

1.4 Основные вехи предыстории..... 40

1.5 Становление личности Абылая..... 48

Глава 2. Абылай - организатор всенародной борьбы против иноземных захватчиков

2.1 Джунгарское вторжение в Средний жуз в 1741 г. и его последствия..... 61

2.2 Внутриполитическое положение Казахстана в 40-е годы XVIII в 77

2.3 Абылай и казахско-джунгарские отношения в 1746 -1756 гг 88

2.4 Султан Абылай - организатор борьбы против цинской агрессии Становление базовых принципов казахско-китайских отношений 100

Глава 3.Абылай и развитие казахско-российских отношений

3.1 Истоки казахско-русских взаимоотношений 113

3.2 Принятие казахами Младшего и Среднего жузов подданства России 120

3.3 Политика Российской империи в Казахстане в 40-70 годы XVIII века 130

3.4 Абылай и развитие казахско-российских отношений..... 141

Глава 4.Государственная деятельность хана Абылая в 1771-1781 гг.

4.1 Экономическая политика хана Абылая.....159

4.2 Внутренняя политика хана Абылая.....169

4.3 Внешняя политика хана Абылая.....178

4.4 Личная жизнь хана Абылая.....192

Заключение 198

Примечания 208

Приложение 240

Перечень сокращений 246

Часть вторая. Абылай хан и его наследники

К.К. Абуев

Абылай Хан.
Современники и наследники

Редакционно-издательская группа:

Технические редакторы: Е. Муканов, Д. Ибраева
Дизайн: Е. Муканов

Подписано в печать 30.07.2013 г.
Формат 60x84/16. Усл.п.л. 17,99.
Гарнитура "Times New Roman"
Печать офсетная. Тираж 500 экз.

Изготовлено
в Рекламно-издательской компании «Әрекет»
г.Кокшетау, ул. Б.Момышулы, 41
Тел.: 8 (7162) 333-999, 252-888
www. areket.kz
e-mail: areket_kz@mail.ru

Абуев Кадыржан Кабиденулы

Известный историк, доктор исторических наук, заслуженный деятель Казахстана, почетный гражданин г. Кокшетау. Родился в ауле Талан Кокшетауского района Северо-Казахстанской области. Детско-юношеские годы прошли в ауле Жумуени Айыртауского района СКО. В 1957 году окончил Лавровскую среднюю школу, поступил на историко-филологический факультет Петропавловского пединститута. После окончания института с 1962 по 1969 годы работал директором школы, инструктором Кокшетауского обкома партии. В 1969 году был принят в штат преподавателей Кокшетауского педагогического института им. Ш. Уалиханова и направлен в целевую аспирантуру, которую проходил при кафедре истории КПСС Алматинского пединститута иностранных языков. С 1971 года по настоящее время работает в Кокшетауском государственном университете им. Ш. Ш. Уалиханова: старшим преподавателем (1971-1972 гг.), деканом по заочному обучению (1972-1975 гг.), с 1976 года заведующим кафедрой истории Казахстана.

К. Абуев - автор более 210 научных трудов, в том числе 8 монографий, двух словарей - политологического и исторического. Под научным руководством Кадыржана Кабиденулы подготовлены 4 кандидата исторических наук и 16 магистров истории, изданы три энциклопедии: Акмолинской области (2009 г.), Ч. Ч. Валиханова (2010 г.), Абылай хана (2013 г.).

Награжден почетными знаками МОН РК «За заслуги в развитии науки Республики Казахстан» (2006 г.), «Почетный работник образования Республики Казахстан». Удостоен почетного звания «Заслуженный деятель Казахстана» (2008 г.), «Почетный гражданин города Кокшетау» (2009 г.), «Лучший преподаватель вуза» (2006 г.), обладатель «Национального сертификата в номинации специалист года 2013».